

РСТ

РСТ

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

РУССКАЯ
ГЕРМАНИСТИКА

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИСТОВ

XI

ТОМ XI

РОССИЙСКИЙ
СОЮЗ ГЕРМАНИСТОВ

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИСТОВ

ТОМ XI

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМНОСТЬ И ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

ХІ СЪЕЗД РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ

КАЗАНЬ, 21—23 НОЯБРЯ 2013 ГОДА

Организаторы:

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Институт языкознания Российской академии наук*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ЗНАК
МОСКВА 2014

УДК 821.112.2.0

ББК 80

Р 88

Р е д к о л л е г и я :

Н. С. Бабенко (отв. редактор), *Д. Кемпер*,
Л. Ф. Нефедова, *О. А. Радченко*, *Н. Н. Трошина*

Р е ц е н з е н т ы :

д. ф. н. *А. М. Кузнецов* (Институт научной информации
по общественным наукам РАН)
к. ф. н. *Н. И. Рахманова* (Московский государственный
институт лингвистики)

Р 88 Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 11. — М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. — 320 с.

ISBN 978-5-9551-0739-4

В настоящий ежегодник включены тексты докладов одиннадцатой конференции Российского союза германистов «Языковая системность и дискурсивные практики», на которой были представлены преимущественно исследования отечественных и зарубежных специалистов в области лингвистической германистики. Ежегодник продолжает издание публикаций по материалам конференций, проводимых в рамках РСГ. Включенные в сборник статьи отражают проблематику, связанную с таким универсальным свойством языка, как системность, которая реализуется в разнообразных дискурсах. Материалы сборника дают представление о современных подходах к изучению проблем взаимодействия.

ББК 80

ISBN 978-5-9551-0739-4

© Авторы, 2014

© Языки славянской культуры, 2014

ISBN 978-5-9551-0739-4

9 785955 107394 >

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
<i>А. В. Кириллина.</i> Немецкий язык и дискурс глобализации	11
<i>О. А. Кострова.</i> Синтаксическая системность и некоторые инновативные тенденции в дискурсивных практиках	23
<i>Р. И. Бабаева, И. В. Кокурина.</i> Влияние дискурсивных факторов на семантику и функции немецких местоимений	35
<i>Н. Куфе.</i> Partiieller Kontextualismus: Zur Logik und rhetorisch-diskursiven Funktionalität koordinierender Konjunktionen im Deutschen und Russischen	44
<i>А. И. Гришаева.</i> Когнитивные фильтры и способы конструирования аксиологического фона языковыми средствами	61
<i>А. В. Кузнецов.</i> Методология изучения немецкого обиходного дискурса с помощью интернет-коммуникации	81
<i>Ж. В. Никонова.</i> Роль дискурсивных факторов в формировании функционально-прагматического потенциала речевого акта	89
<i>Е. В. Акулова.</i> Функционирование дискурсивных маркеров в различных ситуациях общения	99
<i>Р. С. Аликаев.</i> Критика языка в Германии эпохи раннего Просвещения	107
<i>А. В. Иванов.</i> Современный научный дискурс и развитие метаязыка немецкой лингвистики	116
<i>S. Katajewa.</i> Probleme einer metalinguistischen Beschreibung des fachterminologischen Instrumentariums	128
<i>Н. В. Герасименко.</i> Анализ дискурсивных практик конституционного права Германии, Австрии и Швейцарии с позиции национальной вариативности немецкого языка	137
<i>М. А. Кульцова.</i> Опыт фреймowego анализа единиц паремиологического дискурса (на материале немецких народных примет)	146
<i>Т. В. Гречушникова.</i> Поэтическая языковая игра в оппозиционных дискурсах ФРГ и ГДР	157
<i>Е. Н. Шевченко.</i> Эстетические эксперименты в драматургии Роланда Шиммельпфеннига	171
<i>I. Perevuschina.</i> Das Phänomen des autobiographischen Diskurses von T. Bernhard	180
<i>А. М. Нюбина.</i> Мемуарный текст как «культурогенный» феномен	190
<i>С. И. Дубинин.</i> Нижненемецкий как язык-посредник	203
<i>Б. А. Дубо.</i> Роль дихотомий в филиппо-рамистском гибриде немецкой грамматикографии	218
<i>М. Б. Чиков.</i> Валентность и дистрибуция немецкого глагола в языке и в речи	230
<i>Д. О. Добровольский, Е. Б. Кротова, И. С. Парина.</i> Корпусная лексикография (материалы мастер-класса)	237
<i>Т. В. Гречушникова.</i> Опыт общезилологического анализа поэтического текста: «Черная кошка» Р. М. Рильке (материалы круглого стола)	279
<i>Е. В. Соколова.</i> Художественный перевод и «метод последовательных приближений»: «Черная кошка» Р. М. Рильке (материалы круглого стола)	283

Рецензии

- Н. Н. Трошина.* Рец. на: Субъект познания и коммуникации: Языковые и межкультурные аспекты = Subject of cognition and communication: Linguistic and crosscultural perspectives: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А. В. Цурикова, А. Ю. Шипицина. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. — 619 с. 293
- Н. С. Бабенко.* Рец. на: *Д. О. Добровольский.* Беседы о немецком слове. Studien zur deutschen Lexik. М.: Языки славянской культуры, 2013. — 743 с. — (Studia Philologica). 295
- С. И. Дубинин.* Рец. на: *Viktor M. Schirmunski.* Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten / Hrsg. und kommentiert von L. Naiditsch. Unter Mitarbeit von P. Wiesinger. Aus dem Russischen übersetzt von W. Fleischer. Frankfurt/M.; Berlin: Peter Lang, 2010. — 832 s. 305
- А. В. Кузнецов.* Рец. на: Основные понятия немецкоязычного переводоведения: терминологический словарь справочник / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред. и сост. М. Б. Паренко. М., 2013. — 258 с. 311
- О. И. Таюпова.* Рец. на: *А. И. Гришаева.* Теоретическая грамматика немецкого языка, изложенная в форме тезисов и ключевых слов: Учебные материалы к курсу лекций (на немецком языке). Theoretische Grammatik des Deutschen in Stichworten. 2-е изд., испр. и доп. Воронеж, 2013. — 400 с. 314

ОТ РЕДАКЦИИ

Одиннадцатый съезд Российского союза германистов, посвященный теме «Языковая системность и дискурсивные практики», проходил 21—23 ноября 2013 года в г. Казани. В работе съезда принимали участие около 60 докладчиков из 20 городов России, а также коллеги из Германии. Пленарные и секционные заседания проходили в Казанском (Приволжском) федеральном университете. Президиум РСГ благодарен сотрудникам университета, взявшим на себя труд по организации и проведению съезда.

В отличие от предыдущих лет организации съездов РСГ с участием литературоведов и лингвистов на этот раз проведение мероприятия было задумано с преимущественным участием лингвистов. Тематика, предложенная для обсуждения на съезде, была связана прежде всего с лингвистическими аспектами развития отечественной германистики и обсуждением современных достижений в этой области. Помимо пленарных и секционных заседаний на съезде была организована работа в формате мастер-класса и круглого стола.

Предлагая широкую тематику, ориентированную на языковую системность и дискурсивные практики, организаторы съезда стремились подчеркнуть неразрывную связь системного и функционального аспектов в языке и направить исследовательскую работу на расширение представлений о системности немецкого языка и особенностях проявления этой системности в дискурсивной деятельности его носителей.

Языковая системность в общем смысле трактуется как ресурс речевой коммуникации, как консолидированная (сущностная) данность, в которой под влиянием дискурсивных процессов в разных типах коммуникации (устной, письменной, компьютерной) происходят разного рода новации на уровне лексики, грамматики, текста, стиля. Дискурс выступает источником новаций, которые преобразуют языковую системность в микро- и макросферах, и обеспечивает взаимодействие системного, узуального и инновативного.

Дискурс рассматривается как среда, в которой рождаются новые формы, новые значения, новые функции с возможностями сериализации и дальнейшей грамматикализации. Возникающие в дискурсах

тексты являются носителями новых языковых явлений и процессов, которые воспринимаются как часть языковой системности или, напротив, отвергаются как не свойственные ей.

Задача исследователей немецкого языка заключается в выявлении открытых и скрытых механизмов взаимодействия категорий языка, текста и дискурса в разных сферах коммуникации и на разных этапах его истории сквозь призму системности и функциональности языковых единиц. В фокус внимания попадают новейшие тенденции развития немецкого языка во всех дискурсивных средах (научной, религиозной, политической, медийной, компьютерной, педагогической, художественной, утилитарной, бытовой и пр.).

Предлагаемый ракурс изучения немецкого языка ориентирует на изучение влияния дискурсивных факторов, способствующих появлению новых значений и функций языковых средств, что является актуальным, поскольку XXI век знаменует принципиально новый этап в развитии немецкого языка в связи с проблемами мирового языка и/или регионального. В условиях новых вызовов требует осмысления комплекс проблем развития дискурсивных практик в многообразии их связей с языковой системностью, что может открыть новые пути изучения тенденций дальнейшего развития немецкого языка.

Основное содержание данного тома представлено статьями, выполненными на материале пленарных и секционных докладов. Дихрония языковой системности и коммуникативных практик составляет содержание статей С. И. Дубинина, Р. С. Аликаева и Б. А. Дюбо. Креативный потенциал дискурсивных практик рассматривается в статьях А. В. Кирилиной, Л. И. Гришаевой и Ж. В. Никоновой. Тенденции развития инновативных процессов обсуждаются в статьях на материале лексики (С. Г. Катаева, Е. А. Акулова), грамматики (Х. Куссе, Р. И. Бабаева, И. В. Кокурина, М. Чиков), фразеологии (М. А. Кулькова). Факторы развития дискурсов разных типов анализируются в статьях А. В. Иванова и Н. В. Герасименко. Методология изучения немецкого обиходного дискурса с помощью Интернет-коммуникации обсуждается в статье А. В. Кузнецова. Художественный дискурс в аспекте языковой креативности стоит в центре внимания таких авторов, как Т. В. Гречушникова, Е. Н. Шевченко, И. Р. Перевышина и Л. М. Ньюбина.

Материалы мастер-класса, посвященного корпусной лексикографии и задачам создания новых немецко-русских словарей, представлены совместной статьей Д. О. Добровольского, И. С. Париной и Е. Б. Кротовой. Обращение к этой теме и приглашение ведущих специалистов обусловлено значением электронных текстовых корпусов, а также актуальностью методик, разрабатываемых в рамках корпусной лингвистики. Авторы обсуждают вопрос о том, насколько текстовые корпуса (в том числе и корпуса параллельных текстов) могут оказаться полезным инструментом как в исследовании немец-

кого языка, так и в решении задач контрастивной лингвистики, то есть в описании особенностей функционирования форм немецкого языка в сопоставлении с русским. В центре внимания стоят лексические явления сопоставляемых языков и способы их представления в двуязычных словарях. Особо выделяются проблемы лексикографического представления межъязыковых лексических коррелятов для случаев, когда подобные соответствия не являются эквивалентными в точном смысле. Материалы мастер-класса дают отчетливое представление о составе параллельных корпусов, их практическом использовании в различных лингвистических исследованиях, а также в таких областях, как теория перевода, сравнительное литературоведение, культурология, автоматическая обработка текста и др. Авторы на многочисленных примерах демонстрируют способы работы для решения задач корпусной лексикографии.

На съезде был организован круглый стол, посвященный общепилологическому анализу художественного текста. Цель состояла в разработке такой схемы анализа, в которой бы продуктивно сочетались и обогащали друг друга лингвистические и литературоведческие методы анализа художественного текста как прозаического, так и стихотворного. Таким образом, задача заключалась в действительной реализации лозунга междисциплинарности, относительно которого весьма пронизательно высказалась Н. С. Автономова: «...он сейчас у всех на устах, но остается крайне расплывчатым: возникают области пересечений, где никто ни за что не отвечает, где интересы одной дисциплины лишь поверхностно связаны с интересами других дисциплин»¹. Определив, где односторонность подхода препятствует раскрытию художественной задачи текста, можно наметить последовательность шагов в проведении полноценного общепилологического анализа художественного текста.

Участники круглого стола приняли в качестве исходного для своих рассуждений следующий тезис Ю. М. Лотмана: «Вне учета достижений современного языкознания наука о литературе не выработает своей, насыщенной необходимой методологии структурного изучения художественных явлений, методологии, которая позволила бы избавиться от игнорирования художественной природы словесного искусства и от субъективизма в его истолковании»².

Для анализа были использованы глава „Das Glas Buttermilch“ из романа Уве Тимма „Johannisnacht“ и стихотворение „Schwarze Katze“ Р. М. Рильке.

В круглом столе участвовали в качестве основных дискуссионных лингвисты (Т. В. Гречушникова — Тверской гос. ун-т, В. Б. Меркурьева — Евразийский лингвистический институт, Иркутск), литера-

¹ Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. М.: РОССПЭН, 2009. С. 29.

² Лотман Ю. М. О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры // Вопросы языкознания. М., 1963. № 3. С. 52).

туроведы (А. Л. Вольский, А. И. Жеребин (Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург), а также Е. В. Соколова — переводчица обоих анализируемых текстов, член Гильдии мастеров литературного перевода.

Точки зрения, высказанные основными дискуссантами, активно комментировались и обсуждались всеми присутствовавшими.

Участники дискуссии на круглом столе пришли к общему мнению, что связующим звеном между лингвистическим и литературоведческим аспектами общефилологического анализа художественного текста является стилистика. Лингвистический анализ текста выявляет языковые маркеры протекания семантического и стилистического процессов в художественном тексте, которые могут быть содержательно-адекватно интерпретированы с помощью литературоведческого анализа, учитывающего эстетическое и социокультурное своеобразие эпохи создания анализируемого текста и творчества автора.

В настоящем Ежегоднике РСГ нашли отражение лишь материалы, посвященные обсуждению стихотворного текста.

Ежегодник завершают рецензии, освещающие публикации отечественных германистов по разным проблемам в области германского языкознания.

Президиум РСГ благодарит за поддержку Немецкую службу академических обменов (DAAD, Бонн).

А. В. КИРИЛИНА

(Московский городской педагогический университет)

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК И ДИСКУРС ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Несмотря на неоднозначное отношение ученых к проблеме глобализации [Gardt, Hüppauf 2004; Coupland 2010; Гриценко, Кирилина, 2010 и др.] и наличие целого ряда дискуссионных вопросов, существует ряд общих черт, который в связи с появлением мировых наднациональных процессов обнаруживают языки крупных, экономически и культурно развитых стран Европы, обладающие высоким коммуникативным рангом, разработанным письменным стандартом, богатым литературным наследием, большим количеством говорящих и сфер функционирования, — русский, немецкий, французский, итальянский, испанский. В самых общих чертах сходства в современном развитии коммуникативно мощных европейских языков сводятся к следующему:

1. Широчайшая экспансия глобального английского (Globalish) [Ammon 2004] и его воздействие на языки стран, где он распространяется; формирование оппозиции английский язык/неанглийские языки (non-english languages).

2. «Сокращение языка» (*submergence*) [Hüppauf 2004: 4]); вытеснение языков с высоким коммуникативным статусом из ряда сфер коммуникации, свойственных ранее лишь языкам развитых обществ — науки и международной коммуникации; усиление сходства в развитии языковых контактов языков с низким и высоким коммуникативным статусом.

3. Мощные миграционные процессы; диаспоризация; этнизация социальных групп; интенсификация языковых контактов; изменение социальной базы носителей ведущих языков; рост их негомогенности; гибридизация, образование пиджинизированных языков.

4. Рост языковой рефлексии и дискуссия о роли и месте языка в «постнациональном мире»; политизация вопроса о языке. Новое социально-философское осмысление языка.

5. Рост стихийных (неинституциональных) мер по защите ведущих языков Европы.

Предлагая считать глобализацию дискурсом, Н. Фэйрклаф называет пять ее основных агентов, не разделенных, однако, непроходимыми границами:

- академическая / научная среда;
- государственные структуры;
- неправительственные организации;
- СМИ;
- повседневная жизнь людей [Fairclough 2006: 5; перевод наш. — А. К.].

По нашему мнению, особый интерес представляет наблюдаемое в разных странах, в том числе и в Германии, несовпадение в оценке современных тенденций развития языка в сознании названных агентов, прежде всего это несовпадение в оценке научного сообщества и неинституциональных кругов — от негосударственных структур до частных лиц, то есть в восприятии «обычного» носителя языка и в «официальной» научной интерпретации. Этот факт и стал предметом обсуждения в нашей статье.

Академическое сообщество уже в 90-е гг. фиксирует рост озабоченности немцев состоянием своего языка и экспансией английского: обзор, подготовленный в 1997 г. Институтом немецкого языка в Мангейме, отмечает, что среди явлений современного развития языка англицизмы вызывают наиболее отрицательную оценку. В 2004 г. почти 60 % немцев считали тенденции развития языка вызывающими озабоченность [Eisenberg 2004: 121].

Мнение научного сообщества о динамике развития и судьбе немецкого языка неоднородно, однако критики глобализации находятся в явном меньшинстве. Доминирующей приходится признать позицию, представленную издателями книги „Globalization and the future of German” [2004] А. Гардтом и Б. Хюппауфом: «Никогда еще язык не становился предметом бурного и ожесточенного обсуждения в такой степени, в какой это происходило в десятилетия вокруг 2000 года. Особенно бурно полемика развернулась в Европе, поскольку европейские языки утрачивают свои традиционно прочные позиции, а их сообщества поставлены перед фактом превращения национальных языков в “малые языки”» [Gardt, Hüppauf 2004: ix; здесь и далее перевод наш. — А. К.]. Авторы предлагают подходить к вопросу с позиций постколониальных теорий глобализации, которые не фокусируются более на идее экспансии одной нации в системе наций, а выводят изменения из трансформации времени и пространства. Организаторы конференции намеревались «сосредоточиться на эффектах глобализации, а не на страхе доминирования и прийти к созданию нового понятийного аппарата, освободив его от бесплодной перспективы конфронтации, представляющей языки как вовлеченные в борьбу за выживание сущности» [Gardt, Hüppauf 2004: x]. Уже сама постановка вопроса имплицитно интерпретирует глобализацию и устранение нежелательных ассоциаций с борьбой языков.

Большинство авторов сборника считают опасения преувеличенными или оспаривают само существование проблемы [Busse

2001; Hoberg 2004; Eisenberg 2004; Braselmann 2004]. В 2013 году некоторые из них продолжают придерживаться той же точки зрения. Например, П. Айзенберг, проведя анализ англицизмов в немецком языке XX века, заключает: «Die weitaus meisten Anglizismen sind entlehnt, sondern im Deutschen gebildet. Ihre interne Struktur ist zu einem guten Teil unabhängig vom Englischen und den Verhältnissen im Deutschen angepasst. Der Anpassungsprozess hat sich im Lauf des 20. Jhdts. erheblich verstärkt» (http://www.akademienunion.de/pressemitteilungen/2013-Sprachbericht/Kurzfassungen_Themen_des_Berichts_HP_.pdf). Однако представленные автором результаты (например, тот факт, что англицизмы в значительной мере представляют собой гибриды («Weit überwiegend handelt es sich um Hybridformen, d.h. Mischungen aus Anglizismen und anderen Bestandteilen (*Jobberidee, Familiendinner, Babystuhl, Riesenbaby*). Sie sind meist nicht als Ganze entlehnt. Als Fremdwortbildungen folgen sie Regeln, die für Komposition im Deutschen gelten» [Там же]) могут интерпретироваться и по-другому.

Г. Штикель [Stückel 2009] очерчивает три направления, по которым может развиваться немецкий язык; одно из них — полная пиджинизация немецкого:

1) Несмотря ни на что во всех областях человеческой жизни немецкий язык будет использоваться в полном объеме.

2) Немецкий язык не исчезнет из немецкого языкового ареала, однако претерпит многочисленные изменения. Четыре поколения говорящих на нем превратят его постепенно в креол; под влиянием английского языка креолизация произойдет и в других европейских языках.

3) В период развития экономической и политической глобализации немцы полностью откажутся от стандартного варианта немецкого языка и вместо этого будут использовать американский вариант английского во всех областях жизни: в экономике, политике, науке, образовании, в профессиональной жизни и СМИ. Литературный вариант немецкого языка останется лишь в старых книгах и документах. Учебный предмет «немецкий язык» будет исключен из учебных планов школ, однако продолжит использоваться на исторических факультетах некоторых университетов. Немецкие диалекты превратятся в остаточное явление. Немецкий и другие европейские языки могут стать социально и функционально ограниченными региональными языками.

Г. Штикель не исключает возможность реализации третьего сценария и предупреждает, что в этом случае в европейских странах может постепенно развиваться диглоссия — функциональное двуязычие из традиционного и английского языков, причем использование неанглийских языков ограничится «F-областями» (*Familie, Freunde, Freizeit, Folklore*). Однако в этой сфере литературные формы языков вступят в конфликт со своими диалектами и языками меньшинств,

которые многие предпочитают для социально ограниченной коммуникации. Г. Штикель, однако, отмечает, что относительно большое число говорящих на немецком консервативно в языковом плане. Коммуникация между поколениями, несмотря на все современные особенности языка, противодействует столь радикальному языковому развитию. Количество говорящих на немецком в Европе приближается к 100 миллионам и поэтому его не ожидает участь, постигшая малые языки.

Отметим некоторую противоречивость научного дискурса в трудах тех, кто стоит на защите глобализации. С одной стороны, фиксируется ряд тревожных фактов, с другой — им дается «успокаивающая» интерпретация. Так, например, Г. Штикель пишет: «Преимущества надрегиональной ценности немецкого стандартного языка стабильно влияют на немецкий язык», что способствует развитию его функции как официального языка во многих государствах и регионах [Stickel 2009: 395]. Если ж мы обратимся к списку проектов, выполняемых Институтом немецкого языка (представлены на сайте этой организации — <http://www1.ids-mannheim.de/projekte/>), то обнаружим, что в их основе в большинстве случаев лежит постнеклассическое представление о языке как множественной сущности. Модель же целостного национального языка практически не использовалась буквально до последних лет. С некоторой натяжкой можно отметить лишь проект «Erkundung und Analyse aktueller Spracheinstellungen in Deutschland», начавшийся в конце 2008 г., а также завершённый в ноябре 2013 г. труд (в котором участвовали не только сотрудники Института немецкого языка) под названием «Reichtum and Armut der deutschen Sprache. Erster Bericht zur Lage der deutschen Sprache» (презентация которого состоялась 18 ноября 2013 г.; аннотация вышла в марте 2013). Доклад включает результаты ряда исследований, в том числе произведен подсчет немецкого вокабуляра в различные периоды и установлен рост словаря с 3,715 млн слов в 1905—1914 гг., до 5,045 млн слов в 1948—1957 гг. и 5,328 млн слов в 1995—2004 гг. Изучена также динамика англицизмов; установлен их рост с 1000 в 1905—1914 гг. до 11000 в 1995—2004 гг. Успокаивающий тон документа, состоящего из нескольких частей, вызвал неоднозначную реакцию в прессе (см. *die Welt* 22/03/2013 <http://www.welt.de/kultur/article114694278/Das-Gefuehl-des-Sprachverfalls-truegt-nicht.html>). И хотя появление названных проектов, несомненно, связано с общественной озабоченностью состоянием немецкого языка, СМИ вновь упрекнули академическое сообщество в игнорировании тревожных тенденций.

Модель национального языка дезавуируется и в современной лингвофилософии [подробнее см. Кирилина 2013]: это новое социально-философское осмысление понятия *национальный язык*, возникшее в связи с критическим переосмыслением понятия «нация» и разработкой социальной философии постнационального мира: «На-

ции, регионы и места, связанные с идентичностью и этничностью, всегда были конструктами. Воображаемыми сущностями. По определению, они результат культурного воображения и конструирования» [Hürpaufl 2004: 11]. С этой точки зрения национальный язык также конструкт, и следует «пересмотреть “органическую” связь между языком и его “исконными” носителями» [Yildiz 2004: 323]. Мощные миграционные потоки ведут к образованию гибридных языковых форм, что по-разному оценивается коренными немцами и мигрантами.

Называются новые свойства языка — мобильность, то есть «смещение языка и языковых событий с фиксированных позиций во времени и пространстве, атрибутируемых им более традиционной лингвистикой и социолингвистикой (сосюрковская синхрония), что влечет за собой смену парадигмы» [Blommaert 2010: 21], фрагментарность, усеченное использование (*truncated language*) [Там же] и сокращение (*submergence*) [Hürpaufl 2004].

Языки и их носители обнаруживают тенденцию противостоять лингвистической и культурной амальгамации, и это противостояние в большинстве случаев направлено против английского языка [Graselmann 2004: 99]. Однако это более ярко выражено в неинституциональной сфере. В Германии вопрос о языке вызвал к жизни обсуждение национальной проблематики, которая, как отмечает целый ряд исследователей, сознательно замалчивалась и считалась политически некорректной. В академических кругах выражения «национальная идентичность» избегают; а если все же заходит речь на сходные темы, по причинам исторического характера пользуются выражением «культурная идентичность» [Gardt 2004]. В ряде лингвофилологических рассуждений о современном состоянии немецкого языка ставится вопрос о том, почему немецкий столь легко сдает свои позиции. Отвечая на него, некоторые исследователи видят причину в недостаточно прочной немецкой идентичности и объясняют это общественной обстановкой и идейными тенденциями в Германии после 1945 г., когда молодым немцам последовательно прививалось чувство вины за преступление нацистского режима. Так, на взгляд Х. Й. Майера, безуспешные выступления в поддержку принятия закона о языке рассматриваются в Германии как «противоречащие духу политкорректности, который в современной Германии включает чувство национального смирения (an attitude of national humility)» [Meyer 2004: 80]. Х. Й. Майер утверждает: «Вопрос не в том, ослабляется ли немецкий язык в своей грамматической структуре или лексическом фонде, хотя и то и другое имеет место. Да и никто не отрицает, что обмен с другими языками и культурами ведет к взаимному обогащению. Речь, однако, идет о том, что на кону оказались культурный статус и роль немецкого не только потому, что наступает глобализованный мир. Немецкий не только в роли международного, но и в роли национального языка подвергается

угрозе, если не сумеет ответить на этот вызов времени. Иначе — и это несомненно — германское общество станет частью американской культуры» [Meyer 2004: 80—81].

Лингвисты, стоящие на национально-охранительных позициях, находятся в явном меньшинстве (см. например, [Dieter 2004]). Х. Х. Дитер утверждает, что слова — это не просто звуковые комплексы. Они — памятники культуры малого формата. Со смертью языков умирают типы мышления, углы зрения, способы восприятия, понятийные классификации действительности и их языковая передача и содержательная значимость [Dieter 2004: 141]. Названный автор считает, что оправдания упрощенного английского языка эпохи глобализации «сводятся к торжественным восклицаниям: “Он расширяет культурный обмен”; политическому заказу приветствовать его, поскольку он помогает преодолеть “шовинизм и провинциализм”; историческому низведению факта уничтожения языков “мы это уже наблюдали и ранее”; облачению факта в научные одежды “языковой эволюции”; натуралистической тривиализации — “язык очень жизнеспособен”» [Dieter 2004: 142].

Один из эффектов глобализации состоит в уходе национальных языков из научной коммуникации, что наиболее полно представлено в трудах Ульриха Аммона [Ammon 1990; 1998; 2000; 2002; 2003; 2004; 2004a; 2010]. Автор не питает иллюзий. Разделяющий его мнение К. Элих считает одной из возможных жертв глобализации лингвистическое разнообразие научной коммуникации и отмечает, что после Витгенштейна и лингвистического поворота всякая наука связана с языком. При научном многоязычии для каждого языкового сообщества гарантируется языковая и коммуникативная проницаемость между повседневным языком и языком науки. Это особенно важно для современных демократий, которые являются обществами знаний. Вопрос о языках науки, на взгляд К. Элиха, не в последнюю очередь связан и с вопросом о доступе к источникам знания [Ehlich 2004: 173 и след.].

Отмечается также, что небрежная языковая политика ведет к повышению риска для всех языков, кроме английского. Предоставление языковой политики силам рынка — национальным или наднациональным — это шаг в сторону большей доли английского и меньшей — национальных языков [Philipson 2004].

Повсеместно «народная» языковая рефлексия в значительной мере не совпадает с позицией научного сообщества. Лингвисты и современная лингвистика как их академическая дисциплина постоянно обвиняются в отсутствии истинного интереса к проблеме. Более того, это уникальный случай, поскольку в немецкой традиции никогда не было простого разграничения между академической работой над языком, с одной стороны, и популярной или даже популистской критикой языка — с другой [Eisenberg 2004: 122]. В Германии этот факт особенно примечателен, поскольку данная

страна отличается высочайшим вниманием к языку, его научному описанию и культивированию. Тем не менее сегодня большинство немцев озабочены тенденциями развития своего родного языка. С этим связан широкий размах стихийных «народных» мер по защите и сохранению языка.

Остро ставят вопрос неакадемические сообщества. Они обвиняют официальное языкознание и академические институты в игнорировании опасности и уклонении от ответственности за немецкий язык [Glück, Krämer 2000]. Союз немецкого языка (Verein Deutsche Sprache; VDS), основанный в 1997 г. и насчитывавший в 2004 г. 13 000 членов, а сегодня — 34 000 внутри страны и 16 000 за рубежом, видит свою цель в защите самоуважения и достоинства всех, чьим языком является немецкий. Все это сочетается с критикой глобализации, которая рассматривается как растущая зависимость от США. Роль союза весьма велика; его сайт демонстрирует высокую посещаемость и, несмотря на скептицизм многих членов академического сообщества [см. Schiewe 2001], пользуется популярностью. VDS проводит заметную работу по укреплению позиций немецкого языка, по противодействию экспансии английского. Так, сайт VDS содержит англо-немецкий конвертор, позволяющий любому посетителю заменить английское слово или выражение подходящим немецким. Выпускается перечень англицизмов на бумажном и электронном носителях: <http://vds-ev.de/anglizismenindex>. Цель перечня — зафиксировать приток англицизмов в немецкий язык и доказать оспариваемый многими лингвистами тезис о влиянии английского. К англицизмам даны и немецкие аналоги. Список постоянно обновляется и в 2012 г. содержал 7400 статей.

VDS включает ряд рабочих групп, которые занимаются различными сферами функционирования немецкого языка — англо-немецким языковым контактом, немецким в политике, науке, культуре.

В 2001 г. Создан Фонд немецкого языка. Его цель — сохранить, укрепить для будущих поколений немецкий язык, который представляет собой «общее достояние высочайшей ценности, выражение идентичности, полноценное средство повседневного общения, средство познания, мышления, общественного дискурса», и сделать его способным для выполнения новых задач (<http://www.stiftung-deutsche-sprache.de>). В состав правления и совета фонда входят профессура, представители экономики, юристы и политики.

Стихийные (неинституциональные) меры по защите и сохранению немецкого языка также приобретают весьма широкий размах и со стороны частных лиц.

Длительная и развитая традиция описания языка предопределила тщательность фиксации современного состояния немецкого языка. Помимо теоретического осмысления проблемы глобализации в связи с судьбой немецкого языка [Gardt; Hüppauf 2004], многолетнего анализа динамики функционирования немецкого языка в раз-

личных сферах коммуникации — научной, политической и т. д. — детально, с вниманием ко всем нюансам исследуется динамика словарного состава языка. Этот процесс стал еще более точным благодаря компьютерным технологиям и сознательности граждан. Так, имеется целый ряд сайтов, организованных профессиональными филологами или любителями, на которых каждый желающий может оставить данные о новых, исчезающих или исчезнувших словах. Ширится участие значительного числа граждан в различных (интернет-) проектах, посвященных немецкому языку. Назовем лишь некоторые.

Проект Бодо Мроцека (Bodo Mrozek). В 2005—2006 г. в двух томах вышла книга Б. Мроцека, посвященная исчезающими и исчезнувшим словам, — «Das Lexikon der bedrohten Wörter», в 2008 г. он был переиздан в одном томе. Автор собрал исчезающий лексический материал немецкого языка. Словарь слов, находящихся под угрозой исчезновения, имеет своей задачей описание культурно обусловленной истории исчезновения слова и продолжает тем самым традицию школы слов и вещей: с каждым словом, исчезающим из немецкого языка, в забвение уходит и его история, которая иногда длилась столетиями. Сохраняя эту историю, можно зафиксировать мельчайшие изменения в повседневности и в частной жизни людей — изменения, которые обычно не отмечает историческое описание. Книга многократно переиздана, а сбор материала превратился в интернет-проект (www.bedrohte-woerter.de). Сходный материал представлен в книге «Das Rotbuch Deutsch. Das Schwarzbuch Deutsch» [2006]: зафиксирована утрата 169 слов из языка ГДР, отмечен уход из немецкого языка французских заимствований. В целом книга содержит около 600 лексических единиц.

Аналогично действует интернет-проект Лотара Лемнитцера (Lothar Lemnitzer), посвященный неологизмам, — «Wörter von heute und morgen. Eine Sammlung von Neologismen. Laufend aktualisiert» (<http://www.wortwarte.de>).

Наряду с продолжающимся проектом «Слово года» (Das Wort des Jahres), реализуемым Обществом немецкого языка (Gesellschaft für deutsche Sprache) с 1991 г., по инициативе профессора Х. Дитера фиксируются и неудачные слова года (Das Unwort des Jahres) (<http://www.unwortdesjahres.net/>). С 1994 г. проект стал институционально независимым. Цель инициативы — повысить точность описания и пропагандировать гуманистическое использование языка. Негуманные слова и выражения должны стать порицаемыми и выводиться из употребления. Акция призвана привлечь внимание к функционированию языка в общественной сфере и тем самым способствовать языковой сознательности и развитию языкового чутья у населения. Она способствует критическому взгляду на общественную коммуникацию, привлекает внимание к словам и формулировкам, которые нарушают ясность изложения или являются негуманными, например:

- задевают человеческое достоинство;
- нарушают принципы демократии;
- дискриминируют отдельные социальные группы;
- представляют собой эвфемизмы, затушевывающие реальное положение дел или вводящие в заблуждение.

«Неудачные слова года», таким образом, стоят на защите нравственных оснований употребления языка [Schiewe 2001] .

Представляется, что появление и рост стихийных мер по защите немецкого языка можно объяснить несопадением восприятия немецкого языка в повседневности немцев и в академическом сообществе, в котором профессура связана статусом госслужащего. Институциональный дискурс поэтому более сдержан, более идеологизирован и менее критичен по отношению к состоянию немецкого языка.

Меняющаяся же сегодня на глазах геополитическая обстановка, вероятно, повлечет за собой изменения в языковой политике и в отношении к национальным языкам.

ZUSAMMENFASSUNG

Das Deutsche und der Globalisierungsdiskurs

Der Aufsatz gilt dem viel umstrittenen Verhältnis von Sprache und Globalisierung und setzt einen besonderen Akzent auf die besorgniserregenden Entwicklungstendenzen des Deutschen als einer kommunikativ starken europäischen Sprache. Es werden die Ansichten der akademischen Institutionen betrachtet sowie die "spontanen" nichtinstitutionellen Reaktionen und Maßnahmen zum Schutz und Pflege des Deutschen. Es wird festgestellt, dass die Wahrnehmung der Muttersprachler der Meinung der wissenschaftlichen Gemeinschaft oft zuwiderläuft, was das Entstehen von selbstinitiierten Projekten wie z. B. das von Bodo Mrozek bewirkt.

Литература

- Гриценко, Кирилина 2010 — *Гриценко Е. С., Кирилина А. В.* Язык и глобализация: задачи и направления социолингвистического анализа // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия Филология. 2010. № 6. С. 14—21.
- Кирилина 2013 — *Кирилина А. В.* Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. 2013. № 2 (18). С. 36—45.

Ammon 1990 — *Ammon U.* German or English? The Problems of language Choice Experienced by german-Speaking Scientists // P. Nel-

- de (ed.). *Language Conflict and Minorities*. Bonn: Dümmler, 1990. S. 33—51.
- Ammon 1998 — *Ammon U.* Ist Deutsch noch internationale Wissenschaftssprache? — English auch für die Lehre an den deutschsprachigen Hochschulen. Berlin; New York: de Gruyter, 1998.
- Ammon 2000 — *Ammon U.* Entwicklung der deutschen Wissenschaftssprache im 20. Jahrhundert // Debus Friedhelm, G. Franz Kollmann and Uwe Pörksen (eds.). *Deutsch als wissenschaftssprache im 20. Jahrhundert—Vorträge des Internationalen Symposiums vom 18./19. Januar 2000*. Stuttgart: Franz Steiner, 2000. S. 59—80.
- Ammon 2002 — *Ammon U.* Deutsch unter Druck von Englisch in Wissenschaft und Politik // R. Hoberg (ed.). *Deutsch, Englisch, Europäisch. Impulse für eine neue Sprachpolitik*. Mannheim, Dudenverlag, 2002. S. 139—151.
- Ammon 2003 — *Ammon U.* Global English and non-native speaker. Overcoming disadvantage // H. Tonkin and T. Reagan (eds.). *Language in the Twenty First Century*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2003.
- Ammon 2004 — *Ammon U.* German as an International Language of the Sciences — Recent Past and Present // A. Gardt, B. Hüppauf (eds.). *Globalization and the future of German*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. S. 157—172.
- Ammon 2004a — *Ammon U.* The Decline of German and the Rise of English as International Language of Sciences // Rüdiger Ahrens (ed.). *Europäische Sprachenpolitik European Language Policy*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2004a.
- Ammon 2010 — *Ammon U.* World Languages: Trends and Futures // *The Handbook of Language and Globalization / Ed. by N. Coupland*. Blackwell Publishing Ltd., 2010. P. 101—122.
- Blommaert 2010 — *Blommaert J. A.* *The Sociolinguistics of Globalization*.: Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 2010.
- Braselmann 2004 — *Braselmann P.* Language Policies in East and West. National Language Policies as a Response to the Pressures of Globalization // A. Gardt, B. Hüppauf (eds.). *Globalization and the future of German*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. S. 99—118.
- Busse 2001 — *Busse U.* // Typen von Anglizmen: von der heiligen Geist bis Extremsparing — aufgezeigt anhand ausgewählter lexikographischer Kategorisierungen // G. Stickel. (Hrsg.). *Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz: aktueller lexikalischer Wandel*. S. VII—VIII. Berlin; New York: de Gruyter, 2001. S. 131—155.
- Coupland 2010 — *Coupland N.* (ed.). *The Handbook of Language and Globalization / Ed. by N. Coupland*. D Blackwell Publishing Ltd., 2010.
- Dieter 2004 — *Dieter H. H.* Does „Denglish“ Differentiate our Perceptions of Nature? The View of a Nature Lover and Language „Fighter“ // A. Gardt, B. Hüppauf (eds.). *Globalization and the future of German*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. S. 139—154.

- Ehlich 2004 — *Ehlich K.* The Future of German and Other Non-English Languages for Academic Communication // A. Gardt, B. Hüppauf (eds.). Globalization and the future of German. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. S. 173—184.
- Eisenberg 2004 — *Eisenberg P.* German as an Endangered Language? // A. Gardt, B. Hüppauf (eds.). Globalization and the future of German. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. S. 121—137.
- Fairclough 2006 — *Fairclough N.* Language and Globalization. Routledge, 2006.
- Gardt 2004 — *Gardt A.* Language and National Identity // A. Gardt, B. Hüppauf (eds.). Globalization and the future of German. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. S. 197—209.
- Gardt, Hüppauf 2004 — *Gardt A., Hüppauf B.* (eds.). Globalization and the future of German. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
- Glück, Krämer 2000 — *Glück H., Krämer W.* Die Zukunft der deutschen Sprache. Eine Streitschrift. Ernst Klett Schulbuchverlag, 2000.
- Hoberg 2004 — *Hoberg R.* English Rules the World. What Will Become of German? // A. Gardt, B. Hüppauf (eds.). Globalization and the future of German. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. S. 85—95.
- Hüppauf 2004 — *Hüppauf B.* Globalization — Threats and Opportunities // A. Gardt, B. Hüppauf (eds.). Globalization and the future of German. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. S. 3—25.
- Meyer 2004 — *Meyer H. J.* Global English — A New Lingua Franca or a New Imperial Culture? // A. Gardt, B. Hüppauf (eds.). Globalization and the future of German. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. S. 65—83.
- Mrozek 2008 — *Mrozek B.* Lexikon der bedrohten Wörter. Reinbeck bei Hamburg. Rowolt Verlag, 10. Auflage (zuerst 2005), 2008.
- Phillipson 2004 — *Phillipson R.* English as Threat or Resource in Continental Europe // A. Gardt, B. Hüppauf (eds.). Globalization and the future of German. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. S. 47—64.
- Rotbuch Deutsch 2006 — Rotbuch Deutsch. Liste der gefährdeten Wörter. Schwarzbuch Deutsch. Liste der untergegangenen Wörter. Marixverlag, 10. Auflage (zuerst 2006), 2010.
- Schiewe 2001 — *Schiewe J.* Aktuelle wortbezogene Sprachkritik in Deutschland // G. Stickel (Hrsg.). Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz. Aktueller lexikalischer Wandel. S. VII—VIII. Berlin; New York: de Gruyter, 2001. S. 28—296.
- Stickel 2009 — *Stickel G.* Unvorgreifliche Erwägungen zum heutigen und zum künftigen Deutsch // Liebert Schwinn (Hrsg.). Mit Bezug auf Sprache. Festschrift für Rainer Wimmer. Tübingen, 2009. S. 381—400.
- Yildiz 2004 — *Yildiz Yasemin.* Critically „Kanak“: A Reimagination of German Culture German // A. Gardt, B. Hüppauf (eds.). Globalization and the future of German. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. S. 319—340.

Электронные ресурсы

www.bedrohte-woerter.de

<http://www.welt.de/kultur/article114694278/Das-Gefuehl-des-Sprachverfalls-truegt-nicht.html>

<http://www.vds-ev.de>

<http://www1.ids-mannheim.de/proekte/>

http://www.single-generation.de/kohorten/golf/bodo_mrozek.htm

http://www.akademienunion.de/pressemitteilungen/2013-Sprachbericht/Kurzfassungen_Themen_des_Berichts_HP_.pdf

<http://www.unwortdesjahres.net>

<http://www.wortwarte.de>

О. А. КОСТРОВА

(Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия)

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМНОСТЬ И НЕКОТОРЫЕ ИННОВАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

К постановке проблемы

Для того, чтобы язык выполнял свои функции, прежде всего коммуникативные, языковая система должна сохранять стабильность — иначе нарушится процесс взаимного понимания говорящих [Келлер 1997: 175]. Вместе с тем система языка не остаётся неизменной, в чём легко можно убедиться, обратившись к истории языка. Наиболее подвижна лексика; синтаксическая система наиболее устойчива к изменениям. Развитие языковой системы совершается в дискурсивных практиках, и понять его можно, только принимая во внимание все стороны функционирования языка: изменения «в формах бытования языка в речевых стилях и жанрах, в характере памятников, сдвигов в структуре слова, в его фонетической и морфемной организации, в составе и характере морфологических категорий» [Адомони 1963: 9].

Функционирование языка в условиях всеобщей компьютеризации не могло остаться изолированным от процессов, протекающих в электронных медийных дискурсах. Эти процессы, открывшие новые возможности оперирования с информацией, привели к созданию новых жанров, основанных на нелинейных принципах организации. Изучению новых жанров и особенностей функционирования языка в них посвящено уже немало лингвистических работ [ср., например, Горошко 2007; Клочкова 2009; Schmitz 2004]. Влияние новых жанров на систему языка в целом, в том числе на те языковые формы и жанры, которые остаются вне электронной сферы и функционируют традиционно в качестве печатных произведений, попало в поле зрения социопрагматики, изучающей, каким образом употребление языка зависит от социального контекста [Huang 2012: 141]. Ввиду молодости этой новой отрасли прагматики конкретные исследования намечающихся изменений употребления немецкого языка в разных жанрах нам неизвестны. Цель настоящей статьи со-

стоит в том, чтобы обнаружить те, на первый взгляд, незаметные перемены, которые на наших глазах происходят в синтаксической системе немецкого языка под влиянием электронных дискурсов, рекламы, а также социальных изменений, обусловленных облегчением доступа к информации. Материалом статьи послужили три типа дискурсов: художественный, публицистический и учебно-научный.

Электронная и рекламная коммуникация: характерные черты

Прежде чем перейти к анализу инновативных тенденций в синтаксисе, остановимся на особенностях электронной и рекламной коммуникации, которые, на наш взгляд, влияют на формирование упомянутых тенденций.

По выражению одного из первых исследователей электронного гипертекста Д. Кристалла, язык с появлением электронных носителей претерпел такую революцию, какой он еще не знал [Crystal 2001: 214]. Относится ли это утверждение только к употреблению языка в электронных носителях или сказывается на функционировании языка и в других сферах? Для начала обратимся к структуре электронной страницы — веб-сайта. Сайт начинается с домашней страницы, организованной соположением модулей, которые через систему ссылок разворачиваются в секвенции. Используя синтаксические аналогии, соположение модулей можно сравнить с сочинением, а их развёртку — с подчинением. Общий характер композиции домашней страницы определяется, таким образом, как модульный. Модули представляют фрагменты информации, а их соположение нередко имеет гибридный характер. Фрагментарность и гибридность организации информации составляют, по мнению У. Шмитца, ведущие тенденции в оформлении медиальных продуктов и способствуют ускорению процесса рассказывания [Schmitz 2004: 42—44]. На наш взгляд, — это будет показано ниже — аналогичные тенденции переносятся и на печатную продукцию.

Расчленение коммуникативного процесса на отдельные коммуникативные ходы создаёт диалогичность коммуникации. Разработчики сайта заранее планируют выделение определённых фрагментов информации, закладывая их в коммуникативный ход и предоставляя пользователю возможность выбора траектории движения. Кроме того, на сайте есть возможность обратной связи, представляющей прямую экспликацию коммуникативности. Диалогичность, как мы увидим ниже, тоже оказывает влияние на формирование инновативных тенденций в функционировании языка.

Восприимчивый к новым тенденциям «язык молодёжи», по мнению немецких учёных, находится под сильным влиянием культуры развлечения и рассеяния, насаждаемой средствами массовой информации, прежде всего электронными. Притягательными моментами

молодёжной коммуникации становятся в результате этого влияния бриколлаж, ирония и самоирония [Schlobinski, Niels-Christian 1998: 15]. Через авторов, прошедших школу такой молодёжной среды, названные тенденции проникают в публицистический и литературный дискурс.

Другие тенденции связаны с языком рекламы, в основе прагматики которого лежит воздействие на реципиента. Возможно, поэтому рекламные тексты особенно восприимчивы к нововведениям. Именно здесь так называемое неузуальное употребление выстраивается в систему, в которую включаются словообразовательные, морфологические и синтаксические нарушения. Среди синтаксических нарушений отмечается «выпрямление» порядка слов в придаточном предложении и опущение сказуемого в главном [Осмоловская 2014]. Такие нарушения, по нашим наблюдениям, прослеживаются и в нерекламных текстах, хотя и не в полном объёме.

Иновативные тенденции в художественном дискурсе

Для анализа художественного дискурса мы выбрали новый роман молодого швейцарского автора К. Крахта «Империя». В одной из рецензий на этот роман, вызвавший ожесточённые споры в немецкоязычной критике, читаем: «Крахт играет с героями. Крахт играет с языком и, в конце концов, со своей собственной персоной. Он вписывает в историю себя. Постоянно рассказывает о “нашем друге”, имея в виду Энгельгардта. Он переживает, страдает, — но никогда слишком» [Hoehne] (перевод наш. — О. К.). Не напоминает ли нам эта выдержка те тенденции в молодёжном языке, о которых шла речь выше? Согласимся с В. В. Красных [2013: 122] в том, что в эпоху перемен, в которую мы живём, крайне важно изучать язык в зависимости от окружающей среды. Окружающую среду представляют в нашем случае интернет-жанры и рекламные тексты. Излучаемые ими иновативные тенденции можно видеть в изменениях, которые происходят в самом наборе грамматических форм и разрядов [ср. Адмони 1963: 10] и распространяются на другие жанры и типы текстов.

Чем же примечателен текст К. Крахта? Прежде всего бросается в глаза усиление такого свойства предложения и словосочетания, которое В. Г. Адмони назвал портативностью, имея в виду способность языковых единиц «выступать в качестве цельных образований, не рассыпающихся на отдельные кусочки и способных донести от говорящего к слушающему своё сложное и разветвлённое содержание как нечто связанное» [Адмони 1963: 8]. Излюбленные Крахтом портативные словосочетания — это обособленные причастные обороты со стержневым причастием I, заменяющие придаточные определительные (см. пример 2), конструкции с абсолютным винительным

(1), столь редкие в стиле других писателей, вставки от автора или от персонажа (3), встречающиеся почти на каждой странице, распространённые причастные определения (4), которые не часто используются в художественной литературе. Типичны и обособленные приложения, выраженные словосочетаниями или отдельными существительными (5), а также постпозитивные обособленные определения, в том числе предикативные (6). Ср.:

(1) Eine Gruppe kahrlasierter Mönche eilte schwatzend vorbei, *ein jeder von ihnen einen schwarzen aufgerollten Regenschirm in der Hand*, safrangelb leuchteten ihre Kutten in der Nachmittagssonne. (2) Ein schlanker Fant im weißen Flanell brauste winkend auf einem Hochrad vorüber, *zweimal in rascher Abfolge den schwarzen Gummibalg der Hupe an seinem Lenker betätigend*. (3) Govindarjan wies mit einem Stock (*hatte er vorhin schon einen dabeigehabt?*) Richtung Tempel, und nun schickten sie sich an, (4) *die zum Tabernakel hinaufführenden Stufen zu besteigen* [Kracht 2013: 43].

(5) Die Villa Gunantambu, *der hölzerne Palast von Frau Forsayth*, lag ein paar Gehminuten vom Herbertshöher Ortsschild entfernt [Kracht 2013: 56 f.].

(6) Außerdem, ja, sie mochte ihn. Wie er dort saß, *bärtig, asketisch, mit dieser unmöglichen Frisur, und den wasserblauen Augen, mager wie ein Spatz* [Kracht 2013: 61].

Размер статьи не позволяет цитировать другие аналогичные примеры; приведём подсчёты. На первых 40 страницах романа писатель употребляет 45 парантез, выделяя их скобками, тире и в отдельных случаях запятыми; 32 обособленных причастных оборота со стержневым причастием первым и 23 со стержневым причастием вторым; 30 распространённых причастных определений и 4 конструкции с абсолютными падежами (3 абсолютных винительных и 1 абсолютный именительный). Это означает, что на каждой странице встречается в среднем более трёх портативных словосочетаний или вставных предложений, при этом большинство из них (за исключением групп существительного с распространённым причастным определением) являются обособлениями, представляющими либо самостоятельную, либо дополнительную предикацию. Если добавить сюда другие виды обособленных определений, картина будет ещё более внушительная. В усилении роли портативных конструкций в структуре предложения мы усматриваем ускорение темпа повествования, которое пытается угнаться за темпом мелькания картинок в электронных медиа.

Другое направление языковых инноваций, наблюдаемое на материале романа Крахта, связано с повышенным вниманием автора к выражению смены перспективы повествования. В исторической прагматике отмечается парадигмальный сдвиг от исследования системы морфологии, синтаксиса и семантики, бывших ранее приви-

легированными областями лингвистики, в сторону изучения прагматических категорий, таких, например, как субъективность и интересубъективность. На повестку дня встаёт поиск структурных корреляций этим понятиям [López-Couso 2010: 127]. В романе Крахта находим такие корреляции.

Структурными коррелятами субъективности и интересубъективности служат прежде всего вставные конструкции, которые мы называем прагматическими вставками [Кострова 2004: 91]. Такие вставки позволяют изменить перспективу повествования, при этом не только вводя иронизирующего автора (7), но и перемещая читателя во внутренний мир персонажа. При этом персонаж может переходить из позиции внешнего наблюдателя за событиями в позицию рассуждающего наедине с самим собой (3) или, наоборот, отстраняться от внешнего действия, фиксируя развёртывающуюся перед ним картину (8). Здесь мы, с одной стороны, чувствуем влияние фрагментарности, свойственной электронному медийному стилю, а с другой стороны, воспринимаем эту фрагментарность как портативную интересубъективность повествования. Ср.:

(7) In Port Said, vor einer halben Ewigkeit (*die in Wirklichkeit nur wenige Wochen gedauert hatte*) (...) hatte er das letzte Mal geweint, *ein, zwei fast satzlose Tränen*, aus Verzweiflung und aus dem dumpfen Empfinden, ihn verlasse nun zum ersten Mal wirklich der Mut [Kracht 2013: 32].

(8) Engelhardt ließ sich in den Salon der ersten Klasse zu Tische führen. Dort wurde ihm — *man saß auf schweren, neugotischen Stühlen, deren Rückenlehnen mit Roßhaar gefüllt waren, und ließ dabei die Blicke auf goldgerahmten Reproduktionen niederländischer Meister ruhen* — auf einen Wink Otos (...) ein Teller dampfender Nudeln und ein Schweinekotelett samt üppiger brauner Bratensoße serviert [Kracht 2013: 24].

Отметим, наконец, усиление ещё одной синтаксической тенденции, которая сама по себе не является новой, но требует тем не менее переосмысления в контексте отмечаемого многими лингвистами опрощения языка, в первую очередь языка электронной коммуникации. Речь идёт о расшатывании фиксированного порядка слов, что выражается не только в сокращении рамочной конструкции за счёт сегментирующих выносов за рамку, которые создают определённый ритм (9), но и в использовании эмфатического разговорного словорасположения в сложносочинённом (10) или в вопросительном (11) предложении. Ср.:

(9) Aus diesem Grunde fuhr er in die Südsee, die schon unendlich viele Träumer gelockt hatte *mit dem Sirenenruf des Paradieses* [Kracht 2013: 20].

(10) Die Frau schüchterte ihn ein, *war sie doch*, obwohl längst jenseits der fünfzig und trotz ihrer Leibesfülle, eine höchst attraktive Frau [Kracht 2013: 58].

(11) *Eine Plantage wolle er kaufen?* Sie habe genau das Richtige für ihn [Kracht 2013: 59]

Иновативные тенденции в жанре эссе

Жанр эссе, граничащий с публицистикой, легче воспринимает новации, чем художественные жанры. Это наблюдается на материале целого ряда феноменов. Отметим некоторые из них. В силу специфики жанра здесь наблюдаются черты, способствующие созданию перлокутивного эффекта. Одна из характерных особенностей эссе состоит в том, что автор, обращаясь к животрепещущим проблемам современности, не остаётся в стороне от этих проблем, выражая своё отношение к ним. Специальное исследование [Кострова (в печати)] показывает, что авторская позиция выражается не только эксплицитно через личные местоимения первого лица, но и имплицитно в отборе языковых единиц на роль грамматического подлежащего, что позволяет тематизировать проблему. Характерно при этом, что в функции подлежащего нередко выступают при этом портативные конструкции, в частности инфинитивные обороты. Они выражают концепты, которые не получили однословного языкового выражения [ср. Sperber, Wilson 2012: 43]:

(12) *Die Tochter meiner Mutter zu sein*, hilft mir an diesem Nachmittag nicht weiter [Strubel 2010: 14].

Обратимся к инновациям, касающимся группы существительного и пунктуации. К ним мы относим: употребление сокращений, аналогичное стилю кратких электронных посланий (SMS) (13) или общепринятых сокращений, заимствований из рекламы (14); усиление аналитических черт в структуре группы существительного, а именно утрату генитивного окончания в сильном склонении (15); использование многочисленных англо-американских заимствований в группе существительного (16); сближение с пунктуацией, свойственной английскому языку, а именно отсутствие запятой при интерпозиции придаточного предложения (17). Отсутствие запятой перед придаточным может комбинироваться с выпрямлением порядка слов, что создаёт амбивалентную конструкцию, которая может рассматриваться как неоформленная пунктуационно прямая речь (18). Ср.:

(13) Ihre SMS beenden sie mit „LG“, was für „Liebe Grüße“ steht [Scheuermann 2012: 42].

(14) Suche Mitarbeiter der Hauptabteilung XVIII *des MfS* zwecks Romanrecherche. Anonymität garantiert [Strubel 2010: 13].

(15) Sie will nicht länger als schwächliches Geschöpf betrachtet werden (...), beklagt aber gleichzeitig den Niedergang *des Gentleman* [Scheuermann 2012: 42 f.].

(16) Warum sonst würde sie so häufig betonen, dass sie jederzeit bereit sei, in die Arme ihres *Lovers* zu sinken? [Scheuermann 2012: 43].

(17) *Der Mann mit dem* ich verabredet bin, zögert [Strubel 2010: 14].

(18) Wie leicht lässt sich *die Frage wer bin ich*, dadurch umgehen! [Strubel 2010: 15].

Авторы эссе прибегают к прямой оценочности, оформляя её в виде простых нераспространённых предложений, что сближает их стиль с рекламным слоганом. В эссе можно встретить такие утверждения, как (19). Оценочность сочетается порой с горькой иронией, граничащей с сарказмом (20), выражающей нежелание создавать впечатление сложности (21). Ср.:

(19) *Das spart Zeit* [Scheuermann 2012: 42].

(20) *Sie will Spaß. Sie will Sex* [Scheuermann 2012: 42].

(21) Vor allem ist sie Tag und Nacht damit befasst, *nicht kompliziert zu wirken. Das ist das Tragische an ihr* [Scheuermann 2012: 42].

Иновативные черты в научно-учебных текстах

Восприимчивость к новациям проникает и в научно-учебные тексты, ориентированные прежде всего на молодёжную аудиторию. Если сравнить учебники, изданные в середине прошлого века, с учебными изданиями последних лет, то мы обнаружим значительные изменения. Изменения касаются не только внешнего оформления, насыщения текста многочисленными рисунками и графиками, но и использования синтаксических конструкций, направленных на повышение интерактивности текста. Для анализа мы выбрали учебник по межкультурной коммуникации, который выдержал уже 3 издания. Выбор обусловлен новизной, актуальностью и проблемностью предмета, который активно вводится в вузовские образовательные программы в России.

Одним из основных приёмов создания интерактивности в этом учебнике можно считать многофункциональное использование вопросительных предложений. Они могут употребляться в содержании и на полях в качестве заголовков и подзаголовков, нацеливающих на размышление при обсуждении теоретических проблем. Автор не хочет навязывать читателю своё определённое мнение, побуждая его к совместному рассуждению. Например, обсуждая межкультурную ситуацию, связанную с парковкой, автор даёт обсуждению вопросительный заголовок на полях *Eine Deutung?* [Heringer

2010: 72], призывая читателя задуматься над тем, чем было вызвано замечание о необходимости изменения парковки. Возникает вопрос, нужно ли вообще обсуждение такой, казалось бы, незначительной ситуации. Однако практика показывает, что именно в бытовом общении выявляются порой наши межкультурные пристрастия [ср. Дейк ван 2013]. Обсуждая различный статус грайсовских мак-сим, автор задаётся вопросом, есть ли у них общая цель, и вопрос этот вынесен в качестве подзаголовка на поля: *Ein gemeinsames Ziel?* [Heringer 2010: 73].

Вопросы могут задаваться сериями, затрагивая разные стороны обсуждаемой проблемы. Характерно при этом, что вопросы появляются не в разделе собственно заданий (хотя и этот традиционный приём используется, ср., например, 22), а в авторском тексте. Так, автор побуждает читателя задуматься над терминологическими проблемами понимания, формулируя их в ряде вопросов (23), ставит перед читателем серию вопросов относительно сущности семьи (24) и под. Читатель вовлекается, таким образом, в процесс рассуждения; поставленные вопросы могут навести его на другие мысли, которые автором не обсуждаются, поскольку вопрос оставляет ответ в известной степени открытым, тем более что автор не отвечает на него буквально, а иногда умышленно переадресует ответ читателю. Ср.:

(22) Metakommunikativ ist zum Beispiel die Regel, dass man nicht unterbrechen soll.

Wie fühlen Sie sich, wenn ein Sprecher Sie darauf hinweist und bean-spricht, dass er weiterreden darf?

Wie reagieren Sie?

Hatten Sie gute Gründe zu unterbrechen? [Heringer 2010: 69].

(23) Was ist unter Verstehen zu verstehen? Taugt der Begriff als Terminus einer wissenschaftlichen Theorie? Ist er nicht allzu vielschichtig und mit allerlei theoretischen Reflexionen imprägniert? [Heringer 2010: 46].

(24) Was ist, wenn keine Kinder da sind?

Geht es nur um blutverwandte Kinder?

Was sind Eltern? Ein gleichgeschlechtliches Paar? [Heringer 2010: 42].

Синтаксические инновации не могут не взаимодействовать с инновациями лексическими. Это взаимодействие выражается, например, в том, что синтаксические конструкции «впитывают» иноязычную, прежде всего англоязычную, лексику. Англоязычные заимствования используются чаще всего в терминологии; в этом можно видеть стремление к аутентичности, которое проявляется к тому же и в дословном использовании протяжённых англоязычных цитат. Заимствованные термины, как правило, не ассимилируются, существительные пишутся с маленькой буквы, даже если они стоят с артиклем (25). В некоторых случаях в сложное существительное вставляется немецкое слово (26), в других случаях оставляется

английский вариант, несмотря на то что есть аналогичное немецкое слово (27). Ср.:

(25) Konversation wird auch als turn-taking-game bezeichnet [Heringer 2010: 57]. Es zeigt, dass das turn-taking klappt [ibd.].

(26) Realer turn-Wechsel [ibd.: 56].

(27) Adjacency pairs sind nicht formal bestimmt [ibd.].

В научных и учебных текстах проявляется тенденция, обусловленная общественным развитием, а именно движением эмансипации, — тенденция к феминизации языка. Вместо местоимения *er*, которое, как правило, употребляется для обозначения лиц без специального обозначения пола, теперь может использоваться местоимение женского рода *sie*, которое можно расценивать как обозначение общего рода (28):

(28) A gibt den turn frei, *sie* signalisiert dem B diesen Wunsch an einem TRP [Heringer 2010: 55].

Видимо, под влиянием английского языка происходит «выпрямление» порядка слов даже в тех случаях, когда предложение короткое и части аналитической формы сказуемого оказываются в контактной позиции, как в самостоятельном (29), так и в придаточном предложении (30):

(29) Alle Aspekte werden beachtet ohne methodische Einschränkung [Heringer 2010: 52].

(30) Das Lügen ist ein komplexer Akt, der *bestimmt ist* durch das Eingreifen des reziproken Wissens der Partner [Heringer 2010: 136].

Для облегчения понимания используются параллельные структуры, в которых повторяются ключевые понятия (31):

(31) Unser Wissen manifestiert sich in Erwartungen:

Erwartungen, was Partner tun,

Erwartungen, wie alles weitergeht,

Erwartungen, wie eine Äußerung oder ein Satz fortzusetzen ist [Heringer 2010: 139].

Выводы

Проведённое пилотное исследование приводит нас к заключению, которое мы расцениваем как предварительное, поскольку полученные результаты должны быть проверены на более обширном материале. Тем не менее выскажем наши соображения.

Основной вывод, который можно сделать, состоит в том, что синтаксическая система современного немецкого языка сохраня-

ет свою стабильность. Изменения проявляются в виде некоторых инновативных тенденций, не затрагивающих основания системы. Тенденции эти создают определённую синтактико-стилистическую вариативность, которая несколько по-разному реализуется в различных дискурсивных практиках. В художественном дискурсе вариативность выражается в сегментации предложения на портативные словосочетания, создающие фрагментарность, кинематографичность стиля и обеспечивающие возможность частой смены перспективы повествования. В публицистическом дискурсе, к которому мы относим жанр эссе, вариативность проявляется за счёт усиления персуазивного компонента высказывания, а также насыщения высказывания англицизмами и более свободного оперирования орфографией и пунктуацией в плане её сближения с англоязычными нормами. Научно-учебный дискурс воспринимает интерактивность и аутентичность медийного стиля, что приводит к активному использованию вопросительных конструкций, с одной стороны, и англоязычных терминологических вкраплений и цитаций, с другой. Стремлением к выравниванию с европейскими нормами объясняется, по-видимому, «выпрямление» порядка слов, написание заимствованных существительных с маленькой буквы и пропуск генитивного окончания в сильном склонении существительных. Последние из перечисленных явлений ещё не настолько частотны, чтобы отнести их к тенденциям; тем не менее, будучи сведены в систему, они проявляют, на наш взгляд, направление развития.

Литература

- Адмони 1963 — Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963.
- Горошко 2007 — Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5. Орел: Картуш, 2007. / Текстология.RU [форум] <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=76> (дата обращения 5.02.2014)
- Дейк ван 2013 — ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. URSS, 2013.
- Келлер 1997 — Келлер Р. Языковые изменения. О невидимой руке в языке / Пер. с нем. О. А. Костровой. Самара: Педуниверситет, 1997.
- Клочкова 2009 — Клочкова Е. С. Лингвопрагматические особенности электронного гипертекста на немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара: СГПУ, 2009.
- Кострова 2004 — Кострова О. А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. М.: Флинта. МПСИ, 2004.

- Кострова (в печати) — *Кострова О. А.* Грамматический субъект и субъект речи в жанре эссе // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты.
- Красных 2013 — *Красных В. В.* Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 122—130.
- Осмоловская 2014 — *Осмоловская И. Г.* Система неузуальных языковых явлений в текстах рекламы (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2014.
- Crystal 2001 — *Crystal D.* Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Hoehne — *Hoehne B.* „Unbedenklichkeitserklärung“ <http://www.belletristik-couch.de/christian-kracht-imperium.html>
- Huang 2012 — *Huang Y.* The Oxford Dictionary of Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- López-Couso 2010 — *López-Couso M. J.* Subjectification and Intersubjectification // A. Jucker und I. Taavitsainen (ed.). Historical Pragmatics. De Gruyter Mouton 2010. P. 127—164.
- Schlobinski, Niels-Christian 1998 — *Schlobinski P., Niels-Christian H.* (Hrsg.). Jugendliche und 'ihre' Sprache. Sprachregister, Jugendkulturen und ihre Wertesysteme. Empirische Studien. Opladen. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1998.
- Schmitz 2004 — *Schmitz U.* Sprache in modernen Medien: Einführung in Tatsachen und Theorien, Themen und Thesen / U. Schmitz. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2004.
- Sperber, Wilson 2012 — *Sperber D., Wilson D.* The mapping between the mental and the public lexicon // D. Wilson and D. Sperber. Meaning and Relevance. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 31—46.

Источники

- Heringer 2010 — *Heringer H. J.* Interkulturelle Kommunikation. 3. Aufl. Tübingen: Narr Francke Attempto Verl., 2010.
- Kracht 2013 — *Kracht C.* Imperium: Roman. Frankfurt/M.: Fischer, 2013.
- Scheuermann 2012 — *Scheuermann C.* Lieber nicht. // R. Kellermann (Hrsg.). Der Essay. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2012. S. 39—45.
- Strubel 2010 — *Strubel A. R.* Das wankelmütige Ich // Ebd., S. 13—15.

ZUSAMMENFASSUNG**Syntaktische Systemhaftigkeit
und einige innovative Tendenzen
in diversen diskursiven Praktika**

In dem Artikel wird der Einfluss der elektronischen Medien und der Reklame auf den Sprachgebrauch im künstlerischen, publizistischen und wissenschaftlichen Ausbildungsdiskurs untersucht. Es wird festgestellt, dass dieser Einfluss in diversen diskursiven Praktika unterschiedlich realisiert wird. Die aufgespürten Tendenzen betreffen jedoch keine Grundlagen des syntaktischen Systems, sondern ermöglichen syntaktisch-stilistische Variationen.

Р. И. БАБАЕВА, И. В. КОКУРИНА
(Ивановский государственный университет)

ВЛИЯНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ ФАКТОРОВ НА СЕМАНТИКУ И ФУНКЦИИ НЕМЕЦКИХ МЕСТОИМЕНИЙ

В современном обществе потребления человек нередко сталкивается с названиями торговых марок, названиями телепередач и сайтов, которые содержат местоимение, а порой лишь им и ограничиваются. Стали привычными номинации «Твое» (торговая марка одежды для молодежи), «Я» (сок), «Мы» (роман Е. Замятина), «Мы и Бурда моден» (сеть магазинов и учебных центров), журналы «Ваша свадьба», «Ваш семейный доктор», «Ваш дом», «Наш сад», «WINX Твой стиль» (журнал для девочек, равнодушных к моде и творчеству), «Сам» (журнал домашних мастеров), «Я сам» (центр раннего развития детей), «Он и она», «Я мама» (женские журналы), «Мой малыш» (магазин товаров для новорожденных), «Ты» (название песни). «Они и мы», «Ты и я», «Жди меня» (телепередачи), «Свой дом» (название строительной компании), «Наши» (молодежное движение), «Мы» (молодежное движение). Такой широкий спектр использования местоимений не является случайным и обусловлен их богатым прагматическим потенциалом. Создатели рекламы умело эксплуатируют семантику местоимений, стремясь через воздействие на подсознание с помощью этих слов достичь желаемого результата.

О том, что в местоимения может вкладываться дополнительный смысл, свидетельствуют и устойчивые фразы, в которых основное внимание фокусируется на местоимениях: «Я-то я, да ты-то что ж?», «Я ли, не я ли буду», «Кому как не ему».

В политическом дискурсе ораторы также очень активно и искусно используют местоимения в манипулятивных целях. Одним из самых излюбленных и частотных является прием генерализации сторонников точки зрения говорящего, который основан на употреблении местоимения *мы* с размытым содержанием. Данная особенность применения указанного местоимения в русском языке уже отмечалась в лингвистических исследованиях, посвященных речевой манипуляции [Копнина 2007: 77].

Все вышеуказанные факторы позволяют предположить, что местоимения вследствие своей дейктической природы и неопределен-

ной семантики легко наполняются дополнительным содержанием, которое формируется дискурсивными условиями и намерениями говорящего. При частом употреблении слова в определенных ситуациях происходит появление коннотативных компонентов в значении единицы, которые постепенно закрепляются и становятся прагматическим компонентом в семантике слова. В дальнейшем эти прагматические значения в отдельных контекстах выходят на первый план.

В лингвистической литературе неоднократно отмечались особенности семантики немецких местоимений в **обиходном дискурсе** [Девкин 1994; Бабаева 2008]. Остановимся на отдельных случаях нестандартных употреблений местоимений в повседневной речи.

Местоимения *mir*, *dir* в условиях обиходного дискурса могут по своим функциям сближаться с модальными частицами, т. к. они используются в речи для создания определенной тональности и помогают подчеркнуть интенции говорящего. Это так называемые формы «датовус этикус» (формы «участия и заинтересованности») [Девкин 1994: 173]. Они служат для выражения эмоциональности, заинтересованности, причастности к сообщаемому: Du bist **mir** aber einer! Du bist **mir** ein Früchtchen! Du bist **mir** vielleicht ein Schlaumeier! Hier in dieses Zimmer kommst du **mir** nicht rein! Das soll sauber bleiben! Das sind **mir** Zustände hier! Neulich traf ich einen Schulkameraden. Das war dir vielleicht eine Überraschung! Das war dir ein Lärm! [Девкин 1994: 173].

Употребление данных форм для выражения эмоциональности ограничивается ситуациями повседневного общения, здесь они воспринимаются как уместные. Но иногда подобные употребления *mir*, *dir* могут встретиться и в иных дискурсивных условиях, где они служат для имитации устной речи и достижения определенного прагматического эффекта. Например, заголовок статьи о роли модератора в современном медийном мире содержит местоимение *mir*: „Du bist **mir** ja ja ne Marke — Journalisten als Marke. Trend der Zukunft?“. Статья имеет аналитический характер и написана в серьезном тоне, а использование разговорной формы в заголовке призвано подчеркнуть, что обсуждаемая далее мысль о том, что модератор в современном мире становится брендом, является распространенным мнением и заголовок представляет собой фразу, услышанную автором статьи в реальном мире¹.

В условиях обиходного дискурса широко распространено употребление личного местоимения *du* для привлечения внимания и выражения отношения к собеседнику. На такое использование данного местоимения обратил внимание В. Д. Девкин: «Встречается

¹ См.: интернет-ресурс: <http://dietreblogger.de/du-bist-mir-ja-%C2%B4nemarke-journalisten-als-marke-trend-der-zukunft/> (дата обращения — 25.01.2014).

семантическая специализация в особых синтаксических условиях, например: *Du, aber jetzt muss ich mich beeilen. Du, ich habe eine Bitte! Du, eigentlich freue ich mich auf das Fest.* Это *du* когнитивно избыточно и употреблено парентезно для придания речи эмоциональности, близости, не отмеченной в словарях. Это не обращение, а скорее эмоциональная частица» [Девкин 2005: 113]. Большое количество подобных примеров встретилось при анализе реальных диалогов.

B: *nee / das is bei mir nich so
wenn ich viel abnehme
dann nehm ich auch ab
und das sieht man dann auch
aber / öm / am Samstag abend
da habichen Jungen gesehen
also ganz schlank / hem*

A: *hm*

B: *aber was danach kam / **du!*** [Brons-Albert 1984: 32].

Если в приведенном выше примере местоимение *du*, придающее высказыванию эмоциональность, употреблено в конце фразы, то в другом примере рассматриваемое нами слово передает эмоциональность, находясь в препозиции к основному высказыванию.

A: *och/ hasde/ hat deine Schwester wenigstens
einigermaßen nette Schwiegereltern bekommen?*

B: *ich war verblüfft
als ich die gesehen hab*

du / *das is so ne genau Kopie meiner Eltern* [Brons-Albert 1984: 66].

В данных диалогах *du* используется для передачи эмоциональности говорящего, является показателем симметричных отношений коммуникантов и маркером неофициальности ситуации.

Как отмечается в словаре издательства Duden, в условиях обиходного дискурса для усиления прагматического эффекта может применяться и местоимение *man*: *er soll **man** ruhig sein!* [Duden]. В приведенном примере слово *man* выступает в функции модальной частицы и усиливает директивный эффект высказывания.

В **детском дискурсе** местоимения могут использоваться также в нехарактерных для них значениях. Так, местоимение *du*, повторенное дважды со специфической интонацией, становится шутливой угрозой, адресованной ребенку. Это значение слова *du* зафиксировано в словаре издательства Duden: „*Du, du! scherz. Drohung gegenüber kleinen Kindern*“ [Duden].

Для данного выражения детский дискурс является характерной сферой употребления. Использование данного выражения в другом типе дискурса осуществляется для достижения определенного

прагматического эффекта. Так, в одной из газет в качестве заголовка статьи употребляется „Du, du! Du böser Du!“ для создания иронии. В сообщении речь идет о мерах по предупреждению использования допинга в велоспорте. Далее в тексте статьи данное высказывание повторяется еще раз: „Autsch! Da traut sich gewiss keiner mehr! Endlich Ruhe im Karton, am besten, der richtungsweisende Kodex beginnt wie folgt: Du, du! Du Böser du!“²

Обиходному дискурсу, рассматриваемому как неинституциональный дискурс, противопоставляются разнообразные типы институционального дискурса. В рамках институциональных дискурсов встречаются употребления местоимений, значения и функции которых отличаются от основных значений и функций этих слов. К таким случаям можно отнести притяжательные местоимения в устоявшихся формах обращений, принятых в тех или иных дискурсивных условиях. Так, обращение к ректору в официальной среде сопровождается притяжательным местоимением: *Eure Magnifizenz* (**академический дискурс**). Такие обращения можно встретить в официальных письмах и официальных выступлениях. Приведем в качестве примера начало одного из открытых писем, адресованных ректору университета г. Вены:

Seine Magnifizenz Rektor
Univ. Prof. Dr. Georg Winckler
Universität Wien
georg.winckler@univie.ac.at
Offener Brief

Wien, 7. Mai 2009

Betr.: Veranstaltung mit Norman Finkelstein: Israel-Palestine, Roots of Conflict- Prospects for Peace

Eure Magnifizenz,

sehr geehrter Her Professor Dr. Winckler,

Wir haben erfahren, dass für den 27. Mai 2009 eine Vortragsveranstaltung mit Norman Finkelstein auf dem Universitätscampus (ehemaliges AKH), Hörsaal C1 geplant ist. Er soll über den israelisch-palästinensischen Konflikt sprechen und es ist davon auszugehen, dass er einmal mehr seine krude und gefährliche These, wonach die „Zionisten“ den Holocaust dazu nützen würden, um jede Kritik an israelischer Politik zum Verstummen zu bringen, vortragen wird³.

Другой пример иллюстрирует использование притяжательного местоимения в составе клишированного обращения в официальной речи, с которой выступил бургомистр Гейдельберга в стенах мест-

² См. интернет-ресурс: <http://www.sueddeutsche.de/sport/doping-im-radsport-du-du-du-boeser-du-1.734638> (дата обращения — 25.01.2014).

³ См. интернет-ресурс: <http://www.arendt-art.de/deutsch/palestina/offenerbrief-contreras-winckler.pdf> (дата обращения — 25.01.2014).

ного университета (обращение к ректору — *Eure Magnifizenz*, к декану — *Eure Spektabilität*):

Eure Magnifizenz, Herr Professor Eitel,
sehr geehrter Herr Bundespräsident Wulff,
sehr geehrte Frau Ministerin Bauer,
Honorabilis,

Eure Spektabilität,

sehr geehrte Festgäste,
im Namen aller Bürgerinnen und Bürger dieser Stadt, des Gemeinderats
und auch ganz persönlich darf ich unserer Ruprecht-Karl-Universität, Ihnen
allen, dem Lehrkörper, den Mitarbeiterinnen und Mitarbeitern, aber auch
den Studierenden zum 625-jährigen Jubiläum ganz herzlich gratulieren⁴.

Средством создания определенной тональности и показателем отношений между адресатом и адресантом являются и местоимения, сопровождающие обращения и подписи в письмах и выступлениях: *meine, eure*.

При исследовании **политического дискурса** также были обнаружены местоимения, основной функцией которых является создание желаемого прагматического эффекта.

Рассмотрим использование личного местоимения *wir* и притяжательного местоимения *unser* в публичных выступлениях политических лидеров. Выше мы говорили о том, что отечественные лингвисты обратили внимание на дополнительные функции русского местоимения *мы* в политическом дискурсе. В немецкоязычном политическом дискурсе аналогичное местоимение также широко используется ораторами для формирования доверия к сказанному со стороны слушателей. В результате реципиент, не анализируя получаемую информацию, либо автоматически причисляет себя к номинируемым инициаторам действия, либо производителю действия, наоборот, остается непонятым. Многочисленные примеры этому мы находим в выступлениях бундесканцлера Германии Ангелы Меркель: „Meine Damen und Herren, man könnte den Eindruck bekommen, **wir** haben alles geschafft. Aber **wir** wissen, dass **wir** auch heute in unserer Zeit Mut brauchen: den Mut, Freiheit jeden Tag durchzusetzen“ (речь Ангелы Меркель по поводу открытия музея свободы Villa Schöninghen). Семантике местоимения *wir* здесь присуща некая размытость, поскольку остается непонятным, кто конкретно означает данной лексемой: народ, правительство, присутствующие. Такая размытость местоименного значения позволяет воспринимать сказанное в отношении абсолютно любого человека, заставляя тем самым слушателя неосознанно причислить себя к непосредственным участникам указанных событий. Установка в основном делается на то, что люди воспринимают суждения с местоимением *wir* без критики, как свои

⁴ См. интернет-ресурс: http://625.uni-heidelberg.de/rede_ob_wuerzner.html (дата обращения — 29.01.2014).

собственные, с его помощью создается впечатление единения слушателей. Указанная лексема актуализирует «эмоциональную память», и индивид неосознанно включает в свой внутренний мир установки, взгляды и цели других людей, которые он воспринимает.

Представляют интерес и местоимения в лозунгах политических партий. В ходе анализа политических лозунгов австрийских партий, которые были созданы в ходе подготовки к выборам в Национальный Совет 2008 и 2013 гг., обнаружилось, что большинство лозунгов представляет собой обещания, поэтому местоимение *wir* является одним из употребительных слов в данных текстах. С точки зрения доминирующей коммуникативной цели все лозунги следует рассматривать в качестве директивных речевых актов, т. к. они призывают пополнить ряды сторонников партии и отдать свой голос за эту партию или ее представителя на выборах. Но чаще всего лозунги являются не прямым призывом, а представляют собой косвенный директивный речевой акт, призыв скрывается за иными формами. Адресант стремится подвести потенциальных избирателей к желаемому действию «окольным путем», т. е. через какое-либо дополнительное коммуникативное действие. Выбор дополнительного коммуникативного действия зависит от стратегии адресанта, который, например, обещая, создает собственный позитивный имидж. В большинстве проанализированных лозунгов встретилось местоимение первого лица множественного числа, которое придает лозунгу тональность обещания: „**Wir** schaffen das: leistbare Pflege“, „**Wir** schaffen das: Sichere Heimat“, „Mit sicherer Hand für Österreich **Wir** kämpfen für Österreich“, „Mit sicherer Hand für Österreich **Wir** kämpfen für faire Bildung“, „Mit sicherer Hand für Österreich **Wir** kämpfen um jeden Arbeitsplatz“, „Mit sicherer Hand für Österreich **Wir** kämpfen für sichere Pensionen“, „Höchste Zeit für Nächstenliebe **Wir** senken Mieten, Steuern und Gebühren“, „Steuern runter! **Wir** sichern... ÖVP“. В приведенных лозунгах можно говорить о дополнительных прагматических функциях лексемы *wir*, она является в данных дискурсивных условиях маркером речевого акта обещания, которое должно убедить адресатов послания отдать свой голос за рекламируемую партию или выдвигаемого политика.

В начале статьи были приведены примеры использования местоимений в российском **рекламном дискурсе**. В немецкоязычной действительности создатели рекламы также стремятся использовать местоимения для актуализации определенных знаний и создания пресуппозиций и имплицатур, которые могли бы побудить реципиента совершить определенное действие.

Указательные и личные местоимения в рекламе реализуют обобщенно-личное значение. Они не указывают на конкретное лицо, а подразумевают всякого, кто читает текст, они ориентированы на реципиента вообще. Mein Garten, Mein Baby, Mein Leben & Ich, Meine Küche, Mein Haus, Mein Auto, ich & mein Auto — названия пе-

редач, магазинов, изданий журналов, сайтов, выставок. Благодаря местоимению *mein* формируется пресуппозиция, что реципиент уже принял решение и включил себя в число пользователей услуг или владельцев товаров. Это стратегия создания рекламы с позиции реципиента.

Идея «мы для тебя» лежит в основе названий с местоимением *dein*, например название строительной фирмы Deinhaus должно вызвать у реципиента мысль, что фирма готова создать дом именно для данного клиента; автомобильный салон DeinAuto24 подчеркивает на своей интернет-странице, что цель его сотрудников состоит в том, чтобы выполнить все желания клиентов. В данном случае речь не идет о том, что машина принадлежит «тебе», а с помощью местоимения актуализируется пресуппозиция: «Мы знаем, что это тебе необходимо / подходит», и далее имплицитно реципиент ставится в положение владельца рекламируемого товара («Бери — и она твоя»). Это вызывает ассоциации с реальными фактами из нашей жизни. В советские времена цыгане в сельской местности ходили по домам и навязчиво предлагали разные товары. Такая «продавщица», утомленная уговорами, иногда кидала или совала почти насильно товар в руки потенциальной покупательнице и говорила: «Он твой, бери!» Механизм действия местоимения в рекламе такой же, как и в действиях той цыганки, только вот все, что говорила эта горе-продавщица, завуалировано, но конечный эффект такой же — заставить клиента почувствовать себя владельцем до того, как он решился на покупку / на услугу.

Рекламные тексты и слоганы также могут создаваться таким образом, что основной акцент делается на клиенте. На интернет-странице одного из банков посетители не могут не заметить надписи „Mensch, Deine Bank!“⁵.

С помощью местоимений формируется пресуппозиция: «Это уже свершившийся факт, что человек уже принял решение воспользоваться предполагаемой услугой», это мы можем наблюдать в тех случаях, когда вместо распространенного «Как нас найти» появляется «Ваш путь к нам» („Ihr Weg zu uns“), вместо рубрики «Наши предложения» — «Машины для тебя» („Autos für Dich“).

Остановимся кратко и на вопросе об употреблении местоимений в **электронном дискурсе**. Личные местоимения, в особенности местоимения первого лица *ich* и *wir*; очень часто используются в адресах различных сайтов в Интернете, например: www.ich.org, www.was-studiere-ich.de, www.ich-und-ich.de, www.ich-will-lernen.de, www.ich-bin-gut.de, www.wirkaufens.de, www.wir.de.

Притяжательные местоимения также активно используются в электронных адресах: <http://www.deine-tierwelt.de/>, <http://www.>

⁵ См. интернет-ресурс: http://625.uni-heidelberg.de/rede_ob_wuerzner.html (дата обращения — 29.01.2014).

deinauto24.com/, <http://www.meinauto.de/>. На наш взгляд, выбор данных местоимений для адресации не является случайным. Интернет-адреса, содержащие предложения (ich-will-lernen, was-studiere-ich, ich-bin-gut и другие), напрямую коррелируют с установками, вопросами и желаниями пользователей, ищущих в интернете необходимую информацию, поэтому пользователи, во-первых, быстро ориентируются в сайтах с подобными наименованиями и, во-вторых, легко и просто их запоминают и могут к ним вернуться. Следует отметить, что к подобной адресации своих сайтов прибегают организации самого разного вида. Так, например, зайдя на страничку www.ich-bin-gut.de, пользователь попадает в Федеральное агентство труда в Германии, а интернет-адрес www.ich-will-lernen.de приведет на официальную страницу объединения так называемых народных [вечерних] университетов, где любой желающий может посещать общеобразовательные курсы (Volkshochschulverband).

В рамках данной статьи мы остановились лишь на тех случаях употребления немецких местоимений, когда дискурсивные условия позволяют местоимению расширить его семантический и функциональный потенциал и «выступить на коммуникативной сцене» в необычном для него амплуа — в качестве актуализатора определенных presuppositions и импликатур, в качестве средства создания желаемой тональности повествования, в качестве индикатора иллокутивной составляющей высказывания. За кажущейся порой избыточностью и неуместностью употребления местоимений скрывается важный (порой манипулятивный) смысл, понять который можно только при учете прагматических факторов и при учете особенностей типа дискурса.

Литература

- Бабаева 2008 — *Бабаева Р. И.* Нестандартные употребления местоимений в немецком обиходном дискурсе // Современный немецкий язык: состояние и развитие: Сб. науч. статей. Вып. 1. М., 2008.
- Девкин 1994 — *Девкин В. Д.* Немецко-русский словарь разговорной лексики. М., 1994.
- Девкин 2005 — *Девкин В. Д.* Немецкая лексикография. М., 2005.
- Копнина 2007 — *Копнина Г. А.* Речевое манипулирование: Учеб. пособие. М., 2007.
- Brons-Albert — *Brons-Albert R.* Gesprochenes Standarddeutsch: Telefondialoge (Studien der deutsche Grammatik. Bd. 18. Tübingen, 1984.
- Duden — *Duden.* Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bänden auf CD-ROM. PC-Bibliothek. Version mit Plus-Paket.

ZUSAMMENFASSUNG**Einfluss der diskursiven Faktoren auf die Semantik
und Funktionen von deutschen Pronomen**

Im Beitrag werden die deutschen Pronomen in diversen Kontexten betrachtet. In verschiedenen Diskursarten bekommen diese Lexeme oft neue oder zusätzliche Schattierungen in ihrer Semantik und erfüllen pragmatische Funktionen. So können sie in der mündlichen Kommunikation der emotionellen Färbung beitragen. Im politischen oder Mediendiskurs wird auch ihr pragmatisches Potential erfolgreich eingesetzt: mit Hilfe von Pronomen werden gewünschte Präsuppositionen, Bilder und Gestalten im Bewusstsein aktualisiert, und die Rezipienten werden unbemerkt zu bestimmten Schlussfolgerungen gelenkt.

HOLGER KUSSE

(Dresden)

**PARTIELLER KONTEXTUALISMUS: ZUR LOGIK UND
RHETORISCH-DISKURSIVEN FUNKTIONALITÄT
KOORDINIERENDER KONJUNKTIONEN IM DEUTSCHEN
UND RUSSISCHEN**

1. Wann ist ein Baum ein Baum? Der partielle Kontextualismus

In der hessischen Stadt Kassel findet seit 1955 alle fünf Jahre die *documenta*, eine der weltweit größten Ausstellungen der Gegenwartskunst statt, vergleichbar mit der Biennale in Venedig. Bestimmte Kunstwerke ziehen während der Ausstellung, die über die ganze Stadt verteilt in Ausstellungsräumen, aber auch im Straßenbild und in Parks zu sehen ist, immer wieder besondere Aufmerksamkeit auf sich und werden zum Symbol oder Leitmotiv des ganzen Events. Auf der *DOCUMENTA (13)* 2012 war dies ein Kunstwerk des italienischen Künstlers Giuseppe Penone (*1947) mit dem Titel *Idee di Pietra (Ansichten eines Steins)*¹. Es wurde bereits 2010 in der Karlsaue, einer weitläufigen Parklandschaft in der Kasseler Innenstadt, direkt unterhalb der wichtigsten Ausstellungsgebäude errichtet. Auf einer großen Wiese erhebt sich ein Stamm mit wenigen knorrigen Ästen ohne Zweige und Blätter, die als Krone einen eiförmigen Gegenstand halten, der aussieht wie ein großer, schwerer Granitfindling. Die Skulptur ist markant und wurde auf der *DOCUMENTA (13)* schnell zum Mittelpunkt, Treffpunkt für Jongleure und Frisbeespieler und zu einem Ort, sich zum Besuch der Ausstellung oder überhaupt in der Kasseler Innenstadt zu verabreden. Um den Verabredungsort zu benennen, gebraucht aber wohl kaum jemand den symbolträchtigen Titel *Idee di Pietra*. Sehr viel bekannter ist die Skulptur, die auch nach der Ausstellung im Park verblieb, als *Penone-Baum*. Mit dieser Kombination aus dem Eigennamen des Künstlers und einem Gattungsnamen ist der Gegenstand eindeutig benannt. Missverständnisse bei Verabredungen oder Referenzprobleme beim Gespräch über das Kunstwerk sind nicht zu erwarten. Was jedoch berechtigt die Sprecher, im Falle von *Idee di Pietra* von einem *Baum* zu sprechen? Ikonisch wiederholt die Skulptur die bekannte Form von Stamm und Ästen. Der Stamm weist optisch die Merkmale einer Baum-

¹ <http://commons.wikimedia.org/wiki/File:PenoneKasseld13.JPG>

rinde auf. Mehr Argumente lassen sich jedoch nicht finden. Ein Baum dieser Größe trägt keinen Granitfindling in der Krone. Die Krone würde sofort zusammenbrechen. Botanisch ist *Idee di Pietra* alles andere als ein Baum. Es handelt sich um eine Bronzeskulptur. Dennoch akzeptieren wir die Bezeichnung dieses Gegenstands als *Baum* und erleben damit keine kommunikativen Widerstände.

Dass Bezeichnungen semantisch dem Bezeichneten nicht gerecht werden, aber als Bezeichnung kommunikativ funktionieren, kommt nicht nur in der Welt pittoresker Kunstwerke vor, in der spätestens seit Surrealisten wie Marcel Duchamp (1887—1968) oder René Magritte (1898—1967) mit eben diesem Widerspruch gespielt wird². Vermeintlich eindeutige Bezeichnungen, deren tatsächliche Vagheit nicht wahrgenommen wird, da sie kommunikativ so lange keine Probleme bereiten, wie ihre Bedeutungen nicht hinterfragt werden, sind ein alltägliches Phänomen. Von Vagheit sind kein sprachliches Element und kein Begriff ausgenommen. „Wir sind uns zwar im großen und ganzen einig, was wir bspw. als *Tisch* bezeichnen“, stellt Christian Wirth in seiner sprachphilosophischen Dissertation *Kernbedeutung und Verstehen* fest: „Aber es gibt auch hier viele unklare Fälle: Sind Arbeitsplatten in der Küche Tische? Sind Blumenständer mit vier Füßen Tische, sobald sie eine bestimmte Höhe haben? Wäre eine Konstruktion ein Tisch, die aus einer Platte besteht, die an vier Ketten von der Decke hängt? Denken wir an Bäume: Wäre eine zwanzig Meter hohe Pflanze, die eine große Blüte an der Spitze trägt, ein Baum? Oder eine Blume?“³ Tischler und Botaniker haben für solche Fälle in der Regel eindeutige Klassifikationskriterien, doch diese Klassifikationen gehen weder zwangsläufig in das Alltagswissen aller Sprecher einer Sprache über, noch sind sie notwendig kommunikativ relevant.

Was jedoch ist kommunikativ relevant? Von dieser Frage aus wird in der pragma-semantischen Theorie, die ich als *partiellen Kontextualismus* bezeichne⁴, die Bedeutung von Lexemen, Begriffen und Äußerungen untersucht und eingegrenzt. *Bedeutung* wird im partiellen Kontextualismus als Zeicheninhalt und als Inhalt von Verstehensprozessen in der Kommunikation definiert. Vorausgesetzt wird, dass Bedeutungen von Äußerungen und Äußerungsteilen verstehbar und damit Bedeutungen in der Kommunikation sind, wenn von den Kommunikationspartnern ein sinnvoller Bezug zur Äußerungssituation hergestellt werden kann. Verständliche Äußerungen setzen verstehbare Bedeutungen voraus, die

² *Kuße H.* „Dies ist keine Pfeife“ — Magrittes Sprachbilder zur Einführung in die Semantik. Ein didaktischer Vorschlag // T. Anstatt, R. Meyer, E. Seitz (Hrsg.). *Linguistische Beiträge zur Slavistik aus Deutschland und Österreich*. VII. JungslavistInnen-Treffen. Tübingen/Blaubeuren 1998. München, 1999. S. 183—198.

³ *Wirth Chr.* *Kernbedeutung und Verstehen*. Paderborn, 2009. S. 13.

⁴ *Kuße H.* *Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung*. Göttingen, 2012a. S. 97—100; *Ders.* *Kulturwissenschaftliche Linguistik*. // C. Földes (Hrsg.). *Interkulturelle Linguistik im Aufbruch. Das Verhältnis von Theorie, Empirie und Methode*. Tübingen, 2011. S. 117—136, hier: S. 130—131.

dann gegeben sind, wenn sie situativ und — auf makrokommunikativer Ebene — kulturell passen⁵.

Kehren wir zum Baum-Beispiel zurück: Mit *Baum* wird eine biologische Entität bezeichnet, die bestimmte Merkmale aufweist, bei der sich beim mitteleuropäischen Sprecher und Hörer aber auch ein Prototyp einstellt, der ungefähr einer Buche entspricht. Mit *Baum* kann aber auch ein Gegenstand aus Gips bezeichnet werden, der keine biologische Entität ist. Ob nun die biologischen Merkmale wichtig sind oder nicht, hängt von der Äußerungssituation und ganz wesentlich von der Sprechhandlung ab. VERABREDEN sich z.B. zwei Personen „am Baum“ in einer Shopping mall, so spielt es keine Rolle, ob es sich um einen botanischen Baum oder einen Gipsbaum handelt, und zwar aufgrund der Sprechhandlung VERABREDEN, in der nur die Wiedererkennbarkeit des Verabredungsortes, nicht aber seine Beschaffenheit kommunikativ relevant ist⁶. Es ist in diesem Fall auch nicht wichtig, ob der Baum aus Gips oder einem anderen Material besteht. Dasselbe gilt beim *Penone-Baum* in Kassel, solange er als Verabredungsort in der Kommunikation vorkommt, ändert sich jedoch, wenn über das Kunstwerk als Kunstwerk gesprochen wird. Im ästhetischen Diskurs kann das Material, Bronze, in der Bewertung des Objekts zum Argument werden, möglich ist auch, dass in ihm die Bezeichnung der Skulptur als *Baum* hinterfragt wird, die in der Sprechhandlung VERABREDEN in der Alltagskommunikation unstrittig ist. In rechtlichen oder politischen Zusammenhängen (z.B. in einer Diskussion darum, wann etwas ein Baum ist, der nicht gefällt werden darf), treten wieder andere Bedeutungsmerkmale in den Vordergrund. Der Diskurs und die Kommunikationssituation sind andere und auch die Sprechhandlung ARGUMENTIEREN, die in ihnen dominiert, unterscheidet sich signifikant von der Sprechhandlung VERABREDEN, in der z.B. die für ARGUMENTIEREN wichtige Teilhandlung BEWERTEN irrelevant ist.

In eindeutig kontextualistischer Perspektive, wie sie zum Teil in der Konversationsanalyse eingenommen wird, wird davon ausgegangen, dass Bedeutungen in der Kommunikation fortlaufend neu ausgehandelt werden⁷ und deshalb auf die Vorstellung ‚fester‘, invarianter Bedeutungen, die kontext- und konversationsunabhängig sind, verzichtet werden muss⁸. Das ist jedoch nicht zwingend. Aushandlungsprozesse können

⁵ Kuße H. 2012a. S. 98; Ders. 2011. S. 130; vgl. auch Helmut Feilkes Begriff der Common sense-Kompetenz // Feilke H. Common sense-Kompetenz. Überlegungen zu einer Theorie „sympathischen“ und „natürlichen“ Meinens und Verstehens. Frankfurt/M., 1994; vgl. darin seine Analyse von Karl Bühlers Begriff *Sphärengeruch* am Beispiel der Verwendung des Ausdrucks *Radieschen*: ebd. S. 222–225.

⁶ Kuße H. 2012a. S. 99.

⁷ Deppermann A. Grammatik und Semantik aus gesprächsanalytischer Sicht. Berlin; New York, 2007; A. Deppermann, Th. Spranz-Fogasy (Hrsg.). be-deuten: Wie Bedeutung im Gespräch entsteht. Tübingen, 2002.

⁸ Das konversationslinguistische Argument ist nicht das einzige, dass gegen Invarianz vorgebracht wird. Auch im Rahmen des Referenzialismus, in

auch Entdeckungsprozesse semantisch vorliegender Bedeutungen bzw. Bedeutungsmerkmale sein, die pragmatisch in der Kommunikationssituation aktiviert werden. Die kommunikativ bedingte Varianz in der Bedeutungsaushandlung ist unter dieser Voraussetzung die Aktivierung des jeweils pragmatisch relevanten Potenzials der invarianten Bedeutung eines Ausdrucks. Die semantische Beschreibung muss aus diesem Grund die möglichen kommunikativen Rahmenbedingungen des Gebrauchs eines Ausdrucks mit einbeziehen, was innerhalb des Einbettungsmodells, das ich für die *Kulturwissenschaftliche Linguistik* vorgeschlagen habe, geschehen kann⁹. In diesem Einbettungsmodell wird jedes Vorkommen eines sprachlichen Objekts im Hinblick auf den Diskurstyp (z.B. des religiösen, politischen, ökonomischen, wissenschaftlichen Diskurses), die Textsorte und den aktuellen Äußerungskontext untersucht. Diese Einbettung wird in Beziehung zum sprachlichen Objekt als solchem, d.h. zu seiner diskurs-, textsorten- und kontextunabhängigen Form und Bedeutung gesetzt. Beide müssen zusammenpassen, damit der Gebrauch des Objekts (eines Lexems, einer grammatischen Form oder auch eines Sprechhandlungsmusters) sinnvoll und verstehbar ist. In einem naturwissenschaftlichen Diskurs hat es vielleicht wenig Sinn, vom Wirken des Heiligen Geistes zu sprechen, in einem Alltagsgespräch wirken komplexe Satzformen mit einem hohen Grad an Hypotaxe oder im Deutschen (im Unterschied zu Russischen) der Gebrauch von Adverbialpartizipien leicht verschoben, der Sprechakt BEFEHLEN ist in einem Gespräch unter Freunden, die sich zum Besuch einer Ausstellung verabreden, unangemessen

dem sprachliche Bedeutungen grundsätzlich bezweifelt werden (besonders W.V.O. Quine), oder auch aus der Sicht der Prototypensemantik, derzufolge das Verstehen von sprachlichen Signalen ein Abgleich mit dem Wissen um typische Exemplare des Bezeichneten ist (E. Rosch), kann die Annahme fester Bedeutungen obsolet erscheinen; vgl. dazu die Auflistung der bekanntesten Argumente gegen die Annahme von Kernbedeutungen in *Kienpointner M. The Case for Core Meaning* // K. Korta, J. Garmendia (eds.). *Meaning, Intentions, and Argumentation*. Stanford, 2008. P. 77—102, hier: P. 86—87.

Das wichtigste Argument für invariante Bedeutungen ist jedoch das Verstehens-Argument, das Christian Wierwitz ins Zentrum seiner Argumentation stellt (*Wierwitz Chr.* 2009): Flüssige Kommunikation ist ohne Verstehen nicht möglich, Verstehen aber setzt die Kenntnis der Bedeutung von Ausdrücken voraus, woraus das „Verstehensproblem“ erwächst, dass die genaue Bedeutung von Ausdrücken in der realen Kommunikation in vielen Fällen nicht oder nur ungenügend bekannt ist (ebd. 14). Das Verstehensproblem ist jedoch kein Argument gegen Invarianz (bei Wierwitz: gegen Kernbedeutungen). Aus ihm folgt vielmehr die Aufgabe, zu klären, wie invariante Bedeutungen von sprachlichen Einheiten beschaffen sind und wie sie mit Kontextfaktoren und Kommunikationsbedingungen interagieren.

⁹ *Kuße H.* 2012a. S. 41—42; *Ders.* 2011. S. 128—129; *Ders.* *Kulturwissenschaftliche Linguistik als europäische Sprachwissenschaft* // Н. С. Бабенко, Н. А. Бахши (отв. ред.). *Сравнительно-сопоставительные подходы в германистике. IX съезд Российского союза германистов*. Казань, 24.—26.11.2011. Москва, 2012b. С. 174—192, hier: С. 185.

und kann sogar das zwischenmenschliche Verhältnis schwer beschädigen. Das gleiche gilt auf der Bedeutungsebene. Wie ein Wort — z.B. *Baum* — zu verstehen ist und welche semantischen Merkmale — die Form aus Stamm und Ästen, die botanische Beschreibung ... — relevant werden, ob ein kulturabhängiger Prototyp kognitiv aktiviert wird usw., hängt von der Einbettung des Objekts in eine Äußerung innerhalb einer Textsorte und eines Diskurses ab.

Nun könnte aus dem Einbettungsmodell der Schluss gezogen werden, dass auf der Ebene der sprachlichen Form selbst die invariante Bedeutung zu suchen sei und alle anderen Faktoren ausschließlich Kontextvariablen darstellen. Entgegen dieser Unterscheidung von einer Invarianz, die im sprachlichen Objekt zu suchen sei und Varianten, die durch die Äußerung gewissermaßen hinzugefügt werden, wird im *partiellen Kontextualismus* erstens Varianz auch in der invarianten Bedeutung eines Objekts angenommen, und zwar als invariantes Bedeutungsspektrum, und zweitens auch auf der Ebene des Diskurses, der Textsorte und der Sprechhandlung Invarianz vorausgesetzt¹⁰. Der *Kontextualismus* ist also auf allen Ebenen des Einbettungsmodells *partiell*. Invarianz kann bei lexikalischen Einheiten als Kernbedeutung bestimmt werden¹¹. Als Invarianten von Sprechhandlungen lassen sich ihre konstitutiven Regeln auffassen (nach Searle), bei Frames (Wissensrahmen) und Skripten (erwartbaren Handlungsabläufen) liegen wiederum die Invarianten von Diskursen vor. Dass Bedeutungen partiell kontextuell sind, besagt, dass Invarianz jeweils nur holistisch, d.h. für alle drei Ebenen auf allen Ebenen gleichzeitig festgestellt werden kann.

¹⁰ Zu den Aufgaben der diskursorientierten Kulturwissenschaftlichen Linguistik gehört es deshalb, invariante Merkmale der komplexen Kommunikationsformen in funktional differenzierten Gesellschaften festzustellen, die als religiöser, politischer, wissenschaftlicher, ökonomischer Diskurs usw. bezeichnet werden (Kuße H. 2011, 2012a–b).

¹¹ *Wierzbicka A.* Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford, 1992; *Dies.* Semantics. Primes and Universals. Oxford, 1996; *Keller R.* Begriff und Bedeutung // J. Grabowski, G. Harras, Th. Herrmann (Hrsg.). Bedeutung. Konzepte. Bedeutungskonzepte. Theorie und Anwendung in Linguistik und Psychologie. Opladen, 1996. S. 47–66; *Kienpointner M.* 2008; *Wirrwitz Chr.* 2009.

Kernbedeutung ist nicht der einzige Begriff, der invarianztheoretisch möglich ist. Andere Vorschläge sind zum Beispiel *Gesamtbedeutung* (Roman Jakobson) oder die Unterscheidung von *Zentrum und Peripherie* in der Prager Linguistik. Diskutiert wird auch, ob die invariante Bedeutung sehr weit oder eher minimalistisch aufzufassen ist, Kontextfaktoren also eher eine monosemierende Funktion haben oder die Bedeutung situativ ‚anreichern‘; vgl. dazu den Überblick in Kuße H. Zum Verhältnis von Semantik und Pragmatik // S. Kempgen, P. Kosta, T. Berger, K. Gutschmidt (Hrsg.). Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. 1. Halbband. Berlin, New York, 2009a. S. 924–941, hier: S. 929–932.

Die Diskussion kann an dieser Stelle jedoch vernachlässigt werden. Hier kommt es zunächst einmal nur darauf an, dass im partiellen Kontextualismus semantische Invarianz auf lexikalischer und grammatischer Ebene vorausgesetzt wird.

Sprachliche Objekte, seien es nun Lexeme oder grammatische Formen, weisen mit ihrem Bedeutungsspektrum ein invariantes pragmatische Potenzial auf, dass ihre Einbettung in unterschiedliche Diskurse, Textsorten und Äußerungen in bestimmten Sprechhandlungen besonders gut erlaubt oder eher erschwert (vgl. die Rede vom Heiligen Geist im religiösen und im naturwissenschaftlichen Diskurs). Bedeutungen im Sinne von Invarianten sind im Rahmen des partiellen Kontextualismus deshalb immer als pragmasemantische Bedeutungen zu verstehen¹².

Die Sprachbeschreibung im partiellen Kontextualismus setzt vier Ebenen der Invarianz voraus, mit denen die pragmasemantische Invarianz eines sprachlichen Objekts, vorzugsweise eines Lexems oder einer grammatischen Form, in der konkreten Äußerung interagiert. Es sind dies die *Invarianz von Sprechhandlungen*, die *Invarianz von Textsorten*, die *Invarianz von Diskurstypen* und die *Invarianz der außersprachlichen Situation der Äußerung*.

In der folgenden Abbildung wird dieser Zusammenhang zwischen der pragmasemantischen Invarianz ‚innerhalb‘ einer sprachlichen Einheit (ihrer Bedeutung) und den Faktoren, die im Gebrauch dieser Einheit mit ihr interagieren, als Linie dargestellt, die die sprachliche Einheit mit der ihr zugehörigen pragmasemantischen Invarianz nach außen abgrenzt, aber durchlässig für Einwirkungen von ‚außen‘ ist. Für ein Element, dass in einem Diskurs, einer Textsorte, einer Sprechhandlung nicht möglich oder zumindest unpassend ist, stoßen die Pfeile, die von der Invarianz von Sprechhandlungen, Textsorten, Diskurstypen und der Äußerungssituation ausgehen, an die Linie ohne sie zu überwinden. Dieser Effekt wird in der Kommunikation als Irritation wahrgenommen, die erhöhte Anstrengungen seitens eines Empfängers in der Kommunikation erfordert, eine sinnvolle Interpretation der Äußerung mit dem in der Sprechhandlung, im Diskurs usw. nicht passenden Objekt zu erkennen.

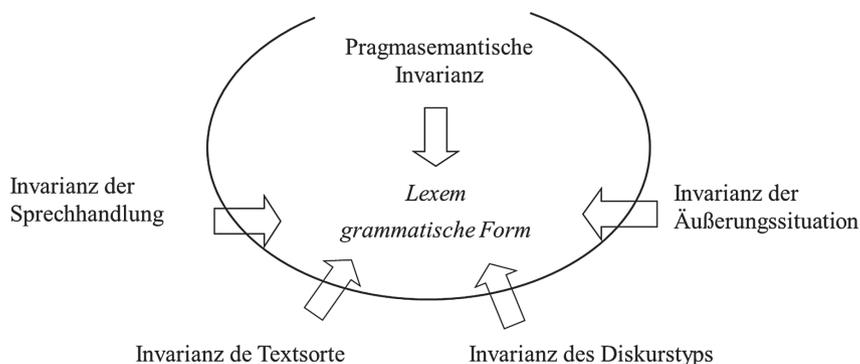

Abb. 1: Modell der Invarianzinteraktion im partiellen Kontextualismus

¹² Kuße H. 2009a. S. 924—927 und S. 932—934.

Im partiellen Kontextualismus werden disparate semantische und pragmatische Theorien aufeinander bezogen, d.h. kein Gegensatz zwischen Semantik und Pragmatik, Merkmalsemantik und Prototypensemantik, Code und Inferenz usw. aufgebaut. Ihre jeweilige Komplementarität ist in der Sprachphilosophie und Linguistik bereits in der Vergangenheit verschiedentlich diskutiert worden¹³. Manfred Kienpointner fordert: "Any kind of reductionism in semantic theory should be avoided and a division of labour of different semantic approaches (e.g. structural semantics, reference theory, truth conditional semantics, use theory, pragmatic approaches, relevance theory, prototype semantics) should be developed"¹⁴. Ich möchte noch einen Schritt weiter gehen: Nicht nur eine Arbeitsteilung, sondern die Zusammenarbeit sollte das Ziel sein.

In der konkreten Darstellung erscheint das Verfahren des partiellen Kontextualismus äußerst komplex, wenn nicht gar — aufgrund seines Holismus — undurchführbar¹⁵. Auch die Zusammenführung so unterschiedlicher Theorien und Methoden wie der wahrheitsfunktionalen Semantik, der Prototypensemantik oder der Relevanztheorie Dan Sperbers und Deirdre Wilsons kann die linguistische Praxis leicht überfordern. Dieser Gefahr lässt sich jedoch entgehen, wenn die Untersuchungsobjekte klar eingegrenzt werden, denn nicht jedes Objekt muss alle Theorien durchlaufen. Auch sind bestimmte Zusammenhänge wie zum Beispiel die Interaktion zwischen der pragmasemantischen Invarianz der sprachlichen Einheit und der Invarianz des Diskurses, in dem sie gebraucht wird, bei manchen Objekten signifikanter als bei anderen. In diesem Sinne gut handhabbare Objekte sind Synsemantika und be-

¹³ *Wierzbicka A.* Prototypes saves: on the uses and abuses of the notion of prototype in linguistics and related fields // S. L. Tsohatsidis (ed.). *Meaning and Prototypes: Studies in linguistic categorization.* New York, 1990. P. 347—367; *Kienpointner M.* 2008; *Kuße H.* 2009a.

¹⁴ *Kienpointner M.* 2008. S. 109.

¹⁵ Das gilt umso mehr, wenn die Sprachbeschreibung auch „Dimensionen“ einschließt, „die nicht als solche sprachlich sind“, um „die konstitutiven Verbindungen der Sprache mit anderen Dimensionen der Welt begreiflich zu machen“ (*Bertram G. W.* *Die Sprache und das Ganze. Entwurf einer antireduktionistischen Sprachphilosophie.* Weilerswist, 2006. S. 9—10). Diese Erweiterung muss im Einzelnen nicht geschehen, liegt im partiellen Kontextualismus aber nahe, da die Ebene des Diskurses bereits über Sprache hinausgeht (zu ihr gehören unter anderem Sprecherrollen und Sprecherhierarchien) und zur Spezifik mancher Textsorten (z. B. der Werbung) auch Text-Bild-Interaktionen gehören.

Ein Beispiel für eine solche Zusammenarbeit ist die Monographie *Woldt C.* *Normativität als linguistische Schnittstelle. Untersuchungen zum russischen Gerechtigkeitsdiskurs.* München, 2013.

In diesen Untersuchungen wird Normativität als Schnittstelle zwischen Diskurs und Sprache betrachtet und ein komplementärer Beschreibungsmodus von u.a. situativen und pragmatisch-argumentativen Dimensionen von Äußerungen und der Axiologie, Modalität und argumentativen Semantik der Ausdrucksmittel entwickelt (vgl. das Schema Ebd. S. 50).

sonders koordinierende Konjunktionen, deren invariante Bedeutungen mit den Mitteln der Aussagen- und der Modallogik recht einfach und klar dargestellt werden können. Dies soll im Folgenden Abschnitt am Beispiel der deutschen Konjunktionen *aber* und *oder* und der russischen Konjunktionen *но* und *или* geschehen. Im daran anschließenden Abschnitt zur rhetorisch-diskursiven Funktionalität der Konjunktionen wird der Zusammenhang zwischen den invarianten Bedeutungen der Konjunktionen und den besonderen Merkmalen großer Diskurse wie Politik, Wissenschaft (Philosophie) und Religion hergestellt.

2. Zur logischen Invarianz von ABER (*aber* / *но*) und ODER (*oder* / *или*)

Das deutsche und das russische System der koordinierenden Konjunktionen unterscheiden sich. Markant ist besonders der Unterschied zwischen der russischen Trias von *и*, *а* und *но*, der im Deutschen nur zwei Konjunktionen, das kopulative *und* und das adversative *aber* gegenüberstehen, die jedoch um die besondere Konstruktion *nicht ... sondern* ergänzt wird, während im Russischen das *а* mit der Negation des ersten Konjunks, also *не ... а* bzw. *а не* Verwendung findet. Doch der Sprachvergleich soll hier nicht das Thema sein¹⁶. An dieser Stelle geht es mir um die gemeinsame logische Invarianz von *aber* und *но* sowie von *oder* und *или*.

2.1 Die Logik von ABER

Die adversativen Konjunktionen *aber* und *но* zeichnen sich dadurch aus, dass sie aussagenlogisch UND-Verbindungen darstellen, für die gilt, dass eine Aussage mit durch sie verbundenen Konjunkten dann wahr ist, wenn beide Konjunkte wahr sind. Dennoch lassen sich adversative Verbindungen so beschreiben, dass ihr sprachlicher Unterschied zur kopulativen Verbindung sichtbar wird. Bei ABER-Verbindungen ist anders als bei UND-Verbindungen eine implizite Negation enthalten, die eine Schluss-

¹⁶ Vgl. dazu die Beiträge und die in ihnen genannte Literatur *Kuße H.* Konjunktionale Koordination in Predigten und politischen Reden. Dargestellt an Belegen aus dem Russischen. München, 1998; *Ders.* Zur Syntax der Koordination // S. Kempgen, P. Kosta, T. Berger, K. Gutschmidt (Hrsg.). Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. 1. Halbband. Berlin; New York, 2009b. S. 608—618.

folgerung aus dem ersten Konjunkt zurückweist¹⁷. Dieser Zusammenhang ergibt die folgende Formel¹⁸:

$$p \text{ ABER } q : p \wedge q \wedge \neg z$$

z kann die Folgerung aus p auf ein y sein oder auf die Negation des y . Das explizite Konjunkt q wiederum kann mit $\neg z$ identisch sein, oder es wird aus q die Negation von z gefolgert:

$$\begin{aligned} z &= (p \rightarrow y) \vee (p \rightarrow \neg y) \\ q &: (q = \neg z) \vee (q \rightarrow \neg z) \end{aligned}$$

Die folgenden Beispiele können das verdeutlichen.

- (1) Merkel triumphiert, verpasst *aber* absolute Mehrheit¹⁹.
- (2) Berlin ist arm, *aber* sexy²⁰.

Das erste Beispiel ist die Schlagzeile, mit der die österreichische Tageszeitung *Der Standard* den Ausgang der deutschen Bundestagswahl im September 2013 kommentierte. In der Konstruktion ist ein möglicher Schluss vom Vorderkonjunkt „Merkel triumphiert“ (p) auf das Ergebnis „absolute Mehrheit“ (y) impliziert, der im Folgekonjunkt explizit zurückgewiesen wird. Z ist der Schluss $p \rightarrow y$ und q die explizite Negation ($\neg z$) dieses Schlusses. Das zweite Beispiel ist eine Äußerung aus dem Jahr 2003 des regierenden Bürgermeisters von Berlin, Klaus Wowereit zur Bewertung seiner Stadt. Kontrastiert werden eine negative und eine positive deskriptive Bewertung, die jeweils auf die absoluten Bewertun-

¹⁷ Levin J. L. Über eine Gruppe Konjunktionen im Russischen. // Syntaktische und semantische Studien zur Koordination. Studien zur deutschen Grammatik. Bd 2. Tübingen, 1977. S. 63—103; van Dijk T. Connectives in Text Grammar and Text Logic // T. van Dijk, J. S. Petöfi (eds.). Grammars and description. Studies in Text Theory and Text Analysis. Berlin, New York, 1977. S. 1—63; Brauße U. Bedeutung und Funktion einiger Konjunktionen und Konjunkionaladverbien: Aber, Nur, Immerhin, Allerdings, Dafür, Dagegen, Jedoch // *Dies. u.a.* (Hrsg.). Untersuchungen zu Funktionswörtern (Adverbien, Konjunktionen, Partikeln). Berlin, 1982. S. 1-40; *Dies.* Konnektive als Indikatoren für Bewertungen von Argumenten // F. Daneš, D. Viehweger (Hrsg.). Ebenen der Textstruktur. Berlin, 1983. S. 28—35; Eggs. E. Die Rhetorik des Aristoteles. Ein Beitrag zur Theorie der Alltagskommunikation und zur Syntax von komplexen Sätzen (im Französischen). Frankfurt/M. u.a., 1984; Kuße H. 1998. S. 206—209, 402—410; *Ders.* 2009b; vgl. auch die Analyse von *nur* als Argumentationsoperator in *Woldt C.* 2013. S. 92—102.

¹⁸ Folgende logische Zeichen werden im Beitrag verwendet: \wedge : ‚logisches und‘; \vee : ‚logisches inklusives oder‘; \neg : ‚Negation‘; \rightarrow : ‚Folgerung‘; \diamond : ‚Möglichkeit‘; \square : ‚Notwendigkeit‘. Explizite Konjunkte werden mit den Variablen p und q widergegeben, Implikationen mit den Variablen y und z .

¹⁹ <http://derstandard.at> — 23.09. 2013.

²⁰ Klaus Wowereit. Interview mit Focus Money, 11/2003.

gen SCHLECHT bzw. GUT oder auch NICHT GUT vs. GUT schließen lassen. Z ist die Folgerung von „Berlin ist arm“ (p) auf die Bewertung SCHLECHT (y) oder hier vielleicht besser NICHT GUT ($\neg y$). Im Folgekonjunkt „sexy“ (q) wird diese Bewertung in Form einer Positivbewertung implizit negiert ($q \rightarrow \neg z$), so dass sich insgesamt eine positive Bewertung Berlins ergibt. Das für die Bedeutung der Konstruktion jeweils entscheidende Explikat (bei 1) oder Implikat (bei 2) $\neg z$ unterscheidet die adversative Konstruktion von der kopulativen, in der (1) unverständlich wäre (**Merkel triumphiert und verpasst absolute Mehrheit*) und (2) einen inneren Zusammenhang zwischen *arm* und *sexy* nahelegen würde (*?Berlin ist arm und sexy*). Schematisch lassen sich die Zusammenhänge so darstellen:

(1')	Merkel triumphiert (p) \rightarrow erreicht die absolute Mehrheit ($z = p \rightarrow y$)	
	ABER	
	verpasst absolute Mehrheit (q)	($q = \neg z$)
(2')	Berlin ist arm (p) \rightarrow Berlin ist nicht gut	($z = p \rightarrow \neg y$)
	Aber	
	sexy (q) \rightarrow Berlin ist gut	($q \rightarrow \neg z$)

2.2 Die Logik von ODER

Im Unterschied zu kopulativen und adversativen Verbindungen muss in der Disjunktion nur ein Konjunkt wahr sein, damit die Aussage der Konstruktion als wahr angesehen werden kann. Können auch beide Konjunkte wahr sein, wird von *inkluisiven* Disjunktionen gesprochen, darf nur der Inhalt eines Konjunktes wahr sein, so handelt es sich um eine *exklusive* Disjunktion. Die Exklusion lässt sich als Erweiterung darstellen, die die logische Konjunktion beider Konjunkte ausschließt: „ $p \rightarrow q \rightarrow (p \rightarrow q)$ “²¹. In natürlichen Sprachen kann der Unterschied lexikalisch markiert sein, wie das beim lateinischen *vel* (inklusive) und *aut* (exklusiv) der Fall ist. Im Deutschen schließen Konstruktionen mit *entweder ... oder* und im Russischen mit *или ... или* pragmatisch eine inklusive Lesart aus. Aber auch sonst ist die gängige Interpretation einer Verbindung mit *oder/или* exklusiv. Man denke an Standardfragen wie *Möchten Sie Tee oder Kaffee?* (es ist nicht unmöglich, beides zu wollen, wird aber vom Fragesteller nicht erwartet). Selbst solche logisch eindeutig inklusiven Disjunktionen, die Karl Bühler als „divise Urteilskomplexion“ bezeichnet hat²², sind implizit exklusiv. In Äußerungen wie *Schwäne sind schwarz oder weiß* oder *Ich trinke*

²¹ *Bucher Th. G.* Einführung in die angewandte Logik. Berlin, New York, 1987. S. 63; *Kuße H.* 1998, S. 226; *Ders.* Normative Disjunktionen // S. Kempgen, M. Wingender, N. Franz, M. Jakiša (Hrsg.). Deutsche Beiträge zum 15. Internationalen Slavistenkongress. Minsk 2013. München, Berlin, Washington, D. C., 2013. S. 187—196; hier: S. 188).

²² *Bühler K.* Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Stuttgart, New York, 1982 (Orig. 1934). S. 319.

Kaffee oder Tee zum Frühstück gelten zwar beide Propositionen, die Prädikationen gelten aber nicht für jedes Bezugsobjekt gleichzeitig oder bei einem Bezugsobjekt nicht zu jedem Zeitpunkt: Kein Schwan ist zugleich schwarz und weiß. Tee und Kaffee werden nicht gleichzeitig an einem Morgen getrunken. Inklusiv sind Reformulierungen und Explikationen, v.a. wenn es sich um bloße Aneinanderreihungen von Ausdrücken innerhalb eines Referenzbereichs handelt; z.B. in Titeln wie John R. Tolkiens *The Hobbit, or There and Back Again* oder bei dem bekannten sowjetischen Film *Ирония судьбы, или С легким паром!* (*Ironie des Schicksals oder Mit leichtem Dampf!*).

Die in der Regel exklusive und in manchen Fällen inklusive Interpretation von natürlichsprachlichen ODER-Verbindungen lassen sich als Effekte des Relevanzprinzips²³ erklären. Die jeweils relevanteste Interpretation der Äußerung ist ein Schluss aus kotextuellen und kontextuellen Faktoren, dem Wissen um die Kommunikationssituation und ihre diskursive Einbettung sowie dem Verständnis des Sprechakts. Nach der Theorie des partiellen Kontextualismus ist die Interpretation einer Äußerung jedoch nicht nur auf diese pragmatischen Gründe zurückzuführen, sondern muss partiell auch in der Semantik der sprachlichen Mittel verankert sein. Diese Invarianz geht als Prämisse in den Schluss auf die in der Kommunikationssituation relevanteste Interpretation der Äußerung ein. Da nun weder die logische Inklusion noch die logische Exklusion die invariante Bedeutung des disjunktiven Konnektors *oder* bzw. *или* sein kann, die natürlichsprachliche Disjunktion also nicht mit der logischen Disjunktion übereinstimmt, muss wieder die logische Konjunktion als Invarianz der Verbindung angenommen werden. Sie zeichnet sich jedoch durch eine Besonderheit der Konjunkte aus, die sie von der logischen Invarianz der UND- und ABER-Verbindungen unterscheidet. Wie Vladimir Sannikov richtig feststellt, sind Disjunktionen als Verbindungen von Möglichkeiten zu verstehen²⁴. In Anlehnung daran habe ich eine modallogische Formel mit dem Möglichkeitsoperator \diamond als invariante Bedeutung von *oder*, *or* und *или* vorgeschlagen: „ p *oder* / *or* / *или* ... q : $\diamond p \wedge \diamond q$ “²⁵. Diese Formel, in der auf das logische Disjunktionszeichen verzichtet wird, muss jedoch erweitert werden²⁶. Die Verknüpfung der Möglichkeiten von q und p ist die *Sinnvoraussetzung* von Disjunktionen: „ $\diamond p \wedge \diamond q$ “. Ohne sie kann eine sinnvolle Äußerung mit einer Disjunktion nicht geäußert werden. Hinzugefügt werden muss die *Wahrheitsvoraussetzung*, dass mindestens ein Konjunkt gilt, es also nicht möglich sein kann, dass beide

²³ Sperber D., Wilson D. *Relevance. Communication and Cognition*. Oxford (UK), Cambridge (USA), 1995; *Dies. Meaning and Relevance*. New York, 2012.

²⁴ Саников В. З. *Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис*. Москва, 1989; hier: С. 104; *Ders. Конъюнкция и дизъюнкция в естественном языке. На материале русских сочинительных конструкций* // *Вопросы языкознания* 5/1990. С. 50—61; hier: С. 59.

²⁵ Kuße H. 1998. S. 228; *Ders.* 2009a. S. 615.

²⁶ Kuße H. 2013. S. 190.

Konjunkte nicht gelten: „ $\leftarrow\Diamond(\leftarrow p \wedge \leftarrow q)$ “. Daran kann als *pragmatische Voraussetzung* die logisch redundante Verbindung der Negationen der Notwendigkeit der Konjunkte angehängt werden: „ $\leftarrow\Diamond p \wedge \leftarrow\Diamond q$ “. Eine Äußerung mit *oder* oder *или* ist pragmatisch defekt, wenn beide Konjunkte notwendig der Fall sein müssen, denn in diesem Fall besteht zwischen ihnen keine disjunktive, sondern eine notwendige UND-Verbindung. Wird auch diese Bedingung expliziert, ergibt sich folgende vollständige Invarianzformel für natürlichsprachliche disjunktive Konjunktionen:

$$p \text{ ODER } q : (\Diamond p \wedge \Diamond q) \wedge \leftarrow\Diamond(\leftarrow p \wedge \leftarrow q) \wedge (\leftarrow\Diamond p \wedge \leftarrow\Diamond q)$$

3. Zur rhetorisch-diskursiven Funktionalität von *aber* / *но* und *oder* / *или*

ABER-Konstruktionen passen in den politischen Diskurs als persuasives Mittel. In der politischen Rede spielen sie im Sprechakt INSISTIEREN eine wichtige Rolle zur Durchsetzung umstrittener politischer Maßnahmen. Mit der Aktivierung der impliziten Folgerung „ $q \rightarrow \neg z$ “ wird die Unausweichlichkeit (neudeutsch: Alternativlosigkeit) bestimmter politischer Handlungen betont; Bsp. 3–5.

- (3) В поле вашего постоянного внимания должны [sic!] находиться ситуация на Северном Кавказе. Стабильность в этом регионе восстанавливается непросто. Дается нам дорогой ценой. *Но* иного пути у нас нет²⁷.

Die Situation im Nordkaukasus soll im Bereich ihrer ständigen Aufmerksamkeit bleiben. Die Stabilität in dieser Region ist nicht so leicht herzustellen. Sie kostet uns sehr viel. *Aber* es gibt keinen anderen Weg.

- (4) Der Weg zu einem Europa der Stabilität und der Stärke ist und bleibt langwierig und anstrengend, *aber* er ist und bleibt auch unverzichtbar²⁸.
- (5) Griechenland muss in den kommenden Jahren seinen Staatsapparat grundlegend modernisieren, umfassende Strukturreformen durchführen (<...> [D]en Menschen in Griechenland wurde bereits Außerordentliches abverlangt. *Aber* nur durch solche Schritte wird den Menschen in Griechenland eine Perspektive für eine wirklich bessere Zukunft eröffnet²⁹.

²⁷ Пумун В. В. <http://www.gazeta.ru> — 17.11.2013.

²⁸ Merkel A. <http://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Regierungserklaerung/2012/2012-12-13-eu-rat.html>.

²⁹ Merkel A. <http://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Regierungserklaerung/2012/2012-02-27-merkel.html>.

Das mögliche Invarianzmerkmal „ $q \rightarrow \neg z$ “ ist natürlich zu allgemein, als dass es nur in einem Sprechakt oder gar in einem Diskurs vorkommen könnte. Wichtig ist aber, dass mit ihm für den Diskurs oder eine Textsorte markante Funktionen erfüllt werden. In religiösen Texten kommt es in der für diesen Diskurs (zumindest im Judentum und Christentum) charakteristischen Sprechhandlung VERHEISSEN³⁰ vor.

- (6) Закон — это первая стадия религии, которая начинается у ребенка: Вот это нельзя, это можно, какие-то правила, какие-то нормы. Нужно это? Да, конечно, конечно. Но потом приходит Благодать — через внутренний опыт встречи с Богом³¹.

Das Gesetz ist das erste Stadium der Religion, das im Kindesalter beginnt. Also — das darf man nicht, das darf man, irgendwelche Regeln, irgendwelche Normen. Ist das nötig? Ja, natürlich, natürlich. Aber dann kommt die Gnade — durch die innere Erfahrung der Begegnung mit Gott.

Am Beispiel (6) lässt sich ein weiteres Merkmal für den im religiösen Diskurs typischen Gebrauch von ABER-Konstruktionen ablesen: die Folge von negativer und positiver axiologischer Markierung, die ich mit „+ ax.“ und „-ax.“ an den Konjunktvariablen p und q angebe.

Für den religiösen Diskurs ist die Opposition von negativen Bewertungen von Erscheinungen des profanen Lebens wie Krankheiten, Konflikten, Tod, Trauer oder auch — in der Gegenwart — Stress charakteristisch, denen mit positiver Markierung die religiöse Dimension des Lebens entgegengesetzt wird: „ p_{-ax} . ABER q_{+ax} “³². Diese Konstruktion illustriert ein bekanntes Beispiel aus dem Johannesevangelium, in dem Jesus sagt:

- (7) In der Welt habt ihr Angst; *aber* seid getrost, ich habe die Welt überwunden (Johannes 16: 33³³).
- (7') В мире будете иметь скорбь; *но* мужайтесь: Я победил мир (Иоан. 16, 33³⁴).

Demgegenüber gehört zu den markanten Erscheinungen des politischen Diskurses und besonders der politischen Rede die umgekehrte Ab-

³⁰ *Wonneberger J., Hecht H. P.* Verheißung und Versprechen. Eine theologische und sprachanalytische Klärung. Göttingen, 1986; *Kuße H.* 1998. S. 117—118; *Ders.* 2012a. S. 164—165.

³¹ *Мень А.* Радостная весть. Москва, 1992. С. 21.

³² *Kuße H.* 1998. S. 269—271.

³³ Lutherbibel in der Revision von 1984 // *Kuße H.* 2012a. S. 121 und *Ders.* 2012b. S. 184 ist die Bibelstelle leider falsch angegeben.

³⁴ Синодальный перевод 1876.

folge von positiver und negativer Bewertung eines Sachverhalts: „p_{+ax.} ABER q_{-ax.}“. Diese Abfolge ist auf das Kommunikationsziel politischer Reden zurückzuführen, Handlungen auszulösen³⁵. Ein Sachverhalt wird zunächst als Leistung einer bestimmten Politik positiv bewertet, worauf Defizite genannt werden, die weitere Handlungen erfordern, für die der Redner um Zustimmung wirbt. Die Abfolge kann nur dann nicht eingehalten werden, wenn die Handlungen, für die geworben wird, ebenfalls negativ bewertet sind, sogar vom Sprecher selbst. In diesem Fall kann der Wechsel zum Sprechakt INSISTIEREN vollzogen werden, den die Beispiele (3)—(5) illustrieren.

Die axiologische Markierung gehört nicht zur Invarianz des Konnektors (*aber, no*), jedoch ist die Verknüpfung von gegensätzlichen axiologischen Bewertungen, d.h. Bewertungen zwischen den Polen GUT — SCHLECHT ODER RICHTIG — FALSCH, eine für ABER-Verbindungen typische Erscheinung, die rhetorisch-funktional für die Zwecke des Diskurses eingesetzt wird; Bsp. 8.

- (8) Wir wissen, dass wir unter 3 Millionen Arbeitslose haben — eine so niedrige Zahl hat es seit der deutschen Einheit nie gegeben (...). *Aber* wir wissen auch, dass wir noch viel zu tun haben³⁶.

Diese Abfolge „p_{+ax.} ABER q_{-ax.}“ kann besonders im politischen Konfliktdiskurs (Machtkampf) im Sprechakt DROHEN eingesetzt werden, wie dies in verschiedenen Statements Vladimir Putins gegen die Europaannäherung der Ukraine der Fall war (wie die Geschichte gezeigt hat, mit Erfolg). Im folgenden Beispiel ist die Negativbewertung in der pragmatischen Implikation enthalten, dass bestimmte politische Entscheidungen seitens des abhängigen Staates nicht den Interessen der Großmacht entsprechen könnten; Bsp. 9.

- (9) Ну, посмотрим, каким будет выбор украинского руководства. К любому, какой бы выбор ни был сделан, мы отнесемся с уважением и, безусловно, будем продолжать работать. *Но* вопрос просто только в том, как будем работать, что мы должны будем предпринять для защиты своих собственных интересов. Ну, видно будет³⁷.

Wir werden sehen, wie sich die ukrainische Führung entscheidet. Wir werden jede Entscheidung respektieren und werden selbstverständlich weiterarbeiten. *Aber* die Frage ist doch, wie wir arbeiten werden, was wir zur Wahrung unserer eigenen Interessen unternehmen werden. Nun, das wird sich zeigen.

³⁵ Kuße H. 1998. S. 70; Ders. 2012a. S. 128, 148.

³⁶ Merkel A. <http://www.cducsu.de/themen/haushalt/unser-ziel-ist-eine-menschliche-gesellschaft-und-eine-erfolgreiche-gesellschaft>. — 23. 11.2012.

³⁷ Пунун В. В. <http://zn.ua> — 14.09.2013.

Bei Disjunktionen können die Teile der invarianten Bedeutung, also die *Sinnvoraussetzung* „ $\diamond p \wedge \diamond q$ “, die *Wahrheitsvoraussetzung* „ $\neg \diamond (\neg p \wedge \neg q)$ “ und die *pragmatische Voraussetzung* „ $\neg \Box p \wedge \neg \Box q$ “, in unterschiedlichen Diskursen und Textsorten eine unterschiedliche rhetorisch funktionale Gewichtung haben³⁸.

Ein Diskurs, in dessen explizit argumentativen Textsorten die *Sinnvoraussetzung* „ $\diamond p \wedge \diamond q$ “ eine herausragende Rolle spielt, ist der philosophische Diskurs. ODER-Konstruktionen finden sich in Begriffsbestimmungen, in denen manchmal überraschende Äquivalenzbeziehungen aufgebaut werden; Bsp. 10.

- (10) Нравственность и нравственная философия всецело держатся на разумной свободе, или нравственной необходимости, и совершенно исключают из своей сферы свободу иррациональную, безусловную, или произвольный выбор³⁹.

Die Sittlichkeit und die Moralphilosophie stützen sich vollständig auf die vernünftige Freiheit *oder* die sittliche Notwendigkeit und schließen aus ihrem Bereich jede irrationale, unbedingte Freiheit *oder* die Willkür aus.

In Behauptungsbegründungen kann die Nennung von disjunktiv verbundenen Alternativen die absolute Geltung des Behaupteten untermauern; Bsp. 11.

- (11) Der Gegenstand der Vorstellung, der ‚Intention‘, das ist und besagt der vorgestellte, der intentionale Gegenstand. Stelle ich Gott *oder* einen Engel, ein intelligibles Sein an sich *oder* ein physisches Ding *oder* ein rundes Viereck usw. vor, so ist dieses hier Genannte und Transzendente eben gemeint, also (nur mit anderem Worte) intentionales Objekt; dabei ist es gleichgültig, ob dieses Objekt existiert, ob es fingiert *oder* absurd ist⁴⁰.

In der politischen Persuasion, die handlungsauslösende Effekte haben soll, ist die *Wahrheitsvoraussetzung* „ $\neg \diamond (\neg p \wedge \neg q)$ “ rhetorisch funktional. Ein markantes Beispiel ist der folgende Slogan aus dem Wahlkampf Boris El'cins (1931-2007) im Jahr 1996; Bsp. 12.

³⁸ Kuße H. 2013. S. 191—195.

³⁹ Соловьев В. С. Оправдание добра // Сочинения в двух томах. Т. 1 // А. Ф. Лосев, А. В. Гулыга (ред.). Москва, 1988. С. 47—548, hier: С. 117.

⁴⁰ Husserl E. Logische Untersuchungen. 2. Band: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. 1. Teil, V, § 21. Tübingen, 1993⁷. S. 425. (Orig. 1913².)

- (12) Голосуй *или* проиграешь⁴¹.
Geh wählen, oder Du verlierst.

Die implizite Botschaft ist, dass es nicht sein kann, nicht zu wählen und dennoch nicht zu verlieren, dass also die Negation beider Konjunktinhalte nicht möglich ist.

Auf die Wahrheitsvoraussetzung ist auch der Erfolg des rhetorischen Dilemmas angewiesen. In dieser zur politischen Polemik passenden Disjunktion werden zwei axiologisch negativ wertende Konjunkte verknüpft. Das Ziel kann die Abwertung eines politischen Gegners sein. Das in der russischen politischen Geschichte wohl bekannteste Beispiel ist die berühmte Miljukov-Frage «глупость или измена?» („Dummheit oder Verrat?“), mit der der damalige Duma-Abgeordnete Pavel N. Miljukov (1859—1943) in der vierten Duma die fatale Kriegsführung des Zaren Nikolaj II. (1868—1918) verurteilte. Sie wird noch heute in der Publizistik aufgegriffen, zitiert und variiert; Bsp. 13.

- (13) Недоразумение или провокация? Милюковский вопрос: глупость или измена?⁴²

Missverständnis oder Provokation? Die Miljukov-Frage: Dummheit oder Verrat?

Mit der *pragmatischen Voraussetzung* „ $\neg \Box p \wedge \neg \Box q$ “ wird betont, dass tatsächlich eine Wahl zwischen den in den Konjunkten genannten Möglichkeiten besteht, also beide Konjunkte möglich, aber nicht notwendig sind. In der politischen Rhetorik ist sie ein Mittel, mit dem (zum Beispiel in Form von Kontradiktionen) Kriterien für Handlungsentscheidungen formuliert werden; Bsp. 14.

- (14) Если мы отдельным странам НАТО уже разрешили транзит, то в чем проблема для самой НАТО? Знаете, нужно очень прагматично подходить к определению того, что нам выгодно — соответствует это нашим национальным интересам *или* не соответствует⁴³.

Wenn wir einzelnen Ländern der NATO bereits den Transit genehmigt haben, worin besteht dann für die NATO selbst das Problem? Wissen Sie, man muss ganz pragmatisch daran gehen, festzustellen, was für uns von Nutzen ist — entspricht etwas unseren nationalen Interessen *oder* entspricht es ihnen nicht.

⁴¹ Минаев С. Голосуй или проиграешь. Муз-ТВ, 1996.

⁴² <http://kirillfrolov.livejournal.com/2184989.html>. (Zugriff: 07.10.2012.)

⁴³ Путин В. В. <http://www.rg.ru/2012/04/11/putin-du-ni-ma.html>. — 04.01.2013.

Noch wichtiger ist die pragmatische Voraussetzung wahrscheinlich im religiösen Diskurs, wenn Werte, Verhaltensformen, Lebenseinstellungen usw. kontrastiert werden, von denen jeweils eine den religiösen Wertvorstellungen entspricht, die andere aber abweicht. Die Rhetorik der Disjunktion funktioniert dann, wenn die Hörer erkennen, dass die gebotene Lebensform in der Realität nicht selbstverständlich und alles andere als notwendig ist, also vom Einzelnen bewusst gewählt werden muss.

- (15) Сегодня, когда будете идти домой, пусть каждый из вас задаст себе этот вопрос: «Как же я исполняю свой долг христианский? Живет ли во мне Господь? Прошу ли я, чтобы Он дал мне эту силу веры, силу духа? Или я живу бесцветно, вяло, равнодушно, пусто, отягченная грехами и сном духовным?» Вот о чем нам надо подумать⁴⁴.

Heute, wenn Sie nach Hause gehen, mag sich jeder von Ihnen die Frage stellen: „Wie erfülle ich eigentlich die Pflicht eines Christen? Lebt in mir der Herr? Bitte ich darum, dass Er mir die Kraft des Glaubens, die Kraft des Geistes gebe? Oder lebe ich farblos, träge, gleichgültig, leer, bedrückt von Sünden und in einem geistigen Schlaf?“ Das ist es, worüber wir nachdenken müssen.

4. Schlussbemerkung

Im partiellen Kontextualismus werden die semantischen Invarianten von sprachlichen Ausdrücken ermittelt, die mit der Invarianz von Diskursen, Textsorten, Sprechhandlungen und Äußerungssituationen interagieren. Manche Bedeutungen passen zu bestimmten Diskursen, Textsorten und Sprechhandlungen besser als andere, die kommunikative Widerstände auslösen. Dieser Zusammenhang ist aber nicht deterministisch zu verstehen. Zu beobachten und zu beschreiben ist vielmehr die Sensitivität der Semantik von Ausdrücken für ihren Gebrauch in bestimmten Diskursen, Textsorten, Sprechhandlungen und Äußerungssituationen. In der kulturwissenschaftlich ausgerichteten Linguistik in meinem Verständnis, für die der partielle Kontextualismus die semantische Grundlagentheorie darstellt⁴⁵, werden sprachliche Einheiten vor allem als diskurssensitiv beschrieben⁴⁶.

⁴⁴ *Мень А.* 1991. С. 19.

⁴⁵ *Kuße H.* 2012a. S. 97—100; Ders. 2011. S. S. 130—131.

⁴⁶ *Kuße H.* 2012a. S. 120—121; Ders. 2012b. S. 183—185; Ders. 2011. S. 128—130.

Л. И. ГРИШАЕВА

КОГНИТИВНЫЕ ФИЛЬТРЫ И СПОСОБЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ФОНА ЯЗЫКОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Предлагаемая читателю статья помещает в исследовательский фокус изучение средств и способов конструирования аксиологического контекста в медиадискурсе, поскольку в названной среде процессы членения информационного потока проявляются особенно ярко. Это позволяет проследить последствия разного членения этого потока, а также выявить способы реализации тех или иных дискурсивных стратегий, поскольку именно в дискурсе и через дискурс коммуниканты реализуют свои интенции.

Дискурс, вне всякого сомнения, является на сегодняшний день одной из самой интенсивно разрабатываемой областью лингвистических исследований, осуществляемых в рамках различных научных парадигм и помещающих в фокус научного описания различные объекты. Рассматривая дискурс как в процессуальном, динамическом, так и в статическом, результативном, аспекте, исследователь, однако, имеет дело с текстом, семантическая и синтаксическая организация которого определенным образом соотносится с процессом порождения этого текста. В силу этого текст, будучи коммуникативным продуктом, т. е. результатом речемыслительной — дискурсивной — деятельности, фиксирует/рефлектирует с помощью разноуровневых языковых (а также все чаще и неязыковых) средств, использованных коммуникантами в определенных коммуникативно-прагматических условиях при решении некоторой коммуникативной и когнитивной задачи, многочисленные параметры, изначально присущие дискурсу, в котором и порождался соответствующий текст. А поскольку коммуниканты могут в дискурсе обращаться как к конвенциональным, так и к нетривиальным способам решения той или иной когнитивной и коммуникативной задачи, использовать общепринятые и окказиональные языковые средства, дискурс можно считать своего рода зеркалом, в котором не может не отражаться в том числе и лингвокогнитивная, и лингвокреативная деятельность субъектов когниции и коммуникации, обладающих личностной и коллективной идентичностью, обусловленных особенностями, имманентными культуре, к которой принадлежат эти субъекты. (См. подробнее об

особенностях использования языка субъектами с разной личностной и коллективной идентичностью в условиях внутрикультурной и межкультурной коммуникации в [Гришаева 2006; 2007].)

Поэтому, чтобы осмыслить соответствующие закономерности, необходимо обратиться к изучению текстов, памяти о том, что дискурс — это в том числе и среда, в которой разными способами активизируются имеющиеся у субъекта знания о мире, а также порождаются новые знания (см. детальнее [Кубрякова 2004; Link 2005]), в которой конструируется (дискурсивная) реальность, нередко воспринимаемая реципиентом как более реальная, чем познаваемая им непосредственно с помощью собственных органов чувств. Максимально адекватным материалом для этого необходимо признать медиатексты, а именно те, которые сообщают об инокультурной реальности. Это обусловлено тем, что медиатексты порождаются во внутреннем и внешнем контексте [Perren 2006b]. Внутренний контекст можно охарактеризовать как когнитивно-социальный, и он предполагает постановку целей, планирование, регулирование, контроль за написанием текста. Внешний контекст, т. е. собственно производственно-журналистский, принимает во внимание деятельность редакторов, корректоров, журналистов [Perren 2006b: 322—323].

Тем самым становится очевидно, что медиатексты, сообщающие об инокультурной реальности, насыщены различными парадоксальными явлениями, обусловленными как свойствами медиатекстами, так и особенностями медиасреды, в которой эти тексты порождаются, а также характеристиками личностной и коллективной идентичности обоих коммуникантов — адресанта (журналиста) и адресата (реципиента соответствующих текстов).

Чтобы объяснить истоки парадоксальности медиатекстов, целесообразно обратиться к анализу воздействия разных когнитивных фильтров на деятельность адресата и адресанта при структурировании информационного потока и его рецепции.

Создавая описание языка как средства познания и социального взаимодействия, т. е. анализируя использование языка в межкультурной и/или внутрикультурной коммуникации, необходимо принимать во внимание следующие закономерности:

- 1) в языке как системе в каждый конкретный период его функционирования хранится некоторое незакрытое, но исчисляемое и верифицируемое на практике относительно конечное количество определенных единиц, использование которых в различных дискурсивных условиях позволяет коммуникантам называть безграничное количество реальных ситуаций и активизировать разнообразными механизмами вербализации комплексы самых разных сведений о внеязыковой/фиктивной/витуальной и т. д. действительности;

- 2) человек обрабатывает бесконечное множество реально существующих ситуаций с помощью ограниченного набора ментальных

единиц, отражающих наиболее значимые и константные параметры некоторых классов ситуаций;

3) при познании человек использует сложившиеся у него прототипы, наличие которых позволяет различным представителям одной лингвокультуры, отличающимся друг от друга по самым разнообразным характеристикам, более или менее успешно взаимодействовать друг с другом в постоянно меняющихся условиях. Основой этого является то, что в реальной практике представители одного и того же лингвокультурного сообщества приобретают при категоризации и концептуализации действительности некое «категориальное среднее», под которое коммуниканты при инкультурации (или же аккультурации) научаются подводить то, что они воспринимают в каждом конкретном случае (см. подробнее [Грановская 1981; Кубрякова 2004; Солсо 2002; Anderson 2001; а также Арутюнова 1999 и др.]).

Размышляя о соответствующих процессах, нельзя упускать из виду также и фундаментальные свойства восприятия: аффективность, субъективность, селективность, контекстную обусловленность, телеологичность. При описании такого свойства восприятия, как селективность, необходимо также учитывать влияние когнитивных фильтров на структурирование информационного потока, т. е. определить, через какие когнитивные фильтры реципиент селекционирует сведения о мире. Воздействие когнитивных фильтров приводит к тому, что поток воспринимаемых субъектом сведений организуется по определенным закономерностям. Так, ученые выяснили, в том числе и экспериментальным путем, через изучение разных перцептивных процессов, что функции когнитивных фильтров заключаются в следующем:

— **абстрагирование** через отбор информации, сокращение числа стимулов, поступающих извне, т. е. в конечном итоге обработка меньшей части информации;

— **упрощение** информационного потока;

— **ассоциирование** через поиск аналогов, которыми располагает субъект в силу инкультурации: осуществление выбора, т. е. предпочтении:

- знакомому перед незнакомым,
- приятному перед неприятным,
- вызывающему эмоциональный отклик перед нейтральным,
- вызывающему интерес перед нейтральным (см. подробнее [Грановская 1981; Кубрякова 2004; Солсо 2002; Anderson 2001 и др.]).

Наряду с общими законами перцепции необходимо учитывать и закономерности социальной перцепции, что особо значимо при изучении принципов и способов реализации медиадискурса и организации медиатекстов, а также особенности членения информационного потока [Koch 2006; Link 2005; Perren 2006a; 2006 b; Языковые средства 2009; Медиатекст 2010]. В этой связи нельзя не упомянуть и воздействие других, кроме названных выше, когнитивных фильтров,

в частности когнитивных фильтров «свой», «чужой», «другой», которые в разных работах интерпретируются, естественно, по-разному.

В настоящем контексте имеет место трактовка, согласно которой фактор «свой» — это «культурно значимый, как правило, позитивно заряженный фактор, существенный для первичной и вторичной социализации при распознавании культурной идентичности индивида на основании совокупности разнородных культурно значимых признаков: субъект социального восприятия признается как принадлежащий к той же культуре/субкультуре, что и субъект познания» [Гришаева, Цурикова 2008: 331]. Фактор «чужой» — это «культурно значимый, как правило, (в прототипическом случае) негативно заряженный фактор, существенный для первичной и вторичной социализации при распознавании культурной идентичности индивида на основании совокупности разнородных культурно значимых признаков: объект социальной перцепции опознается как не принадлежащий к культуре/субкультуре познающего субъекта» [Гришаева, Цурикова 2008: 333]. Фактор «другой» — это «культурно значимый фактор, существенный для первичной и вторичной социализации при распознавании культурной идентичности индивида на основании совокупности разнородных культурно значимых признаков: объект социальной перцепции признается как не принадлежащий к культуре/субкультуре субъекта познания, однако интерпретируется как равноправная альтернатива «своему»» [Гришаева, Цурикова 2008: 324]. Следовательно, прототипическая семантика этих фильтров различна: «свой» — знакомое, значит, потенциально безопасное для субъекта познания и коммуникации, «чужой» — незнакомое, значит, потенциально опасное, «другой» — равноценная альтернативы «своему» (см. подробнее [Гришаева 2006; 2007; 2009b; Гришаева, Цурикова 2008]).

Когнитивные фильтры «свой», «чужой», «другой» образуют когнитивные рамки «свой — чужой», «свой — другой», «чужой — другой», сквозь которые воспринимаемые сведения по-разному структурируются и профилируются, поскольку когнитивные рамки восприятия — «основания для интерпретации воспринимаемого потока информации, значимые для каждого когнитивного акта и предопределяющие характер и объем информации, поступающий в мозг субъекта познания и коммуникации для обработки и принятия на этой основе решений в пользу той или иной коммуникативной (дискурсивной) стратегии, а также выбора средств ее реализации» [Гришаева, Цурикова 2008: 325]. Первичную когнитивную рамку восприятия при социальной перцепции образуют культурно антропологические факторы «свой», «чужой», «другой»; при межкультурной коммуникации выбор между рецепцией через когнитивную рамку «свой — чужой» и «свой — другой» оказывается принципиальным как для структурирования информационного потока, так и при рецепции последнего субъектами с разной личностной и одина-

ковой коллективной идентичностью (см. подробное описание соответствующих процессов в [Гришаева 2006; 2007; 2009а; 2009б; Языковые средства 2009; Медиатекст 2010]).

Селектируемый через когнитивные рамки, образуемые фильтрами «свой», «чужой», «другой», поток сведений о социальной реальности теснейшим образом связан с системой значимых в конкретной языковой культуре стереотипов сознания, имеющих в свою очередь достаточно устойчивую связь с системой ценностей. Поэтому ясно, что когнитивные рамки «свой — чужой» и «чужой — другой» задают характер (аксиологического) контекста, в котором осуществляется категоризация воспринимаемых сведений (см. подробнее [Гришаева 2006; 2007; 2009а; 2009б; Гришаева, Цурикова 2008]), что обобщенно можно представить следующим образом:

Таблица 1

когнитивная рамка «свой — чужой»	когнитивная рамка «свой — другой»
антропологическая константа присуща каждому носителю культуры	свойственна субъекту, умеющему варьировать когнитивными и коммуникативными стратегиями
вероятно варьирование степени интенсивности проявления и шкалирование качеств воспринимаемых объектов в зависимости от характеристик субъекта, контекста и воспринимаемого объекта, а также особенностей картины мира и норм ожидания, конвенционализированных в соответствующей языковой культуре	возможна тонкая дифференциация в зависимости от межкультурного опыта и степени дифференциации знаний, представленных в картине мира субъекта познания и коммуникации
возможен переход к восприятию через когнитивную рамку «свой — другой» при обогащении коммуникативного опыта в «своей» культуре и межкультурного опыта	возможно возвращение к восприятию через оппозицию «свой — чужой», обусловленное изменением характера социального взаимодействия, а также когнитивными установками субъекта познания и коммуникации
изначально аксиологична в силу прототипической семантики факторов «свой» и «чужой»	аксиологически нейтральна
первична как при инкультурации, так и при аккультурации личности	производна от характера когнитивного и социального опыта субъекта

Поэтому селектируемые через названные когнитивные рамки сведения о социальной реальности категоризируются по-разному, причем категоризация трактуется при описании обсуждаемых процессов как в узком, так и в широком смысле. В узком смысле категоризация — это «подведение явления, объекта, процесса и т. п. под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории» [Кубрякова 1997: 42]. В широком смысле категоризация — «процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений и т. п.» [Кубрякова 1997: 42].

Описанные закономерности позволяют понять, как в медиатексте конструируется (дискурсивная) реальность — в том числе и через конструирование аксиологического фона/контекста. Последний может реализовываться через прямую или опосредованную отсылку к ценностям, значимым для конкретного социума (аксиологический контекст/фон в широком смысле) или через совокупность эксплицитных и имплицитных оценок, которые дает субъект разнообразным объектам воспринимаемой действительности, опираясь на разные основания, известные субъекту оценки в силу его принадлежности к «своей» культуре (аксиологический контекст/фон в узком смысле) (см. подробнее [Гришаева 2010]).

Наиболее значимыми параметрами аксиологической деятельности коммуникантов при рецепции медиатекстов об инокультурной реальности следует признать такие факторы, как:

- 1) наличие/отсутствие эксплицитной оценочной рамки восприятия в целом в конкретном акте социальной перцепции;
- 2) знак соответствующей оценки;
- 3) степень ее интенсивности и ее характер;
- 4) соответствие/несоответствие обозначенных параметров в «своей» и/или «чужой» культурах применительно к одному и тому же объекту оценки.

Способы конструирования аксиологического фона в медиатексте, как свидетельствует специальный анализ, могут быть эксплицитными (с опорой на оценочную семантику языковых средств) и имплицитными (через активизацию у реципиента аксиологических сведений без присутствия в медиатексте средств оценочной семантики). Средствами конструирования аксиологического фона являются все равноуровневые языковые, а также невербальные средства, с помощью которых так или иначе активизируются аксиологические сведения разной этиологии.

Анализируя медиатексты, посвященные межкультурной коммуникации, в частности немецких текстов о российской действительности, следует сразу же высказать ряд условий, которые требуется

соблюдать любому исследователю-носителю русской культуры, имеющему дело с публикациями о России:

— анализируемые публикации адресуются носителям **немецкой** языковой культуры и не пишутся для исследователя или же для россиянина/носителей другой культуры. Поэтому исследователь должен при анализе принимать во внимание влияние на результат его рецепции публикаций о России разнообразных факторов, в частности и в особенности процессов селективного информирования через когнитивные рамки «свой — чужой» или «свой — другой» (см. подробнее об этом: [Гришасева 2007: 109—186, 187—208; 2009: 54—58; 2010: 80—100; Языковые средства 2009: 201—279, 282—283]), что чрезвычайно важно учитывать как на этапе анализа выбора коммуникантами языковых средств из массива изофункциональным им при решении определенной когнитивной и коммуникативной задачи, так и на этапе изучения воздействия этих средств на реципиента;

— оценки, высказываемые корреспондентами, публикующими заметки о России от своего имени или же в качестве представителей того или иного информационного агентства, не выражаются для того, чтобы привести в уныние или, наоборот, в состояние радостного возбуждения носителей русской языковой культуры. Эти оценки адресуются носителям **немецкой** культуры и основываются на **немецких** представлениях о мире, на **немецких** ценностных ориентациях, как они преломляются в том или ином издании и/или в сознании конкретного автора конкретной публикации, а также в коллективном сознании коллективного субъекта, которому, собственно, и адресуются соответствующие медиафеномены (ср. в этой связи рассуждения Ю. Линка о том, что (медиа)дискурсы не реализуются индивидами [Link 2005]);

— публикации о событиях в России в немецких медиа лишь опосредованно, последовательно проходя через систему разнообразных когнитивных фильтров, отражают особенности медийной, публичной и политической повестки дня, характерной для Германии, — и лишь весьма опосредованно они отражают медийную, публичную и политическую агенду, актуальную для России. Эти публикации, однако, организуют для немецкого общества медийную повестку дня относительно России и тем самым рефлектируют сложные взаимосвязи между медийной, публичной и политической повесткой дня, свойственной немецкому обществу в конкретный период времени.

Знакомство с отображенными публикациями выявляет один — на первый взгляд, совершенно необъяснимый — парадокс. С одной стороны, после знакомства с этими публикациями остается стойкое впечатление о негативном отношении авторов статей к главному герою/главной теме соответствующих статей, что может даже в отдельных случаях шокировать неподготовленного читателя. Однако, с другой стороны, пристальное изучение текста свидетельствует о наличии в нем минимального количества средств экспликации нега-

тивных оценок, явной отсылки к оценочным категориям, откровенных оценочных суждений.

Объяснить этот кажущийся парадокс можно только через изучение средств и способов конструирования негативного аксиологического фона, в контексте которого сообщаемая нейтральными языковыми средствами информация приобретает негативный аксиологический ореол. Анализ средств и способов оформления заголовков является в этом смысле чрезвычайно информативным. Более того, он раскрывает приемы, с помощью которых коллективному адресату сообщаются образцы, по которым он конструирует (политическую) реальность и которые поддерживаются и регулярно воспроизводятся разнообразными способами в медиапространстве. В несколько упрощенном виде это можно сформулировать как структурирование информационного потока таким образом, что воспринимаемые объекты включаются в аксиологическую категорию.

Аксиологический потенциал любого медиапродукта можно интерпретировать в широком и узком смысле. В широком смысле аксиологический потенциал медиапродуктов целесообразно описывать как их способность прямо или опосредованно активизировать у реципиентов сведения о ценностях, значимых для конкретного социума. Аксиологический потенциал медиапродуктов в узком смысле описывается через анализ средств выражения «различных оценок, которые субъект оценки, осуществляя некоторую деятельность и одновременно познавая действительность, дает в тех или иных условиях разнообразным объектам, опираясь при этом на разные основания» для оценки [Гришаева 2010: 83—84]. В результате медиатексты способны:

- привлечь внимание читателя к обсуждаемой тематике;
- заинтересовать читателя предлагаемой информацией;
- при помощи разнообразных средств воздействовать на восприятие реципиентом сообщаемой информации;
- акцентировать внимание реципиента на отдельных аспектах описываемой проблемы или на трактовке события;
- создавать/поддерживать определенный образ единичного и/или коллективного субъекта, о котором сообщается в публикации;
- поддерживать устойчивое внимание реципиента к изданию;
- воздействовать на предпочтения реципиента относительно издания на медиарынке в целом и т. д.

Средства выражения аксиологического заряда медиатекстов можно достаточно условно разделить на прямые и косвенные; последние в количественном отношении абсолютно доминируют, хотя и не всегда распознаваемы как таковые реципиентами медиатекстов. К первым же следует отнести единицы оценочной семантики: лексические, грамматические, стилистические, словообразовательные средства, оценочный потенциал которых воспринимается даже изолированно от контекста и так или иначе фиксируется разнообразными

механизмами вербализации сведений о мире, которыми располагает язык как средство познания и коммуникации, т. е. как культурный код. При изучении аксиологического потенциала медиатекстов важно принимать во внимание, что медиатекст реципиент как носитель конкретной языковой культуры может воспринимать как аксиологически заряженный, несмотря на то что в самом тексте могут отсутствовать лексические, грамматические, словообразовательные, стилистические оценочные единицы. Другими словами, аксиологический потенциал медиатекста — более сложный феномен, чем это может показаться на первый взгляд (см. подробнее о соотношении прямых и косвенных средств выражения аксиологического потенциала медиатекстов в: [Гришаева 2010; Языковые средства 2009]).

Средства конструирования аксиологической рамки, сквозь которую селективируются воспринимаемые сведения, способствуют активизации самых разных комплексов сведений, это в том числе:

— мнения и представления политического класса, а также политических и государственных институтов;

— мнения и представления отдельных носителей той или иной культуры, не наделенных институциональными полномочиями, но являющихся влиятельными в том или ином отношении в конкретной культуре;

— суждения и оценки, высказываемые в адрес страны и ее граждан (независимо от их статуса и положения) по актуальным поводам, находящиеся в тесной связи с публикацией в том или ином издании;

— суждения и оценки относительно культуры и ее носителей в целом вне конкретного контекста, базирующиеся преимущественно на бытующих в конкретной языковой культуре прямых и переносных авто- и гетеростереотипах;

— суждения о стране, ее внешней и внутренней политике, в той или иной мере восходящие к бытующим в соответствующей культуре устойчивым представлениям, чем бы они ни обосновывались. Эти суждения константны и достаточно гомогенны на протяжении многих и многих десятилетий и в целом не зависят на конкретном этапе развития культуры от конкретных событий, происходящих в этом культурном пространстве, и отношения коллективного субъекта к ним;

— суждения подчеркнуто личные и поэтому относящиеся к конкретным артефактам, персонам, действиям, мнениям и т. д., высказываемым в единичных случаях и единичным субъектом, но не всегда воспринимаемым реципиентами как чье-то личное суждение о чем-либо.

Таким образом, очевидно, что медиатексты изначально заряжены богатым аксиологическим потенциалом, который реализуется с помощью разнообразных вербальных и невербальных средств, особым образом задействованных журналистами как основными адресантами медиапродуктов.

Кроме того, не следует упускать из виду тенденцию к ритуализации медиатекстов, даже если конкретный его тип изначально не использовался в соответствующих целях [Fix 2008: 275—278]. Поэтому эти тексты обладают таким мощным потенциалом воздействия на единичного и коллективного субъекта познания и коммуникации, реализуя наряду с ритуальными и оперативными функциями, присущими им в силу их феноменологии (см. подробнее о названных функциях медиатекстов в [Fix 2008: 273—281]), также и манипулятивные. Выражаясь точнее, медиатексты реализуют свой манипулятивный потенциал как развитие своего ритуального и оперативного функционального потенциала.

В этой связи интересно в качестве заметки на полях акцентировать необходимость погружения предмета лингвистического исследования — средств естественного языка и единиц естественной коммуникации — в более широкий исследовательский контекст — в культуру, ракурс исследования фактов использования/функционалирования языка, который, по мнению Х. Кусе, является наиболее актуальным [Kuße 2012: 176]. Созвучной, но не идентичной с процитированной точкой зрения является иная трактовка соотношения особенностей использования языка и культурной идентичности его носителей, а также идентичности субъекта познания и коммуникации, с одной стороны, и места этой структуры разнородных сведений о культуре в соответствующей когнитивной структуре языковых средств, с другой стороны [Гришаева 2007]. В отличие от точки зрения, абсолютно доминирующей в социальных, психологических, философских и культурноантропологических концепциях, эта трактовка основывается на том, что не язык сам по себе входит в структуру идентичности, а **особенности использования языка** являются частью идентичности личности, и они относятся к **ядерной** части когнитивной структуры идентичности как при личностной, так и при коллективной идентичности [Гришаева 2007]. На современном этапе (культурологическая) лингвистика изучает, выражаясь словами Х. Кусе, правила организации дискурсов «в национальных, этнических или страноведческих, а также исторических контекстах» [Kuße 2012: 192], причем такие «правила охватывают ментальное содержание, коммуникативные конвенции и языковые формы, с которыми коррелируют и системные языковые правила, и нормативные конвенции, (...)» [Kuße 2012: 192]. В отличие от процитированной точки зрения, Л. И. Гришаева изучает соответствующие процессы и средства как в той или иной мере необходимые при решении некоторой когнитивной и коммуникативной задачи, что проявляется при реализации интеракции того или иного типа, а также использовании средств вербального и невербальных культурных кодов [Гришаева 2007; Гришаева, Цурикова 2008].

Сказанное выше означает в том числе, что в памяти у коммуникантов, очевидно, есть некие сведения о том, как осуществлять взаимо-

действие в некоторых условиях, чтобы добиться поставленной цели. Комплекс таких сведений в современной науке, изучающей организацию коммуникации, принято называть нормами ожидания, которые проявляются «тогда, когда сравнивают действительное с ожидавшимся или привычным» [Арутюнова 1999: 69]. Нормы ожидания в подавляющем большинстве случаев самими «наивными» коммуникантами **не** осознаются. Более того, знание социально закодированных норм и правил поведения, зафиксированных в различных социальных институтах (конституция, законы, инструкции, предписания, нормы морали, правила бытового поведения и пр.), с одной стороны, и реальная организация взаимодействия, с другой стороны, во многих случаях могут представлять собой **параллельные** или в ряде случаев частично накладывающиеся друг на друга комплексы знаний, которые нетождественны друг другу в количественном и качественном отношении. В реальной коммуникации интерактанты руководствуются неосознаваемыми сведениями, приобретенными ими при их первичной социализации, подчиняют свои действия тем самым нормам ожидания и **оценивают** действия своего партнера по тому, **насколько** его действия **согласуются** с этими нормами ожидания (о нормах ожидания см. подробнее: [Арутюнова 1999]).

Поэтому ясно, что особое внимание при описании способов конструирования дискурсивной действительности — читай: структурировании информационного потока — следует уделять изучению синтаксических и текстограмматических механизмов вербализации сведений о мире как имеющих самое непосредственное отношение к порождению коммуникативных единиц разной степени сложности и к объективации результатов дискурсивной, речемыслительной, деятельности носителей языка и культуры.

Материалом для исследования послужили, как уже было сказано выше, медиатексты об инокультурной реальности, а именно 85 публикаций, извлеченных в процессе сплошной выборки 6 июля 2012 года из издания «Spiegel online» за период с конца сентября 2011 по конец июня 2012 года, которые открылись по гиперссылке «Выборы президента России». Эти публикации вполне правомерно изучать как представляющие в медиапространстве одно событие в его постепенном развитии на всех этапах и во всех фазах. (Названные публикации были изучены под разными углами зрения, см. соответствующие результаты в [Гришаева 2012; 2013а; 2013б; 2013с].) Наиболее значимыми в описываемых медиатекстах следует признать изотопические отношения, сущностные для данного медиасобытия и связывающие средства, обозначающие время и место, в которых развивается описываемое событие, основных его участников (политические партии, кандидатов на должность президента (тогдашнего премьера В. В. Путина, его соперников, его соратников, его политических противников), электорат и его реакции на разворачивающиеся процессы, программы кандидатов, среду (атмосферу)

выборов, выборные комиссии, наблюдателей и др. Особое внимание уделяется структуре номинативных цепочек, «прошивающих» текст в целом и структурно, интенционально и функционально значимых для семантической и синтаксической организации любого текста [Viehweger 1978]. Знание о функциональном потенциале каждой номинативной цепочки важно для осмысления особенностей структурирования информационного потока, который зафиксировали тематически связанные между собой тексты как сообщающие о развитии одного и того же медиасобытия.

В данной статье предметом детального описания являются разнообразные средства обозначения референта «противники В. В. Путина». Анализ структуры выделенной для детального описания номинативной цепочки позволяет определить номинативные стратегии, которые адресанты реализовали при порождении соответствующих текстов: номинативная стратегия прямой идентификации, номинативная стратегия косвенной идентификации, номинативная аксиологическая стратегия, номинативная стратегия дескрипции.

Отдельные номинативные стратегии можно отграничить, во-первых, в опоре на цель номинативной деятельности, более или менее строго и определено соотносимой с характером когнитивной задачи, и, во-вторых, на строго лингвистических основаниях, среди которых прежде всего следует назвать следующие лингвистически релевантные закономерности:

- (1) особенности семантической структуры лексемы;
- (2) использование лексической единицы в прямом/переносном значении;
- (3) наличие/отсутствие оценочной семы в семантической структуре лексемы;
- (4) наличие/отсутствие позитивных/негативных коннотаций в семантике лексемы;
- (5) широта/конкретность лексической семантики;
- (6) наличие/отсутствие специализации лексической единицы на тот или иной контекст при ее употреблении;
- (7) принадлежность единицы к определенному грамматическому классу;
- (8) принадлежность лексической единицы к определенному лексико-грамматическому разряду;
- (9) использование грамматических форм в их первичной/вторичной функции;
- (10) функционирование языкового средства в прототипическом/непрототипическом для него контексте;
- (11) синтаксическая семантика той или иной структуры, в которой используется анализируемое номинативное средство;
- (12) соблюдение/нарушение конвенций, значимых и актуальных для языковой культуры,

а также другие параметры, с помощью которых можно удовлетворительно описать нередко противоречивое взаимодействие логической, лексической, формально-структурной, морфологической, синтаксической, словообразовательной семантики [Гришаева 2009: 64—65, а также Гришаева 2007].

Анализ выписанных языковых средств позволил выявить следующие номинативные стратегии:

— номинативная стратегия прямой идентификации, реализация которой позволяет адресанту именовать тот или иной объект действительности первичными языковыми средствами, благодаря чему соответствующие объекты легко распознаются в различных контекстах и идентифицируются: *die Gegner, Regierungsgegner, Wahlgegner, die Oppositionelle, Kundgebung „für faire Wahlen“, Kreml-Gegner, Schriftsteller Eduard Limonow, der Anti-Korruptions-Aktivist Alexej Nawalny, Demonstranten*;

— номинативная стратегия косвенной идентификации, реализуя которую адресант способствует распознаванию объекта по некоторому его качеству, но не называет напрямую соответствующий объект: *auf seinen (= Путин) Gegenkandidaten Michail Prochorow, Putin-Kritiker, Protestbewegung gegen Putin, schwache Gegenkandidaten, seine (= Путин) vier Gegenkandidaten, der kritische Radiosender Echo Moskau* (через признаки некоторого объекта идентифицируются люди), *Putin-Gegner, die Vereinigung von Intellektuellen, Künstlern und Journalisten, die Gegner des Kremls*;

— номинативная аксиологическая стратегия, благодаря которой идентифицируемый в акте познания объект внеязыковой действительности включается в аксиологическую категорию: *zersplitterte Opposition, Gegner des neuen und alten Präsidenten Wladimir Putin, Moskaus Demonstranten als Schafböcke, Bürger „mit russischem Pass, die im Interesse fremder Staaten arbeiten“, schmutzigen Medien-Kampagnen gegen die Opposition, die Anti-Putin-Revolution, Intellektuellen-Vereinigung, die neue Intellektuellenbewegung „Liga der Wähler“, darunter Nationalisten, extreme Linke und Liberale, Ultrationalisten, das Anti-Kreml-Bündnis, ein schlaksiger junger Mann, ehemaliger Profi-Pokerspieler, Kundgebung „für faire Wahlen“* (одновременно с идентификацией), *Regimekritiker Alexej Nawalny, „Schneerevolution“*;

— номинативная стратегия дескрипции, при реализации которой объект внеязыковой действительности идентифицируется через разнородные дескрипции: *Putin hatte sie ...pauschal mit „Judas“ gleichgesetzt, sein (= Навального) regierungskritischer Blog, der seit 2003 inhaftierte Putin-Gegner, eine besonders hinter dem Ural-Gebirge verbreitete Form des Protestes gegen Wahlfälschungen, das Symbol der friedlichen Anti-Putin-Proteste, der außerparlamentarische Politiker Wladimir Ryschkow, der Chef der oppositionellen Linksfrent Sergej Udaltow, in Oppositionskreisen als möglicher künftiger Präsidentschaftskandidat*.

Таким образом, очевидно, что сведения об одном и том же объекте действительности адресат концептуализирует по-разному, в результате чего этот объект в медиапространстве становится членом

разных категорий, будучи помещенным в разный когнитивный контекст. В результате один и тот же объект номинации — в нашем случае противники В. В. Путина — становятся разными объектами номинации, что определяется по характеру референции соответствующего языкового средства:

— движение как целенаправленно организованная кем-то группа людей или сознательно образовавшаяся по собственной инициативе группа людей: *die friedlichen Demonstranten, Demonstranten, Opposition, Oppositionelle, Anhänger der Protestbewegung, ihre* (=протестующих) *Führer; ihre* (=протестующих) *Anhänger*;

— участники акции как стихийно образовавшаяся группа людей: *Unbekannte, aufsässige Bürger; Demonstranten, die Demonstranten, die Protestler*;

— конкретный человек: *der Neinsager, Kreml-Gegner, der Kommunist Gennadij Sjuganow, Oppositionspolitiker Boris Nemzow, der Blogger und Putin-Kritiker Nawalny, Oppositionsführer Wladimir Ryschkow*;

— представитель(и) определенной группы людей: *Kritiker über die Plattform, Anführer der außerparlamentarischen Opposition, viele Oppositionelle, Moskaus junge Intelligenz, die bedrängten Aufklärer, die regierungskritische Zeitung „Nowaja gaseta“, die unabhängige russische Wahlbeobachterorganisation Golos, Oppositionspartei Jabloko, die Menschenmassen, Oppositionsführung, Oppositionsaktivist, der linke Oppositionspolitiker Sergej Udaltow*;

— действия группы людей: *Massenproteste, Forderungen und Vorwürfe der Opposition, Proteste gegen Putins Regierung, eine Serie von Protesten gegen die Regierung von Ministerpräsident Putin, beispiellose Proteste gegen Wahlbetrug, Kundgebungen von Putin-Gegnern, die größten Regierungs-Proteste, Massendemonstrationen, Demos*;

— действия конкретного человека: *seine Anti-Putin-Rede, der seltsam verzagt agierende Chef der Kommunisten, radikale Provokateure unter den Demonstranten*.

Внимательный анализ описываемых языковых средств позволяет обратить внимание на интересную особенность выбранных для изучения медиатекстов: в большинстве случаев идентификация протестующих против В. В. Путина осуществляется через прямую и/или косвенную отсылку к нему. В результате при концептуализации сведений об участниках протестов разнородные сведения о В. В. Путине попеременно становятся то когнитивной фигурой, то когнитивным фоном, то фон и фигура постоянно меняются. Это характерно как для отдельной статьи, так и для некоторых публикаций, освещающих определенную фазу развития события «выборы президента в России», а также для всей совокупности анализируемых медиатекстов в целом. (Следует учитывать, что когнитивный фон — это «часть воспринимаемой информации, находящейся не в фокусе восприятия; определяется при наличии когнитивной фигуры; контекст, в котором воспринимается объект, на который направлено внимание познающего субъекта в актуальном акте познания» [Гришаева, Цурикова 2008: 326]. Когнитивная фигура — «часть дифференци-

рованного информационного комплекса, инвариантно четко выделяемая при восприятии; воспринимается на когнитивном фоне... Объект, на который направлено восприятие в актуальном акте познания» [Гришаева, Цурикова 2008: 326].) В итоге один и тот же комплекс, активируемый разными способами, профилируется по-разному, что не может не сказываться на рецепции медиатекста носителями немецкой культуры, с одной стороны, и на структурировании сведений о России — с другой, как это осуществляет единичный и впоследствии, естественно, коллективный субъект.

Примерами для варьирования когнитивного фона и когнитивной фигуры могут стать следующие способы именованного того же самого референта:

— *Putin-Gegner, Anti-Putin-Rede, Putin-Kritiker, die Anti-Putin-Demonstranten* и др. Однако на фоне также не менее частотных способов обозначения того же референта типа *die Gegner Wladimir Putins, ein erbitterter Gegner von Wladimir Putin,*

— *Demokraten und Andersdenkende gegen die Kritiker des Immer-wieder-Präsidenten,*

— *Protest gegen Putin, eine Handvoll außerparlamentarischer Oppositioneller — cp.: ein Großteil der Bevölkerung, unsere Freunde, Freunde unserer Freunde, Verwandte und Bekannte, ein zufällig gemixter Cocktail, unter den jungen Aufreihern, unser liberaler prowesstlicher Rebell, die Liberalen, die meisten Intellektuellen.*

Очевидно, что в анализируемой номинативной цепочке присутствуют и те номинации, у которых имеется оценочная сема в семантической структуре лексемы или же позитивно/негативно коннотированные единицы, коннотация которых либо заложена уже системно, либо ее проецирует контекст: *die Gegner Wladimir Putins, Massenkundgebungen gegen Putin, das Wohl der Putin-kritischen Demonstranten, die dem Kreml nicht genehmen Kandidaten, das Anti-Putin-Bündnis, Hochburg seiner Gegner, blutige Auseinandersetzungen zwischen Protestierenden und Sicherheitskräften, der russische Kremlkritiker Alexej Nawalny, der Anti-Korruptions-Aktivist, ein Protestmarsch von mehr als 30000 Putin-Gegnern, in den Chor der Liberalen, der aktive Protest gegen Putin, Massenproteste gegen Wahlfälschungen, Oppositionsdemo, prominente Putin-Gegner, die Liberaldemokratische Partei des Ultranationalisten Wladimir Schirinowski, radikale Oppositionelle, viele linke Spontis.*

В качестве примеров проекции негативного фона на текст могут служить такие члены изучаемой номинативной цепочки: *der Kremlkritiker Chodorkowski — in die Offensive gegen Putin — einen unliebsamen Kritiker und Rivalen — die zur Wahl nicht zugelassene Opposition — bei Russlands Putin-Gegner — Vertreter der Opposition — gegen den inhaftierten Putin-Kritiker Michail Chodorkowski — einer der einflussreichsten Geschäftsmänner Russlands.*

Рассматривая все отобранные для анализа языковые средства в качестве единой номинативной цепочки, необходимо заметить, что аксиологический заряд, проецируемый отдельными «звеньями» номинативной цепочки на нее как совокупность средств обозначения одного референта и на текст в целом, как правило, иррадирует

контекст, т. е. этот заряд порождается в дискурсе через конструирование таких условий, при которых тот или иной объект внеязыковой действительности включается в аксиологическую категорию. Побочным эффектом становится то, что сообщаемые в таких медиатекстах сведения воспринимаются не как реализующие стратегию информирования, а как манипулирование сознанием, отретушированное под сообщение мнений о ком-/чем-либо и становящееся явным только при тщательном анализе средств реализации дискурсивных стратегий. Тем самым становится понятным, каким образом в медиадискурсе осуществляется переструктурирование комплекса сведений и публичной повестки дня.

Описанные явления, несомненно, играют весьма значимую роль в организации соответствующих текстов. С одной стороны, они связывают воедино сведения из разных номинативных цепочек, прежде всего из цепочек «Путин» и «противники Путина». Кроме того, анализируемая номинативная цепочка связана также с иными — с цепочкой «соратники В. В. Путина», «соперники В. В. Путина на выборах», «электорат», «реакция электората на сопровождающие выборы события» и др. Поэтому аксиологический потенциал из одной цепочки просцируется на другие, в результате чего аксиологический заряд умножается, а то и потенцируется — в зависимости от фазы развития события, от типа текста, а также наличия/отсутствия авторства (см. подробнее в [Гришаева 2012; 2013а; 2013б; 2013с]). С другой стороны, выявление способов сочленения разных номинативных цепочек в текстовом пространстве позволяет также понять, как дискурсивная стратегия «информирование» превращается в принципиально иную стратегию — стратегию «манипулирование». В гипертексте, с которым исследователю-лингвисту все чаще приходится иметь дело, выявленный аксиологический потенциал отдельного медиатекста акцентируется и переносится на все остальные, в особенности если реципиент внимательно — пристально — следит за развитием интересующего его медиасобытия.

Обобщение, значимое для понимания эффективности способов конструирования дискурсивной реальности через медиатекст разного типа, можно сформулировать таким образом.

Структура номинативной цепочки в медиатексте об инокультурной политической реальности зависит от ряда когнитивно и коммуникативно релевантных параметров, предопределяющих селективное восприятие воспринимаемых реципиентом — носителем иной, нежели та, о которой сообщает медиатекст, культуры сведений об инокультурной реальности и особенности структурирования информационного потока в целом. Это:

— содержание позитивных и негативных авто- и гетеростереотипов,

— подведение адресантом воспринимаемых сведений под категорию определенного типа,

— способ профилирования комплекса сведений о воспринимаемой политической действительности,

— соответствие/несоответствие результатов концептуализации сведений об инокультурной реальности адресантом медиатекста прототипам осмысления действительности в соответствующей языковой культуре,

— тип коммуникативной задачи,

— способ вербализации активизируемых сведений,

— особенности организации гипертекста,

— соответствие/несоответствие результатов концептуализации и категоризации сведений об инокультурной реальности у адресанта и адресата.

Вместе с тем при анализе способов конструирования аксиологического фона целесообразно иметь в виду и факторы, обуславливающие аберрацию оценок в межкультурной коммуникации. Прежде всего важно помнить, что:

— объект части культуры не обязательно является объектом оценки в конкретном акте познания и коммуникации;

— объект оценки в «своей» для субъекта культуре (или объекту), относящийся к какой-либо части культуры или культуре в целом не (всегда) совпадает с объектом оценки в «чужой» для субъекта культуре;

— характер оценки одного и того объекта в разных культурах, как правило, не тождественен;

— идентификация объекта в акте познания не тождественна его оценочной категоризации — при этих когнитивных операциях когнитивно значимыми оказываются **разные** признаки;

— сведения о «своей» и/или «чужой» культуре и/или коммуникантах влияют на процессы концептуализации и категоризации;

— статус оцениваемого объекта в «своей» культуре и в конкретном типе интеракции, значимость характеристик субъекта оценки в разных культурах, особенности объекта оценки, условия экспликации оценки оказывают значимое влияние на результат аксиологической категоризации, в особенности в аксиологически нейтральном когнитивном контексте;

— связь формы и характера оценки того или иного объекта инокультурной действительности, высказываемой в конкретных условиях, с актуальными для данной культуры конвенциями, как правило, не нарушается. Противоречие между ними сказывается на дальнейшей деятельности коммуниканта в «своей» культуре;

— оценочное высказывание любого характера и любой структуры не является оценкой элемента культуры. Оно может быть средством реализации и других дискурсивных стратегий, функциональный потенциал и среда функционирования которых известны носителям соответствующей культуры.

Литература

- Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 1-ХУ.
- Грановская 1981 — *Грановская Р. М.* Восприятие и признаки формы. Л.: Наука, 1981.
- Гришаева 2006 — *Гришаева Л. И.* Индивидуальное использование языка и когнитивно-дискурсивный инвариант «Языковая личность» // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. 2006. Тамбов. С. 16—22.
- Гришаева 2007 — *Гришаева Л. И.* Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. Воронеж: ВГУ, 2007.
- Гришаева 2009а — *Гришаева Л. И.* Идентичность коммуниканта и когнитивные рамки восприятия «свой — чужой», «свой — другой» // Перевод и страноведение. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. С. 105—152.
- Гришаева 2009б — *Гришаева Л. И.* Дискурс как реализация когнитивных, номинативных и дискурсивных стратегий коммуникантов // *Гришаева Л. И., Катанова Е. Н., Кашкина О. В., Бойко М. А.* Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации: Коллективная монография. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. С. 58—90.
- Гришаева 2010 — *Гришаева Л. И.* Средства и способы создания аксиологического контекста. // Медиатекст: стратегии — функции — стиль. Орел: ООО Горизонт, 2010. С. 80—100.
- Гришаева 2012 — *Гришаева Л. И.* Заголовки медиатекстов как когнитивная и аксиологическая рамка при концептуализации сведений о мире // Когнитивные исследования языка. Вып. 13: Ментальные основы языка как функциональной системы: Сб. науч. трудов, посвященный Н.А. Кобриной. Москва; Тамбов, 2012. С. 166—177.
- Гришаева 2013а — *Гришаева Л. И.* Функциональный потенциал прецедентных феноменов в заголовках немецких медиатекстов // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания: Межвузовский сб. статей. Вып. 4. Киров: Изд-во ВятГУ, 2013. С. 30—34.
- Гришаева 2013б — *Гришаева Л. И.* Фазы развития события «выборы президента России» в зеркале заголовков немецких медиатекстов // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. Материалы докладов 5 международной интернет-конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации». Саратов: ИЦ «Наука», 2013б. С. 28—42.
- Гришаева 2013с — *Гришаева Л. И.* Способы обозначения элементов инокультурной политической реальности в актуальных не-

мецких медиатекстах // Политическая лингвистика. 4(46) 2013. Екатеринбург, 2013с. С. 38—41.

- Гришаева, Цурикова 2008 — *Гришаева Л. И., Цурикова Л. В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. 5-е изд. М.: Издательский центр «Academia», 2008.
- Кубрякова 1997 — *Кубрякова Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов. / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: МГУ, 1997.
- Кубрякова 2004 — *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Медиатекст 2010 — Медиатекст: стратегии — функции — стиль: Коллективная монография / Под общ. ред. Л. И. Гришаевой, А. Г. Пастухова, Т. В. Чернышовой. Орел: ООО Горизонт, 2010.
- Солсо 2002 — *Солсо Р. Л.* Когнитивная психология / Р. Л. Солсо М.: Тривола, Либерия, 2002.
- Языковые средства 2009 — Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации: Коллективная монография / Л. И. Гришаева, Е. Н. Катанова, О. В. Кашкина, М. А. Бойко. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009.
- Anderson 2001 — *Anderson J. R.* Cognitive Psychologie. Heidelberg; Berlin: Spektrum: Akademischer Verlag, 2001.
- Fix 2008 — *Fix U.* Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. — Berlin: Frank & Timme, 2008.
- Koch 2006 — *Koch G.* Wissensmanagement [knowledge management] // Leon R. Tsvasman (Hrsg.). Das große Lexikon Medien und Kommunikation. Würzburg: Ergon-Verlag, 2006. S. 337—341.
- Kuße 2012 — *Kuße H.* Kulturwissenschaftliche Linguistik als europäische Sprachwissenschaft // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 9. М.: Языки славянской культуры, 2012. S. 174—192.
- Link 2005 — *Link Jü.* Warum Diskurse nicht von personalen Subjekten 'ausgehandelt' werden // Die diskursive Konstruktion von Wirklichkeit / R. Keller, A. Hirsland, W. Schneider, W. Viehöver (Hrsg.). Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2005. S. 77—99.
- Perren 2006a — *Perren D.* Mediensprache [media language] // Leon R. Tsvasman (Hrsg.). Das große Lexikon Medien und Kommunikation. Würzburg: Ergon-Verlag, 2006a. S. 265—270.
- Perren 2006b — *Perren D.* Textproduktion [textproduction] // Leon R. Tsvasman (Hrsg.). Das große Lexikon Medien und Kommunikation. Würzburg: Ergon-Verlag, 2006b. S. 322—326.
- Viehweger 1978 — *Viehweger D.* Struktur und Funktion nominativer Ketten im Text // Kontexte der Grammatiktheorie / Hrsg. von W. Motsch. Berlin: Akademie-Verlag, 1978. S. 149—168.

ZUSAMMENFASSUNG**Kognitive Filter und sprachliche Ausdrucksmittel
für den axiologischen Kontext
beim Wissensmanagement im Diskurs**

Im Beitrag werden Ausdrucksmittel und Arten der diskursiven Konstruktion von Wirklichkeit behandelt, bei deren Einsatz axiologisch neutrale Ausdrucksmittel als wertende wahrgenommen werden. Dies trägt zum Erfassen von Regularitäten des Wissensmanagements im Diskurs bei und erklärt, wie Informieren des Adressaten zum dessen Manipulieren wird. Besondere Aufmerksamkeit wird der Textgestaltung von Medientexten geschenkt, die dem deutschen Rezipienten von einer Kultur berichten. Durch die Beschreibung von Ausdrucksmitteln mit Referenzidentität wird auf nominative Strategien des Adressanten eingegangen, die beim Textgegenieren eingesetzt werden.

А. В. КУЗНЕЦОВ

(Московский педагогический государственный университет)

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ОБИХОДНОГО ДИСКУРСА С ПОМОЩЬЮ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В данной статье описывается использование корпуса интернет-текстов так называемых синхронных жанров (сообщений пользователей в социальных сетях, ICQ, Skype) в качестве источника фактического материала для исследований в области коллоквиалистики и анализа обиходного дискурса.

Эти два направления представляются достаточно хорошо разработанными как в российской, так и в зарубежной германистике. Общие и частные вопросы, связанные с описанием языка повседневного общения в рамках коллоквиального и дискурсивного направлений, были разработаны в трудах В. Д. Девкина [1994], А. М. Поликарпова [2000], Л. А. Нефедовой [2002], В. А. Собыниной [2004], Н. А. Антроповой [2005], Р. И. Бабаевой [2008] и др. В немецкой лингвистике к данной проблематике обращались Й. Швиталла [2003], Р. Рат [1979], Т. Гиннефельд [1999] и др.

Тем не менее любое исследование области анализа обиходного дискурса или языка повседневного общения неизбежно сталкивается с неразрешенной методологической проблемой: с необходимостью поиска и отбора фактического материала. Поскольку обиходный дискурс реализуется исключительно в устной форме, язык повседневного общения необходимо анализировать на основе записей или протоколов реальных, неподготовленных устных бесед носителей языка, протекающих в неформальной обстановке. Если для исследования требуется значительный объем актуального фактического материала, вопрос его сбора достаточно часто представляет собой более серьезную проблему, чем собственно планируемое исследование.

Прежде всего, запись устных бесед носителей языка предполагает постоянное пребывание в естественной языковой среде, а также требует специальных навыков работы с информантами. С одной стороны, исследователю необходимы записи неподготовленных, частных бесед, а с другой — запись таких бесед, сделанная без ве-

дома участников коммуникации, является вторжением в их частную жизнь [Бабаева 2008: 40].

Другая сложность заключается в выборе формы фиксации устной речи на письме. После сбора определенного количества записей возникает необходимость их транскрипции, обработки и систематизации для дальнейшего лингвистического анализа. Этот процесс перекодирования является чрезвычайно трудоемким, требует значительных временных затрат, зависит от квалификации исследователя, который выполняет транскрибирование, а также от особенностей конкретной транскрипционной системы. Вероятность того, что при перекодировании часть информации будет искажена или утрачена, является достаточно высокой.

Существенным новшеством, позволяющим значительно упростить проведение исследований в области анализа языка повседневного общения, является активное использование корпусов устных текстов. Их разработка в настоящее время находится на начальной стадии развития, что связано прежде всего со значительными техническими трудностями в сборе этих корпусов.

Наиболее крупным из существующих корпусов этого типа является онлайн-корпус *Gesprochene Sprache*, доступный на портале *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache* (www.dwds.de). Он содержит более 2,5 млн единиц, находится в свободном доступе, снабжен удобной поисковой системой, но, к сожалению, малопригоден для изучения собственно языка повседневного общения, поскольку содержит в основном записи подготовленных монологов и диалогов (публичных речей, интервью, выступлений в парламенте).

Полнотекстовый корпус неподготовленных диалогов *Forschungs- und Lehrkorpus für gesprochenes Deutsch* содержится на сайте Института немецкого языка в г. Маннгейм. Он содержит транскрипты и оцифрованные записи бесед носителей немецкого языка в неформальной обстановке. Основным недостатком данного корпуса следует считать его небольшой размер. В состав корпуса входят всего 95 коммуникативных событий, что делает затруднительным проведение серьезного исследования на его основе.

Можно констатировать, что проблема сбора фактического материала является определяющей для любых современных исследований языка повседневного общения. Хотя многие лингвисты и пытаются обойти стороной эту проблему, именно качество фактического материала определяет результат исследования.

Быстрое развитие интернет-технологий открывает перед коллоквиалистикой и дискурс-анализом принципиально новые, недоступные ранее возможности по поиску и анализу фактического материала. Совсем недавно повседневная человеческая коммуникация осуществлялась почти исключительно в устной форме. В настоящее время значительная часть повседневных контактов каждого чело-

века осуществляется в письменной форме с помощью различных коммуникационных программ и сервисов (социальных сетей, Skype, SMS), обеспечивающих мгновенную доставку письменных сообщений от одного участника коммуникации к другому посредством сети Интернет. Например, с помощью социальной сети Facebook каждые 20 минут пользователи обмениваются 3 миллионами сообщений [Facebook Statistics].

Это привело к существенному изменению статуса письменной речи. Письменная коммуникация в современном мире может обслуживать ту же сферу, что и устная речь — сферу неформального личного общения, что делает возможным реализацию обиходного дискурса в письменной форме. Таким образом, опираясь на корпуса сообщений пользователей в социальных сетях или в Skype, исследователи получают доступ к практически неограниченному количеству готового фактического материала для исследований.

Данный метод сбора материала обладает как преимуществами, так и недостатками. К очевидным недостаткам следует отнести невозможность исследовать таким образом явления фонетического плана, а также сферу невербальной коммуникации в обиходном дискурсе.

Несомненными же преимуществами использования корпусов интернет-текстов является возможность быстрого сбора материала, большая репрезентативность по сравнению с корпусами разговорной речи за счет на порядок большего объема корпуса, возможность постоянного обновления и отсутствие необходимости транскрибирования устной речи.

Так, корпус, на который опирается данное исследование, был создан примерно за 3 месяца, причем основное время было затрачено на создание компьютерной программы, которая в автоматическом режиме занималась сбором корпуса из множества источников. Эта программа может быть в дальнейшем использована для создания более обширных корпусов.

В состав корпуса вошли 12572 сообщения пользователей из социальных сетей и программ мгновенного обмена сообщениями (Skype, ICQ). Сообщения датируются периодом от 2004 до сентября 2012 года. Общее число участников коммуникации, сообщения которых были отобраны в корпус, составляет 9415, что обеспечивает достаточную репрезентативность выборки и минимизирует влияние различных региональных особенностей немецкого языка.

Единица хранения данных в корпусе выглядит следующим образом:

содержание:

1. *Der Kohnen ist ja so geil*

2. *Warum?*

1. *Naja, wir sin bei mir durch die Ortschaft gefahren.. Etwas zu schnell natürlich.*

2. *Dann war da eine Polizeikontrolle und die haben uns angehalten, zwar nicht geblitzt aber haben uns halt verwarnt, wir seien zu schnell gefahren*

1. *aha un dann?*

.....

жанр: сообщение ICQ

источник: <http://german-bash.org/286596>

год: 2009

Для сравнения, фрагмент корпуса Forschungs- und Lehrkorpus für gesprochenes Deutsch Института немецкого языка в г. Маннгейм выглядит следующим образом:

es gibt sogar en alten oder was

ha sie wollt jo die woch des jo irgendwann mal mache awa

stimmt genau

morgen wär er weggewesen

hans der kommt heute

Сходство между языковым оформлением высказывания в текстах обоих корпусов представляется очевидным. Основным различием является использование транскрипционной системы в корпусе Forschungs- und Lehrkorpus für gesprochenes Deutsch.

Обращение к корпусам интернет-текстов представляется продуктивным прежде всего для тех исследователей, которые занимаются анализом лексических особенностей обиходного дискурса, а также особенностей языка повседневного общения на морфологическом и синтаксическом уровнях. Традиционно исследования именно в этом направлении сталкивались с недостаточным количеством фактического материала.

Например, в рамках данного исследования были проанализированы наиболее распространенные морфологические особенности языка обиходного общения, отличающие его от языковой системы кодифицированного литературного языка. К самым распространенным языковым особенностям, зафиксированным более чем в 3 % текстов корпуса, относятся:

1) сокращение употребления генитива, в том числе почти полное исчезновение предложного генитива;

2) употребление глагола *brauchen* без частицы *zu*:

*das **brauchst** du mir nicht **sagen**, du weisst doch das mein Vater Libanese ist. ne **brauchst** keine isomatte **mitbringen** du kannst auf den boden schlafen;*

3) распространение конструкции *am + Infinitiv*:

*grad voll **am photoshopp**en gewesen;*

4) отсутствие окончания у глагола в форме первого лица единственного числа:

*morgen is dienstag — da **geh** ich nur saufen und wochenende einläuten;*

5) энклиза личного местоимения и глагола в форме второго лица единственного числа:

dann **machste** erstmal das;

6) выпадение личных местоимений:

*Da hab ich mir gedacht komm **schreibst** mal ne bewerbung irgendwo hin;*

7) ограничение употребления претерита сферой модальных глаголов и глаголов sein и haben;

8) употребление сокращенных форм артикля:

*als das letzte ma straomausfall war; wollte ich **n** buch lesen*

*hatte auch das von **nem** kumpel hier;*

9) случаи клитизации артикля и предлога, не встречающиеся в кодифицированном литературном языке:

*Arbeitskollegin von meiner Mum ruft gestern bei der Telekom an weil ihr Internet nicht geht... sacht der **vonner** Telekom: wir können Sie nicht finden*

*lol beim einkaufen eh ^ ^ steigen aus, papa drückt mirn korb **inne** hand*

*also pack ich wasser **innen** topf und mach die platte an*

*un die Idioten schicken mirs W800i :D **fürn** gleichen preis*

*ich stand in der stadt an der haltestelle und hab **aufn** bus gewartet;*

10) употребление конструкции son(e):

*und zum anderen ist natürlich gar keine richtige Arbeit möglich mit **einem sonem** kranken Hasen.*

Значительный объем корпуса позволяет предположить, что широкая распространенность данных особенностей связана с определенными тенденциями в развитии немецкой языковой системы. В социолингвистическом плане низшая страта, которой является язык обиходного общения, всегда более подвижна и относительно четко показывает развитие языкового строя, чем кодифицированный литературный язык.

Так, употребление кратких форм артикля может быть связано с тенденцией к упрощению достаточно сложной артиклевой системы немецкого языка, в то время как конструкция *son-* представляет собой процесс формирования неопределенного указательного местоимения, которое заполняет лакуну в местоименной системе немецкого языка и находится в оппозиции с *dies-* [Кузнецов 2013: 103—106].

Употребление глагола *brauchen* без частицы *zu* отражает процесс перехода данного глагола из класса полумодальных (*Halbmodalverb*) в модальные. В кодифицированном литературном языке сфера употребления данного глагола ограничена отрицательными предложениями с модальным значением необходимости: *Er **braucht** das nicht zu machen.*

В проанализированном же корпусе распространено употребление глагола *brauchen* без отрицания, а также без окончания в форме первого лица единственного числа, что в грамматическом плане делает его почти неотличимым от модальных глаголов:

*da **braucht** man nur noch eine Karte **verlieren**;*)

*Video **brauch** ich erst **machen**, wenn er fährt oder?:) Aber hier hab ich etwas gefunden, ich glaube ich benötige den baja 5t Rammer DOCH*

*kochen will ich nicht, renovieren brauch ich nicht, vor gericht muss ich nicht, also was soll ich mit privatfernsehen? *g**

Конструкция *sein+am+ substantiviertes Infinitiv* в немецкой лингвистике носит название *Verlaufsform* и служит для выражения длительности действия, соответствующего категории *Continuous* в английском языке.

Данная конструкция переживает процесс грамматикализации, выражаемый в постепенном утрате инфинитивом субстантивированного статуса, ср.:

hab zuerst den film gesehen und bin am buch lesen... hab auch noch langes nicht von der liste, aber ALLES werde ich auch nicht lesen!

ganz liebe grüsse an euch alle und bin am brief schreiben!

Bist Du schon wieder am Kraut rauchen?

Sorry, ich war am Fussball spielen mit Freunden und dachte, das meine zwei Co-Administratoren (Menschen, die die Gruppe Managen (Regeln und Posten und so)) weiterposten.

Из-за написания инфинитива со строчной буквы и расширению инфинитивной группы данная конструкция воспринимается скорее как глагольная форма. Это процесс также связан с заполнением одной из лакун в немецкой глагольной системе. Существует достаточно много коммуникативных ситуаций, прежде всего в обиходном дискурсе, которые требуют описания пролонгированного действия в момент речи. Хотя эта лакуна может быть заполнена лексическими средствами (*Er sieht gerade fern*), язык все же стремится к выработке некой аналитической формы, обозначающей длительный вид.

Проведение такого анализа стало возможным благодаря значительному объему корпуса интернет-текстов. В отличие от существующих корпусов разговорной речи, малый размер которых позволяет зафиксировать лишь несколько десятков употреблений определенного языкового явления, корпус интернет-текстов дает возможность собрать несколько сотен или тысячи употреблений. Таким образом, исследователи могут не только констатировать наличие определенной тенденции в языковой системе, но и изучить ее распространенность путем статистического анализа и наблюдать развитие этой тенденции в так называемой «малой диахронии» — на протяжении нескольких лет развития языка, охватываемых корпусом.

Еще более ценным источником фактического материала корпус интернет-текстов может служить для работ по лексическим особенностям языка повседневного общения. Именно это направление коллоквиальных и дискурсивных исследований наиболее часто сталкивается с нехваткой актуального фактического материала. Поскольку размер существующих корпусов размера недостаточен для получения нужного количества употреблений лексической единицы в разных контекстах, исследователи вынуждены прибегать к словарям разговорной речи, а не опираться собственно на обиходный дискурс.

Таким образом, данная работа демонстрирует, что корпуса интернет-текстов синхронных жанров могут представлять собой ценный источник фактического материала для множества исследований в области коллоквиалистики и дискурсивного анализа. Представляется перспективным дальнейшее развитие методов сбора и анализа этого типа корпусов, а также составление корпусов значительного объема, которые должны стать общедоступными в Интернете.

Литература

- Антропова 2005 — *Антропова Н. А.* Словообразование в сфере немецкой разговорной лексики (на материале имени существительного). М., 2005.
- Бабаева 2008 — *Бабаева Р. И.* Незнаменательная лексика в обиходном дискурсе (на материале немецкого языка). М., 2008.
- Девкин 1994 — *Девкин В. Д.* Немецко-русский словарь разговорной лексики. М., 1994.
- Зеленецкий 2010 — *Зеленецкий А. Л.* Некоторые вопросы построения фундаментальной исторической грамматики // Язык: закономерности функционирования и развития: сб. к юбилею Н. Н. Семенюк. М., 2010.
- Кузнецов 2013 — *Кузнецов А. В.* Сокращенные формы артикля в немецкой интернет-коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12.
- Нефедова 2002 — *Нефедова Л. А.* Явление девиации в лексике современного немецкого языка. М., 2002.
- Поликарпов 2000 — *Поликарпов А. М.* Сложное предложение в немецкой разговорной речи. Архангельск, 2000.
- Собянина 2004 — *Собянина В. А.* Взаимодействие терминологической и обиходно-разговорной лексики в немецком языке. М., 2004.
- Rath 1979 — *Rath R.* Kommunikationspraxis. Analysen zur Textbildung und Textgliederung im gesprochenen Deutsch. Göttingen, 1979.
- Tinnefeld 1999 — *Tinnefeld T.* Mängel in der Unterscheidung zwischen geschriebener und gesprochener Sprache im Deutschen als Fehlerursache beim schriftlichen Fremdsprachengebrauch. Aachen: 1999.
- Schwitalla 2003 — *Schwitalla J.* Gesprochenes Deutsch. Eine Einführung. Erich Schmidt Verlag, 2003.
- Facebook Statistics — Электронный ресурс. (Режим доступа: <http://www.statisticbrain.com/facebook-statistics/>. — Дата обращения: 24.02.1014. — Загл. с экрана.)

ZUSAMMENFASSUNG**Methodologie der Analyse des deutschen
Alltagsdiskurses durch internetbasierte Kommunikation**

In diesem Beitrag wird die empirische Grundlage der Untersuchung vom Alltagsdiskurs im Korpus der Internettextrten beschrieben. Schriftliche Fixierung des Alltagsdiskurses im Internet erleichtert wesentlich den Prozess der Korpusvorbereitung und hat deshalb einen großen Vorteil vor Korpora gesprochenen Sprache.

Ж. В. НИКОНОВА

(Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова)

**РОЛЬ ДИСКУРСИВНЫХ ФАКТОРОВ
В ФОРМИРОВАНИИ
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА РЕЧЕВОГО АКТА**

Обращение к вопросу о влиянии дискурсивных условий на план содержания и план выражения речевого акта является отражением общей тенденции в современной науке о языке, согласно которой языковые средства, используемые говорящим в речевом акте, рассматриваются в непосредственной взаимосвязи с условиями их функционирования, с тем прагматическим контекстом, в котором они употребляются.

В современной лингвистической прагматике речевой акт понимается как функционально цельный фрагмент коммуникации, ядром которого выступает текст, являющийся единицей дискурса с заданной иллокутивной функцией (монолог, диалог или полилог). Речевой акт имеет, согласно такому взгляду, две структурные составляющие: ситуацию (рассматриваемую как фрагмент существующей реальности, частью которой может быть и вербальный акт) и дискурс (понимаемый как вербализованная речемыслительная деятельность, совокупность процесса и результата, обладающая собственно-лингвистическим и лингво-когнитивными планами) (В. В. Красных). Речевая ситуация признается языковедами при этом не просто внешней оболочкой, сферой, в границах которой совершается акт коммуникации, а совокупностью условий, определяющей содержание и форму речевого произведения (А. А. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Э. П. Шубин, Н. И. Формановская и мн. др.).

В современной лингвистической литературе представлены различные описательные модели внешней структуры речевого акта, включающие константные и вариативные компоненты речевой ситуации. Константными компонентами, или признаками, речевой ситуации считаются: 1) участники (адресант, адресат, аудитория); 2) предмет речи; 3) обстоятельства (место, время, используется устная или письменная речь, условные знаки и пр.); 4) код (язык, ди-

алект, стиль); 5) речевой жанр (например, проповедь); 6) событие (например, церковная служба, одной из ситуаций которой является ситуация проповеди); 7) оценка эффективности речи (например, тронула ли проповедь сердца); 8) цель — то, что по мнению участников, могло бы быть результатом речи в данной ситуации.

В то время как многие из представленных компонентов внешней структуры речевого акта освещены в лингвистической литературе достаточно подробно, некоторые остаются малоизученными. В частности, в настоящей статье хотелось бы обратить внимание на такой недостаточно исследованный компонент речевой ситуации, как событие, соотносящее речевой акт с той дискурсивной средой, в которой речевой акт непосредственно реализуется.

Типовые характеристики дискурса отражают основные социальные параметры коммуникации, определяют условия общения и, как следствие, не могут не оказывать влияния на функционально-прагматические особенности речевого акта при его реализации в конкретном типе дискурса. Данный тезис проиллюстрируем на примере речевого акта возмущения в современном немецком языке. В качестве практического материала используем примеры реализации речевого акта указанного иллокутивного типа в различных типах немецкоязычного дискурса, содержащие экспликатор иллокутивной функции. При анализе языковых фактов будем опираться на типологию дискурса В. И. Карасика [Карасик 2000], разграничивающего личностно-ориентированный и статусно-ориентированный дискурсы. По мнению данного ученого, личностный (персональный) дискурс представлен двумя основными разновидностями — бытовым (обиходным) и бытийным дискурсами. Специфика бытового дискурса состоит в стремлении максимально сжать передаваемую информацию, в связи с чем актуальной является лишь многообразная оценочно-модальная квалификация происходящего. Бытийный дискурс предназначен для нахождения и переживания существенных смыслов и основан на художественном и философском постижении мира. Статусно-ориентированный дискурс представляет собой институциональное общение, т. е. речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития. Данный подход может служить основанием для разграничения таких видов дискурса, как, например, политический, дипломатический, юридический, военный, педагогический, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и др.

Рассмотрим, как типовые характеристики дискурса модифицируют план содержания речевого акта возмущения в различных сферах немецкоязычной коммуникации. Прежде всего обратимся к освеще-

нию семантических компонентов, формирующих иллокутивную семантику речевых актов возмущения.

В прагматической лингвистике речевой акт возмущения описывается как «самостоятельный иллокутивный тип речевого акта с полиинтенциональным ядром, в состав которого входят: а) выражение эмоции возмущения, б) отрицательная оценка объекта речи, в) воздействие на реципиента, осуществляемое говорящим с целью призыва к ответственности и изменения поведения в соответствии с нормативными установками говорящего» [Соловьева 2013: 7]. Таким образом, речевой акт возмущения имеет эмотивно-оценочно-регулятивный характер, предопределяющий его использование говорящим в различных ситуациях общения.

Исследования эмпирического материала показывают, что при реализации речевого акта возмущения в обиходном дискурсе наиболее ярко проявляется его эмотивно-оценочный компонент, поскольку именно в повседневном общении люди склонны выражать свою оценку ситуации эмоционально и открыто. Наиболее характерными особенностями употребления возмущения в данной коммуникативной сфере являются ярко выраженная эмоциональная категоричность и высокая модальная насыщенность, например: *Die Unternehmer sind stinksauer über die „Abzocke“!* — in Web-Foren empören sich Internetnutzer über die neue Rundfunkgebühr für alle PCS, die ab 1. Januar 2007 fällig wird (Hamburger Morgenpost, 19.07.06). В данном примере обиходного общения в интернет-форуме говорящий эмоционально оценивает действия властей по поводу введения новых налоговых сборов как обманные, мошеннические. Свою отрицательную оценку он выражает достаточно категорично посредством эмоционально насыщенного суждения в форме простого восклицательного предложения с использованием эмоционально-экспрессивных отрицательно-оценочных лексем (*Abzocke, stinksauber*). Как показывают результаты исследования, указанные синтаксические и лексические средства языка являются достаточно характерными для реализации речевых актов возмущения в обиходном дискурсе. Эмоциональное выражение отрицательной оценки по тому или иному поводу осуществляется говорящим в ситуациях повседневного общения, как правило, в краткой, сжатой форме, без аргументации и объяснений, часто с использованием лексики сниженного регистра, грубых и бранных выражений, а также разнообразных модальных слов и частиц, что соответствует общим параметрам коммуникативной ситуации возмущения: *«Schrei doch nicht gleich!»* — empörte sich Laura (G. Szendrödi), *«Halt die Klappe!»* — empörte sich Lell-Nuel-Nuel, und er stieß Lücke angewidert von sich (G. Szendrödi) и пр. Учитывая тот факт, что речевыми свойствами текстов обиходного дискурса являются эллиптичность, избыточность, повышенная экспрессивность, эмотивность (что, в свою очередь, обусловлено такими его конститутивными признаками, как неофициальная, лично-ориентированная форма

общения, естественный и неподготовленный характер коммуникации) [Федосова 2012: 6], можно говорить о том, что план выражения речевого акта возмущения в обиходном дискурсе отражает те компоненты его иллокутивной семантики, которые акцентируются при реализации речевого акта возмущения именно в этом типе дискурса — «выражение эмоции возмущения» и «отрицательная оценка объекта речи».

Многие лингвисты отмечают, что отличительной чертой отрицательной оценочности речевого акта возмущения является высокая степень ее интенсивности. Так, Т. В. Маркелова, исследуя семантику и прагматику средств выражения оценки, приходит к выводу, что градация степени интенсивности отрицательной оценки происходит по следующей схеме. Ядром отрицательно-оценочных речевых актов является речевой акт неодобрения (сема «плохо»), более высокую степень отрицательной оценки выражают речевые акты порицания (сема «довольно плохо»), и замыкают цепь интенсивности отрицательных оценок в ядре оценочной семантики речевые акты возмущения (сема «очень плохо») [Маркелова 1995: 76].

Исследование функционирования речевого акта возмущения в разных типах дискурса показывает, что степень и форма выражения отрицательной оценочности в речевых актах исследуемого типа варьируется в зависимости от дискурсивных условий. Например, в связи с тем, что общими доминантами научного дискурса являются его обобщенность, отвлеченность и подчеркнутая логичность изложения [Кожина 1993], приоритет письменных и монологичных форм, «общая сухая серьезность» речи [Трусов 2008: 19], реализация речевого акта возмущения в сфере научной коммуникации является достаточно ограниченной, поскольку данный тип речевого акта является, как правило, средством коммуникации в диалоге (в том числе предполагаемом). Практически единственным жанром научного дискурса, где актуализируется речевой акт возмущения, является жанр научных дискуссий и споров. Однако с учетом тенденции некатегоричности критики и неконфронтативности в научной коммуникации, находящих свое выражение в косвенных стратегиях отрицательной реакции, ее смягчения и маскировке [Маслова 2007], отрицательная оценочность и крайняя степень эмоциональности, свойственные речевым актам возмущения в обиходном дискурсе, получают в научном дискурсе более культурную, «мягкую» форму выражения, например: „*Absolut unakzeptabel!... (das) heißt hier: Ich bin in der konkreten Situation nicht bereit, mich auf eine Diskussion darüber einzulassen, ob man nicht doch einem Kind bei so einem Anlass Angst und Schmerzen zufügen dürfte. Meine Empörung bin ich auch nicht bereit zur Disposition zu stellen, also mit dem Gedanken zu spielen, dass ich hier vielleicht ein anderes Verhaltensmuster annehmen könnte...*“ [Hoyningen-Huene 2009: 20—21]. Здесь в речевом акте возмущения *Absolut unakzeptabel!*, как и в других примерах речевых актов возмущения в научном дискурсе, отрицательная оце-

ночность выражается с помощью нейтральных лексем, имеющих отрицательные компоненты значения, с усилительными словами или частицами. Эмоциональность и экспрессивность возмущения достигается здесь так же, как и в обиходном дискурсе, за счет использования говорящим простых, чаще односоставных, восклицательных предложений. Тем не менее категоричность и интенсивность возмущения снижается самим говорящим за счет последующих аргументативных речевых актов, объясняющих причину использования им при выражении своего мнения в научной дискуссии речевого акта возмущения.

Высокая степень эмотивности речевого акта возмущения может служить причиной ограничения его реализации в отдельных типах институционального дискурса, не допускающих проявления интенсивных отрицательных чувств и оценок в адрес реципиента, таких, например, как дипломатический, юридический и пр. Дискурсивные условия не позволяют говорящему в этом случае использовать речевой акт возмущения для реализации своих прагматических целей: статусно-ориентированный тип дискурса обеспечивает речевое взаимодействие социальных групп и институтов, поэтому в текстах, принадлежащих к институциональному дискурсу, содержится, как правило, только фактическая информация. Данная сфера коммуникации существенно ограничена в выражении чувств, эмоций, экспрессии, поэтому субъективное отношение говорящего к предмету сообщения не эксплицируется.

Однако в некоторых типах институционального дискурса, напротив, интенсивность отрицательной оценочности речевого акта возмущения входит в консонанс с его типовыми характеристиками. Особенно ярко данный факт проявляется при функционировании речевого акта возмущения в политическом дискурсе, цель которого заключается в том, чтобы, «пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [Bailey 1985: 104]. Функция воздействия на массовое или индивидуальное сознание людей, принимающих политические решения (политиков, избирателей, чиновников и др.), пронизывает все сферы политической коммуникации и призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, создания общественного мнения и пр.) и ее использования (путем принятия законов, издания указов, постановлений и пр.). Несмотря на то что с семиотической точки зрения каждый текст оказывает воздействие на сознание адресата, «для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств» [Паршин 1987: 421]. Воздействующая функция политического дискурса предопределяет такие его черты, как институциональность, агональность, театральность, эмотивность, фактор преобладания массового адресата (А. Н. Баранов, Е. К. Павлова, П. Б. Паршин, Г. Шиллер и др.). Семантические ком-

поненты иллокуции возмущения актуализируются под воздействием данных черт политической коммуникации особым образом, проявляя регулятивный характер речевого акта возмущения.

Исследование показало, что параметр эмотивности политического дискурса, воздействуя на план содержания и план выражения речевого акта возмущения, сообщает ему функцию стимулирования зеркальной эмоции возмущения в сознании массового адресата, когда говорящий пытается «заразить» своим возмущением широкую публику, настроить ее против объекта возмущения. «Накладываясь» на эмотивный план самого речевого акта возмущения, эмотивность политического дискурса максимально повышает интенсивность реализации иллокутивной силы речевого акта данного типа, делая его эффективным средством речевого воздействия на адресата: „*Schon wieder die gleiche Platte! Sie haben nur eine Platte!... Ja, meine Empörung muss Sie nicht stören ... aber kann Sie bewirken, etwas zu ändern*“ [Plenarprotokoll 17/100]. Выступая в политическом дискурсе средством реализации различных речевых стратегий и тактик [Вознесенская 2010; Паршина 2007; Соловьева 2009 и др.], речевой акт возмущения приобретает в сфере политической коммуникации зачастую гипертрофированный, преувеличенно эмоциональный характер, который выражается в речевом произведении целым комплексом разноуровневых языковых средств. Особую роль играют при этом просодические (интонация), морфологические (усилительные частицы и междометия, усилительные прилагательные), синтаксические (различные по цели высказывания виды предложений, односоставные предложения, эллипсы, синтаксические клише, повторы, эмфатический порядок слов, риторические вопросы) средства. Яркость и образность языковых средств, используемых говорящим для реализации эмотивного характера возмущения в политическом дискурсе, служат общей задаче политической коммуникации — осуществлению воздействия на адресата.

Агональность политической коммуникации придает речевому акту возмущения ярко выраженный деструктивный характер, состоящий в осознанной эскалации говорящим речевого конфликта. Интенсивность отрицательной оценочности и эмотивности речевого акта максимальна и находит выражение в кратких, клишированных фразах с использованием оценочных лексем с отрицательной коннотацией, военной лексики, например: „*Das war das gleiche Ausweichmanöver!.. Meine Empörung ist.. Ich bin satt!..*“ [Plenarprotokoll 17/83], а также широкой палитры стилистических средств (цитирование собеседника, ирония, антитеза и пр.):

— Der Versuch der Linken, die Menschenrechtsverletzung bei der Bodenreform als Kriegsfolge zu relativieren, trägt nicht...

— Ungeheuerlich! Die Bodenreform war Ergebnis des Krieges!

— Das habe ich nicht gesagt! Ihre Empörung hat keinen Grund... [Plenarprotokoll 17/81]

В выделенном речевом акте возмущения говорящий (инициатор реплики возмущения) использует прием ложного цитирования, когда смысл предыдущего высказывания собеседника утрируется и преподается как некое шокирующее, скандальное известие, что заставляет собеседника защищаться и оправдываться (*Das habe ich nicht gesagt!*). Тем самым говорящим осуществляется эскалация речевого конфликта.

Параметр театральности, который обеспечивает образность, зрелищность политической коммуникации, также влияет на функционально-прагматический потенциал речевого акта возмущения. Театральность политического дискурса нарушает условие искренности речевого акта возмущения, ввиду чего данный тип речевого акта приобретает функцию имитации эмоции возмущения, а также служит средством конструирования сюжетно-ролевой структуры коммуникативной ситуации. В процессе исследования установлено, что в речевых актах возмущения, реализуемых в политических дискуссиях, параметр театральности всегда сопряжен с реализацией параметра массового адресата. Характерной чертой таких речевых актов является намерение говорящего оказать максимальный перлокутивный эффект, воздействуя на эмотивную сферу адресата. Наиболее типичная стратегия речевого воздействия выглядит следующим образом: прерывая речь основного докладчика, политический деятель возмущается, театральным образом выражая свое резко негативное отношение к словам или действиям оратора, тем самым дискредитируя его в глазах публики (коллег и электората) и позиционируя себя как активного и критически мыслящего деятеля, борца за справедливость, отстаивающего интересы народа и защищающего его от действий неблагонадежных коллег. При этом речевой акт возмущения, используемый политиком как средство реализации стратегии самопрезентации, приобретает часто гипертрофированный, театрализованный характер. Наиболее частотным и эффективным средством вербализации сюжетно-ролевой структуры политического дискурса в «театрализованных» речевых актах возмущения является метафора, характеризующаяся в данном случае рядом отличительных признаков. «Метафоры театрализации» обладают, прежде всего, ярко выраженным оценочным характером, поскольку основной задачей говорящего при их использовании является формирование необходимого отношения массового адресата к политическому оппоненту, что достигается интенсификацией эмотивности речевых актов. Кроме того, употребление метафор в театрализованном возмущении политических деятелей преследует такие прагматические цели, как усиление сенсационности сообщения и украшение речи, что направлено в итоге на создание политического перформанса. Также большое значение «метафоры театрализации» играют в эвфемизации речи, поскольку в парламентских дебатах говорящий редко выражает оценку политического оппонента посредством прямых номинаций (глупый,

вор, мошенник, болтун), а апеллирует в большинстве случаев к ярким образам, позволяющим, с одной стороны, избежать открытого оскорбления оппонента, а с другой — сильнее уязвить собеседника, вызвав при этом сопереживание массового адресата, например: *Beim Phrasenbingo haben Sie auf jeden Fall mal gewonnen!* [Plenarprotokoll 17/81]. В данном речевом акте возмущения говорящий использует метафору лотереи бинго (выделено жирным шрифтом) для того, чтобы уличить собеседника в пустом, бессодержательном красноречии, в «выбрасывании» громких фраз, как шаров из лототрона. В речевом акте *Wie aus der Phrasendreschmaschine!* [Plenarprotokoll 17/81] говорящий, возмущаясь, проводит метафорическое сравнение чересчур активной речевой деятельности собеседника с механическим прибором *Phrasendreschmaschine*. Оба описанных примера демонстрируют не только образность выражения, но и содержат определенную долю юмора, являются попытками осмеяния политического оппонента.

Анализ примеров реализации речевых актов возмущения в политическом дискурсе показывает, что в данной сфере немецкоязычной коммуникации акцентируется такой компонент его иллокутивной семантики, как «воздействие на адресата». Это свидетельствует о том, что типовые характеристики дискурса создают особые условия для реализации речевого акта определенного иллокутивного типа, формируя его функционально-прагматический потенциал, по-разному проявляющийся в разных сферах коммуникации. Однако, как было показано в настоящей статье, типовые характеристики дискурса не просто определяют то коммуникативное событие, в котором реализуется речевой акт, но и оказывают на него непосредственное влияние, а зачастую модифицируют план содержания, и, как следствие, план выражения речевого акта. Данный факт следует учитывать при описании иллокутивной семантики речевых актов.

Литература

- Вознесенская 2010 — *Вознесенская Ю. В.* Речевые стратегии в немецкой политической коммуникации (на материале парламентских дебатов в Бундестаге): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010.
- Карасик 2000 — *Карасик В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5—20.
- Кожина 1993 — *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. М., 1993.
- Маслова 2007 — *Маслова Л. Н.* Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- Маркелова 1995 — *Маркелова Т. В.* Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // Филологические науки. № 3. 1995. С. 67—79.

- Паршин 1987 — *Паршин П. Б.* Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования: Ежегодник, 1986. М.: Наука, 1987. С. 398—425.
- Соловьёва 2013 — *Соловьёва Е. В.* Функционально-прагматический потенциал речевого акта возмущения в современном немецком политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2013.
- Трусов 2008 — *Трусов В. Е.* Своеобразие дефиниции в различных функциональных стилях как разновидности типов мышления: на материале научного и художественного стилей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008.
- Федосова 2012 — *Федосова О. В.* Лексико-прагматические особенности современного испанского обиходного дискурса в национально-культурном аспекте: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2012.
- Bayley 1985 — *Bayley P.* Live oratory in the television age: The language of formal speeches // G. Ragazzini, D. R. B. P. Miller (eds.). Campaign language: Language, image, myth in the U. S. presidential elections 1984. Bologna: Cooperativa Libraria Universitaria Editrice Bologna, 1985. P. 77—174.
- Hoyningen-Huene 2009 — *Hoyningen-Huene P.* Zur Rationalität der Wissenschaftsethik // Wissenschaft. Bildung. Politik. Band 12. Ethos und Integrität der Wissenschaft. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag Ges. m. b. H. und Co. KG, 2009. S. 11—31.
- Plenarprotokoll 17/81 — Plenarprotokoll 17/81. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht. 81. Sitzung. Berlin, Freitag, den 16. Dezember 2010 // <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/17/17081.pdf>
- Plenarprotokoll 17/83 — Plenarprotokoll 17/83. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht. 83. Sitzung. Berlin, Freitag, den 19. Januar 2011 // <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/17/17083.pdf>
- Plenarprotokoll 17/100. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht. 100. Sitzung. Berlin, Freitag, den 25. März 2011 // <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/17/17100.pdf>

ZUSAMMENFASSUNG

Rolle der diskursiven Faktoren bei der Bildung des funktional-pragmatischen Potentials eines Sprechaktes

Im Beitrag werden Eigenschaften von Diskurstypen als Faktoren analysiert, die das funktional-pragmatische Potential der Sprechakte eines illokutiven Typs bilden. Am Beispiel des Sprechakttyps „sich empören“ wird gezeigt, dass bei der Realisierung des sich-empören-Sprechaktes in

verschiedenen Diskurstypen verschiedene Komponente seiner illokutiven Semantik beleuchtet werden. In einigen Diskurstypen wird der Gebrauch des sich-empören-Sprechaktes stark begrenzt, in den anderen wird seine illokutive Semantik viel intensiver — eine große Rolle spielen dabei Eigenschaften von Diskurstypen, die als diskursive Faktoren auftreten.

Е. В. АКУЛОВА

(Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В РАЗЛИЧНЫХ СИТУАЦИЯХ ОБЩЕНИЯ

В течение последних десятилетий дискурс становится одним из главных объектов лингвистического исследования, в этой связи особую актуальность имеет изучение дискурсивных маркеров, или дискурсивов.

В настоящей статье мы обратимся к статусу дискурсивных маркеров и к специфике их употребления в различных ситуациях общения. Материалом исследования послужили тексты интернет-комментариев (по 400 комментариев к материалам, размещенным на сайтах <http://www.focus.de>, <http://www.youtube.com>), в качестве дополнительного источника использовались сделанные автором расшифровки видеозаписей отдельных ситуаций общения, а также материалы корпуса DWDS (<http://www.dwds.de>).

Несмотря на то что в последнее время дискурсивы довольно часто становились предметом лингвистического анализа [Дискурсивные слова... 1998, Андреева 2005, Кокошкина 2011, Викторова 2011, Исто 2011, Rathmayr 2009 и др.], остается еще много неясного. Главный вопрос касается их категориального статуса. В этом плане показательно наличие огромного количества терминологических вариантов для обозначения данного феномена. Наряду с обозначением *дискурсив* используются термины *незнаменательная лексика* (Е. А. Земская, О. Б. Сиротинина), *модальные слова*, *вводные слова*, *дискурсивные слова*, *скрепы*, *discourse marker* (англ.), *Diskursmarker* (нем.).

Российские лингвисты чаще всего определяют дискурсивы как «особый класс лексических единиц, разнородных по происхождению, но объединяемых общими текстовыми функциями» (напр., *только, прямо, ведь, кстати, естественно*) [Голанова 2010: 343]. В отличие от знаменательной лексики их значение непредметно [Дискурсивные слова...: 8], диффузно и находится в непосредственной зависимости от контекста [Голанова 2010: 347; Кокошкина 2011]. Следуя определению Л. В. Щербы, дискурсивы можно считать своего рода упаковочным материалом речи [Голанова 2010: 347], так как их главная функция — обеспечивать «связность текста (<...> отражать про-

цесс взаимодействия говорящего и слушающего, выражать оценки, мнения говорящих» [Баранов и др. 1993: 344].

Говоря о немецкой лингвистике, нельзя не отметить два крупных научно-исследовательских проекта, проведенных на базе Института немецкого языка в Мангейме: *Grammatik in der Interaktion (GIDI)* и *Handbuch der deutschen Konnektoren*, которые позволили вскрыть ряд проблемных мест в деле дискурсивов. Вольфганг Имо в своей статье „Wortart Diskursmarker?“ совершенно справедливо предлагает к обсуждению следующие вопросы: что считать дискурсивным маркером? Какое расположение в цепи речевых высказываний они имеют? Имеются ли характерные особенности их просодического оформления? [Имо 2011: 1]. Остановимся на них подробнее.

Что считать дискурсивным маркером? Приведем несколько кандидатов на эту роль: модальные слова / Modalwörter (*vielleicht, wahrscheinlich, natürlich* и др.); коннективы, коннекторы / Konnektoren (*aber, weil, wobei* и др.), градационные частицы / Gradpartikel (*wirklich, sehr, voll* и др.), исправления / Reparaturen (*ich will jetzt nicht sagen, ...ist falsch ausgedruckt* и др.), лингвистические ограничители / Heckenausdrücke (*im strikten/engeren/weiteren Sinne, eigentlich* и др.). Помимо односложных кандидатов (*weil, vielleicht, na ja*), существуют также похожие по своим функциям единицы, равные предложению (*как мне кажется, как говорится, есть такое мнение* в русском и *ich mein, ich glaub, ich muss ganz ehrlich sagen* в немецком языках).

Немецкие лингвисты выделяют следующие признаки дискурсивных маркеров:

— (1) инициальная позиция, часто вне синтаксической структуры предложения, слабая связь с ним;

— (2) это опциональный, грамматически и семантически факультативный элемент, используемый для организации дискурса;

— (3) служат для связи крупных единиц, больших, чем предложение;

— (4) это часто односложные слова с редуцированным / размытым семантическим содержанием;

— (5) наиболее часто используются в устном общении [Gohl, Günthner 1999: 59, цит. по: Имо 2011: 5].

Главными из выделенных признаков, на наш взгляд, являются функциональный критерий и десемантизация (см. также [Кокошкина 2011]). Каждый кандидат на роль дискурсивного маркера должен им обязательно удовлетворять. Прочие признаки скорее факультативны. В этом можно убедиться на примере *ich mein*. Он может занимать как инициальную позицию в высказывании, так и финальную, а также встраиваться в него. *Ich mein* может использоваться как в устных, так и в письменных дискурсах. Но именно структурно-организационная функция позволяет отграничить случаи использования *ich mein* в роли маркера от случаев его применения в качестве самостоятельного предложения. Мы имеем дело с функциональной диф-

ференциацией [Imo 2011: 5 и далее], как и в ситуации с *weil, obwohl, wobei*, когда использование в новой роли, в роли дискурсивных маркеров, привело к изменению синтаксической конструкции высказывания: вместо конечного положения в предложении (V-Endstellung) сказуемое занимает второе место (V2).

Многие языковые единицы полифункциональны. Так например, *aber* может выступать в роли союза, частицы или дискурсивного маркера. Однако на роль дискурсивов могут претендовать лишь те единицы, которые реализуют характерную всем дискурсивам функцию организации дискурса и имеют относительно слабую связь с референциальным им высказыванием, фрагментом дискурса. Это могут быть как отдельные слова, так и конструкции типа: *wenn ich jetzt ehrlich bin, wenn ich jetzt mal ehrlich bin, wenn ich ganz ehrlich bin, wenn ich ehrlich sein soll, wenn ich das mal ehrlich sage*. Несмотря на то что сложные конструкции типа *wenn ich jetzt ehrlich bin* могут варьироваться, представляя собой открытый образец („ein offenes Konstruktionsmuster“), — а это и было главным аргументом В. Имо [Imo 2011: 16], почему их не считать дискурсивными маркерами, — руководствуясь функциональным критерием, мы отнесем их к дискурсивным маркерам.

Итак, дискурсивы образуют открытый класс, представленный различными по своей природе единицами: служебными или неполнозначными словами, модальными словами, частицами, знаменательными частями речи и даже целыми предложениями [Викторова 2011: 8]. Как уже отмечалось выше, главная функция дискурсивов — структурная организация дискурса, но они могут выполнять и функцию смягчения высказывания (Höflichkeitsmarker), регулировать общение (выделительная, регулятивная и модально-оценочные функции [Викторова 2011: 9]), использоваться для исправления / самоисправления (Reparaturen, Selbstreparaturen).

Обратимся к специфике функционирования дискурсивов в немецкой речи.

Ранее на материале русского и английского языков было установлено, что частота использования дискурсивов в речи говорящих, предпочтения говорящих в выборе тех или иных дискурсивных единиц определяются жанровыми особенностями и формой речи, фактором «языковой личности» [Голанова 2010: 343; Викторова 2011]. Проверим данные выводы на материале немецкого языка. На примере нескольких фрагментов различных ситуаций общения рассмотрим, какое влияние оказывает специфика коммуникативной ситуации на выбор и употребление дискурсивных маркеров.

Пример 1. Из дискуссии литературных критиков, Марсель Рейх-Раники (M. R.-R.), Ирис Радиш (I. R.), телевизионное ток-шоу «Литературный квартет» (Das Literarische Quartett), 15.12.00, Национальный корпус немецкого языка «DWDS Corpus: gesprochene Sprache» (приводится в соответствии с оригиналом, курсив Е. А.).

M. R-R: *Das ist in Ordnung, aber ich habe gedacht, Sie kriegen die Kurve nicht mehr. Und zwar, bevor Sie mit Ihrem Lob angefangen haben, weil, ich meine, Sie müssen uns nicht erzählen, das ist doch kein Vorwurf gegen ein Roman, der 1928 oder 27 geschrieben worden ist, dass der auch 1885 geschrieben ist, das war die große Zeit des Romanschreibens, also der Roman steht in der — Natürlich ist das ein Vorwurf, das ist ein Schriftsteller, der Joyce nicht gelesen hat, der Kafka nicht gelesen hat, —*

I. R.: *Ach!*

M. R-R: *der ganz stecken geblieben ist in einer anderen Epoche.*

В данном примере жанр *дискуссия* реализуется в условиях публичного диалогического общения, в ходе телевизионного ток-шоу, адресат в этом случае тройственный: это и непосредственный собеседник (один из присутствующих литературных критиков), и зритель в телестудии, и телезрители. Предмет речи — достоинства и недостатки конкретного литературного произведения. Участники «Литературного квартета» — носители элитарной речевой культуры, их речь не содержит стилистически сниженных единиц. В приведенном фрагменте один из участников ток-шоу довольно категорично выражает свое мнение. Дискурсивы *und zwar, weil, also* в его речи выполняют организационно-структурную функцию, наряду с данной функцией *ich meine* реализует также функцию смягчения высказывания. Единицу *natürlich* в данном примере нельзя считать дискурсивным маркером, так как она не удовлетворяет ни функциональному, ни семантическому критериям и не является синтаксически независимой в цепи речевых высказываний.

Пример 2. Speed dating, жанр *bеседа*, запись 1 (корпус Е. А.), мужчина (М) и женщина (F):

M.: *Wie wäre der da vorne?*

F.: ((schüttelt den Kopf, lächelt))

M.: *Warum nich ((lächelt))?*

F.: *Der ist nicht mein Typ //*

M.: *Gar nich? (OK)*

F.: *Der hat bestimmt / ich denke mal / wie er aussieht*

(M.: *Stimmt //*)

F.: *bestimmt auch eine Religion / und soo // weiß ich nicht // also ich könnte mir das jetzt nicht vorstellen*

Настоящий пример представляет собой ситуацию межличностного общения, это новый формат речевого жанра *знакомство* — *speed dating* [Фенина 2011]. Коммуниканты знакомятся друг с другом, их цель — понравится собеседнику, привлечь его в условиях ограниченного времени, отсюда внимание к форме речи, риторический характер данного жанра. На основании имеющейся записи разговора трудно сделать выводы об особенностях языковой личности каждого из коммуникантов. Ситуация знакомства, с одной стороны, стандартизирована, с другой — в условиях непосредственного общения трудно контролировать свою речь. Женщина испытывает

явные затруднения с поиском подходящего ответа на вопрос собеседника *Wie wäre der da vorne?* Об этом сигнализируют используемые ею дискурсивы *und soo, weiß ich nicht* (или Etcetera-Formeln, см. [König, Stoltenburg 2013]), снижающие точность высказывания, уменьшающие его категоричность. Это очень важно в данной ситуации, ведь речь идет о религиозной принадлежности третьего лица. В роли дискурсивного маркера выступает и *also*, обнаруживающий слабую связь с синтаксическим и пропозициональным уровнями окружающего его контекста. Маркер вводит реплику, содержащую обоснование мнения говорящего. Это одна из типичных функций *also* в роли дискурсивного маркера („Einleitung eines längeren erläuternden, begründenden oder rechtfertigenden Beitrags“ [Dittmar 2002: 167, цит. по: Imo 2011: 8]).

Пример 3. Erfahrungsbericht 1 (корпус E. A.), YouTube, мужчина, 24 года:

*Ich möchte einfach ganz kurz von meiner ersten Speed dating-Erfahrung berichten // äh ja // **wie gesagt** / dies war für mich das erste Mal / und ich hab mir dazu ein paar (неразборчиво) rausgesucht // unter denen drei oder vier verschiedene // und / ich hab halt die genommen / der / äh die halt so nah wie möglich von mir Wohnort hat um / **einerseits** nicht so weit zu fahren // **andererseits** dachte ich mir / gut vielleicht sind Leute / die äh auch in meiner Umgebung da sind // Und // **also** es war eine obwohl nicht so tiefe Erfahrung eigentlich / ich würde sozusagen weiter erzählen / oder weiter empfehlen / als Resümee // für mich persönlich wars / **also** // für mich persönlich ist der Funke jetzt nicht wirklich übergesprungen // **ich mein** ich kann nicht sagen / dass die Mädels und jungen Frauen / die dabei waren / nicht hübsch sind // das könnte ich nicht über die sagen // aber / nicht so wirklich mein Typ //*

Интернет-жанр *Erfahrungsbericht* реализуется в условиях публичного опосредованного дистантного монологического общения, адресант (молодой мужчина) обращается к конкретизируемому множественному адресату через платформу YouTube с целью проинформировать зрителей о своем личном опыте и, возможно, желает вступить в общение с некоторыми из них (получить комментарии о своем видеопосте). Предмет речи — впечатления об участии в вечере знакомств *speed dating*. Говорящий не обладает высоким уровнем языковой компетентности, о чем свидетельствуют сбои в построении высказывания, самоисправления, хезитативы (*äh*). Дискурсивы *also, ich mein, wie gesagt* выполняют структурно организующую и выделительную функции.

Итак, приведенные примеры представляют собой различные виды общения, разные жанры речи, чем и обусловлены различия, касающиеся специфики употребления дискурсивов. Жанры *diskussion* и *Erfahrungsbericht* оформляют ситуации публичного общения, коммуниканты более внимательны к форме речи, не просто высказывают свою точку зрения, но и стараются аргументировать ее, используя разнообразные дискурсивные маркеры. В условиях непо-

средственно межличностного общения (жанр *bеседа*, Speed dating) речевое поведение коммуникантов спонтанно, незапланированно, и соответственно, снижен контроль собственной речи, несколько реже используются дискурсивы.

Для верификации данных выводов на более обширном материале мы выбрали жанр *интернет-комментарий*: тексты читательских комментариев к материалам, размещенным на сайтах <http://www.focus.de>, <http://www.youtube.com>. Несмотря на то что в каждом отдельном случае данный жанр транслируется по одному каналу связи — по Интернету, по-разному реализуется фактор адресата: платформа YouTube является более демократичной, ее пользователи представляют собой более разнородную аудиторию. Среднестатистический пользователь портала www.focus.de имеет, как правило, высокий уровень образования и более высокий уровень языковой компетентности. Проверим, какое влияние оказывают данные факторы на функционирование дискурсивов.

Анализ текстов комментариев показал, что в обоих подкорпусах (тексты комментариев на <http://www.focus.de> — далее подкорпус 1, 15000 словоупотреблений — и <http://www.youtube.com> — подкорпус 2, 15000 словоупотреблений) дискурсивные маркеры имеют одинаковую частоту употребления: 44 и 47 словоупотреблений на 15000 словоупотреблений. Наиболее частотными являются дискурсивы *also*, *ich glaub*, *ich mein*, *usw.* Различия проявляются в определенных предпочтениях в употреблении тех или иных единиц. Подкорпус 2 представлен преимущественно дискурсивами, снижающими точность высказывания (приводятся в порядке убывания частотности с указанием количества словоупотреблений, сохранена оригинальная орфография): *usw. 5*, *bspw. 3*, *sozusagen 2*, *etc.*, *im übrigen*, *mal ehrlich*, *was soll ich sagen*. В подкорпусе 1 наряду с дискурсивами, снижающими точность высказывания, используются структурно-организующие дискурсивы: *erstens 3*, *zweitens 3*, *abschließend kann ich nur sagen*, *andererseits*, *drittens*, *in erster Linie*, *nebenbei bemerkt*, — не зафиксированные в подкорпусе 2.

Чтобы проверить, как ведут себя в устном дискурсе единицы, частотные в письменном дискурсе, мы обратились к корпусу устной речи DWDS (Das Korpus Gesprochene Sprache, DWDS). Данный корпус объемом 2,5 млн токенов содержит записи речей, парламентских протоколов и интервью XX в.

В ходе анализа было установлено, что дискурсивы *also*, *ich glaub*, *ich mein*, *usw.* имеют сопоставимую частотность в корпусе устной речи и в корпусе текстов комментариев. Их удельный вес варьируется от 0,02 % от общего количества словоупотреблений (*ich glaub*, *ich mein*, *usw.*) до 0,06 % (*also*).

Опираясь на материалы проведенного исследования, можно сделать вывод, что форма речи (устная и письменная) оказывает не-

значительное влияние на функционирование дискурсивов в речи говорящих. Отсутствие различий в употреблении дискурсивных маркеров в корпусе устной речи и в корпусе текстов комментариев обусловлено тем, что эти тексты функционируют в массово-информационном дискурсе. Помимо главной структурно-организующей функции, дискурсивные слова выполняют функции выражения категоричности и ее смягчения, управления вниманием слушающего, коррекции имплицатур и пресуппозиции слушающего, функцию обобщения. Перспективой для дальнейших исследований является выявление гендерной и этнокультурной специфики в употреблении дискурсивов (о существовании отдельных гендерных предпочтений в их употреблении на материале русского языка см. [Акулова 2013]).

Литература

- Акулова 2013 — *Акулова Е. В.* Специфика употребления дискурсивов и коммуникативов в женской и мужской речи (на материале шоу «Давай поженимся! // Предложение и слово / Отв. ред. С. В. Андреева. Саратов, 2013. С. 212—216.
- Андреева 2005 — *Андреева С. В.* Элементарные конструктивно-синтаксические единицы устной речи и их коммуникативный потенциал: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2005.
- Баранов и др. 1993 — *Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- Викторова 2011 — *Викторова Е. Ю.* Влияет ли гендер на использование дискурсивов? (на материале письменного научного дискурса) // Известия Саратовского университета. Т. 11. 2011. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 3. С. 8—14.
- Голанова 2010 — *Голанова Е. И.* Публичная речь. Современное словоупотребление: соотношение литературной нормы и узуса (на материале дискурсивных слов) // Современный русский язык: Система—норма—узус. М., 2010. С. 341—378.
- Дискурсивные слова... 1998 — Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998.
- Кокошкина 2011 — *Кокошкина И. В.* Десемантизированные элементы дискурса: функционирование, классификация, факторы употребления: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011.
- Фенина 2011 — *Фенина В. В.* *Speed dating*: новый формат речевого жанра *знакомство* (на материале английского языка) // Жанры речи / Отв. ред. В. В. Дементьев. Саратов, 2011. С. 287—301.
- Imo 2011 — *Imo W.* Wortart Diskursmarker? // *gidi Arbeitspapierreihe*. Nr. 31 (01/2011). URL: <http://noam.uni-muenster.de/gidi/arbeitspapiere/arbeitspapier31.pdf>

- König, Stoltenburg 2013 — *König K., Stoltenburg B.* «oder so», «und so», «und so was», «und so weiter» etc. Eine interaktionale Perspektive auf Etcetera-Formeln // *gidi* Arbeitspapierreihe. Nr. 48 (07/2013). URL: <http://noam.uni-muenster.de/gidi/arbeitspapiere/arbeitspapier48.pdf>
- Rathmayr 2009 — *Rathmayr R.* Die Semantik der Partikeln und der sogenannten Diskurswörter // *Die slavischen Sprachen / The Slavic Languages*. Berlin, 2009.

ZUSAMMENFASSUNG

Funktionieren von Diskursmarkern in unterschiedlichen Kommunikationssituationen

Im Artikel werden Besonderheiten des kategorialen Status von Diskursmarkern betrachtet sowie deren Funktionen. Anhand der Analyse von diskursiven Praktiken wird resümiert, dass Diskursmarker eine sehr heterogene sprachliche Einheit ist. Die Besonderheiten im Gebrauch von einzelnen Diskursmarkern sowie die Häufigkeit ihres Auftretens werden durch den Diskurstyp, die kommunikative Situation, die Text/Gesprächsorte bedingt.

Р. С. АЛИКАЕВ

(Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х. М. Бербекова)

КРИТИКА ЯЗЫКА В ГЕРМАНИИ ЭПОХИ РАННЕГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Понятие критики языка представляет собой для эпохи раннего Просвещения, охватывающей в Германии конец XVII — начало XVIII века, особую форму выражения языкового сознания. Критика языка понимается как своего рода наука о языке. В отношении развития языкознания как теоретической дисциплины XVIII столетие является специфическим периодом, когда наука о языке еще не оформилась как университетская дисциплина. Понятия «критика» и «наука» не противопоставлены друг другу, критика являет собой научный метод исследования и описания фактов языка. Говоря другими словами, научные описания разных аспектов языка построены на критике и оценке языковых явлений.

Как известно, эволюция языка не является неосознанным, спонтанным процессом, о чем свидетельствуют критические размышления о немецком языке, ориентированные в рассматриваемую эпоху на оценку нормативных процессов и специфику употребления языка, а также на тенденции изменения в нем. Изучение исторических форм концептуализации языка как предмета позволяет критически осмыслить саму дисциплину.

Размышления о языке в конце XVII — начале XVIII столетий особым образом связаны с процессами развития немецкого общества, культуры и нации. Эта связь выражается в необходимости теоретического описания и обоснования фактов языка на основе просветительской философии и теории познания, науки об обществе и этики, что предполагает развитие более широкого взгляда на родной язык и его функциональные свойства. Важными компонентами оценки состояния языка, которые формируют лингвокритическую теорию описываемого периода, являются его богатство (Reichtum), чистота (Reinigkeit) и блеск (Glanz), а также ясность (Deutlichkeit). Именно вокруг этих концептов шла дискуссия о языке в элитарной среде немецкого общества.

Особо необходимо подчеркнуть, что языкознание данного периода ориентировано на размышления о языке и оценку его явлений и фактов. Критика языка как наука видит свое назначение в обеспе-

чении функциональности языка как инструмента коммуникации и в постоянной его детекции на правильность. Согласно современной научной парадигме эпоха раннего Просвещения представляет собой донаучный и долингвистический этап занятий языком [Gessinger 1980].

В аспекте критики языка для рассматриваемой эпохи существенными являются размышления философа и энциклопедиста Готфрида Вильгельма Лейбница (1646—1716).

Обращаясь к деятельности Г. Лейбница, следует прежде всего сказать, что в его творчестве богато представлены мысли по общим вопросам теории языка [Аликаев 2013: 18—24], но нас в рамках данной статьи интересуют вопросы критики немецкого языка, оценка его возможностей и состояния. Эти проблемы нашли свое отражение в работах *De optima philosophi dictione* ('О лучшей философской манере письма', 1670), *Ermahnung an die Teutschen, ihren Verstand und ihre Sprache besser zu üben, samt beygefügeten Vorschlag einer teutschgesinnten Gesellschaft* ('Поучения немцам, как лучше применять свой разум и свой язык...', написана в 1682/1683, по некоторым данным, в 1697) (далее «Поучения») и *Unvorgreifliche Gedanken betreffend die Ausübung und Verbesserung der Teutschen Sprache* ('Размышления об употреблении и улучшении немецкого языка', 1696/99) (далее «Размышления»), которые являются важнейшими культурно-политическими инициативами, направленными на развитие нового немецкого литературного языка своего времени.

В работе *De optima philosophi dictione*, которая была задумана как предисловие к изданию латинского труда итальянского гуманиста Мариуса Ниццолиуса, 24-летний Лейбниц формулирует системно и конкретно требования к научному языку философии, которые получают в названных публикациях особое звучание применительно к немецкому языку. В центре критики языка здесь стоит обоснование значения народного языка для целей передачи философских знаний. В написанном на латинском языке предисловии Лейбниц хвалит Ниццолиуса за его философский язык, который он оценивает как образцовый. По его мнению, Ниццолиус формулирует свою мысль так, как принято обычно говорить (*natürliche Methode des Sprechens*), без всякого 'перекручивания и прикрас' (*von aller Verdrehung und Schminke frei*), его язык народный и понятный, взят из обычной жизни и соответствует самим вещам, он своим светом поддерживает память (*leicht verständlich und volkstümlich, aus dem gemeinen Leben genommen und den Gegenständen angemessen, die durch ihr Licht das Gedächtnis unterstützt*) [Leibniz 1660/1903: 3]. Перечисленным качествам он противопоставляет такие качества языка тогдашней поэзии и риторики, как высокопарность, вычурность и метафоричность (*erhaben, schwülstig, metaphorisch*). Лейбниц также отмечает, что Ниццолиус практически реализовал то, о чем писали и говорили до него многие: „Ferner gestehe ich, daß viele gemahnt, beschlossen und davon

geredet haben, daß aus der Sprache der gewöhnlichen Philosophie die barbarischen Ausdrücke zu entfernen seien, daß aber wenige die Sache selbst angefaßt haben wie Nizolius, weil es natürlich leichter ist, etwas zu zerpflücken, als es zu verbessern“ [Leibniz 1660/1903: 19]. Тремя основными качествами языка Ниццолиуса, которые он хвалит, являются его ясность (Klarheit — claritas), истинность (Wahrheit — veritas) и эlegantность формы выражения (die schöne Form — elegantia), которые в «Размышлениях» коррелируют с понятиями Reichtum (‘богатство’), Reinigkeit (‘чистота’), Glanz (‘блеск’): „drei Dinge scheinen mir im allgemeinen an der Sprache lobenswert zu sein: Klarheit [claritas], Wahrheit [veritas] und die schöne Form [elegantia]“ [Leibniz 1660/1903: 3]. Особое внимание Лейбниц уделяет лексическому уровню языка и лексической семантике. Как правильно замечает японский историк немецкого языка Х. Такада, для Лейбница язык — это прежде всего сумма слов (Summe von Worten), его лексический запас (Wort-Schatz) [Takada 2001: 115].

Примечательно, что первостепенными являются знание значения слова, что предопределяет ясность и доступность языка, а не синтаксические конструкции и звучание, которые для Лейбница второстепенны как идеал философского метаязыка.

Ясность в языке — это доступность значений слов носителю языка, прозрачность значения. Мерилом знаний значений слова является разум, а принцип достоверности (Prinzip der Gewissheit) имеет решающее значение для хорошего философского языка [Leibniz 1660/1903:3]. Только знание значения слова дает возможность познать истинное содержание предложения. Одновременно ясность, или прозрачность, семантики слова является предпосылкой для процесса понимания. Язык и мышление в представлении Лейбница взаимосвязаны. Данный тезис, которого придерживался Лейбниц, противоречил лингвофилософской теории его современников. Он выступал против диффузности значения научных терминов, против отсутствия конкретной дефиниции при их использовании в тексте [Leibniz 1660/1903:185].

Особое внимание Лейбниц уделял и специфике словоупотребления, которое он определял как „die Bedeutung des Wortes, die denen, die dieselbe Sprache sprechen, gemeinsam bekannt ist“ [Leibniz 1660/1903: 5]. После такого заключения Лейбниц устанавливает основные принципы словоупотребления: необходимость ясной дефиниции значения используемых слов, создание новых слов, или словотворчество, обязательное раскрытие значения нового слова [Leibniz 1660/1903: 5, 8].

Далее Лейбниц обращается к функции родного языка как транслятора знаний. Для Лейбница язык является основным средством познания, которое доступно всем, он при этом отмечает, что познавательные возможности простого человека и философа отличаются только тем, что последний рассматривает вещи с иной точки зре-

ния и перспективы [Leibniz 1660/1903: 11—12]. Он также отмечает, что для передачи представлений и научных содержаний необходима действенная система обозначений, располагающая когнитивными и коммуникативными свойствами: „(...) die Aufmerksamkeit der Menschen hat man aber auf einen bestimmten Gegenstand nicht besser lenken können als durch die Zuteilung einer besonderen Bezeichnung, die dem eigenen Gedächtnis bekannt und anderen gegenüber ein Zeichen für die eigene Erkenntnis ist“ [Leibniz 1660/1903: 11—13]. В этом контексте Лейбниц констатирует отсутствие в достаточном объеме философских работ на родном языке („nicht einmal heutzutage in genügendem Maße damit begonnen, (...) in deutscher Sprache zu philosophieren“ [Leibniz 1660/1903: 14]), что является следствием неприятия в среде немецких ученых своего родного языка в качестве средства для изложения научных тем.

В целом мысли Лейбница в русле критики языка, которые он высказал в предисловии к Ницолиусу, можно обобщить следующим образом: язык философии должен обладать определенными качествами (ясность, истинность и красивые формы выражения), которые сделают его понятным; немаловажное значение при этом придается установлению значения слова посредством дефиниции, необходимо установить правила словоупотребления, слова из обиходного языка должны употребляться в качестве терминологических номинаций, немецкий язык недостаточно развит для передачи научных знаний, простой человек и философ используют один и тот же язык, но исходя из разных перспектив.

Уже зрелым и признанным ученым Лейбниц вновь обращается к проблемам языка в «Размышлениях» и «Поучениях». Именно в этих работах наиболее четко представлен метод критики языка у Лейбница. При этом «Размышления» отличаются более ярко выраженным аналитизмом суждений, чем Предисловие к Ницолиусу и «Поучения». Основное внимание он уделяет состоянию немецкого языка своей эпохи.

О системном подходе к критике языка свидетельствует разделение работы на параграфы, в которых уже видна последовательность методических шагов, используемых автором. Методический подход к критике языка включает следующие четыре этапа: разработка теоретических предпосылок критики языка (§ 1—8), описание актуального состояния языка (§ 9—28), формулирование практических рекомендаций по улучшению состояния языка (§ 29—55), определение языковых идеалов (§ 56—113), размышления по поводу основания немецкого языкового ордена (§ 114—118).

При разработке теоретических предпосылок критики языка Лейбниц в качестве вводного аргумента использует по отношению к языку известную в исследуемую эпоху зеркальную метафору: „1. Es ist bekandt, daß die Sprache ein Spiegel des Verstandes, und dass die Völcker, wenn sie den Verstand hochschwingen, auch zugleich

die Sprache wohl ausüben, welches der Griechen, Römer und Araber Beyspiele zeigen“ [Leibniz 1717: 255]. Лейбниц подчеркивает, что язык и разум находятся во взаимодействии, отражая друг друга, разум выражается в языке, как и язык отражает разум, т. е. язык и разум неразрывно связаны между собой. Говоря другими словами, Лейбниц связывает когнитивные потенции языка с его общественными коммуникативными функциями. По его мнению, разум продвигается вперед благодаря прилежным упражнениям (durch fleissige Übung), что прежде всего возможно только на основе языка, который выступает связующим звеном между учителем и учеником (Lehr- und Lernenden), между обыденной жизнью и мировым обществом (dem „gemeinen Leben“ und der „Welt Gesellschaft“). Немецкий язык в этом отношении, как он это уже отмечал и в «Поучениях», стал важным связующим элементом между нацией и обществом, он соединяет «человеческие души» (menschliche Gemüther) [Leibniz 1717: 256]. Вывеской нации выступает при этом не только разум, но и язык как его оборотная сторона.

В целом можно сказать, что в этом разделе, рассматривая внешнюю сторону функционирования языка, Лейбниц определяет его как историко-культурный феномен и переходит к внутренней специфике языка, а именно к семиотическому аспекту функционирования языка: „5. Es ist aber bey dem Gebrauch der Sprache, auch dieses sonderlich zu betrachten, daß die Worte nicht nur der Gedancken, sondern auch der Dinge Zeichen seyn, und daß wir Zeichen nöthig haben, nicht nur unsere Meinung andern anzudeuten, sondern auch unsern Gedancken selbst zu helffen. (...) also thut auch der Verstand mit den Bildnissen der Dinge, zumahl wenn er viel zu denken hat, dass er nehmlich Zeichen dafür brauchet, damit er nicht nöthig habe, die Sache jedesmal so offft sie vorkommt, von neuen zu bedencken. Daher wenn er sie einmal wohl gefasset, begnügt er sich hernach offft, nicht nur in äusserlichen Reden, sondern auch in den Gedancken und innerlichen Selbst-Gespräch das Wort an die Stelle der Sache setzen“ [Leibniz 1717: 257]. В приведенной цитате Лейбниц подчеркивает знаковый характер языка, то, что слова являются не только знаками для мыслей, но и для вещей. Важной является также мысль о том, что слова не только транслируют наше мнение, или мысли, но помогают структурировать эти мысли. Слова функционируют не только во внешней речи, но и в мыслях, или внутренней речи, заменяют вещи. Знаками, по мнению Лейбница, являются слова, буквы, химические, астрономические обозначения, китайские иероглифические фигуры, музыкальные ноты, тайные, арифметические, алгебраические и другие обозначения, которыми мы пользуемся при оформлении нашей мысли и передаче вещей: „Zu den Zeichen zähle ich die Wörter, die Buchstaben, die chemischen, die astronomischen, die chinesischen und hieroglyphischen Figuren, die Noten der Musik, die geheimschriftlichen, arithmetischen, algebraischen und alle anderen Zeichen, die wir zum Denken für die Dinge verwenden“

[Leibniz 1890: 204]. Знак для Лейбница — обязательная составляющая процесса мышления: „Alles menschliche Denken vollzieht sich mittels gewisser Zeichen oder Charaktere. Denn nicht nur die Dinge selbst, sondern auch die Vorstellungen der Dinge können und sollen vom Geist nicht immer deutlich wahrgenommen werden; deshalb werden zur Abkürzung ihrer die Zeichen angewandt“ [Leibniz 1890:204]. Слова Лейбниц сравнивает с цифрами, объясняя мыслительный процесс как особую комбинаторику знаков.

Обобщая представление Лейбница о функции и специфике знака, можно сказать, что а) знак — важная составляющая мыслительного процесса; б) знаки являются инструментами разума; в) они обозначают не только сами вещи, но и представления о них, при этом знаки являются вспомогательным средством для мышления в процессе вербализации вещей (явлений) внешнего мира; г) знаки обладают когнитивной функцией; д) знаки выполняет мнемоническую функцию, т. е. облегчают запоминание нужной информации и увеличивают объем памяти путем образования ассоциаций; е) знаки выполняют коммуникативную функцию, т. е. они помогают формулировать собственные мысли и транслировать их другим; ж) знаки имеют арбитрарный характер, т. е. произвольны, но эта произвольность устраняется отношениями знаков между собой.

В § 32, определяя содержание языка, Лейбниц пишет, что «почву и основу языка составляют слова» (Der Grund und Boden einer Sprache sind die Worte) [Leibniz 1717: 273], после чего переходит к вопросу о состоянии лексики немецкого языка, а вместе с ним и состоянии родного языка. Главные требования к лексике языка он связывает с необходимостью verbessern ‘улучшать’, reinigen ‘очищать’, bereichern ‘обогащать’, zuordnen ‘сочетать’ [Leibniz 1717: 263], а требования к языку выражаются такими словами, как: Reichtum — ‘богатство’, Reinigkeit ‘чистота’, Glanz ‘блеск’.

Характеризуя состояние немецкого языка эпохи и отмечая слабую развитость терминологической и абстрактной лексики, Лейбниц пишет: „9. Ich finde, dass die Teutschen ihre Sprache bereits hoch bracht, in allen dem, so mit den fünff Sinnen zu begreifen, und auch dem gemeinen Mann fürkommet; absonderlich in leiblichen Dingen, auch in Kunst- und Handwercks-Sachen, weil nemlichen die Gelehrten fast allein mit dem Latein beschäftigt gewesen, und die Mutter-Sprache dem gemeinen Lauff überlassen, welche nichts desto weniger auch von den sogenannten Ungelehrten nach Lehre der Natur gar wohl getrieben worden. {...} 10. {...} Es ereignet sich aber einiger Abgang bey unserer Sprache in denen Dingen, so man weder sehen noch fühlen; sondern allein durch Betrachtung erreichen kan; als bey Ausdrückung der Gemüths-Bewegungen, auch der Tugenden und Laster, und vieler Beschaffenheiten, so zur Sitten-Lehr und Regierungs-Kunst gehören; dann ferner bey denen noch mehr abgezogenen und abgefeimten Erkäntnissen, so die Liebhaber der Weltweisheit in ihrer Denck-Kunst, und unter der allge-

meinen Lehre von den Dingen unter dem Nahmen der Logick und Metaphysick auff die Bahne bringen; welches alles dem gemeinen teutschen Mann etwas entlegen, und nicht so üblich...“ [Leibniz 1717: 260]. Тут же Лейбниц критикует использование представителями элитарных кругов и учеными иностранных языков, не заботясь о собственном языке. Говоря другими словами, Лейбниц впервые открыто высказывает мысль о недостаточности лексики в таких сферах, как религия, право, язык науки, философии: „13. (...) Ich finde aber hierin die Teutsche Sprache noch etwas mangelhafft und zu verbessern“ [Leibniz 1717: 262].

Критика языка в части недостаточности лексики подводит Лейбница к необходимости указания на источники обогащения данной страты родного языка, каковыми он считает всестороннее использование ресурсов родного языка, предполагающее поиск нужных слов (Aussuchung guter Wörter), возрождение наиболее ценных устаревших слов (Wiederbringung alter verlegener Worte, so von besonderer Güte), создание нового слова или семантическую трансформацию старого, введение неологизма как крайнего способа (wohlbedächtliche Erfindung oder Zusammensetzung neuer Worte) и заимствование как способ придания экспрессивности (динамики и силы) немецкому языку в научной сфере [см. Аликаев, Сакиева 2011: 221—231].

Об использовании словообразовательных возможностей языка Лейбниц пишет: „76. Weil aber viele gute und wohlgemachte Worte auf die Erde fallen und verlorengehen, (...) so würde man darin Nutzen schaffen, wenn durch grundgelehrte Kenner, Urteil, Ansehen und Beispiel dergleichen wohl erwogen, nach Gutbefinden erhalten und in Übung gebracht würde“ [Leibniz 1717: 296].

При рекомендации иноязычной лексемы к использованию в немецком языке он исходит из того, в какой степени полезна конкретная лексема в части обогащения словарного состава и не противоречит ли она чистоте языка: „73. Die Lateinische, Frantzösische, Italieänische und Spanische Worte belangend (denn vor dem Griechischen haben wir uns nicht zu fürchten) so gehöret die Frage, ob und in wie weit deren Einbürgerung thunlich und rathsam, zu dem Punct von Reinigkeit der Sprache, denn darin suchet man eben zum Theil die Reinigkeit des Teutschen, dass es von dem überflüssigen fremden Mischmasch gesäubert werde“ [Leibniz 1717: 295].

В заключительной части «Размышлений» Лейбниц обращается к вопросу об идеале языка, который в известной степени уже отражен в требованиях к улучшению состояния языка. Идеал языка основывается на трех концептах: Reichtum (‘богатство’), Reinigkeit (‘чистота’) и Glanz (‘блеск’).

Понятием Reichtum (‘богатство’) Лейбниц обозначает как качество самого языка, так и практику его обогащения, оно является для него «самым первым и самым необходимым в языке» (das erste und nöthigste bei einer Sprache) [Leibniz 1717: 288]. Богатство языка нахо-

дит свое выражение в высоком качестве выразительных возможностей его лексики. С этим одновременно связана и языковая экономия. Оценивая качество немецкого языка эпохи, он утверждает, что в нем выражения более однозначны, чем во французском языке. Богатство языка можно оценивать посредством переводов: „62. Inzwischen ist gleichwohl diejenige Sprache die reichste und bequemste, welche am besten mit wörtlicher Übersetzung zurecht kommen kann...“ [Leibniz 1717:289]. По мнению Лейбница, однозначность слова — показатель богатства языка.

Богатство языка как идеальный показатель создает основу для его чистоты, которая включает стилистические параметры слова, корректную грамматику, ситуативную уместность использования высказывания: „80. Die Reinigkeit der Sprache, Rede und Schrifft bestehet darin dass so wol die Worte und Red-Arten gut Teutsch lauten, als dass die Grammatic oder Sprach-Kunst gebührend beobachtet...“ [Leibniz 1717: 299].

Критика языка в работах Лейбница затрагивает также ряд вопросов, на которых в рамках данной статьи невозможно остановиться, речь прежде всего идет об основании Берлинской академии, главная цель которой — „Studien zur Erhaltung der deutschen Sprache in Ihrer anständigen Reinigkeit auch zur Ehr und Zierde der deutschen Nation betreiben“, а также о Генеральной инструкции (Generalinstruktion), подготовленной по поручению короля для сохранения „Reinigkeit und Selbstand der uralten teutschen Haubtsprache“. За рамками данной статьи остаются также мысли Лейбница, связанные с созданием универсального языка.

В заключении отметим, что взгляд на основы языковой рефлексии в Германии эпохи раннего Просвещения чрезвычайно важен для понимания эволюции теории в немецком языкознании и для правильного подхода к современным стратегиями развития самой дисциплины в свете новейших дискуссий, о чем один из крупнейших историков немецкого языка современности Петер фон Поленц писал: „...Von den gelehrten Bemühungen um die deutsche Sprachgeschichte und Sprachkultur seit der Humanistenzeit über die verschiedenen Wellen der Sprachnormung und ‘Sprachreinigung‘ vom 17. bis 20. Jh. bis zur nationalistischen Sprachenpolitik im 19. und 20. Jahrhundert und zur ‚nationalen Frage‘ treffen wir immer wieder auf sprachgeschichtliche Rechtfertigungen und Leitbilder. Für verantwortliche sprachbezogene Tätigkeiten wie Bildungspolitik, Sprachstandardisierung, Sprachplanung, Sprachunterricht, Sprachkritik und Sprachpflege wird heute gefordert, sie sollten auf wissenschaftlicher Grundlage neu konzipiert und ausgeübt werden. Zu dieser wissenschaftlichen Grundlage gehört (...) auch einschlägiges Wissen aus der Sprachgeschichte. So sollten z.B. umstrittene Probleme wie Rechtschreibreform, Fremdwörter, Fachwörter (...) politische Semantik, Jugendsprache (...) nicht ohne Einsicht in die historischen Entwicklungen beurteilt werden, die zu diesen heutigen Problemen geführt haben“ [v. Polenz 1994: 11].

Литература

- Аликаев, Сакиева 2011 — *Аликаев Р. С., Сакиева Р. С.* Особенности эволюции немецкого языка научного изложения в XVII — первой половине XVIII вв. // *Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. VIII. М.: Языки славянской культуры, 2011.*
- Аликаев 2013 — *Аликаев Р. С.* Язык в философской концепции Г. В. Лейбница // *Актуальные проблемы филологической и педагогической лингвистики. Ежегодный журнал. Вып. XV. Владикавказ, 2013. С. 18—24.*
- Gessinger 1980 — *Gessinger J.* Sprache und Bürgertum. Zur Geschichte sprachlicher Verkehrsformen im Deutschland des 18. Jahrhunderts. Stuttgart, 1980.
- Leibniz 1660/1903 — *Leibniz G. W.* Aus der Vorrede zum Marius Nizolius // *Hauptschriften zur Grundlegung der Philosophie. Übers. von A. Buchenau, durchges. u. mit Einleitung und Erläuterungen hrsg. von Ernst Cassirer. Bd I. Leipzig, 1660/1903. S. 1—29.*
- Leibniz 1717 — *Leibniz G. W.* Unvorgreiffliche gedanken, betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache // *Illustris viri Godofr. Guilielmi Leibnitii Collectanea etymologica illustrationi linguarum veteris celticae, germanicae, gallicae, aliarumque inserta. Cum praefatione Jo. Georgii Eccardi. Contenta sequens pagina indicat. Pars I, VI. Hannoverae, 1717. S. 255—314.*
- Leibniz 1890 — *Leibniz G. W.* Die philosophischen Schriften, hrsg. von Carl Immanuel Gerhardt. Bd 7. Berlin, 1890.
- v. Polenz 1994 — *v. Polenz P.* Deutsche Sprachgeschichte. Bd II. 17. Und 18. Jahrhundert. Berlin; New York, 1994.
- Takada 2001 — *Takada H.* Kritische Bemerkungen zu Leibniz' Sprachkritik. Was leistet Leibniz "betreffend die Ausübung und Verbesserung" der deutschen Sprache? // *Burkhardt A., Cherubim D.* Sprache im Leben der Zeit. Beiträge zur Theorie, Analyse und Kritik der deutschen Sprache in Vergangenheit und Gegenwart. Helmut Henne zum 65. Geburtstag. Tübingen: Max Niemeyer Verlag 2001. S. 105—128.

ZUSAMMENFASSUNG

Sprachkritik in Deutschland in der Epoche der Frühaufklärung

In dem Artikel geht es um die wesentlichen sprachkritischen Ideen von G.W. Leibniz, die als Grundlage für die werdende Sprachtheorie betrachtet werden. Unter anderem werden drei Konzepte — Reichtum, Reinigkeit und Glanz — behandelt als ein wichtiges Wissen aus der Sprachgeschichte.

А. В. ИВАНОВ

(Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова)

СОВРЕМЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ДИСКУРС И РАЗВИТИЕ МЕТАЯЗЫКА НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Ситуация, сложившаяся в настоящее время в сфере немецкого лингвистического дискурса, такова, что о ней, перефразируя слова П. фон Поленца по поводу ставшего сейчас уже привычным смягчения норм языкового употребления, можно сказать: «Дамбы Дудена прорваны». В связи с этим становится очевидной, говоря словами В. М. Бухарова, «значимость детальных описаний реальной языковой ситуации не только для установления нормативных ценностей, но и для прогнозирования тенденций развития» [Бухаров 1995: 4]. В предлагаемой статье автор предпринимает попытку описания и анализа некоторых особенностей, сложившихся в сфере современной профессиональной лингвистической коммуникации и оказывающих непосредственное влияние на развитие метаязыка немецкой лингвистики.

К соотношению понятий «метаязык» — «язык для специальных целей» — «язык-объект». В современном языкознании метаязык (далее — МЯ) как основная форма знакового представления научных знаний, трактуется как «язык “второго порядка”, т. е. такой язык, на котором говорят о языке-объекте; язык, объектом которого является содержание и выражение другого языка» [Гвишиани 1990]. Терминологически МЯ как явление объективной языковой действительности имеет много обозначений, которые не всегда адекватно отражают его природу. В частности, МЯ в работах различной направленности носит названия *язык описания, формальный язык, формализованный язык, функциональный язык, искусственный язык, символический язык, кодовый язык, вспомогательный язык*. Естественно, что в составе оппозиций, которые можно сформировать в ходе анализа понятийного содержания перечисленных выше номинаций, МЯ будет демонстрировать то или иное свое качество. К примеру, номинация *язык описания* содержательно наиболее близка термину *метаязык*, поскольку отражает такое функциональное его свойство, как способность выступать средством описания языка-объекта. Термины *язык второго порядка* и *вспомогательный язык* квалифицируют МЯ

как явление, являющееся частью системы общего языка, выстроенной по иерархическому принципу, и выполняющее вспомогательные функции. Номинации *формальный язык*, *формализованный язык*, *искусственный язык*, *символический язык*, *кодовый язык*, как представляется, не в полной мере отражают природу МЯ, поскольку прежде всего подчеркивают его искусственность, формальный характер, позволяют воспринимать его как набор кодовых обозначений-знаков для тех или иных объектов. Применительно к МЯ естественно-научных дисциплин такая трактовка МЯ как языка формульных символов возражений не вызывает. Что же касается МЯ лингвистики, то входящие в его состав элементы не обладают той степенью абстракции и формализованности, какая свойственна, к примеру, математической или физической символике, даже несмотря на то, что денотативный слой в структуре значения лингвистических терминов, как полагает И. М. Кобозева, практически пуст и не соотносится в человеческом сознании с конкретными образами [Кобозева 2000: 84—85]. В то же время лингвисты оперируют реальными языковыми явлениями, имеющими, как принято говорить, предметно-материальную основу. Это обстоятельство представляется существенным для обоснования знаковых характеристик МЯ языкознания, ибо претендующая на вхождение в его состав терминология, если она не находит материального подтверждения в языковой реальности, не может составить МЯ лингвистической науки [Гвишиани 1983].

Термин *функциональный язык*, выступающий в некоторых работах синонимом термина *язык описания*, подчеркивает функциональный характер МЯ, что отчасти верно, однако, с другой стороны, ставит МЯ в один ряд с языками для специальных целей (далее — ЯСЦ), которые являются средством общения в той или иной специализированной сфере. Так, А. Л. Нелюбин, описывая многозначность термина МЯ, в качестве третьего компонента своей дефиниции предлагает следующее: «Язык, заменяющий естественный национальный язык. Чаще всего это специальный язык, принятый в какой-либо узкой отрасли науки или техники. К метаязыкам относят и язык лингвистов...» [Нелюбин 2003: 109; ср. Стариченок 2008: 307]. Но функциональный потенциал ЯСЦ и МЯ различен, прежде всего, потому, что ЯСЦ, сохраняя основные признаки, присущие языку-объекту, выполняет среди прочего коммуникативную функцию, выступая средством общения в узкопрофессиональной области, иначе говоря, является функциональным типом языка-объекта. Не случайно поэтому в научной среде бытует термин *язык научного общения*. Основная же функция МЯ заключается в интерпретации языковых образований или денотатов языка-объекта (фонем, морфем, слов, словосочетаний, текстов) с помощью специальных средств. На МЯ полноценная коммуникация едва ли возможна. Действительно, сложно представить себе лингвиста, употребляющего в профессионально ориентированном высказывании исключительно лингвистическую терминологию.

Ограниченный функционально-коммуникативный потенциал МЯ обуславливает обращение к термину *метаязык* (далее — МР), который иногда ошибочно используется в качестве синонима термину *метаязык*. МР представляет собой разновидность научно-лингвистического (металингвистического) дискурса, восполняющую отсутствующие у МЯ коммуникативные возможности и выступающую основой научной коммуникации. В этом смысле можно, очевидно, говорить о МР как о форме реализации метаязыковой функции языка, которую выделял в составе языковых функций еще Р. О. Якобсон, связывая ее, правда, с формированием речевых навыков у ребенка и его способностью сопоставлять языковые факты и уметь говорить о самом языке.

Структура метаязыка лингвистики. Говоря о функциональных возможностях МЯ лингвистики, невозможно обойти вниманием его структуру, развитие и совершенствование которой во многом происходит благодаря МР, использующей элементы МЯ. Лексическую базу его составляет лингвистическая терминология, однако это не является основанием для отождествления терминологии и МЯ лингвистики, как это делает, к примеру, Э. Хэмп в своем «Словаре американской лингвистической терминологии» [Хэмп 1964: 110]. Лексику лингвистического МЯ, помимо терминологии, формируют также номенклатура и общенаучная лексика, выступающая средством передачи научной информации в самом широком смысле слова. При этом поскольку терминология лингвистики является базовым лексическим пластом МЯ, постольку его развитие и степень оформленности напрямую связываются со степенью развитости лингвистических терминосистем. Поэтому в дальнейшем, говоря о процессах развития метаязыка немецкой лингвистики, мы будем иметь в виду, прежде всего, особенности развития немецкой лингвистической терминологии, обогащающейся и расширяющейся в ходе реального метаязыкового общения, осуществляемого лингвистами различных школ и направлений.

Метаязык немецкой лингвистики и современный научный дискурс: состояние и перспективы. Язык немецкой лингвистики на данном этапе своего существования претерпевает целый ряд значимых изменений, вызванных бурным развитием самой лингвистики как науки. Это развитие носит как интенсивный, так и экстенсивный характер. Тесные связи немецкого и англосаксонского языкознания, расширяющийся научный обмен, увеличение количества научных школ и направлений, множественность парадигм научного знания имеют следствием серьезную трансформацию языкового конструкта, обслуживающего потребности науки о языке.

Исследователи, занимающиеся проблемами метаязыка немецкой лингвистики новейшего времени, отмечают отсутствие серьезных работ, посвященных изучению роли английского языка как языка-источника, предлагающего свой языковой (в том числе — терминологический) материал для целого ряда областей современного

языкознания [Schulze 1999]. Речь идет в первую очередь о направлениях исследований в описываемый период времени, начало которых положили англосаксонские лингвисты. Сюда же можно отнести и те сферы исследований, которые получили мощный импульс к развитию благодаря усилиям американских и британских лингвистов.

Традиционные подходы оказываются недостаточными для того, чтобы в полной мере отразить многообразие исследуемых объектов, предложить необходимый и достаточный набор языковых средств, применяемых для их именованя и описания. Количество таких объектов постоянно увеличивается, что, с одной стороны, говорит об экспансии лингвистики в смежные области исследования (доказательством этому служит появление множества различных лингвистических направлений, обозначаемых термином *Bindestrichlinguistiken*), а с другой, — о попытках лингвистов более глубоко проникнуть в существо уже известных языковых явлений, выявить и осмыслить неизученные или малоизученные их стороны. Примером этому может служить бурное развитие структуралистского направления в лингвистике, начиная от американского дескриптивизма, теоретическую базу которого заложили работы Э. Сепира и Л. Блумфилда. Водораздел между структурализмом и существовавшим до него традиционным языкознанием был обозначен структуралистами чрезвычайно резко и недвусмысленно, вплоть до того, что последнее стало представляться ими как донаучный период в развитии лингвистики (*vorwissenschaftlich*, по выражению Г. Хельбига [Helbig 1973: 72]). Дальнейшим своим развитием структурализм, как известно, обязан работам Харриса, Хомского, Блоха, Фриза, Пайка и других исследователей, внесших вклад в разработку теории значения, теории порождающей грамматики и пр. В результате лингвистический метаязык в целом обогатился в терминологической своей части огромным количеством новых англоязычных номинаций, которые вошли в том числе и в немецкую лингвистику. Не случайно поэтому некоторые ученые заявляли о том, что англоязычная лингвистика оказалась намного более тесно связанной с общим языкознанием, чем немецкая. Кроме того, отмечается, что благодаря той роли, которую англоязычный структурализм сыграл в развитии общего языкознания, его влияние в немецкоязычном лингвотеоретическом пространстве приобрело характер доминирующего. Это обстоятельство, в свою очередь, положило начало дискуссии о роли английского языка в современном научном общении. Английский язык получил статус языка-посредника в сфере международной лингвистической науки [Götz 1995]. Сегодня эти возникшие со времен становления структурализма тенденции не только продолжают укрепляться, они стали неотъемлемой частью немецкого металингвистического ландшафта: эстафету у структурализма приняла когнитивная лингвистика, опирающаяся во многом на англосаксонские исследования.

В русле этих рассуждений вполне уместно упомянуть о том, что не только немецкоязычная лингвистика как отдельная научная отрасль, но и немецкая наука в целом испытывают все возрастающее давление английского языка. Авторы многочисленных исследований на эту тему отмечают, что немецкий язык в новейший период своего существования развивается в условиях сформировавшейся на фоне инвазивного воздействия английского языка экзогlossной языковой ситуации [Schmidt 1964: 161; Abresch 2005; Кобенко 2013]. В частности, Ю. В. Кобенко фиксирует свое внимание на особенностях функционирования подсистем немецкого литературного языка в контексте англо-американизации, на анализе тенденций экзогlossного характера в различных функциональных стилях. В рамках диафункционального анализа языковой ситуации в Германии он отмечает существенную, на наш взгляд, тенденцию: падение престижа немецкого языка как языка науки [Кобенко 2013: 191, 245 и след.]. Насколько устойчивой окажется такая тенденция, покажет время, однако бесспорен, к примеру, факт переориентации многих немецких научных журналов на английский язык (как манифестация обозначенной выше тенденции). Есть надежда, что тенденция эта недолговечна и связана она с недооценкой значимости достижений немецких ученых в различных областях человеческой деятельности, некоторой, пусть даже небезосновательной, переоценкой значимости англосаксонской роли в решении актуальных научных проблем, престижностью (отчасти искусственно культивируемой) английского научного языка и, в конце концов, просто данью моде.

Чтобы не быть голословными, приведем в качестве примера отрывок из статьи В. Тильманна [Thielmann 2012]:

Dies zeigt sich auch daran, wie mit *contour* im Einzelnen operiert wird: Die *structurally significant points of contours* (12) sind Elemente des *shape* ((14), (15)), das sowohl die Feststellung eines *over-all slope* (16) (wie bei einer mathematischen Funktion) als auch die Etablierung einer *family of contours* (17) (durchaus im Sinne einer Funktionenschar) gestattet. Auch die *sequences of tones* (13) sind von *contour* her gedacht.

Приведенный отрывок очевидным образом иллюстрирует своего рода непротиворечивый, на первый взгляд, симбиоз двух германских языков — немецкого и английского — в рамках одной научной статьи. Но насколько целесообразна здесь передача части смысла высказывания средствами другого языка — вопрос, остающийся открытым.

Приведем еще один пример из сферы лингвистического дискурса [Helbig 1973: 240]:

Deshalb besteht die Grammatik für Fries aus „the devices that signal structural meanings“, deshalb geht es ihm um „structural features of Eng-

lish — those formal features that operate as the signals of structural meanings”. Im Gegensatz zur traditionellen Grammatik beginnt seine Analyse nicht mit dem undifferenzierten „total meaning”, sondern mit den „formal devices that are present and the patterns that make them significant and arrives at the structural meanings as a result of the analysis”. Insgesamt bedeutet das für Fries: *lexical meaning* + *structural meaning* = *total linguistic meaning*.

Данный пример сорокалетней давности отличается от приведенного ранее тем, что автор применяет прием цитирования, избегая тем самым возможных упреков в чрезмерном употреблении специализированных лексических средств английского языка. Возможно, подобный прием, примененный Г. Хельбигом, неизбежен и оправдан в аспекте его коммуникативного намерения: дистанцироваться от позиции Ч. Фриза при обсуждении проблем, связанных с выявлением отношений, существующих между содержательной (смысловой) и формальной сторонами высказывания. Очевидно, однако, при этом, что смысл процитированного отрывка с тем же коммуникативным успехом мог бы быть передан исключительно немецкими метаязыковыми средствами.

Такая возможность доказывается результатами исследования Р. Нагеля, который делает следующее наблюдение: во-первых, при сравнении немецкой и англоязычной лингвистических терминосистем обнаруживаются различия, анализ которых приводит исследователей к выводу, что немецкая лингвистическая терминология оказывается сложнее как в содержательном, так и в структурном аспектах, демонстрируя стремление к субкатегоризации лингвистических понятий; во-вторых, немецкий металингвистический дискурс не только на лексическом, но и на всех прочих уровнях также представляется явлением в целом более сложным, чем дискурс англоязычный. Сложность эта определяется не только вкладом немецких лингвистов в его развитие, но и многообразием существующих в немецкой лингвистике научных парадигм [Nagel 1999].

Справедливости ради следует сказать, что не во всех сферах лингвистической интеракции оказывается возможным полностью избежать употребления иноязычных (англоязычных) заимствований. По наблюдениям, такой сферой часто оказывается генеративная лингвистика, в рамках которой в конце XX века была в числе прочего разработана лингвистическая теория оптимальности. Лингвистические тексты этого направления перенасыщены англоязычной терминологией. Продемонстрируем это на конкретном примере. Ниже дается отрывок из статьи Й. Фера [Fehr 1999]:

Die [*Place*]-*Features* des *Silbenonsets* im *Input* haben korrespondierende *Onset*-[*Place*]-*Features* im *Output*. ⟨...⟩ [*Place*]-*Features* im *Input* haben korrespondierende [*Place*]-*Features* im *Output*. ⟨...⟩ Ein [*voice*]-*Feature* eines

Obstruenten im *Input* hat ein korrespondierendes [*voice*]-*Feature* im *Output*. (...) Ein [*nasal*]-*Feature* im *Output* hat ein korrespondierendes [*nasal*]-*Feature* im *Input*.

Одна из причин того, что иноязычная терминология часто не переводится немецкими лингвистами на родной язык, кроется в сравнительно большом количестве лексических соответствий (*terminologische Entsprechungen*), входящих в разноязычные терминологические системы. Лексические соответствия понимаются здесь в узком смысле слова и не охватывают буквальные переводы иноязычных терминов на немецкий язык. Речь идет о полностью или частично совпадающих графически терминологических эквивалентах в немецком и иноязычном МЯ, которые некритично включаются некоторыми составителями словарей немецкой лингвистической терминологии в словники в неизменном виде. Исключение составляет (и то не всегда) лишь незначительная уступка в графике: термины-существительные начинают писаться с большой буквы в соответствии с правилами немецкой грамматики и снабжаются показателями родовой принадлежности (например, *die Langue, die Parole* и т. п.). Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать словники, скажем, лингвистического справочника по общему и прикладному языкознанию [Stammerjohann 1975] или лингвистического словаря Т. Левандовского [Lewandowski 1990].

В связи со сказанным выше возникает вопрос: в какой мере ЯСЦ (в нашем случае — язык лингвистики) может и должен быть толерантен к иноязычным вкраплениям, зачастую в изобилии встречающимся как в специализированных словарях, так и в профессионально ориентированных текстах? Несомненно, в функциональном аспекте он должен служить средством обеспечения эффективной и адекватной профессиональной коммуникации; в процессе его применения должны использоваться такие языковые средства, которые не вызывают различных толкований и не приводят пользователей в ситуацию взаимонепонимания. Как отмечает Р. Шульце, элементы лексики ЯСЦ, в том числе и лексика МЯ, должны обладать свойством монореферентности [Schulze 1999], т. е. каждый такой элемент должен соотноситься с одним и только одним объектом языковой действительности, быть исчерпывающе дефинируемым, являться частью системы, выстроенной на тех или иных классифицирующих основаниях или принципах (ср. с высказыванием О. С. Ахмановой о термине как об элементе терминосистемы, к которому применяется классифицирующая дефиниция *per genus proximum et differentiam specificam* [Ахманова 1990]). Внутри этой системы иерархические взаимоотношения выстраиваются от рода к виду. Очевидно, что речь идет в данном случае о терминологии как о лексической основе МЯ и ЯСЦ. Разумеется, эти общеизвестные требования к термину вообще и к лингвистическому термину в частности могут быть приложимы к

означающему, выраженному средствами родного языка. Что делать, если это — иностранный термин, заимствованный в язык-реципиент вместе с номинируемым этим термином понятием? На данном этапе немецкая лингвистика не придумала пока действенного «противоядия»: немецкие лингвисты заимствуют англоязычные единицы специальной номинации не только содержательно, но и формально (т. е. вместе со звуковой оболочкой). Немецкий лингвистический МЯ, таким образом, постепенно размывается, утрачивая в некоторой своей части национальную идентичность. Иноязычный лингвистический термин способен стать полноправным элементом соответствующей лингвотерминологической системы только в том случае, если он будет ассимилирован воспринимающим языком. Приведенные выше примеры свидетельствуют об обратном.

Здесь уместен небольшой экскурс в историю языка. Немецкий язык на протяжении своей истории не раз становился объектом лингвистической экспансии со стороны других языков. Хорошо известно и тщательно изучено, к примеру, неоднократное волновое влияние латинского и французского языков на немецкий научный дискурс. Тем не менее еще Ю. Шоттель предпринимал попытки перевода латинской грамматической терминологии на немецкий язык с тем, чтобы она была понятна обычному пользователю. В его время многие грамматисты предпочитали использовать в сфере метакommunikации наряду с латынью и французский язык. В частности, Э. Б. де Кондильяк ввел в немецкий лингвистический дискурс целый ряд специализированных французских слов и словосочетаний терминологического свойства, которые позднее были все же переведены на немецкий язык.

В начале XIX века языковед Й. Г. Кампе, которого относят к числу немецких пуристов, противостоявших тенденции употреблять «модные словечки», опубликовал свой состоящий из шести частей словарь, красноречиво названный им «Словарь толкования и онемечивания проникших в наш язык иностранных выражений» (*Wörterbuch zur Erklärung und Verdeutschung der unserer Sprache aufgedrungenen fremden Ausdrücke*). А. Л. Зеленецкий и О. В. Новожилова охарактеризовали его научно-исследовательскую позицию как «экстремистскую» и «псевдодемократическую», поскольку Й. Г. Кампе, с их точки зрения, не учитывал «потребностей развития языка науки, постоянно прибегающего к интернациональной лексике» [Зеленецкий, Новожилова 2003: 307]. В защиту Й. Г. Кампе следует сказать, что состояние языка всегда отражает состояние общества. В описываемый период немецкий язык в условиях интенсификации языковых контактов оказался наводнен необозримым количеством лексических заимствований из французского языка. Реакция блюстителей чистоты языка, выразившаяся в резком неприятии этих заимствований, была закономерной и предсказуемой. В языке современной немецкой науки, на наш взгляд, наблюдаются

сейчас сходные тенденции, не выраженные, правда, с той же силой и в столь явной форме.

Следует оговориться, что автор статьи не относит себя к числу пуристов и полагает, что иноязычные слова обыкновенно более предпочтительны для применения в процессе терминологического именования хотя бы потому, что они практически не восприимчивы к мотивировке, мотивировочный признак (или признаки), лежащий в основе такого рода номинации, не всегда может дифференцироваться носителем заимствующего языка. Семантика такого термина оказывается непрозрачной для большей части пользователей языка, что исключает возникновение нежелательных ассоциаций со словом-прототипом общего языка.

Данный тезис имеет как последователей, так и противников. Его приверженцы полагают, что иноязычный термин, будучи включен в систему языка-реципиента, со временем может стать собственным, «своим» и демонстрировать вполне ясную для специалиста семантику [Ребрушкина 2003]. И с этим трудно не согласиться, в особенности если такой термин эвфоничен и легко вписывается в соответствующий терминологический ряд. Гораздо более сложной в эпоху глобализации представляется проблема сохранения в терминосистемах баланса между исконной и заимствованной лексикой. Перспективы неконтролируемых и не ограниченных никакими рамками заимствований просматриваются вполне отчетливо: в ряде работ это явление уже рекомендуется приветствовать, поскольку оно способствует интернационализации языка науки и, по мнению авторов таких работ, неизбежному превращению последнего в понятную для всех языковедов разновидность *lingua franca* [Graefen 2009].

Эту точку зрения оспаривают те лингвисты и терминологи, которые считают, что следует поддерживать и укреплять самобытность национальной терминологии, сохраняя связь термина с его общеязыковым прототипом [Гречко 1976; Блинова 1981].

Разумеется, самобытность в терминологии (как рецидив локального лингвистического пуризма) терпима только до тех пор, пока она не начинает расцениваться «как идущая в разрез с общечеловеческими интересами и препятствие на пути научно-технического прогресса» [Авербух 1986]. И в этом смысле созвучной нашему времени оказывается позиция И. В. Гёте, призывавшего к «положительному пуризму» (*affirmativer Purismus*) и допускавшего возможность заимствований, если они способны более точно и деликатно выразить то, что аналогичным образом не может быть передано средствами родного языка. Заимствующий язык отбирает из иноязычного наследия только то, что ему необходимо, и обогащается за счет отобранного материала (*verschlingt das Fremde*) [Goethe 1982].

Здесь возникает вопрос: следует ли считать чрезмерную ориентированность современного немецкого металингвистического дискурса на его англоязычный аналог соответствующей базовым интересам

и ценностям языка немецкой лингвистики? В условиях сложившейся метакоммуникативной ситуации, скорее — нет, чем да. Многие распространенные в современном лингвистическом обиходе интернациональные (прежде всего англоязычные) терминологические номинации трудно назвать единственно возможными, необходимыми и однозначно приемлемыми для языка-реципиента лексическими вариантами, поскольку язык немецкой лингвистики на данной стадии своего развития располагает собственными средствами для решения не только актуальных, но и потенциальных проблем терминологической номинации практически во всех сферах современного научного лингвистического дискурса. Возникновение и последующее широкое применение упомянутого выше *lingua franca* как средства описания языка-объекта объективно сводит к минимуму функциональные возможности языка немецкой лингвистики и сужает сферу реализации этих возможностей.

Литература

- Авербух 1986 — *Авербух К. Я.* Терминологическая вариантность // Вопросы языкознания. № 6. 1986. С. 4.
- Ахманова 1990 — *Ахманова О. С.* Терминология лингвистическая // ЛЭС. М., 1990. С. 509.
- Блинова 1981 — *Блинова О. И.* Термин и его мотивированность // Терминология и культура речи. М., 1981. С. 35.
- Бухаров 1995 — *Бухаров В. М.* Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка. Н. Новгород, 1995.
- Гвишиани 1983 — *Гвишиани Н. Б.* К вопросу о метаязыке языкознания // Вопросы языкознания. № 2. 1983. С. 71.
- Гвишиани 1990 — *Гвишиани Н. Б.* Метаязык // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 297—298.
- Гречко 1976 — *Гречко В. А.* Каким должен быть термин? // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1976. С. 102.
- Зеленецкий, Новожилова 2003 — *Зеленецкий А. Л., Новожилова О. В.* Теория немецкого языкознания. М., 2003.
- Кобенко 2013 — *Кобенко Ю. В.* Экзогlossные тенденции в языковой ситуации в ФРГ: Дис. ... докт. филол. наук. Самара, 2013.
- Кобозева 2000 — *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Нелюбин 2003 — *Нелюбин А. Л.* Толковый переводоведческий словарь. М., 2003.
- Ребрушкина 2003 — *Ребрушкина И. А.* Ориентирующие свойства лингвистических терминов // Языки профессиональной коммуникации. Челябинск, 2003. С. 252.
- Стариченок 2008 — *Стариченок В. Д.* Большой лингвистический словарь. Ростов, 2008.

- Хэмп 1964 — *Хэмп Э.* Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964.
- Abresch 2005 — *Abresch J.* The pronunciation of Anglicisms and English proper names in German: a corpus study // Proceedings of the 16th conference on electronic speech signal processing (ESSP). Prague, 2005. P. 167.
- Fehr 1999 — *Fehr J.* Morpho-Phonologie der japanischen Verben: Eine Optimality-Theory-Analyse der Assimilationsform // Linguistik online 4. 3/99 (http://www.linguistik-online.de/3_99/fehr2.html).
- Goethe 1982 — *Goethes Werke.* Bd XII. Schriften zur Kunst. Schriften zur Literatur. Maximen und Reflexionen // „Hamburger Ausgabe“ in 14 Bänden / Hrsg. von E. Trunz. 10. Aufl. München, 1982. S. 508.
- Götz 1995 — *Götz D.* Die Bedeutung des Englischen für Linguistik und Literaturwissenschaft // Handbuch Englisch als Fremdsprache / Hrsg. von R. Ahrens, W.-D. Bald und W. Hüllen. Berlin, 1995. S. 71.
- Graefen 2009 — *Graefen G.* Versteckte Metaphorik — Ein Problem im Umgang mit der fremden deutschen Wissenschaftssprache // Wissenschaftliche Textsorten im Germanistikstudium. Deutsch-italienisch-französisch kontrastiv: Akten der Trilateralen Forschungskonferenz 2007—2008. Villa Vigoni, Deutsch-Italienisches Zentrum, 2009. S. 149.
- Helbig 1973 — *Helbig G.* Geschichte der neueren Sprachwissenschaft. Unter dem besonderen Aspekt der Grammatik-Theorie. Leipzig, 1973.
- Lewandowski 1990 — *Lewandowski Th.* Linguistisches Wörterbuch. Heidelberg-Wiesbaden, 1990.
- Nagel 1999 — *Nagel R.* Kontrastive Bemerkungen zur Terminologie der Sprachwissenschaft (D—E) // ZfAL 30 (1999). S. 71, 77.
- Schmidt 1964 — *Schmidt W.* Deutsche Sprachkunde. Berlin, 1964.
- Schulze 1999 — *Schulze R.* Die neuere englische Fachsprache der Linguistik seit dem Strukturalismus / XVIII. Fachsprachen des Englischen im 19. und 20. Jh. // Fachsprachen. Ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft. Halbbd. 2 / Hrsg. von L. Hoffmann, H. Kalverkämper, H. E. Wiegand. Berlin; N Y, 1999. S. 1478—1479.
- Stammerjohann 1975 — *Stammerjohann H.* Handbuch der Linguistik. Allgemeine und angewandte Sprachwissenschaft. München, 1975.
- Thielmann 2012 — *Thielmann W.* Zur Einzelsprachenspezifik wissenschaftlichen Sprachausbaus im gnoseologischen Funktionsbereich von Sprache // Linguistik online 52. 2/2012 (http://www.linguistik-online.de/52_12/thielmann.html).

ZUSAMMENFASSUNG

**Moderner wissenschaftlicher Diskurs
und Entwicklungstendenzen im metasprachlichen
Bereich der deutschen Linguistik**

Im Beitrag liegt das Schwergewicht auf Besonderheiten des gegenwärtigen wissenschaftlichen Diskurses sowie auf der Analyse dessen Einflusses auf die Metasprache der deutschen Linguistik. Wissenschaftlicher Diskurs wird behandelt als Faktor und eine nicht wegzudenkende Bedingung der fortschreitenden Entwicklung der linguistischen Metasprache, also auch der Bereicherung des Inventars von Sprachmitteln, die den metakommunikativen Zwecken der deutschen Sprachwissenschaft dienen.

STALINA KATAJEWÄ

(Lipetsker Staatliche Pädagogische Universität)

**PROBLEME EINER METALINGUISTISCHEN
BESCHREIBUNG DES FACHTERMINOLOGISCHEN
INSTRUMENTARIUMS**

„Die Sprache der Politik ist eine Sprache der Begriffe“
[Bergsdorf 1983: 46]

Die linguistische Beschäftigung mit der politischen Kommunikation wird vor allem im deutschsprachigen Raum intensiv vorangetrieben. Das führte in den 90-er Jahren des 20. Jahrhunderts zur Konstituierung der Politolinguistik, einer germanistischen Linguistik der politischen Sprache, einer „Teildisziplin im Grenzgebiet zwischen Linguistik und Politologie“, die innerhalb der Sprachwissenschaft als ein Teil der Angewandten Linguistik angesehen wird [Burkhardt 1996: 82]. Bei der Entstehung einer neuen Disziplin muss auch ein neues Terminologiesystem geschaffen werden, denn, so Burkhardt, „wenn sich eine neue Disziplin zu etablieren sucht, muss sie sich zunächst eine eigene Spezialterminologie erarbeiten und eigene Beschreibungsmethoden entwickeln“ [Burkhardt 2001: 3].

Dieses Problem ist bis jetzt noch nicht gelöst. Die metasprachliche Analyse der vorhandenen politolinguistischen Publikationen hat gezeigt, dass in diesem Forschungsbereich, wie Burkhardt feststellt, „je nach Gusto und Bedarf terminologische Anleihen bei sehr unterschiedlichen Disziplinen, Theoriekonzepten, Autoren und Autoritäten gemacht werden“ [Burkhardt 1996: 86]. Die Wissenschaftler, die in diesem Bereich tätig sind, bezeichnen und deuten gleiche oder ähnliche Sachverhalte ganz oder zum Teil unterschiedlich. Selbst der zentrale Begriff der politischen Kommunikation, das „Schlagwort“, hat verschiedene Benennungen und Deutungen.

Politische Auseinandersetzungen von den Parteien werden mit sprachlichen Mitteln ausgefochten, sie werden auf der Grundlage zentraler Wörter, der Schlagwörter oder „der ganzen semantisch umkämpften Schlagwortfelder“ [Klein 1989: 31] ausgetragen. Sie gehören zumeist ideologiesprachlichen Zeichensystemen an und dienen zur plakativen, einprägsamen Bezeichnung und politischen Bewertung. Die Schlagwörter ihrerseits gliedern sich in Hochwert-, Unwert-, Fahnen-, Stigma-, Zeit-

geist-, Programm- und Gegen-Schlagwörter, die in bestimmten historischen Zeitabschnitten dominieren und im politischen „Streit um Wörter“ immer im Mittelpunkt stehen. Aus diesen Begriffen, die Schlagwortstatus beanspruchen, ist nur der zentrale Begriff „Schlagwort“ im Lexikon der Sprachwissenschaft von H. Bußmann verzeichnet, der aber auch keine feste Definition hat. Im Zeitabstand von einem Jahrzehnt weist es gewisse Differenzen in seiner Definition auf. Bei einem Vergleich der Definitionen der 2. und der 3. Auflage (Jahrgänge 1990 / 2002) fällt auf, dass selbst dieser, erstmals 1906 in Ladendorffs „Historisches Schlagwörterbuch“ vorkommende und seitdem bekannte Begriff im Lexikon der Sprachwissenschaft unterschiedlich definiert wird:

„Häufig gebrauchtes Wort, das einen komplexen Sachverhalt griffig benennt, interpretiert und bewertet. Als Losungswort bestimmter gesellschaftlicher Gruppen hat das Schlagwort solidarisierende und persuasiv-agitatorische Funktion und ist demgemäß häufig Gegenstand öffentlicher Kontroversen: *Ausbeutung, Bildungskatastrophe, Chancengleichheit, Lebensqualität, Sympathisant*. Das Schlagwort läßt sich als kondensierte, sprachlich fixierte Form eines Topos auffassen“ [Bußmann 1990: 666].

„Häufig gebrauchtes, den öffentlichen Diskurs prägendes Wort, das einen komplexen Sachverhalt griffig benennt, interpretiert und bewertet. Als Programmwort für ein aktuelles gesellschaftliches Thema hat das Schlagwort solidarisierende und appellative Funktion, z.B. *Chancengleichheit, Lebensqualität, Waldsterben, Globalisierung*“. Auf Grund seiner stabilen Konnotation kann es als verkürztes Argument (Topos) in öffentlichen Kontroversen gebraucht werden. Mit Schlagwort verwandt ist die Bezeichnung „Schlüsselwort“ für emotional stimulierende und damit argumentationssteuernde Wörter der Werbesprache (*Freiheit, gesund, sozial*)“. Vgl. Slogan. [Bußmann 2002: 584].

Aus den angeführten Definitionen kann man ablesen, dass in der früheren Ausgabe das „Schlagwort“ durch das „Losungswort“ erklärt wird, in der späteren Ausgabe wird es als „Programmwort“ definiert; des Weiteren wird verständlicherweise auf seine Verwandschaft mit dem Schlüsselwort hingewiesen und sein diskursiver, argumentativer Charakter durch den Zusatz „als den öffentlichen Diskurs prägendes Wort“ betont. Als emotional stimulierende und argumentationssteuernde Wörter werden sie auch mit Slogan der Werbesprache verglichen. Auch bei der Bestimmung der Funktionen des Schlagwortes treten in der 3., erweiterten Auflage andere Charakteristika hervor: an die Stelle der „persuasiv-agitatorischen“ Funktion tritt die „appellative“ Funktion. Diese Änderungen der Bestimmung des Schlagwortes in einem relativ kurzen Zeitraum lassen erkennen, dass der Entwicklungsprozess des begrifflichen Systems der

Politolinguistik, der „Begriffe von Begriffen“¹ der politischen Semantik, bis jetzt noch nicht abgeschlossen ist.

Davon zeugen auch unterschiedliche Definitionen dieses Begriffes in den Arbeiten deutscher Politolinguisten, die die einen oder die anderen Merkmale des Schlagwortes unterstreichen: „In den Schlagwörtern werden Programme kondensiert“ [Dieckmann 1975: 103]; „Die Schlagwörter fungieren als parteipolitische Schibboleths, die politische Programme in ein Wort, in eine griffige Formel fassen. Sie erscheinen dort, wo sie simplizieren und mobilisieren“ [Bachem 1979: 63]; „Schlagwörter sind dort, wo es um Formulierung zentraler politischer Begriffe geht“ [Klaus 1971: 148]; „Schlagwörter sind Verdichtungssymbole“ [Bergsdorf 1983: 11]; „Ein Oberbegriff für politisch wichtige Ausdrücke. Ähnlich verwendet werden: *Leitvokabel* und *Schlüsselwort*“ [Wengeler 2003: 49]; „Schlagwörter sind Kernwörter politischer Äußerungen“ [Burkhardt 2003: 15]. H. Girnth grenzt das Schlagwort vom Symbolwort ab, bestimmt es „als auffälligste sprachliche Erscheinung in der öffentlich-politischen Kommunikation“ und engt diesen Begriff ein, indem er das Schlagwort „auf Grund seiner Abhängigkeit von der Aktualität, seiner appellativen und treffsicheren Wirkung“ mit Wahlslogan vergleicht [vgl. Girnth 2002: 52–53]. Für F. Hermanns sind Schlagwörter durch die persuasive und propagandistische Absicht gekennzeichnet, die ihrem Gebrauch zugrunde liegt [vgl. Hermanns 1994: 12]. Diese Aufzählung unterschiedlicher Beschreibungen könnte man auch bei den anderen Begriffen aus dem Schlagwortfeld (*Hochwert-*, *Unwert-*, *Fahnen-*, *Stigma-*, *Zeitgeist-*, *Programm-wörter*) fortsetzen, die in wissenschaftlichen Arbeiten anzutreffen sind, aber ebenfalls noch in kein Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini Eingang gefunden haben. Darum ist es für die Erforscher der politischen Sprache kompliziert, sich in der Vielfalt von existierenden Schlagwortarten und ihrer Definitionen auszukennen. Obwohl es einige Vorschläge gibt, diese politolinguistischen Phänomene näher zu bestimmen, sie terminologisch zu erfassen und voneinander abzugrenzen, bleibt der Begriff „Schlagwort“ „eine in sich heterogene Kategorie, die der Subklassifikation dringend bedarf“ [Burkhardt 2003: 12]. Es gibt bis heute kein vollständig ausgearbeitetes begriffliches System der Politolinguistik.

Die Erforschung der deutschen Sprache in der Politik wird wesentlich noch dadurch erschwert, dass die meisten Begriffe der Politolinguistik, wie bereits erwähnt, noch in keinem deutschen oder russischen Lexikon der Sprachwissenschaft registriert sind. Die vorhandenen deutschen Lexika der Sprachwissenschaft [Bußmann 1990 / 2002] enthalten nur ein Paar Begriffe (darunter *Schlagwort*), ähnlich verhält es sich mit analogen russischen Lexika [vgl. Ахманова 2004; Баранов, Добровольский 2006].

Es mangelt an Kenntnissen vom Fachvokabular dieses neuen Forschungsbereiches, um mit den politolinguistischen Termini souverän umgehen und sie adäquat verwenden zu können. Das bereitet all denen

¹ Terminus von F. Hermanns [1994: 3].

Schwierigkeiten, die sich mit Problemen der Politolinguistik befassen, in besonderem Maße aber den Auslandsgermanisten, die versuchen, mit Schlüsselwörtern des öffentlichen Sprachgebrauchs ideologische Positionen und Begriffssysteme zu rekonstruieren und politisch-semantiche Wandlungsprozesse in der deutschen Sprache zu beschreiben. Oft führen mangelnde Kenntnisse der Fachterminologie zum falschen Gebrauch von Fachbegriffen oder zu Fehlinterpretationen. Darum gibt es gerade auf dem Gebiet der Politolinguistik für angehende sowie für fortgeschrittene russische Auslandsgermanisten einen erheblichen Nachholbedarf. Besonders deutlich treten diese Probleme im Bereich der Fachterminologie dieser neuen Teildisziplin der angewandten Linguistik auf. In der letzten Zeit gab es einzelne Versuche in der Inlandsgermanistik [vgl. Burkhardt 2003; Wengeler 2003] wie auch in der Auslandsgermanistik [vgl. Katajewa 2002], die Fachterminologie der Politolinguistik einigermaßen zu vereinheitlichen, den besonderen Gegebenheiten des eigenen Forschungsgegenstandes anzupassen und an einem sachangemessenen und handhabbaren terminologischen Inventar zu arbeiten. An dieser Stelle sei der Artikel des deutschen Politolinguisten M. Wengeler „Sprache in der Demokratie“ erwähnt, in dem er 2003 unter der Rubrik „Fachterminologisches Instrumentarium“ die ersten 12 politolinguistischen Termini, solche wie *Schlagwort*, *Bezeichnungskonkurrenz*, *Bedeutungskonkurrenz*, *Fahnenwort*, *Stigmawort*, *Programm vokabel*, *semantischer Kampf*, *deontische Bedeutung* u. a. ausgesondert und erläutert hat. Er nennt sie „Beschreibungstermini“ und schlägt vor, sie „aus der umfangreichen Literatur über öffentliche und politische Sprache“ in den deutschen Schulunterricht (in den Oberstufenklassen) einzuführen. Wengeler unterstreicht die Wichtigkeit der Vermittlung eines terminologischen Instrumentariums, das für die Schüler Systematik bedeutet [Wengeler 2003: 39–50]. Dieses für schulische Lernzwecke geschaffene terminologische Begriffsregister wäre für universitäre Zwecke der Auslandsgermanistik, für die vollständige Beschreibung der deutschen politischen Sprache nicht ausreichend. Daraus ergab sich die Notwendigkeit der Schaffung eines entsprechenden zweisprachigen Nachschlagewerkes für die russischen Germanistikstudenten. Es geht um eine einigermaßen Kanonisierung der Begriffe des Forschungsbereiches „Sprache in der Politik“, um ihre Systematisierung, Beschreibung und Übersetzung, was den künftigen Benutzern den permanenten Zwang zu ermüdenden Begriffserklärungen ersparen helfen würde. Es versteht sich als zusätzliche Arbeitshilfe beim Germanistikstudium, als Werkzeug bei der Lektüre der einschlägigen Literatur, indem die Fremdsprachler fremde Begriffe identifizieren, verstehen, interpretieren und sie adäquat gebrauchen können.

Als erster Schritt in dieser Richtung wurde 2002 versuchsweise ein kurzes Begriffsverzeichnis zum Wahlkurs „Politolinguistik“ zusammengestellt, das eine katalogartige Übersicht über bestehende Definitionen von 32 Grundbegriffen aus aktuellen Publikationen deutscher Wissenschaftler dieses Forschungsbereiches für die russischen Germanistikstudenten

gab [Katajewa 2002: 12—24]. Das war ein Versuch, den Studenten auf dem Gebiet der deutschen Politolinguistik eine erste Orientierungshilfe zu leisten. Mit der Zeit stellte es sich aber heraus, dass es für die moderne Diskursanalyse, für die Analyse von Wörtern mit „politischer Semantik“ nicht ausreichend war. Darum wurde als nächster Schritt ein Begriffskatalog zusammengestellt, der mehr als 100 Begriffe dieser neuen Disziplin enthielt und die Basis für ein zweisprachiges Wörterbuch bildete. Dieses wurde im Jahre 2008 als „Kurzes deutsch-russisches Wörterbuch politolinguistischer Begriffe“ erarbeitet, das im Allgemeinen den oben genannten aktuellen Nachholbedarf und die neu entstandenen Informationsbedürfnisse der russischen Germanisten wie auch Russisten auf diesem Gebiet befriedigen und im Einzelnen das bestehende Defizit an politolinguistischen metasprachlichen Grundkenntnissen wenigstens teilweise abbauen konnte.

Thematisch gesehen, macht dieses Wörterbuch mit den folgenden Begriffen der Politolinguistik bekannt:

- mit lexisch-semantischen Strategien der politischen Kommunikation, solchen wie *Begriffe besetzen*, *Bedeutungskonkurrenz*, *Bezeichnungskonkurrenz*, die im *Kampf (Streit) um Wörter* verwendet werden;
- mit verschiedenen Arten der Ideologiegebundenheit: *ideologische Polysemie*, *Synonymie* und *Wertung*;
- mit Kernbegriffen des politischen Wortschatzes, mit „politikeigenen Sprachformen“, die verschiedene Arten der Schlüsselbegriffe der politischen Kommunikation darstellen *Schlagwörter*, *Fahnenwörter*, *Stigmawörter*, *Hochwertwörter*, *Unwertwörter*, *Zeitgeistwörter*, *Programmwörter* u.a.;
- mit der Struktur des politischen Wortschatzes *Institutionsvokabular*, *Ressortvokabular*, *Ideologievokabular* u. a.

Das Wörterbuch ermöglicht somit, eine Einsicht in das begriffliche System der deutschen Politolinguistik zu nehmen. Mit diesem Wörterbuch wurde der erste Versuch unternommen, mit dem fachterminologischen Instrumentarium dieser jungen Disziplin der Angewandten Linguistik bekannt zu machen.

Da die meisten Begriffe aus diesem Forschungsbereich für russische Sprachforscher unbekannt sind, werden sie auf Russisch ausführlich erläutert, gedeutet und eingehend interpretiert, z.B. **das Institutionsvokabular**: институциональный вокабуляр — структурный разряд политического лексикона; состоит из наименований государственных институтов (*Bundestag*, *Bundesrat*), форм правления (*parlamentarische Demokratie*), кодифицированных политико-институциональных норм (*Verfassung*, *Grundgesetz*), должностных ролей (*Bundeskanzler*, *Staatssekretär*), формальных политических процедур (*Abstimmung*, *konstruktives Misstrauensvotum*, *Wahl*) и т. д.; см. [Dieckmann 1975; Klein 1989; 2005].

Dabei wird im Wörterbuch auf die Erhaltung der Authentizität der Begriffe großen Wert gelegt, indem politolinguistische Begriffe folgender Weise übertragen und präsentiert werden:

a) die meisten Begriffe werden in die russische Sprache durch eine „Glied-für-Glied-Übersetzung“ (Lehnübersetzung) übertragen:

brisante Wörter: бризантные слова — идеологически релевантные актуальные общественно-политические понятия (спорные понятия); см. *Schlagwort; Ideologievokabular; kontroverse Begriffe* [Strauß, Haas, Haras 1989]; [Stötzel, Wengeler 1995];

die Institutionsprache: институциональный язык — широкое понятие для обозначения институционального вокабуляра в первичной трактовке В. Дикманна; позднее [2005] он обозначает его как «институциональнальный вокабуляр» [Dieckmann 1975, 2005];

b) manche Begriffe werden transliteriert mit nachfolgender Erläuterung:

die Anti-Miranda: анти-миранда — символы идеологического противника; термин В. Дикманна, который, опираясь на теорию Г. Лассуэлла «пропаганды как управления значимыми символами», делит «слова-символы» на основе их оценочных и семантических признаков на «миранда» и «антимиранда»; «анти-миранда» как «слово-символ» содержит негативную оценочность и обозначает презрение и нежелательность каких-либо политических явлений конкурирующей идеологии: *Das Negativbild der Miranda in einer Ideologie sind die Anti-Miranda, die das Bekämpfte, Verachtete, nicht Wünschenswerte bezeichnen, das von der konkurrierenden Utopie (Ideologie) vertreten wird* [Dieckmann 1975: 49];

c) sie werden in der russischen Sprache gedeutet, beschrieben und mit authentischen Beispielen versehen:

das Zeitgeistwort: слово-лозунг, концептуально выражающее «дух времени», (положительно или нейтрально), соотносящееся с определенным отрезком времени современной истории Германии; надпартийные слова-лозунги представляют актуальную тему современного политического дискурса: *Wirtschaftswunder* (50er Jahre), *Mauerbau* (1961), *Mauerfall* (1989); *Wiedervereinigung* (1990);

d) sie werden mit Beispielen ihrer Definition auch aus konkreten wissenschaftlichen Publikationen deutscher Politolinguisten belegt:

das Fahnenwort: слово-знамя (термин Ф. Херманнса) является опознавательным знаком партий, объединяющим в политической борьбе и сигнализирующим об определенной групповой идентичности; это слово-лозунг с позитивным оценочным потенциалом с точки зрения определенной партии: *Mitbestimmung, Lebensqualität*; одно и то же понятие, выступающее ведущим символом, «знаменем» одной партии (или идеологии) *Diktatur des Proletariats / freie Marktwirtschaft*, является одновременно негативно оценочным словом (*Stigma*wort), «стигмой» идеологического противника, что позволяет любую политическую полемику описать как взаимную смену «слов-знамен» и «слов-стигм»: *Häufig ist die politische Diskussion als ein Wechselspiel von Fahnen- und Stigma*wort zu beschreiben: Was den einen 1990 als 'Beitritt' (nach Art. 23 GG) erschien, wurde von den anderen als (letztlich grundgesetzwidriger)

‘Anschluss’ denunziert [Burkhardt 2003: 12]. см. также Hermanns [1989]; Burkhardt [2001, 2003];

e) sie enthalten Erläuterungen mit einem obligatorischen Hinweis auf die Autoren von denen dieser oder jener Begriff stammt oder üblich gebraucht wird:

Begriffe besetzen: «захват понятий» — термин, введенный К. Биденкоффом (1973), генеральным секретарем ХДС, характеризующий новую лексико-семантическую стратегию политической коммуникации; впервые эта стратегия была осуществлена СДПГ, которая в период предвыборной кампании «захватила» понятия конкурирующей партии (ХДС), что привело ее к победе через «языковую революцию»; «захват понятий» как понятная метафорическая формулировка новой стратегии политической коммуникации прочно вошла в арсенал основных понятий политического языка, соотносящихся с «семантической борьбой»: *Nehmen wir endlich den Kampf um die Begriffe auf! Machen wir die Kombination von „Innovation“ und „sozialer Gerechtigkeit“ zu unseren Markenzeichen!* (W. Thierse 1997); *Lassen wir uns doch die Begriffe nicht klauen* (O. Lafontaine 1997) [Biedenkopf 1982; Liedtke, Wengeler, Böke 1991; Klein 1991].

f) in bestimmten Fällen wird im Wörterbuchartikel auch auf vorhandene Synonyme hingewiesen:

ideologische Polysemie: идеологическая полисемия (термин В. Дикманна) является одной из форм проявления семасиологически выраженной идеологической релевантности; проявляется при одинаковом обозначении в идеологически обусловленной разнице значений понятий: *Demokratie, Freiheit, Gleichheit u. ä.:* „Es geht um die Wörter, die verschiedenen Ideologien gemeinsam sind und deren verschiedene Sinnbedeutungen nebeneinander in einer Sprache auftauchen“ [Dieckmann 1975: 71]; см. Bedeutungsspezifik Bedeutungskonkurrenz, semantische Varianz.

SCHLUSSBEMERKUNG

Diese deutsch-russische Übersicht der Begrifflichkeit des Problemereichs „Sprache in der Politik“ beansprucht keine endgültige Vollständigkeit. Das Wörterbuch kann sich auch als ergänzungsbedürftig erweisen und jederzeit erweitert werden. Die Schaffung eines solchen zweisprachigen Wörterbuches stellt eine bestimmte Etappe in der „Sprache-in-der-Politik-Forschung“ auf dem russischen Boden dar. Damit wird versucht, das bestehende Problem aus der Sicht einer Auslandsgermanistin nicht nur anzudeuten, und das „Dickicht“ konkurrierender Benennungen der politolinguistischen Begriffe zu zeigen, sondern auch durch die Übersetzung dieser Begriffe ins Russische und ihre zugängliche Deutung in gewissem Maße zu überwinden.

Literatur

- Ахманова 2004 — *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М., 2004.
- Баранов, Добровольский 2006 — *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов. М., 2006.
- Bachem 1979 — *Bachem R.* Einführung in die Analyse politischer Texte. München, 1979.
- Bergsdorf 1983 — *Bergsdorf W.* Herrschaft und Sprache. Studie zur politischen Terminologie der Bundesrepublik Deutschland. Pfullingen, 1983.
- Biedenkopf 1982 — *Biedenkopf K. H.* Politik und Sprache // Holzfeuer im hölzernen Ofen. Aufsätze zur politischen Sprachkritik / H. J. Heringer (Hrsg.). Tübingen, 1982. S. 189—197.
- Burkhardt 1996 — *Burkhardt A.* Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung // Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation / J. Klein, H. Diekmannshenke (Hrsg.). Berlin; New York, 1996. S. 75—100.
- Burkhardt 2001 — *Burkhardt A.* Politische Sprache. Grundbegriffe und Analysenmethoden // Herausgegeben von der Gesellschaft für Germanistik der Kansai-Universität-Osaka. Osaka, 2001. S. 1—32.
- Burkhardt 2003 — *Burkhardt A.* Vom Schlagwort über die Tropen zum Sprechakt. Begriffe und Methoden der Analyse politischer Sprache // Der Deutschunterricht. № 2 (2003). S. 10—23.
- Bußmann 1990 — *Bußmann H.* Lexikon der Sprachwissenschaft. 2. völlig neu bearbeitete Auflage. Stuttgart, 1990.
- Bußmann 2002 — *Bußmann H.* Lexikon der Sprachwissenschaft. 3. aktualisierte und erweiterte Auflage. Stuttgart, 2002.
- Dieckmann 1975 — *Dieckmann W.* Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. Mit einem Literaturbericht zur 2. Auflage. Heidelberg, 1975.
- Dieckmann 2005 — *Dieckmann W.* Deutsch: politisch — politische Sprache im Gefüge des Deutschen // Sprache und Politik. Deutsch im demokratischen Staat. Duden Bd 6 / J. Kilian (Hrsg.). Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2005. S. 11—30.
- Girnth 2002 — *Girnth H.* Sprache und Sprachverwendung in der Politik. Eine Einführung in die linguistische Analyse öffentlich-politischer Kommunikation. Tübingen, 2002.
- Hermanns 1994 — *Hermanns F.* Schlüssel-, Schlag- und Fahnenwörter. Zu Begrifflichkeit und Theorie der lexikalischen (politischen Semantik). Heidelberg; Mannheim, 1994.

- Katajewa 2002 — *Katajewa S. G.* Wahlkurs Politolinguistik. Fachrichtung Germanistik und DaF-Didaktik (für Studenten der höheren Studienjahre). Lipetsk, 2002.
- Katajewa 2008 — *Katajewa S. G.* Kurzes deutsch-russisches Wörterbuch politolinguistischer Begriffe. Lipetsk, 2008.
- Klaus 1971 — *Klaus G.* Sprache der Politik. Berlin, 1971.
- Klein 1989 — *Klein J.* Wortschatz, Wortkampf, Wortfelder in der Politik // Politische Semantik. Bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung / J. Klein (Hrsg.). Opladen, 1989. S. 3—50.
- Klein 1991 — *Klein J.* Kann man „Begriffe besetzen?“ Zur linguistischen Differenzierung einer plakativen politischen Metapher // Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauches in der Politik / F. Liedtke, M. Wengeler, K. Böke (Hrsg.). Opladen, 1991. S. 44—69.
- Klein 2005 — *Klein J.* „Grundwortschatz“ der Demokratie // Sprache in der Politik. Deutsch im demokratischen Staat. Duden Bd 6 / J. Kilian (Hrsg.). Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2005. S. 128—140.
- Liedtke, Wengeler, Böke 1991 — *Liedtke F., Wengeler M., Böke K.* (Hrsg.). Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauches in der Politik. Opladen, 1991.
- Wengeler 2003 — *Wengeler M.* Sprache in der Demokratie. Diskursgeschichtlich orientierte Anregungen für den Lernbereich „Reflexion über die Sprache“ // Der Deutschunterricht. Heft 2 (2003). S. 39—50.

Н. В. ГЕРАСИМЕНКО

(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург)

**АНАЛИЗ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК
КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГЕРМАНИИ, АВСТРИИ
И ШВЕЙЦАРИИ С ПОЗИЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ВАРИАТИВНОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**

При изучении и преподавании немецкого языка, его научном исследовании следует учитывать тот факт, что немецкий язык относится к числу плюрицентричных языков и представляет собой сложное образование, совокупность национальных разновидностей языка, реализующихся в отдельно взятом национальном центре или полуцентре. Это в полной мере относится и к языку права. И если полноценных национальных центров немецкого языка три — Германия, Австрия и Швейцария, можем ли мы взять на себя смелость предположить, что в немецком языке можно выделить три юридических дискурса, а точнее, три его национальных разновидности? На наш взгляд, изучение взаимодействия этих разновидностей юридического дискурса могло бы иметь практическую значимость как для немецкоязычных, так и для русскоязычных и германистов, и юристов. При выборе правовой области исследования мы остановились на конституционном праве, так как именно оно соединяет все отрасли национального права в единое, иерархически организованное целое. В качестве материала для изучения национальных разновидностей немецкого языка конституционного права нами были выбраны следующие источники: Федеральный конституционный закон Австрии от 1920 г. в редакции от 1929 г., Основной закон ФРГ от 1949 г. и от 2009 г. (после общего пересмотра), Союзная Конституция Швейцарской конфедерации от 1999 г. и Словарь вариантов немецкого языка, составленный под руководством У. Аммона и изданный в 2004 г.

Анализ дискурсивных практик конституционного права трех основных немецкоязычных стран позволил прийти к выводу, что встретившиеся нам национальные варианты можно разделить на две группы:

1. Те, которые можно отнести к явлениям, характерным для каждой отдельно взятой национальной разновидности не-

мецкого языка в целом, независимо от того, юридический это язык или нет.

2. Те, которые можно отнести к явлениям, характерным именно для каждой отдельно взятой национальной разновидности юридического дискурса, точнее, для дискурса конституционного права и обусловленным различиями в системах конституционного права, их становлении и развитии.

К первым относятся различия в орфографии (так, в Швейцарии не используется *ß*, напр. *die ausseordentliche Session* ‘специальное заседание парламента’), в грамматике (имеются расхождения в роде имен существительных — **der/das** *Gehalt A*, *das Gehalt CH*, *das Gehalt D* ‘заработная плата’), в словообразовании (наличие-отсутствие интерфикса *-es-* в сложных словах — *Gesetzentwurf A D*, *Gesetz**e**sentwurf gemeindt.* ‘законопроект’) и т. д. (Зд. и далее в тексте используются след. сокращения: *A* — для австрицизмов, *D* — для тевтонизмов, *CH* — для гельветизмов, *gemeindt.* — общенемецкий.) В дополнение к последнему хотелось бы обратить внимание на то, что наличие-отсутствие интерфикса *-es-* в сложных словах может иметь даже смысловоразличительное значение, так, в швейцарской разновидности немецкого языка *Land-* в качестве определяющего слова имеет значение «относящийся к кантону», например *Landammann* ‘глава правительства кантона’, *Landrat* ‘парламент кантона’ и др., а *Landes-* — ‘относящийся ко всей Швейцарии’, например *Landeshymne* ‘гимн страны’, *Landesrecht* ‘совокупность правовых норм, имеющих юридическую силу на всей территории Швейцарии’. Незнание данного отличия может привести к недоразумениям между юристами данных стран. Немецкий юрист, прослушав *Landeshymne*, может решить, что это всего лишь гимн одного из кантонов, а текст ст. 31 Основного закона ФРГ: «*Bundesrecht bricht Landesrecht*» — для швейцарского юриста будет звучать как «масло масляное».

Ко вторым относятся, прежде всего, особенности швейцарской национальной разновидности немецкого языка конституционного права, обусловленные отличным от Германии и Австрии развитием конституционного права в Швейцарии.

Первым важным экстралингвистическим фактором, повлиявшим на немецкий язык конституционного права в Швейцарии, стало сильное воздействие французской политической системы на становление конституционной государственности в этой стране. Здесь долгое время не существовало какого-либо конституционного акта, отношения между кантонами регулировались договорами, и первая конституция была предоставлена кантонам французами, которые в 1798 г. вторглись в страну и оккупировали ее. Конституция 1798 г. была создана на основе конституции первой Французской республики, ее в 1803 г. сменил «Акт о медиации», дарованный Наполеоном Бонапартом. Эти документы повлияли и на последующие конституции 1848 и 1874 гг., и на систему конституционного права

в целом. Это имеет следствием наличие в швейцарской национальной разновидности немецкого языка большого количества терминов латинского происхождения, заимствованных из французского языка конституционного права. Ср. **Militärdienst CH** с **Kriegsdienst D** и **Wehrdienst A D** ‘военная служба’, **Gemeindeautonomie CH** с **das Recht auf Selbstverwaltung A D** ‘право на осуществление местного самоуправления’, **parlamentarische Kommission CH** с **Ausschuß A D** ‘парламентский комитет’, **nach dem Grundsatz des Proporz CH** с **Verhältniswahl A** ‘пропорциональная избирательная система’ и т. д. Здесь же можно привести в пример гельветизм **Referendum CH** в сравнении с **Volkentscheid D** и с **Volksabstimmung A**. Следует отметить, что лексическая единица **Referendum** функционирует и в немецкой, и в австрийской правовых системах, но стоит в словаре с пометкой *fachsprachlich* и является там специальным термином, тогда как в Швейцарии таких функционально-стилистических ограничений не существует.

С явлением референдума связан второй важный экстралингвистический фактор, повлиявший на конституционно-правовой дискурс в Швейцарии. Вследствие того, что федерация в Швейцарии развилась из конфедерации (ее официальное название на русском языке «Швейцарская конфедерация» — лишь дань исторической традиции и не отражает реального положения дел), для нее характерен прямой характер демократии, что выражается в исключительной роли референдума в законодательстве и в политической жизни страны. Сам по себе референдум как форма прямого волеизъявления граждан представлен в каждой из стран, но в Швейцарии он проводится гораздо чаще и на уровне федерации, и на уровне ее субъектов — кантонов, и на уровне органов местного самоуправления. Так, согласно данным сайта www.ch.ch/de/abstimmungen, в 2013 г. в Швейцарии было проведено четыре референдума на федеральном уровне и на кантональном уровне проводятся в среднем также четыре референдума в год. Этот факт приводит к «взрыву» гельветизмов в системе избирательного права. Согласно Словарию национальных вариантов немецкого языка, изданному под редакцией У. Аммона в 2004 г., только национальный вариант **Referendum**, входя в сочетание с другими частями речи или становясь частью сложных существительных, «тянет за собой» 13 гельветизмов. В качестве доказательства приводим следующую словарную статью:

Referendum CH das; -s, ...den: „politische Sachentscheidung durch Volksabstimmung“; ***fakultative Referendum** „Volksabstimmung, die nur durchgeführt wird, wenn eine genügende Zahl von Stimmbürgern oder Kantonen dies verlangen“; ***obligatorische Referendum** „Volksabstimmung über Verfassungs- und wichtige Gesetzesänderungen, die durch die Verfassung zwingend vorgeschrieben ist“; ***das Referendum ergreifen** „durch Sammlung von Unterschriften ein Abstimmungsverfahren in die Wege leiten“ — In A und D fachsprachlich — Dazu: **Behördenreferendum**, **Gesetzesreferendum**, **Referendumsabstimmung**, **Refe-**

rendumsbegehren, Referendumsdemokratie, Referendumsdrohung, Referendumskomitee, Referendumsrecht, Referendumsvorlage, Volksreferendum [Variantenwörterbuch 2004: 619]

Схожим образом ведет себя и лексема **Mehr CH** в противопоставлении к общенемецкой *Stimmenmehrheit* ‘большинство голосов’, результат — 11 гельветизмов: **absolute Mehr, qualifizierte Mehr, relative Mehr, abmehr, ausmehr, Gegenmehr, Handmehr, Ständemehr, Stimmenmehr, Volksmehr, Zweidrittelsmehr**. (Значение „Menge, um die ein bestimmtes Mass übertroffen wird“ является общенемецким.) [Variantenwörterbuch 2004: 496]

Появляется много синонимичных понятий:

- только для обозначения избирателя используется 4 лексемы: **der/die Stimmberechtigte, der/die Aktivbürger/ Aktivbürgerin, der/die Stimmbürger/Stimmbürgerin, der/die Stimmfähige(r)**, причем последняя имеет также значение неполного совершеннолетия;
- для обозначения избирательного корпуса — 3 лексемы: **Stimmbevölkerung, Schweizervolk, Stimmvolk**;
- избирательного права — 2: **Aktivbürgerrecht** и **Ehrenfähigkeit**;
- назначения выборов — также 2: **Abstimmungsdatum, Abstimmungstermin**.

Общенемецкие слова расширяют в языке избирательного права Швейцарии свое лексическое значение, приобретая дополнительные семы, так, например, глагол **stimmen** кроме общенемецкого „für/gegen etw./jmdn. stimmen“ приобрел значение „seine Stimme abgeben, abstimmen“, что повлекло за собой возникновение таких гельветизмов, как

Stimmberechtigung CH die; -, ohne Plur.: Stimmrecht: Stimm- und Wahlrecht CH „Berechtigung, an (politischen) Wahlen und Abstimmungen teilzunehmen“ — Die Bedeutung „Berechtigung zur Stimmabgabe“ ist gemeint [Variantenwörterbuch 2004: 759].

Stimmrecht: Stimm- und Wahlrecht CH: „Recht, an Volksabstimmungen und an periodischen Wahlen von Regierungs-, Parlaments-, Behördenmitgliedern und Richtern teilzunehmen“ — Das Substantiv *Stimmrecht* ist in allen anderen Verwendungen gemeint [Variantenwörterbuch 2004: 759—760].

Наряду со сложными словами в швейцарской национальной разновидности языка имеют место их более простые варианты: **Abstimmungslokal** и **Stimmlokal, Abstimmungsparole** и **Parole, Abstimmungsvorlage** и **Vorlage, Stimmrechtsausweis** и **Stimmausweis**. Упрощенные варианты активно входят в состав сложных слов, например:

Parole CH die; -, -en: kurz für Abstimmungsparole „unverbindliche Empfehlung (einer politischen Gruppierung), einer Abstimmungsvorlage zuzustimmen oder sie abzulehnen“ — Andere Bedeutungen sind gemeint. — Dazu: **Ja-Parole, Nein-Parole, Parolenfassung, Parolenspiegel** [Variantenwörterbuch 2004: 557].

Vorlage CH die; -, -n: kurz für Abstimmungsvorlage: „Kredit- oder Sachbeschluss, der in Form eines Gesetzestextes der Volksabstimmung unterliegt“ — Zur Annahme einer Vorlage sind Ständemehr und Volksmehr erforderlich. Andere Bedeutungen, z.B. kurz für Gesetzesvorlage, Regierungsvorlage, sind gemeindt. — Dazu: **Referendumsvorlage**, **Revisionsvorlage**, **Sachvorlage**, **Vernehmlassungsvorlage** [Variantenwörterbuch 2004: 849—850].

Приведенные примеры, на наш взгляд, позволяют сформулировать следующую закономерность в немецком языке конституционного права с точки зрения его национальной вариативности: какое-либо отличительное явление в правовой системе одной из стран влечет за собой возникновение национальных вариантов, при этом, если это явление играет важную роль в политической и правовой жизни общества, мы можем наблюдать в языке синонимию, полисемию, упрощение терминов, а также возникновение подтерминов, что приводит к увеличению количества вариантов, сгруппированных вокруг этого явления.

Помимо перечисленных выше явлений, характерных для швейцарского конституционно-правового дискурса, можно выделить также особенности, проявляющиеся во всех трех разновидностях. Прежде всего они связаны с различным устройством государственных органов (конкретные названия государственных органов называются по-разному, это характерно для всех стран). Проиллюстрируем это на примере следующей таблицы:

Основные понятия	Gemeindt. <i>Общемецкое соответствие</i>	A <i>(австрицизмы)</i>	D <i>(тевтонизмы)</i>	CH <i>(гельветизмы)</i>
Парламент	Parlament	—	—	Bundesversammlung, die
Нижняя палата парламента	Erste parlamentarische Kammer	Nationalrat, der	Bundestag, der	Nationalrat, der
Верхняя палата парламента	Zweite parlamentarische Kammer	Bundesrat, der	Bundesrat, der	Ständerat, der
Правительство	Die Regierung des Staates	Bundesregierung, die	Bundesregierung, die	Bundesrat, der

Кроме того, конституционная система иерархична, и лексическое обозначение государственных органов интересующих нас стран можно проследить на трех уровнях: I — названия федеральных государственных органов; II — названия органов субъектов федерации и III — названия органов местного самоуправления. При анализе национально обусловленной вариативности этих обозначений можно проследить следующую закономерность: чем ниже уровень, тем больше встречается национальных вариантов. Данную законо-

мерность можно показать наглядно на примере обозначения двух государственных органов «правительство» и «глава правительства» на всех трех уровнях, что отражено в следующей таблице:

Уровень	Австрия	Германия	Швейцария
I. правительство глава правительства	Bundesregierung Bundeskanzler	Bundesregierung Bundeskanzler	Bundesrat Bundespräsident
II. правительство глава правительства	Landesregierung Stadtsenat Landeshauptmann/frau	Landesregierung Senat Ministerpräsident	Regierungsrat Kantonsregierung Staatsrat Standeskommission Regierungspräsident Landammann
III. правительство глава правительства	Magistrat Gemeindeamt Stadtamt Bürgermeister	Gemeindeverwaltung Gemeindeamt Kommunalverwaltung Bürgermeisteramt Bürgermeister Oberbürgermeister Stadtoberhaupt	Gemeindeverwaltung Gemeindeammann Gemeindehauptmann Gemeindepräsident Ortsvorsteher Stadtammann Stadtpräsident

Таким образом, можно говорить о явлениях унификации и спецификации в немецком языке конституционного права. Чем выше уровень, тем ярче тенденция к унификации в обозначении государственных органов, чем ниже — тем четче прослеживается тенденция к спецификации. Смеем предположить, что данная закономерность характерна не только для конституционно-правового дискурса, но и для юридического дискурса в целом.

Хотелось бы обратить внимание на следующее явление. Язык конституционного права Германии, Австрии и Швейцарии, в принципе, оперирует одними и теми же простыми лексемами, но для него характерны сложные понятия, которые выражаются в немецком языке сложными существительными, и даже если обе составные части сложного существительного по отдельности являются общенемецкими, их конкретное сочетание — уже вариант, потому что в разных национальных центрах языка проблема сочетания решается по-разному. Так, в приведенных выше таблицах общенемецкие

der Rat, der Tag, das Amt, der Bund, der Präsident, der Meister, der Ort, die Stadt и т. д. для обозначения какого-либо государственного органа складываются в уникальные для конкретной национальной разновидности языка сочетания. Дальнейшее усложнение структуры слова путем присоединения еще одного элемента увеличивает количество вариантов в разы, например от австрицизма **Landesrat** ‘член правительства земли’ (в сравнении с Departementschef CH и Landesminister D) таким способом образуются еще 13 вариантов: **Agrarlandesrat, Altlandesrat, Finanzlandesrat, Kulturlandesrat, Gesundheitslandesrat, Sanitätslandesrat, Spitalslandesrat, Sportlandesrat, Tourismuslandesrat, Umweltlandesrat, Verkehrslandesrat, Wirtschaftslandesrat, Wohnbaulandesrat** [Variantenwörterbuch 2004: 456]. Это характерно не только для обозначений в системе государственных органов, но и в других областях, например слова die Wahl, die Pflicht, die Stimme, der Zwang являются общенемецкими, но чтобы выразить понятие «обязательность участия в выборах» австрийцы создали слово **die Wahlpflicht**, а швейцарцы — **der Stimmzwang**. В итоге мы имеем два варианта. Данный пример мог бы быть интересен и с точки зрения когнитивной лингвистики.

Что касается иерархичности конституционной системы, совершенно примечательна, мы считаем, лексема **Stimmbeteiligung** в значении „prozentuale Beteiligung der Stimmberechtigten an Volksabstimmungen und Wahlen“ (в связи с голосованием в союзах, профсоюзах, парламентах и т. д. она является общенемецкой), которая в Швейцарии используется при выборах и референдумах на федеральном уровне, уровне субъектов федерации и уровне местного самоуправления, в Австрии — только на федеральном уровне, а в Германии только при выборах на уровне субъектов федерации и изредка проводимых референдумах.

К слову, о когнитивной лингвистике: сравнительный анализ конституционно-правового дискурса трех стран может принести массу интересных наблюдений. Например, в статьях, гарантирующих различные права и свободы, субъект права (человек/гражданин) обозначается в Федеральном конституционном законе Австрии от 1920 г. как Person/Staatsbürger или Bundesbürger, в Основном законе ФРГ — Mensch/Deutsche, а в конституции Швейцарии — Person/Schweizerinnen und Schweizer или Schweizerbürgerin oder Schweizerbürger. Возможно, будет интересным добавить, что мовирование, т. е. образование имен женского рода от соответствующих наименований в форме мужского рода при помощи суффикса феминизации -in, проведено последовательно во всей Конституции Швейцарии 1999 г., данный способ словообразования применен к обозначениям и участников трудовых отношений (Arbeitnehmerinnen und Arbeitnehmer, Arbeitgeberinnen und Arbeitgeber), и к профессиональным и должностным обозначениям (Richterinnen und Richter, Bundeskanzlerin oder Bundeskanzler, Präsidentin oder Präsident и

много других), чего нет в конституциях Германии и Австрии. В Федеральном Конституционном Законе Австрии мовированные формы наименований встречаются лишь два раза в статье о прохождении воинской службы, где употреблены лексемы *österreichische Staatsbürgerinnen* и *Soldatinnen*, а в Основном Законе ФРГ от 1949 г. данные формы не обнаружены и не были введены даже в результате его общего пересмотра в 2009 г. Данное явление может быть объяснено как и датами принятия данных основных законов (процесс феминизации профессиональных обозначений начался лишь в 70-х гг. 20 в.), так и длительной дискриминацией женщин в Швейцарской Конфедерации. Швейцария оказалась последней страной в Европе, признавшей избирательные права за женщинами (это произошло лишь в 1971 г.). Только в 1985 г. женщинам были предоставлены равные права в семье (до этого муж считался главой семьи, что позволяло ему односторонне распоряжаться семейными финансами и не разрешать жене работать). Последовательная гендеризация в наименовании лиц в Конституции Швейцарии 1999 г. может являться следствием позитивного изменения внутренней политики данной страны и доказательством успешности борьбы швейцарских женщин за свои права.

Нам кажется, что выявление закономерностей, тенденций, особенностей в юридическом дискурсе Германии, Австрии и Швейцарии представляет научный интерес, перспективно и имеет практическое значение для германистов и юристов; результаты анализа могут быть использованы при обучении немецкому языку в юридическом вузе, для составления словаря национальных вариантов немецкого языка права, в практике перевода специальных юридических текстов.

Литература

- Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft vom 18. April 1999.
- Bundesverfassungsgesetz Österreich / <http://www.wienerzeitung.at/link-map/recht/verfassung1.htm>
- Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Stand: März 2009. Berlin: Deutscher Bundestag, 2009.
- Variantenwörterbuch des Deutschen: Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 2004.

ZUSAMMENFASSUNG

**Analyse der diskursiven Praktiken
des Verfassungsrechts Deutschlands, Österreichs
und der Schweiz unter dem Aspekt der nationalen
Variation der deutschen Sprache**

In der Sprache des Verfassungsrechts Deutschlands, Österreichs und der Schweiz zeigen sich nationale Besonderheiten. Die vergleichende Analyse von Haupttermini des gegebenen Fachbereiches stellt bestimmte Gesetzmäßigkeiten in der Verteilung der nationalen Varianten fest, was von konkreten Beispielen veranschaulicht wird.

М. А. КУЛЬКОВА

(Казанский федеральный университет)

**ОПЫТ ФРЕЙМОВОГО АНАЛИЗА ЕДИНИЦ
ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ)**

Недавнее становление дискурсивного анализа как обособленной научной дисциплины объясняет отсутствие единого подхода к изучению дискурса [Кубрякова 2000: 8], [Кибрик 2003: 13]. В современной отечественной и зарубежной лингвистике дискурсивный исследования приобретают многовекторный характер и отличаются разнообразием применяемых методик исследования дискурсивных единиц. В настоящей статье представлены результаты фреймового анализа паремиологического дискурса на примере немецких народных примет.

Наличие паремиологического дискурса наряду с политическим, публицистическим, философским, научным и т. п. признается многими учеными (Н. Ф. Алефиренко, С. В. Сидорков, Е. И. Селиверстова и др.). Отмечая открытый характер дискурсивных знаний, репрезентированных в паремиях, Н. Ф. Алефиренко справедливо указывает на наличие в семантике паремий языковых и экстралингвистических знаний, связывая семантические процессы провербиальных образований с их этноязыковой синергетикой, создаваемой энергетическими потоками языковой и когнитивной семантики: «Синергетика провербиальных единиц создается слиянием двух предполагающих друг друга энергетических потоков: а) семантического (энергетики языковой семантики) и б) смыслового (энергетики когнитивной семантики). В ее эпицентре обычно находятся те провербиальные компоненты-когнитемы, которые обозначают а) бытовые реалии; б) компоненты-онимы; в) названия предметов и явлений духовной культуры, ритуалы, традиции; г) слова коннотативно-номинативного характера, характеризующиеся этнокультурной обусловленностью интенционала своих лексических значений» [Алефиренко 2008: 48].

По мнению С. В. Сидоркова, «в своей системной совокупности паремии образуют нечто вроде решетки или сети, фильтрующей информационный поток и улавливающей в нем релевантные, узнаваемые смысловые сгущения; в этом плане они выполняют дискурсивно-формообразующую функцию» [Сидорков 2003: 94].

Е. И. Селиверстова применяет понятие *паремиологического про-странства*, с помощью которого автор характеризует систему пословиц, связанных различными типами отношений и обнаруживающих общность и различия на ее разных уровнях (лексическом, семантическом, синтаксическом). При этом Е. И. Селиверстова отмечает наличие, с одной стороны, единиц «более дробных (общих формульных фрагментов, типичных паремийных компонентов, структурных моделей единиц) и, с другой, — более обобщенных, “надпословичных” (паремийных конденсатов)» [Селиверстова 2010: 5].

Все вышесказанное относится и к народным приметам, которые наряду с пословицами, поговорками, загадками и другими автономными языковыми образованиями клишированного типа образуют паремиологический дискурс, для которого, как и для других типов дискурса, характерны открытость, связность и цельность.

Под *народными приметами* (НП) мы понимаем устойчивые высказывания неопределенно-референтного типа, направленные на моделирование человеческого поведения, осуществляемого благодаря предсказательно-побудительным установкам приметы [Кулькова 2011: 54].

В то же время паремиологический дискурс обладает рядом отличительных черт, отражающих его уникальность и самобытность. Особенности паремиологического дискурса являются его *бессубъектность, безадресатность, клишированность* и *прецедентность*.

Так, в исследуемом паремиологическом дискурсе наблюдается отражение не субъективных мнений и оценок, а некой обобщенной точки зрения, основывающейся на усредненных представлениях членов конкретного этнокультурного социума об организации жизнедеятельности (ведении домашнего и сельского хозяйства, животноводства, поведения в ключевых жизненных ситуациях и т. д.). Таким образом, можно утверждать, что происходит «рассеивание» образа автора паремиологического высказывания на весь коллектив народа, что позволяет говорить о *коллективном авторстве народных примет*, о выражении национального характера в языковом оформлении паремий данного типа. В этом отношении нам близка точка зрения В. З. Демьянкова, согласно которому дискурс «создает общий контекст, описывающий лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который “строится” по ходу развертывания дискурса» [Демьянков 1982: 7].

Значимым для настоящего исследования представляется также мнение Е. С. Кубряковой, которая справедливо указывает на то, «что специфические черты “возможного мира” дискурса, действия и объекты в котором оцениваются и осмысляются по логике этого мира, подлежат восстановлению по языковым данным или же по ассоциациям с этими данными [Кубрякова 2004: 529]. По замечанию авто-

ра, исследование дискурса с позиций когнитивной лингвистики позволяет увидеть за определенным типом дискурса «особый фрагмент ментального мира и восстановить его специфические особенности. Сигналами для подобного восстановления и служат определенные языковые формы или же, точнее, их система (ср., например, номинализации или же безличные формы высказываний и т. д.)» [Кубрякова 2000: 16—17].

Тем не менее, несмотря на бессубъектный характер паремиологического дискурса, на наш взгляд, нельзя полностью исключать наличие автора у народных примет. Мы полностью разделяем точку зрения Е. С. Кубряковой, согласно которой «каким бы анонимным ни казался текст, у него есть автор или авторы, а значит, текст отражает их речемыслительный акт» [Кубрякова 2004: 516].

Важной особенностью паремиологического дискурса является также клишированность. Как отмечает Л. М. Салмина, «клишированный дискурс, как правило, представляет собой единичный коммуникативный акт, в котором инициатор взаимодействия побуждает адресата к заведомо известной реакции, а реагент сигнализирует об адекватном восприятии стимула» [Салмина 2001: 28—29]. Клишированность в народных приметах обуславливается циклическим характером повторяющихся явлений, процессов в объективной действительности и связанных с ними действий человека.

По нашим представлениям, еще одним немаловажным свойством народных примет является их прецедентность, играющая важную роль при аккумуляции и ретрансляции этнокультурной информации, выступая в качестве определенного индикатора значимости национально-культурных традиций, разного рода занятий, исторических событий, деятельности отдельных личностей в жизни общества. Знание прецедентных феноменов, по мнению Ю. Н. Караулова, «есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре» [Караулов 1987: 216]. Согласно В. В. Красных, прецедентные феномены характеризуются «предсказуемостью» валентных связей с определенными событиями, явлениями и хранятся в сознании человека в виде фрейм-структур [Красных 1999]. Прецедентный феномен можно охарактеризовать как «хорошо известное всем представителям национально-лингво-культурного сообщества» явление, за которым всегда стоит «некое представление о нем..., или инвариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену “прозрачными”, понятными, коннотативно окрашенными» (см. [Красных 1999: 255—257]).

Исследуя «внешние масштабы» прецедентных феноменов, ученые различают социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсальные прецедентные феномены [Красных, Гудков 1997]. В этом отношении справедливо рассматривать народные приметы в качестве национально-прецедентных феноменов, участвующих в создании национально-когнитивной базы этнокультурного обще-

ства. Анализ охвата паремиологического описания стереотипных жизненных ситуаций позволяет судить о национальном пространстве прецедентности, формирующемся в процессе многовекового освоения индивидом опыта взаимодействия с окружающей средой, его социализации и рефлексии. Статус прецедентных феноменов приметы приобретают в результате длительного закрепления «правил поведения» в народной речевой практике, приобретая характер устойчивых и регулярно используемых фраз в бытовом дискурсе.

Принадлежность народных примет к системе языка и речи, а также рассмотрение их в качестве синкретичных языковых структур, проявляющих свойства как языкового знака, так и текста, позволяет говорить о них как о прецедентных высказываниях и прецедентных текстах одновременно. На правах прецедентного высказывания примета обладает свойствами дискурсивной единицы (информативностью, ситуативностью, интерпретируемостью, интенциональностью, когерентностью). Представляя прецедентные тексты, народные приметы характеризуются полипропозитивностью, сложной знаковой структурой, сумма значений компонентов которой не приравнивается ее смыслу. Правомерность рассмотрения примет в качестве текстов также обусловлена их смысловой связностью, цельной логико-композиционной структурой, автономностью употребления и коммуникативной направленностью. Ср. с дефиницией текста в Лингвистическом энциклопедическом словаре: «Текст — объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [ЛЭС 2002: 507].

Итак, народные приметы на правах самостоятельных высказываний характеризуются клишированностью, устойчивостью, семантической автономностью, прецедентностью, их смысл эксплицируется в виде моно- и полипредикативных конструкций, обладающих вариативным набором лексических, морфологических и синтаксических средств, разнообразным коммуникативным и модальным смыслом, однако при наличии различных коммуникативной и модальной рамок (модуса) пропозитивное содержание паремий (диктум) остается единым.

Например, семантическую схему пропозиции НП можно представить в виде инвариантной формулы «Если S_2P , то S_1P » (см. также [Фаттахова 2002]), где S_1 — субъект базовой пропозиции, S_2 — субъект побочной пропозиции, а P — предикат пропозиции, характеризующий признак субъекта пропозиции.

Указанная схема может также подвергаться различным модификациям, в результате которых первая часть приметы может быть свернута. Тогда семантическая схема высказывания приобретает несколько иной вид. Например: « $S_2 P S_1$ », либо «*При условии существования $S_2 S_1 P$* ».

Объективную семантическую константу народной приметы составляет ее глубинное содержание, которое можно представить в виде следующей пропозиции: «*Совершение физического / ментального / вербального действия с учетом некоторых обстоятельств*». Данное пропозитивное содержание образует стабильное семантическое ядро любой приметы. В результате наложения модальной рамки, относящейся к субъективным переменным паремиологического высказывания, на ткань паремиологического дискурса возникает различный интенциональный рисунок высказывания.

Таким образом, содержательную структуру народной приметы представляют пропозиционально-когнитивный и коммуникативно-прагматический компоненты, каждый из которых выполняет определенную роль в смыслообразовании паремии. Центральным в порождении и интерпретации приметы является пропозиционально-когнитивный компонент, в ядерной зоне которого располагается пропозиция, моделирующая инвариант значения паремии. Благодаря коммуникативно-прагматическому компоненту содержания народной приметы осуществляется актуализация ассоциативных связей со стандартными коммуникативно-прагматическими ситуациями, информация о которых представлена в интерпретационной зоне дискурсивного пространства паремии.

Облигаторным элементом в пропозитивном содержании НП служит пропозиция-следствие, эксплицитно либо имплицитно представленная в обусловленной части приметы благодаря номинации следствия — проявления признаков обусловливающего явления / события / действия. Второй элемент пропозитивного содержания НП — пропозиция-условие — также может быть представлен в примете эксплицитно либо имплицитно, в виде свернутой пропозиции. Например: *Wenn die Vögel um Michaelis noch nicht ziehen, so wird an Weihnacht keine starke Kälte spüren; Die Krähe ruft den Regen; An St. Kilian säe Wicken und Rüben an.*

Факультативным компонентом пропозитивной структуры НП выступает пропозиция-цель, содержащая результативное значение, как правило, предписываемого действия. Присутствие данного компонента обуславливается необходимостью аргументации предписываемого действия в том случае, если прескрипция носит жесткий характер и нуждается в смягчении благодаря привлечению мотивационного компонента либо может показаться реципиенту неубедительной. Например: *Zweige schneiden an Sankt Barbara, dann sind die Blüten bis Weihnacht da; Willst du Gerste, Erbsen, Zwiebeln dick, dann sä' sie an St. Benedikt.*

Оформление модальной рамки НП осуществляется с помощью инвентаря лексических, морфологических средств, синтаксических конструкций, составляющих в совокупности «прагмалингвистический код» паремии. Анализ материала проводится с опорой на *методику выделения коммуникативно-прагматических фреймов*, которая по-

звояет выявить особенности сегментации когнитивно-смысловой структуры НП в русском и немецком языках. Многомерный характер структурной организации фрейма (М. Минский, Т. А. Ван Дейк, Ч. Филлмор), его «привязка» к стереотипным коммуникативным ситуациям обуславливает возможность использования коммуникативно-прагматических фреймов в качестве надежного исследовательского инструмента при проведении герменевтического и когнитивно-прагматического исследования НП.

Выделяемые в структуре фрейма обязательные элементы (*узлы*) и факультативные элементы (*терминалы*) находят языковое отображение в виде базовых смысловых элементов семантической структуры единиц вторичной номинации, образующих когнитивно-пропозициональную структуру паремиологического высказывания, и факультативных смыслов, связывающих паремию с конкретной коммуникативной ситуацией (наставление, запрещение, предостережение, совет, инструкция и т. д.). Таким образом, фреймы служат теми когнитивными структурами, которые формируют «стереотипы языкового сознания, продуцирующие знаки вторичной номинации благодаря «предсказуемости валентных связей (слотов)» [Алефиренко 2005: 189]. Необходимо, однако, подчеркнуть, что «предсказуемость» валентных связей в народных приметах носит особый характер, обусловленный высокой степенью повторяемости описываемых в приметах событий и стереотипизации человеческого опыта, в результате чего в них и формируются регулярные семантические связи.

В процессе распознавания в НП контуров различных модальных рамок происходит активизация тех или иных фреймов в интерпретационном поле паремиологического дискурса: «наказ», «инструкция», «запрет», «предостережение», «совет» и т. д. Квалификация коммуникативных ситуаций осуществляется путем анализа лексико-грамматического уровня предложения, соотнесения буквального смысла высказывания с дискурсивным пространством, в котором оно функционирует, учета контекстуального окружения, прагматических пресуппозиций и других коммуникативных условий актуализации речевого акта. Рассмотрим основные типы коммуникативных ситуаций, отражаемых в имеющемся корпусе исследования.

1) Коммуникативно-прагматический фрейм «наказ»

В немецких приметах побудительные предложения анализируемой иллокутивной направленности представлены обширной группой высказываний регулятивно-прескриптивного типа и составляют 25 % от общего числа немецкоязычных прескриптивных паремий соответственно.

Речевые акты (РА) наказа предполагают облигаторное выполнение предписываемого действия с учетом фактора бенефактивности, поскольку невыполнение данного жизненного правила может повлечь за собой непоправимые последствия для жизни человека.

В плане выражения рассматриваемого коммуникативно-прагматического фрейма доминируют императивные конструкции. Ср. слоты *sä'*, *ernte*: *Zu Gertrud sä' das Kraut*; *An Sankt Gall ernte man die Rüben all* и др.

Категория императивной модальности обладает рядом особенностей морфологического характера и демонстрирует разнообразие форм выражения: повелительное наклонение, номинализации и номинализованные конструкции, различные инфинитивные конструкции и т. д.: *An St. Kilian säe Wicken und Rüben an*; *Zu Theres beginnt die Weinles'*; *Sind die Krähen nicht mehr weit, ist's zum Säen höchste Zeit*; *Hat St. Peter das Wetter schön, soll man Kohl und Erbsen sä'n*; *Zweige schneiden an Sankt Barbara, dann sind die Blüten bis Weihnacht da*; *Wenn naht der hl. Stanislaus, sollen die Kartoffeln raus* и др.

2) Коммуникативно-прагматический фрейм «инструкция»

Коммуникативно-прагматический фрейм «инструкция» совмещает в себе черты прескриптивного и превентивного РА. В немецкой паремиологической системе приметы со значением инструкции составляют 10 % от общего количества примет.

Основными маркерами инструктирующих РА являются индикативные формы глагола 3 л. ед. и мн. ч. в презенсе / перфекте. Ср. слоты *sät*, *hat getan*, *schlägt an*: *An St. Mang sät der Bauer den ersten Strang*; *Kommt Martini heran, hat der Bauer das Dreschen getan*; *An St. Johann schlägt der erste Mäher an* и т. д.

Кроме того, в немецком языке были выявлены конструкции, носящие рекомендательный характер: *man soll + Infinitiv*, *man + 3. P.Sing.* Распространенным явлением в немецких инструктивах является индикативная форма глагола 3 л. ед.ч. в двусоставных предложениях.

В РА инструкции говорящий пытается повлиять на мнение реципиента путем использования тактики утверждений, делая основной акцент на имеющемся предыдущем опыте взаимодействия с окружающей действительностью и ожиданием ответного проявления уважительного отношения к опыту предыдущих поколений и доверительного отношения к говорящему.

3) Коммуникативно-прагматический фрейм «запрет»

Запрещающие НП служат своего рода «оберегом» в ключевых жизненных ситуациях и способствуют предотвращению нежелательных последствий. Статистический анализ паремиологического материала позволил установить, что в системе немецких прескриптивных паремий категоричного типа приметы со значением запрета составляют лишь 5 %.

Маркерами запрещающих РА в немецких НП являются конструкции с использованием императивной / индикативной формы глагола — *Imperativ + kein + N_p*, *man + Modalverb + (kein + N_d) / nicht + Infinitiv*: *Treibe keinen Handel bei einer Mondfinsternis, sonst suchen dich Unglück und Misserfolg heim*; *Gewürz- und Heilkräuter soll man nicht bei nassem Wetter pflücken, vor allem dann nicht, wenn man sie nicht sofort*

verbraucht; Man muss nicht Fische essen in Monden ohne dem „R“; Zwischen Weihnachten und dem 6. Januar darf man keine Wäsche waschen und sie schon gar nicht nachts im Freien aufhängen, denn sonst fährt sie die wilde Jagd hinein; Vor Johannistag keine Gerste man loben mag.

4) Коммуникативно-прагматический фрейм «предостережение»

Мотивационной основой РА предостережения служит проявление заботы адресанта об адресате. Так, благодаря народной рефлексии в виде превентивных паремий в мягкой форме осуществлялась коррекция действий и поведения сельского жителя, развивая в нем качества осмотрительности и благоразумия. Статистический анализ немецких примет позволил установить, что доля превентивных примет в немецкой паремиологической системе составляет 27 %.

Превентивная семантика находит отражение в НП в виде различных способов представления повелительности — как прямого, так и косвенного. В первом случае мы имеем дело с категориальной, или прямой, императивностью (А. В. Бондарко), реализующейся в языковом плане в виде императивных форм (глагол во 2-м л. ед. и мн. ч.): *Gehst du im April bei Sonne aus, laß den Regenschirm nicht zu Haus* и др.

Во втором случае речь идет о некатегориальной, или косвенной, императивности, отражающейся в виде неимперативных форм, используемых в условиях специального контекста в императивном значении. Вслед за А. В. Бондарко мы различаем в рамках актуализации косвенной императивности (КИ) ее эксплицитную и имплицитную разновидности. Случаи имплицитной императивности превентивов представляют собой косвенные речевые акты, в которых императивный смысл присутствует лишь в косвенной форме и может быть вычленен в результате семантико-прагматической трансформации.

В немецких паремиях популярны бессюзные условные предложения, в которых настоящее время используется в значении будущего (Präsens futuralis): *Säst du im März zu früh, ist 's oft vergebene Müh'; Ist sehr rau der Hase, frierst du bald in der Nase.*

Высокую частотность употребления демонстрируют конструкции *wer ... , der ... ; wer ... , dem ...*: *Wer Hafer sät im Mai, der hat viel Spreu; Wer noch sät nach Sankt Vit, wird die Saat und Ernte quitt; Wer sein Schaf vor Servaz schert, dem ist Wolle lieber als das Schaf; Wer im Winter keine Reusen flicht, kann im Sommer keinen Fischzug halten.*

В немецких паремиях были также зафиксированы конструкции с квалификатором условной ситуации *wenn* и без него в высказываниях с перифрастическим изображением превентивной ситуации: *Wenn im Juni der Schnitter nicht schwitzt, der Juli dem Bauern auch nichts mehr nutzt; Ist der Winter warm, wird der Bauer arm; Ist der Juli heiß und schwül, braucht der Bauer der Hände viel; Treibst du auf schlechte Weid die Kuh, so verlierst du die Milch und den Mist dazu.*

5) Коммуникативно-прагматический фрейм «совет»

РА совета выражает значение целесообразности / нецелесообразности выполнения какого-либо действия в конкретной жизненной ситуации ввиду наличия оснований, достаточных для выполнения / невыполнения этого действия. Модальность совета всегда содержит положительную оценку: «сам говорящий считает, что действие, предусмотренное советом, повлечет хорошие последствия для адресата» [Вольф 2009: 124].

Необходимо отметить, что среди немецких паремий количество примет, выражающих значение совета, составляет 33 % от общего числа прескриптивных паремий.

В немецких НП, отражающих коммуникативную ситуацию совета, используются преимущественно императивные формы предельных либо потенциально-предельных глаголов: *Daniel zum Erbsensäen wählt; Danket St. Urban, dem Herrn, er bringt dem Getreide den Kern; Kommt die Feldmaus bereits jetzt ins Dorf, kümme dich um reichlich Holz und Torf* и т. д.

В системе НП фрейм «совет» объективируется посредством слов *gut, es ist gut; besser, lieber; am allerbesten* и др., эксплицитным способом выражающих рассматриваемую интенцию: *An St. Gertrud ist es gut, wenn in die Erd die Bohne man tut; Besser gut zusammengereicht als gut gemäht; Lieber ein Fuder Mergel auf den Mist als zwanzig auf den Acker; Lein, gesät an Esthern, wächst am allerbesten.*

В качестве имплицитных средств выражения интенции совета в немецких НП выступают конструкции *wer... der / den usw.* и некоторые другие: *Wer dünn sät, der erntet dick; Willst du Gerste, Erbsen, Zwiebeln dick, so sä sie an St. Benedikt* и др.

Таким образом, применение этнокогнитивного подхода к изучению паремиологического материала в настоящем исследовании способствовало определению речеповеденческих доминант носителей немецкой лингвокультуры, установлению участков неравномерно-распределения иллокуций в смысловой организации немецких примет.

Герменевтический анализ народных примет позволил не только понять глубинный смысл данных паремиологических единиц, но и проследить вариативные возможности употребления немецких паремий в различных бытовых ситуациях. Было установлено, коммуникативные ситуации, репрезентированные в народных приметах, исчисляемы и поддаются когнитивно-прагматическому анализу.

Литература

- Алефиренко 2005 — Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. М., 2005.
 Алефиренко 2008 — Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М., 2008.

- Вольф 2009 — *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 2009.
- Демьянков 1982 — *Демьянков В. З.* Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста // Тетради новых терминов. Вып. 2. 1982. Методы анализа текста. С. 7.
- Караулов 1987 — *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Кибрик 2003 — *Кибрик А. А.* Анализ дискурса в конитивной перспективе. Дис. ... докт. филол. наук в виде науч. доклада. М., 2003.
- Красных 1999 — *Красных В. В.* Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): Дис. ... докт. филол. наук. М., 1999.
- Красных, Гудков 1997 — *Красных В. В., Гудков Д. Б. и др.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1997. № 3. С. 62—75.
- Кубрякова 2000 — *Кубрякова Е. С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров. М., 2000. С. 7—25.
- Кубрякова 2004 — *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
- Кулькова 2011 — *Кулькова М. А.* Когнитивно-смысловое пространство народной приметы: Дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2011.
- ЛЭС 2002 — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2002.
- Салмина 2001 — *Салмина Л. М.* Коммуникация. Язык. Мышление. Казань, 2001.
- Селиверстова 2010 — *Селиверстова Е. И.* Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность (лингвистический аспект): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2010.
- Сидорков 2003 — *Сидорков С. В.* Пословично-поговорочные паремии как фактор структурно-смысловой организации дискурса: Дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2003.
- Фаттахова 2002 — *Фаттахова Н. Н.* Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках: сопоставительный аспект. Казань, 2002.

ZUSAMMENFASSUNG**Frame-Analyse der Einheiten des parömiologischen Diskurses (am Beispiel der deutschen Bauernregeln)**

Im vorliegenden Artikel wird der Versuch unternommen, den kommunikativ-pragmatischen Ansatz auf die Untersuchung der kommunikativen Bedeutungsorganisation von deutschen Parömien anzuwenden. Der erwähnte kommunikativ-pragmatische Ansatz sieht die Benutzung kommunikativ-pragmatischer Frames als Erfassung kognitiver Mechanismen bei der Produktion und der Interpretation von Situationen einer Anordnung, einer Handlungsanweisung, eines Verbots, einer Warnung und eines Ratschlages.

Т. В. ГРЕЧУШНИКОВА

(Тверской государственной университет)

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ОППОЗИЦИОННЫХ ДИСКУРСАХ ФРГ И ГДР

О каком бы виде поэтического эксперимента ни заходила речь, мейнстрим экспериментального текстопостроения характеризуется не только пробой языкового материала «на прочность», поиском новых выразительных возможностей, скрытых, как правило, в первичных языковых субстанциях — графике и акустике, но и непременной провокационностью. Говоря о ней, мы имеем в виду не только противоречие традиционному художественному вкусу. В период существования двух Германий, двух политических и идеологических реальностей, сам факт обращения к художественному (поэтическому) эксперименту часто оказывался политически маркированным — иногда даже не по воле автора. Непригодные, на первый взгляд, для формата «на злобу дня» лингвистические изыскания конкретистов благодаря своей броской структуре и яркой «плакативной» природе обладали сильным воздействующим потенциалом. Они легко вписывались в актуальный социально-политический контекст, становясь доминантой оппозиционного художественного дискурса. И хотя упоминание литературной оппозиции априори относит нас к реальности бывшей ГДР с ее цензурой, самиздатом и эзоповым языком официальной литературы, текстовый материал говорит и о политизации западногерманского литературного эксперимента — явлении, возможно, менее ожидаемом от общества демократических ценностей.

Западным авторам-конкретистам пришлось столкнуться не столько с идеологическим, сколько с эстетическим сопротивлением: „Autoren, Kritiker, Verleger und Buchhändler orientierten sich damals im wesentlichen an die Arbeiten der Gruppe 47, wenn es um so genannte Neue Literatur ging und waren irritiert, wenn sie Arbeiten vorfanden, die aus bekannten literarischen Mustern herausliefen“ [Denker 2012: 158]. Заметим, что «литературные образцы», на которые опирается экспериментальная поэзия, на самом деле также имеют давнюю традицию: куртуазный или созданный с прагматическими целями фигурный текст известен еще со времен Средневековья (см. работы В. фон дер Фогельвейде, И. Фишарта, М. Опитца, Ф. фон Цезе-

на, Ф. фон Логау и др.), с формой и звучанием экспериментировали К. Брентано, Э. Мёрике, Т. Фонтане, А. Хольц, К. Моргенштерн, А. Штрамм, Г. Балль и др. Интересно, что эти изящные, если угодно, салонные языковые игры получают в послевоенной Европе неожиданное продолжение. Созвучная новым философским концепциям Л. Виттгенштейна, М. Фуко, Ж. Лакана, Ж. Дерриды, Ю. Кристевой и др. сущность «абстрактной поэзия, с ее семантической открытостью, расщеплением семантических смысловых единиц языка» [Erhart, Herrmann 1996: 511] позволяла, по мнению авторов, избавиться от давления закрепленного в языке тоталитарного, авторитарного «символического порядка» — совокупности символов, ролей и ритуалов, регулирующих общественные процессы и обеспечивающих их воспроизводимость, и оказывалась, таким образом, лингвистическим воплощением нонконформистского дискурса постмодернизма.

Поэтический эксперимент второй половины XX века действительно абсолютно не выпадает из чрезвычайно политизированной социальной реальности, при этом не только активно осмысливая действительность, но и — абсолютно в духе экспериментальной традиции — (пере)осмысливая самого себя. Традиционные формы наполняются новым актуальным содержанием. Так, созданный в 1982 году текст Б. Гарбе (пример 1), формально напоминающий религиозные фигурные стихи Средневековья, представляет собой уже не иллюстративное и априорно позитивно коннотируемое изображение символа христианства, а, напротив, диагностирует кризисное состояние церкви, символизирует критичное отношение верующих к ряду папских энциклик и их страдание под тяжестью подобного «креста» [Fricke 1998: 181—182]. Конвенциональные нарушения, столь любимые конкретистами (в данном случае — отказ от пробелов и намеренно произвольное членение слов, их визуальное «заталкивание» в узнаваемую форму), осложняют восприятие текста, транслируя идею о сохранении внешней формы культа, содержание которого, не предусматривающее активного деятельного осмысления, утратило для верующих стройность, ясность и актуальность.

Burkhard Garbe	Timm Ulrichs	
WEN	ordnung	ordnung
NDE	ordnung	ordnung
RPA	ordnung	ordnung
PSTEXCATHEDRASP	ordnung	ordnung
RICHTMÜSSENKATH	ordnung	ordnung

Burkhard Garbe		Timm Ulrichs	
	OLI	ordnung	unordn g
	KEN	ordnung	ordnung
	DRA	ordnung	ordnung
	NGL	ordnung	ordnung
	AUBEN	ordnung	ordnung
		ordnung	ordnung

Пример 1

Пример 2

В центре (критического) внимания оказываются и другие базовые ценности западной демократии: роль и потенциал личности в ее взаимодействии с системой (пример 2), гражданская ответственность и система выборов (примеры 3 и 4), сущность политической борьбы (пример 5) и т. д.

Kurt Marti

demokratisches modell		vorzug von parlamentswahlen	
stimme	stimme	viele	einer
stimme	stimme	für einen	für viele
ja	nein		
stimm	stimm		alle
			für viele
damit es stimmt	denn du bestimmst		viele
	stimmend stimmt ihr		für alle
	ja und nein		
	überein	nicht	noch
		alle für einen	einer für alle
Пример 3		Пример 4	

Helmut Heißenbüttel
aus: „Politische Grammatik“

Verfolger verfolgen die Verfolgten. Verfolgte aber werden Verfolger. Und weil Verfolgte Verfolger werden werden aus Verfolgten verfolgende Verfolgte und aus Verfolgern verfolgte Verfolger. Aus verfolgten Verfolgern aber werden wiederum Verfolger [verfolgende verfolgte Verfolger].

Und aus verfolgenden Verfolgten werden wiederum Verfolgte [verfolgte verfolgende Verfolgte]. Machen Verfolger Verfolgte. Machen verfolgende Verfolgte verfolgte Verfolger. Machen verfolgende verfolgte Verfolger verfolgte verfolgende Verfolgte. Und so ad infinitum

Пример 5

Экспериментальному подходу оказывается по плечу и экзистенциальная проблематика. Так, лишь при помощи различного шрифта, в отсутствие знаков препинания являющегося прекрасным структурирующим элементом, И. Бахманн (пример 6) воплощает идею параллельного существования вечного и сиюминутного и воссоздает эффект одновременного звучания внутреннего голоса и назойливых внешних рекламных шумов (интересно, что в некоторых редакциях курсив выделен еще и крупным шрифтом). Семантически значимым является и двойной интервал в конце текста, где курсив отсутствует и реклама таким образом «молчит». Еще экономнее с языковым материалом обходится Э. Яндль, знакомя нас со своим видением современной беспредметной коммуникации (пример 7).

Ingeborg Bachmann
Reklame

Ernst Jandl
talk

Wohin aber gehen wir

blaablaablaablaa

ohne sorge sei ohne sorge

blaa blaa blaa

wenn es dunkel und wenn es kalt wird

blaablaablaablaa

sei ohne sorge

blaablaablaa

aber

bäbb

mit musik

bäbb

was sollen wir tun

bäbbbäb

heiter und mit musik

bäbbbäbäb

und denken

bäbäbbb

heiter

bäbb

angesichts eines Endes

bäbb

mit musik

bäbbäb

und wohin tragen wir

bäbbäb

am besten

bäbäbäbbb

unsere Fragen und den Schauer aller
Jahre

blaablaablaablaa
bäbb

Ingeborg Bachmann Reklame	Ernst Jandl talk
<i>in die traumwäscherei ohne sorge sei ohne sorge</i>	bäbb bäbbbäb
was aber geschicht	blaablaablaa
<i>am besten</i>	bäbäbbb
wenn Totenstille	bäbb bäbb bäbäbbb
eintritt	bäbb bäbb bäbäbbb bäbäbbb blaablaablaablaa äbäbbb

Пример 6

Пример 7

Текст Э. Яндля „lichtung“ оказывается метазнаком с очень широким предметным наполнением и идеей возможной путаницы и подмены понятий (в том числе, и политической ориентации) (пример 8), а его же (Яндля) „fragment“ (пример 9) напоминает о внешнеполитических угрозах и невозможности выживания в атомной войне.

Ernst Jandl
lichtung

Ernst Jandl
fragment

manche meinen
lechts und rinks
kann man nicht
velwechsern.
werch ein illtum!

wenn die rett
es wird bal
übermor
bis die
atombo
ja herr pfa

Пример 8

Пример 9

Нередко в поле зрения авторов оказываются не только темы «высокой политики», но и актуальные социальные проблемы западногерманского общества. Своего рода акустический портрет бездомной

нищеты мы находим в тексте Э. Яндля „straßenelend in westberlin“ (пример 10), где многократный повтор слова *mundharmonika*, оживляемый только авторским подчеркиванием ударных гласных, создает впечатление бесконечности и монотонности мелодии, прерываемой лишь краткой благодарностью за брошенную монету. Это впечатление усиливается конечным многоточием, обычно обозначающим незаконченность высказывания, и рядом нарушений пунктуационных конвенций, например отсутствием в тексте-перечислении запятых и пробелов.

Ernst Jandl
straßenelend in westberlin

mundharmonikamundharmonikamundharmonikamundharmonikau
nharmonikamundharmonikamundharmonikamundharmonika
mundharmonikamunddankeschönharmonikamundharmonikau
nharmonikamundharmonikamundharmonikamundharmonika
mundharmonikamundharmonikamundharmonika.....

Пример 10

На сочетании рисуночности и акустики основан эффект работы К. Б. Шойффелена „Und da kannten die Soldaten kein Pardon mehr“ (пример 11), посвященной социальным потрясениям 1968 года. Проксемика текста отражает не только социальные реалии (подразделения солдат на улицах (4), типичные прически и «символы веры» хиппи (7, 9)), но и сопутствующие происходящему эмоции (дрожь от страха (2), агрессивность (3, 6)), радикальные настроения населения, вынужденного обеспечивать собственную безопасность в условиях террористической опасности (захвата и гибели заложников и т. д. (5)).

Konrad Baldur Schäuffelen

da kannten die soldaten kein pardon mehr!
einer Stadt sitzt die Angst im Nacken

1. die einwohner trauen sich nicht auf die STRASSE

2. die einwohner z*i*t*t*e*r*n

3. die rockers schlagen jeden z*u*s*a*m*m*en

4. die soldaten gehen nur g r u
 p p e
 n w e
 i s e
 a u s

 G
 E H E I L
 I I
5. die einwohner greifen zur S E L B S T
 F O
 H A U E T

6. kampf bis aufs M e s s s s s s s s
 r

7. runter mit den langen

 H
 a a
 a a
 a a a
 a a
 r a r
 r r r
 e r e
 e e e
 n e n
 n n n
 n

8. die zeitung heTZt auf

9. das lange haar muß g
 l
 d r a n
 u
 b
 e
 n

Однако при всем разнообразии западной экспериментальной поэзии было бы преувеличением говорить о ее априорной политизированности. Естественной составляющей художественной дискуссии, а зачастую и стимулом для дальнейших экспериментов здесь были и возможный скептицизм, и расхождения во взглядах авторов и критиков. Творческая реальность и мотивация восточногерманского языкового эксперимента была иной.

В отличие от западноевропейской экспериментальной поэзии, опирающейся на литературные традиции, философские концепции постмодернизма и разрабатывающей свою собственную теорию, экспериментальные работы восточногерманских авторов не имеют столь обширной теоретической базы: „Einen der westdeutschen Situation vergleichbaren öffentlichen akademischen Diskurs zur experimentellen Arbeit von Sprach- und Kommunikationswissenschaftlern gab es in der DDR nicht“ [Kowalski 1997: 131—132]. Создаваемые в атмосфере культурного плюрализма произведения западных конкретистов, несмотря на спорные оценки критиков, практически не подвергались цензурным преследованиям. В ГДР же поэтические эксперименты считались безыдейной и деклассированной поэзией. В 1951 году СЕПГ начинает борьбу с формализмом (а заодно и с космополитизмом, декадансом, модернизмом) в искусстве. В решении мартовского пленума ЦК говорится: «Формализм означает разложение и уничтожение искусства как такового. Формалисты отрицают, что решающее значение содержится в содержании, идее, мысли произведения. По их представлениям, значение художественного произведения заключается не в содержании, а в форме. Повсеместно, где вопрос о форме приобретает самостоятельное значение, искусство утрачивает свой гуманистический и демократический характер. Придание искусству формы, не определяемой содержанием, ведет к абстракции. Форма, противоречащая объективной действительности, не ведет к познанию этой действительности. Если же искусство не ведет к познанию, то оно не выполняет свою высокую миссию, так как, по Карлу Марксу, на всех этапах развития человечества искусство является практическим методом осмысления мира, другими словами, является формой познания действительности (...). Важнейшим признаком формализма является стремление под предлогом или из-за ошибочного намерения создать нечто “совершенно новое” полностью оторваться от классового наследия. Это ведет к утрате корней национальной культуры, уничтожению национального сознания, поддерживает космополитизм и тем самым означает прямую поддержку воинствующей политики американского империализма» [цит. по: Antoschina 2007: 32—33].

Подобное агрессивное неприятие сегодня кажется смешным, особенно на фоне знакомства с западными текстами, активно критикующими «американский империализм» (примеры 12 и 13).

Ernst Jandl
 alphabet einer macht mit drei
 unbekanntem

u.s.a.

u.s.w.

x

y

z

Пример 12

Hansjörg Mayer

S A U

A U S

U S A

Пример 13

Однако именно идеологическое противостояние стало причиной сложностей с публикациями, ограничения контактов восточно-германских авторов с западными коллегами и зачастую отказа им

в выезде за рубеж. Преодолевать цензуру приходилось весьма изобретательно: „Eine der wenigen Möglichkeiten, weltweite künstlerische Kontakte zu erhalten und neue zu knüpfen, boten Mail-Art-Aktionen. Pionier dieser Kunstform in der DDR war Robert Rehfeld, dessen Werk im SED-Zentralorgan «Neues Deutschland» offiziell zur Nicht-Kunst erklärt wurde. Nach dem Bau der Mauer 1961 von der westlichen Kunstentwicklung abgeschnitten, verbreitete Rehfeld seine Kontakt-Kunst mit Hilfe der Deutschen Post“ [Kowalski 1997: 131].

Цензурное давление автоматически политизирует даже безобидные формальные эксперименты (пример 14): „Vor allem Robert Rehfeld, Ruth Wolf-Rehfeld, Horst Sagert, Dieter Tucholke und Ingo Arnold, die ebenfalls zur ersten Generation der beständig experimentell arbeitenden Künstler gehörten, schufen visuelle Dichtungen, die literarische Ambitionen mit bildkünstlerischen Ausdrucksformen verflochten. Auch Elke Erb, die stärker literarischen Formen verhaftet blieb, vermittelte den Nachfolgenden wesentliche Impulse für eine weitere künstlerische Entwicklung“ [Там же: 131—133].

Elke Erb
Ein Schuldgefühl

NUR WEIL DIE SCHULD

AN DEN TAG TRITT

Man

hat de

n Mond

angebiss

en. Er h

ängt am

Himmel. V

ielleicht

sieht

es

k

ein

er. V

ielleicht

halten Sie

ihn für una

ngebissen —

DA IST

Пример 14

Естественно, что в дальнейшем создание «маргинальных» конкретных текстов и коллажей часто становится средством любого альтернативного самовыражения и нередко иллюстрацией критичного отношения к происходящему в стране (например, констелляции К. Лоренца (пример 15), коллажи К. Заше, Р. Рефельда, Д. Тухольке, М. Бутцмана, Й. В. Хубера и др.): „Ein Antrieb für diese Gestaltungsweise dürfte unter anderem die Sehnsucht nach individuellem, nicht mehr kontrollierbarem Freiraum sein, der im Alltag der DDR nur unter schwierigen Bedingungen lebbar war“; die Texte „sind anarchischer, phantastischer und leichtsinniger als die konkrete Poesie je war“ bemerkte Iris Radisch... in einem Artikel zur visuellen Poesie der DDR in der «Zeit» [Там же: 131].

Kito Lorenc
Welt offen

welt offen

welt offen

welt offen

welt offen

welt zu

welt offen

welt offen

welt offen

welt offen

Пример 15

Интересно, что восточногерманский эксперимент нередко интертекстуален; однако опора на литературную традицию, будь то шутки Моргенштерна (текст Э. Вайнерта, пример 16) или известная песня о рабочей солидарности (текст Ф. Брауна, пример 17), не гарантируют успеха у цензоров. Даже намек на нежелательные аллюзии обусловил бы запрет на публикацию. Однако именно эти намеки ожидал и умел находить между строк восточный читатель, даже если выражались они просто шрифтовой игрой и расстановкой на ее основе акустических и смысловых акцентов. Метафоры и шифры поэзии ГДР достойны подробного рассмотрения и отдельной публикации. Речь в ней, однако, скорее пошла бы не об экспериментальной форме, а о семантике.

Erich Weinert		Volker Braun
Gespensterballade		Aus «Material VII: Der Frieden»
<i>Eine Morgensternschnuppe</i>		
Gespinst	Was schrie	VORWÄRS UND NICHT VER
Gespunk	im Schilf?	VER
Es grinst	Mari —	vergammeln/blöden/raten
Der Unk	A hilf!	Vorwärts und sehe wo du bleibst
Im Wald	Der Sumpf	BRÜDER ZUR SONNE
Am Teich	Bespinnt	ZUR SONNE
So kalt	Sich dumpf	ja wohin?
So bleich.	Und blind.	Vorwärts und nicht vergessen anzustellen
	Was schaut	Brüder zum Posten empor!
	Der Elb?	Vorwärts an Geschütze und Gewehre
	Schon graut und gelb.	Vorwärts marsch! Brüder zu Kasse
		Vorwärts UND NICHT VERGESSEN
		BRÜDER
		Die Solidarität
		DIE SOLIDARI
		TÄTERÄTÄH

Пример 16

Пример 17

В период воссоединения Германии, когда цензурные запреты были, наконец, сняты, языковая игра переживает прямо-таки ажиотажный подъем. Небывалый креативный потенциал демонстрируют даже неизвестные непрофессиональные авторы лозунгов, рифмовок и слоганов. Наиболее широкое хождение получают:

— перифразы

Dummheit und Stolz wachsen aus einem Holz → Verdummung und Stolz wachsen auf einem Holz;

Einigkeit macht stark → Gegen SED und Stasi Einigkeit macht stark;

Reden ist Silber, Schweigen ist Gold → Gehen ist Silber, bleiben ist Gold;

Proletarier aller Länder vereinigt euch! (K. Marx) → Proletarier aller Länder, verzeiht mir!

Wer Hitler wählt, wählt den Krieg → Wer SED wählt, wählt den Bürgerkrieg / die Vergangenheit / die Massenflucht;
 Lieber rot als tot → Lieber grün als tot;
 So wie wir heute arbeiten, werden wir morgen leben → So wie wir heute demonstrieren, werden wir morgen leben;
 An meine Haut lasse ich nur Wasser und Gysi! и др.

— рифмовки

Freie Wahlen — wahre Zahlen!
 SED allein — darf nicht sein!
 SED — das tut Weh!
 Nur SED — nee!
 Machtmonopol der SED — nee!
 8,9,10 — SED muss gehn!
 Mein Vorschlag zu dem 1. Mai: die Führung zieht am Volk vorbei!
 Ruinen schaffen ohne Waffen — 40 Jahre DDR;
 Mit dem Fahrrad durch Europa — aber nicht als alter Opa;
 Lügen haben kurze Beine — Egon [Krenz], zeig uns doch mal deine!
 Das ZK ins Altersheim, Gysi soll der Pförtner sein;
 Die Karre steckt zu tief im Dreck, die alten Kutscher müssen weg;
 Logen sie gestern, lügen sie heute, es sind immer die gleichen Leute;
 Erich [Honecker], leit Reformen ein oder geh ins Altersheim!
 Egon Krenz — wir sind die Konkurrenz и др.

— ирония и гротеск

Deutschland in den Grenzen von 1254 — Neapel bleibt unser!
 Leipzig zum Luftkurort — Gasmasken für alle! и др.

— акrostих

SED → **S**icher **E**in **D**ebakel; **S**talinismus **E**ntmündigung **D**iktatur;
 PDS → die **P**artei, **D**ie **S**chnhell weg muss; **P**artei **D**er **S**chuldigen;
 FNL (fünf neue Länder) → **F**rei **N**ach **L**iquidierung;
 ZK → **Z**irkus **K**renz и др.

— игра слов с использованием графики

beKRENZt — wie lange?
 eGOn;
 Wir lassen uns noch beKRENZen noch verKOHLen;
 Wir lassen uns nicht BeerDigen;
 Gegen KOHLonie DDR и др.

— игра слов на основе сходного звучания, паронимазия

Macht die Volkskammer zum Krenz-Kontroll-punkt!
 Demokratie — unbekrenzt;
 Wir brauchen Reformen ohne Krenzen (Sächsisch);
 Stasi, Nasi, Gysi, nein danke! и др.

Использование подобных лингвистических конструкций характерно, разумеется, не только для Восточной Германии. Благодаря экспериментальным языковым техникам (политический) дискурс, как «текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие [...], различные виды актуализации текста, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами» [Арутюнова 1999: 136—137], значительно выигрывает в художественной силе. Выразительный потенциал акустических, визуальных и прочих экспериментальных компонентов делает его еще более ярким, запоминающимся и, как следствие, более действенным, что, собственно, и является целью автора.

Литература

- Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1999. С. 136—137.
- Antoschina 2007 — *Antoschina O.* Kritische Lyrik der DDR mit einem vergleichenden Ausblick auf Sowjetrußland. Bochum, 2007.
- Denker 2012 — *Denker Kl. P.* Nachwort // Wörterwechsel. Poetische Sprachspiele / Hrsg. K. P. Denker. Stuttgart, 2012. S. 158
- Erhart, Herrmann 1996 — *Erhart W. Herrmann B.* Feministische Zugänge → „Gender Studies“ Von // Grundzüge der Literaturwissenschaft / Hrsg. H. L. Arnold, H. Detering. München, 1996. S. 498—515.
- Fricke 1998 — *Fricke H.* Moderne Lyrik als Normabweichung // Lyrik — Erlebnis und Kritik / Hrsg. L. Jordan, A. Marquart, W. Woesler. Frankfurt/M., 1998. S. 171—185.
- Kowalski 1997 — *Kowalski J.* BildSTOERUNG & HEIMATkunde. Bemerkungen zur visuellen Poesie in der DDR // Text+Kritik. № 9 (1997). S. 130—141.

ZUSAMMENFASSUNG

Poetische Sprachspiele in den oppositionellen Diskursen der BRD und der DDR

Die provokante Natur des poetischen Experimentierens ermöglichte den Autoren nicht nur neue Sprachmuster zu offenbaren, sondern sich den traditionellen ideologischen Maximen gegenüberzustellen. Das ostdeutsche experimentelle Verfahren — offiziell ideologisch unerwünscht — kommt apriori politisiert vor. Aber auch poetische Sprachspiele der westdeutschen Konkretisten erweisen sich trotz demokratischer Hintergründe als recht vielseitig und fähig auf die akuten politischen Herausforderungen zu reagieren.

Е. Н. ШЕВЧЕНКО

(Казанский федеральный университет)

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ДРАМАТУРГИИ РОЛАНДА ШИММЕЛЬПФЕННИГА

Первый и до сих пор самый серьёзный опыт осмысления ситуации, сложившейся в современной немецкой драматургии и театре Германии, связан с именем крупнейшего театроведа Ханса-Тиза Лемана и его книгой «Постдраматический театр» (1999). Леман проводит глубокое исследование театральной практики Германии последнего 30-летия XX века с целью выявления эстетической логики развития нового театра. Именно он вводит в обиход термин «постдраматический театр», вокруг которого до сих пор ведутся ожесточенные дебаты. Одни трактуют его как хэппенинг, другие понимают под ним проекты, в реализации которых помимо актёров участвуют художники, поэты, танцовщики, третьи приравнивают его к театру текста и т. д. Но всё это лишь частные его проявления. «Постдраматический театр» — широкое понятие, включающее в себя самые разнообразные преобразования театральной эстетики, в том числе изменение драматургической формы. В современном «уже не драматическом театральном тексте» (Г. Пошман) отсутствуют цельные характеры, последовательно развивающийся сюжет, (традиционный) конфликт, происходит обособление языка, возникает диссонанс между сюжетом и формой, на смену диалогам приходит «пересечение языковых полей» (Э. Елинек) и т. д., то есть происходит тотальная деконструкция традиционной драматургической формы.

Однако в середине 90-х годов в Германии ярко заявляет о себе новое поколение драматургов. Молодых талантливых авторов, очень разных по стилю и характеру дарования, объединяет интерес к современной пьесе, разворот в сторону действительности, обостренное чувство реальности. Критики и театроведы заговорили о новом реализме, который, по их мнению, пришел на смену постдраматическому театру, господствовавшему в культурном пространстве Германии конца XX века. Ю.Шрёдер в этой связи отмечает: «Обесцениванию символического языка в пользу театра, который путём саморефлексии и автореференций реализует всего лишь собственную “театральность” (...) новый реализм противопоставляет реабилитацию драматического текста, героя и действия»¹ [Schröder 2006: 1080]. Говоря о

¹ Здесь и далее перевод мой. — *Е. Ш.*

новой немецкой драматургии, Шрёдер подчеркивает: «Она всё изобретательнее и виртуознее ищет точки пересечения реального и фикционального и тем самым в равной степени миметически и критически реагирует на действительность» [Schröder 2006: 1115].

Этого же мнения придерживается интендант и главный режиссер знаменитого театра Berliner Schaubühne Томас Остермайер. Он считает, что молодые авторы «пытаются восстановить перерезанную пуповину, которая снова свяжет их с действительностью, обращаясь к чрезвычайно актуальным социально-политическим темам, таким как безработица и крушение семьи. При этом новые драмы (...) разворачивают богатую палитру инновативных (пост) драматических форм, смешивая различные жанры и тональности» [цит. по: Schlössler 2006].

Молодые драматурги — Д. Лоэр, М. фон Майенбург, Р. Шimmelпфенниг, Т. Йонигк, О. Буковски, Р. Поллеш, Х. Крауссэр, М. Ринке, И. Бауэршима, К. Шлендер и др. — пишут о том, что волнует современного человека: о семейных и социальных проблемах, о новых источниках информации и их влиянии на нашу жизнь, о глобализации и давлении конкуренции, о межличностных отношениях, о садизме и агрессии, о страхах и комплексах, об отчуждении и одиночестве. К ним, без сомнения, применимы слова российских драматургов, братьев Михаила и Вячеслава Дурненковых: «Новая драма — это абсолютно аутентичная реакция на то состояние и время, в котором мы живём» [Дурненковы 2005: 4].

Таким образом, новое поколение драматургов поворачивается лицом к современности, но при этом берет на вооружение весь арсенал разнообразных инновативных, экспериментальных форм и приемов, созданных предыдущей эпохой.

Пестрая картина современной немецкой драматургии свидетельствует о поиске нового отношения к действительности. Молодые авторы, как правило, отказываются от подражания жизни, прибегая к так называемым стратегиям обходного пути (термин Ж.-П. Сарразака), передавая реалии современной жизни с помощью яркой художественной условности. В этом смысле удачным представляется актуализированный Святославом Городецким термин «условный реализм», который он применяет к творчеству драматурга Р. Шimmelпфеннига в своей диссертации «Проблема художественной структуры пьес Роланда Шimmelпфеннига» [Городецкий 2011: 4].

Возвращаясь к вопросу об обходных стратегиях, можно в качестве примера привести технику очуждения в эпических драмах Деи Лоэр, зашифрованный, символический язык Мориса Ринке, концентрированную образность пьес Ингрид Лаузунд и т. д.

Роланд Шimmelпфенниг в этом смысле — фигура знаковая. С одной стороны, его пьесы знаменуют собой свойственный новому поколению немецких драматургов переход от постмодернистской деконструкции, от автономной театральности постдраматического

театра к новому реализму. С другой стороны, они отражают не менее характерную его особенность, связанную с экспериментированием в области драматургической формы. Это порождает среди исследователей творчества Р. Шиммельпфеннига споры о том, к какому театру — постдраматическому или драматическому — следует отнести тексты драматурга.

В пьесах Шиммельпфеннига наблюдается сопряжение двух планов — реалистического, с одной стороны, и метафизического, магического, сказочного, фиктивного — с другой. Это позволило ряду немецких исследователей обозначить метод драматурга как магический реализм.

Традиционно под магическим реализмом понимается художественный метод, в котором магические элементы включены в реалистическую картину мира, это дуалистическое сосуществование реального и иррационального, мифически-магического. Существует распространенное мнение, что магический реализм воплощает понимание мимесиса двадцатого — двадцать первого века. Мимесис уже не ограничивается лишь повторением, имитацией и передачей реальности, это теперь и игра-симуляция, то есть удвоение жизни. Н. Т. Рымарь, ссылаясь на А. Ф. Лосева, говорит о том, что творческий акт заключается не в воспроизведении конкретного материала, а в углубленной разработке его сущности [Рымарь 2013: 11], что изображение предмета связано с его интерпретацией, его художественным конструированием, позволяющим, уходя от «подражания» в буквальном, физическом смысле, раскрывать его внутреннюю смысловую природу [Рымарь 2013:10].

Как отмечает А. Гугнин, магические реалисты устраняют дилемму рационального и иррационального сознаний с помощью восстановления в правах мифически-магического мировидения: «Магический реализм — отрицание плодотворности рационалистического мышления и поиски более продуктивных жизненных основ, приводящих всех магических реалистов к мифически-магической модели мировидения, которую они пытаются понять, выразить художественно и (в зависимости от индивидуальных особенностей таланта) рационализировать» [Гугнин 2003: 490—491].

Творчество Р. Шиммельпфеннига, по крайней мере солидный корпус его текстов, вполне вписывается в эту концепцию. Более того, в этом смысле оно вступает в диалог с традицией, хотя и не ставшей в немецкой литературе особенно продуктивной, но тем не менее занявшей определенное место в общей литературной картине Германии XX века. Речь идет о магическом реализме 20-х, а затем 40-х годов.

По мнению, А. Гугнина, произведения магических реалистов обладают характерными чертами, которые лишь в совокупности достигают особого качества, позволяющего выделить их тексты из массы во многом сходных произведений:

а) специфическое использование категории времени — с целью раскрытия его субъективности и относительности;

б) отказ от детерминированно-психологического принципа изображения человеческого сообщества, стремление изобразить функционирование этого сообщества на уровне мифического сознания;

в) показ сосуществования и взаимопроникновения двух реальностей: низшей, первичной, вроде бы очевидной, но не подлинной, и высшей, подлинной, на уровне которой теряют всякий смысл и значение стереотипы поведения, пригодные для жизни в обманно-очевидной реальности;

г) «магическое пространство» произведения, хотя и может быть вполне конкретно очерченным, не совпадает полностью с каким-либо реальным географическим и историческим пространством, поскольку пространство магического реализма не подчиняется общепринятым формам детерминизма, а живет по своим — магическим — законам, которые, однако, не имеют ничего общего с иррациональной мистикой. Неотъемлемая черта магического реализма — жизнеподобие, обязательное наличие конкретных и узнаваемых черт исторической реальности. Это качество отделяет магический реализм от жанра фэнтези, где жизнеподобная и легко опознаваемая историческая реальность, как правило, начисто отсутствует [Гугнин 2003: 491].

Обратимся к нескольким пьесам Р. Шimmelъфеннига и попытаемся на их примере вскрыть специфику его драматургии.

В пьесе «Арабская ночь» описывается жизнь обитателей многоэтажного дома где-то на окраине современного города. В центре находятся шесть персонажей: молодая арабская женщина Фатима Мансур, лаборантка Франциска Деке, у которой Фатима снимает комнату, возлюбленный Фатимы Калиль, слесарь Ганс Ломайер и сосед из дома напротив Петер Карпати. Реалии жизни и быта центральных и второстепенных персонажей, хотя и прочерчены пунктиром, вполне узнаваемы и типичны для этой социальной среды: в доме проживают иммигранты, рабочие, служащие низшего звена. Тем самым пьеса отвечает требованию жизнеподобия и наличия конкретных черт обыденно-очевидной реальности, свойственного магическому реализму. Действие начинается с банальной бытовой ситуации — аварии в системе водоснабжения и поломки лифта. Но эти рядовые происшествия обретают статус роковых случайностей, которые инициируют цепь непредсказуемых событий, необъяснимых с помощью логики обыденного сознания. Очевидная повседневная реальность оказывается тесно спаянной со второй реальностью — сказочной, магической, существующей по иным законам. Магическое пространство выстраивается через сны, видения и воспоминания персонажей. Так, история Франциски — это современная версия спящей красавицы, разбуженной принцем — слесарем Ломайером. Судьба соседа Карпати, заточенного в бутылку из-под коньяка, вызывает в памяти

участь восточных джиннов. Но, прежде всего, переход в параллельное магическое пространство осуществляется через сны Франциски, в которых она — уже не малооплачиваемая лаборантка, ежедневно выполняющая механическую рутинную работу, а похищенная в Стамбуле белокурая девочка, ставшая женой шейха. Причем это не личное альтернативное пространство Франциски: участниками драматических событий ее восточной Одиссеи, не покидая многоэтажки, становятся и другие персонажи — Ломайер и Карпати. При этом действующие лица принимают и не оспаривают логику магических элементов. Отсылка к этой второй реальности содержится в самом названии пьесы: «Арабская ночь» вызывает стойкую ассоциацию со сказками «Тысячи и одной ночи». Уже на уровне заглавия происходит взаимодействие двух планов, но взаимодействие отнюдь не мирное: центральным событием пьесы становится ссора арабских иммигрантов, в результате которой Фатима из ревности убивает своего возлюбленного Калиля, при этом реальность мифологизируется с помощью культурных кодов, активизируя образ Востока нашего воображения; с другой стороны, вектор имеет и прямо противоположную направленность: происходит развенчание европейского мифа о сказочном Востоке через изображение сцен обыденной жестокости. Этот же прием мы наблюдаем и в другой пьесе Шimmelпфеннига — «Золотой дракон». «Золотой дракон» — так называется китайско-вьетнамско-тайский ресторан быстрого питания в одном из городов Германии. Как само название, так и весь восточный антураж (ковры, красные фонарики, названия экзотических блюд, завораживающий, заклинательный ритм фраз), аллюзии к восточным преданиям о зубьях дракона, ковре-самолете и пр. работают на сказочно-мифологизированный образ Востока. Эту мысль озвучивает один из персонажей, с удивлением обнаруживший в квартире приятеля юную китайку-нелегалку: «Ты похожа на китайского кузнеца. Невероятно. Что за явление такое среди ночи. В один момент в комнате возник целый огромный континент. Ты принесла с собой тысячи лет истории! Истории, понимаешь? Китай. Китайская стена. Запретный город. Пустыни. Желтая река. Шелковый путь. Изобретение пороха и книгопечатания. Все это — Китай. Миллиард китайцев» [Шimmelпфенниг 2011: 375]. Причем слова эти вложены в уста пьяного, озлобившегося из-за измены жены мужчины, который через несколько минут зверски изуродует девушку, до того вынужденную продаваться за еду приятелям своего хозяина. Ее судьба раскрывается в притче о голодной стрекозе, которая с наступлением холодов становится жертвой предприимчивого муравья и всю долгую, долгую зиму вынуждена за еду обслуживать других муравьев, не зная, что уже давно пришла весна. А основная сюжетная линия связана с братом девушки, нелегально прибывшим в страну в поисках сестры. Он устраивается поваром в ресторан «Золотой дракон», где истекает кровью и умирает после того, как ему газовым

ключом выдирают больной зуб, причинявший ему нечеловеческие муки: будучи нелегалом, он не мог обратиться к врачу. Его закатывают в ковер с изображением золотого дракона и бросают в реку. За восточной сказкой скрывается иммигрантский ад. Фантастические и магические элементы, такие как собравшиеся в отверстие из-под вырванного зуба родственники юноши, с которыми он беседует перед смертью, его посмертное возвращение домой по реке, играют роль некой поэтической условности, упомянутого уже «обходного пути» в изображении современной реальности. Как отметил театровед Вольф Иро в отношении текста другого автора (Пауль Бродовски, «Дождь в Нойкёльне»), «социальная насыщенность текста на наших глазах прорастает поэзией» [Иро 2011: 11]. Причем, как пишет С. Городецкий, язык художественной условности порой превалирует над реалистичностью изображения [Городецкий 2011: 12]. Петер Михальчик, автор предисловия к сборнику пьес Шиммельпфеннига, вспоминая свое первое впечатление от встречи с его драматургией, так описывает свое состояние: «Было ясно, что это некий сотканный поэтический мир, мир, связанный со снами, но было ясно и то, что сны здесь были не те, к которым мы привыкли. Обычно в снах не бывает безработных» [Michalzik 2004: 7]. Далее театровед отмечает: «В поэтической логике (...) растворяется внутренняя и внешняя стороны драмы, сознание и действие становятся единым целым» [Michalzik 2004: 13]. С. Городецкий в этой связи говорит о субъективации объективного как важном художественном приеме драматурга, раскрывающем особенности психологии современных людей. Под субъективацией объективного он понимает переход от объективного эпического плана, наследуемого Шиммельпфеннигом у Брехта, к сосредоточенности на субъективном сознании персонажей [Городецкий 2011: 8]. Если Брехт использует эпизацию драматического текста с целью объективации происходящего, раскрытия сути события или персонажа и побуждает зрителя к активному мыслительному процессу, то у Шиммельпфеннига эпические элементы выполняют иную задачу: показать утрату персонажами идентичности и создать некое игровое пространство, в котором трагическое и комическое взаимопроникают и подпитывают друг друга.

Кризис идентичности, диссоциация собственного Я персонажей находит выражение в конфликте между их душой и телом, дневной и ночной ролью, внешней оболочкой и скрытой сущностью, чувством и карьеризмом и пр. Герои не столько действуют и говорят, сколько рассказывают о себе, причем преимущественно в третьем лице. Так на формальном уровне реализуется отношение к себе как к Чужому. Этот излюбленный Шиммельпфеннигом прием очуждения в пьесе «Золотой дракон» доводится до предела: пятеро персонажей — молодой мужчина, женщина за шестьдесят, молодая женщина и двое мужчин — исполняют все роли, причем артисты в возрасте играют молодых героев, женщины — мужчин и т. д. Так,

МОЛОДОЙ МУЖЧИНА исполняет роль дедушки, Азиата, Официантки, Стрекозы, ЖЕНЩИНА ЗА ШЕСТЬДЕСЯТ — роли Внучки, Азиатки, Муравья, Хозяина продуктовой лавочки и т. д. При этом они не столько играют, сколько излагают события. Стремительная смена перспективы, переходы между точками зрения разных персонажей, всевозможные ракурсы, повторы, подхваты напоминают музыкальную фугическую разработку темы, создавая особую магию интонационно-ритмического рисунка пьесы, которая, в свою очередь, становится инструментом очуждения.

В пьесах Шimmelъфеннига, как правило, присутствует некая высшая сила, проявляющаяся через роковые случайности, заложниками которых становятся персонажи и через которые реализуется представление о мире как энтропийном хаосе. Но если герои классических трагедий вступали в конфликт с судьбой, роком, фортуной, божественным или нравственным законом, то персонажи Шimmelъфеннига безвольны и беспомощны и являются игрушками в руках высших сил. Они не понимают ни себя, ни друг друга, поэтому конфликт переносится в сознание зрителя.

Магический реализм органично использует элементы фантастики, но эти элементы играют все же подчиненную роль; по этому признаку проходит граница между ним и научной фантастикой. Это применимо и к творчеству Шimmelъфеннига. Элементы фантастики у драматурга никогда не бывают самодостаточными, они сплавлены с реальностью и работают на общую идею. Так, в пьесе «До и после», состоящей из 51 эпизода, в которых драматург создает картину тотального одиночества и разобщенности, наряду с узнаваемыми социальными и психологическими масками, присутствует некий космический Организм, стирающий с лица земли источники звука. Для него человек — враг, движущийся модуль. Но Организм готов уничтожить и самого себя, почувствовав в себе Чужого — Охотника, проникшего в его нутро.

Для пьес Шimmelъфеннига характерно и присущее магическому реализму искажение течения времени, пересечение временных пластов и даже своеобразный коллапс времени, когда настоящее повторяет или напоминает прошлое. Так, у Ломайера в пьесе «Арабская ночь» на переживаемую им ситуацию проецируются разговоры с бывшей женой, у Франциски — соперничество с первой женой шейха, у мужчины в полосатой рубашке — сцена расставания с женой и т. д.

Пьесы Шimmelъфеннига отличаются специфической мозаичной композицией, которую С. Городецкий определил как калейдоскопическую [Городецкий 2011: 3—4]. Разрозненные фрагменты, периодически повторяющиеся и всякий раз складывающиеся в определенный рисунок, как правило, скреплены каким-то ключевым образом: в пьесе «Под давлением 1—3» это стресс, давление, которое испытывает современный человек; в драме «До / после» это отправ-

ная и конечная точка того или иного события; в «Арабской ночи» — многоэтажка, в «Золотом драконе» — восточный ресторан «Золотой дракон», вокруг которого группируются истории всех персонажей: дедушки, котурый никак не может смириться с уходом молодости; молодой девушки, которую возненавидел возлюбленный, узнав, что она беременна; брошенного женой мужа, владельца лавки, продающего своим приятелям китайскую девушку; двух стюардесс, обнаруживших в супе окровавленный зуб. Это истории одиночеств, утрат, непониманий и жестокости.

Таким образом, взаимодействие магического и реалистического позволяет Шimmelъфеннигу показать хаос современной жизни, реализующийся через роковые случайности; разобщенность, одиночество людей в большом городе, кризис идентичности и другие проблемные стороны современного бытия. Считая Шimmelъфеннига поэтом среди драматургов, Михальчик так характеризует его связь с реальностью: «Когда смотришь, как легко, начиная с «Арабской ночи», Шimmelъфенниг умеет интегрировать свою поэзию в замкнутое функционирующее действие, как вплетается в величайшую из всех иллюзий то, что называют реальностью, но что на деле является его фантазией, тогда понимаешь, какого высокого ранга этот автор (...) в своей способности показать трансцендентное в здешнем, рассказать о любви с объективных позиций, погрузить людей в элементарные ситуации Шimmelъфенниг приближается к идеалу, которым стал Чехов для всей эпохи модерна. Вероятно, больше реальности, чем можно обнаружить у Шimmelъфеннига, у современного поэта и быть не может. Эти пьесы реконструируют действительность не благодаря деталям, не благодаря современным реалиям, а благодаря своей целостности, своей бездонности и даже холоду, отличающему наше время (...). Таким образом, Шimmelъфеннигу удастся схватить столько реальности, сколько не снилось иному натуралисту или просветителю» [Michalzik 2004: 10—11], что, в свою очередь, подтверждает известное высказывание Ю. М. Лотмана: «Чем выше имитация реальности, тем выше условность изображения» [Лотман 2002: 265].

Литература

- Городецкий 2011 — *Городецкий С. И.* Проблема художественной структуры пьес Роланда Шimmelъфеннига: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
- Гугнин 2003 — *Гугнин А. А.* Магический реализм // Литературная энциклопедия терминов и понятий: В 2 т. / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин М., 2003. Т. 1. С. 490—492.
- Дурненковы 2005 — *Дурненковы В. и М.* Культурный слой. М., 2005.
- Иро 2011 — *Иро В.* Диссоциации // ШАГ-4. Новая немецкоязычная драматургия. М., 2011. С. 8—11.

- Лотман 2002 — *Лотман Ю. М.* О природе искусства // *Лотман Ю. М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002.
- Рымарь 2013 — *Рымарь Н. Т.* Творческий потенциал мимезиса и «немиметических» форм в искусстве // *Новейшая драма рубежа XX—XXI веков: миметическое/антимиметическое* / Сост. и науч. ред. Т. В. Журчева Самара, 2013. С. 5—21.
- Шиммельпфенниг 2011 — *Шиммельпфенниг Р.* Золотой дракон // ШАГ 4. Новая немецкоязычная драматургия. М., 2011. С. 343—378.
- Michalzik 2004 — *Michalzik P.* Vorwort // *Schimmelpfennig R.* Die Frau von früher. Stücke 1994—2004. Frankfurt a. Main, 2004. S. 7—16.
- Schimmelpfennig 2004 — *Schimmelpfennig R.* Die arabische Nacht // *Schimmelpfennig R.* Die Frau von früher. Stücke 1994—2004. Frankfurt/M., 2004. S. 305—342.
- Schössler 2006 — *Schössler F.* Die Verfremdung der Verfremdung oder postdramatische Transformationen? Bertolt Brecht und Dea Loher. http://www.iaslonline.lmu.de/index.php?vorgang_id=1742
- Schröder 2006 — *Schröder J.* „Postdramatisches Theater“ oder „Neuer Realismus“? Drama und Theater der neunziger Jahre // *Geschichte der deutschen Literatur von 1945 bis zur Gegenwart* / Hrsg. W. Barner München, 2006. S. 1080—1120.

ZUSAMMENFASSUNG

Ästhetisches Experimentieren im dramatischen Werk von Roland Schimmelpfennig

Die neue Generation deutscher Dramatiker, die Mitte 90-er die Theaterszene Deutschlands zu prägen begann, wendet sich nach den formellen Experimenten des „postdramatischen Theaters“ wieder der gegenwärtigen Wirklichkeit zu, verwendet aber in ihrem Werk eine breite Palette innovativer Formen und Ausdrucksmittel, die sie von der vorhergehenden Kunstepoche ererbt hat. So gestaltet sich ein neues Verhältnis zur Realität, eine Art „Umweg“, wobei junge Künstler bei der Darstellung der Wirklichkeit auf die Nachahmung verzichten, Mimesis eher als Erkenntnis des verborgenen Sinnes der Dinge verstehen und diesen mit Hilfe verschiedenartiger ästhetischer Experimente wiederzugeben versuchen. Das Werk von R. Schimmelpfennig ist in diesem Sinne ein Modellfall: es verbindet freie, aktive Form des „postdramatischen Theaters“ mit dem Konzept des „neuen Realismus“. Im vorliegenden Beitrag werden die Besonderheiten des dramatischen Werks von R. Schimmelpfennig am Beispiel seiner Theaterstücke „Die arabische Nacht“, „Der goldene Drache“ u.a. analysiert.

IRINA PEREVYSHINA

(Staatliche Nationale Forschungsuniversität Belgorod)

DAS PHÄNOMEN DES AUTOBIOGRAPHISCHEN DISKURSES VON T. BERNHARD

T. Bernhard ist ein hervorragender österreichischer Prosaiker und Dramatiker. Seine autobiographischen Werke „Der Keller“, „Die Kälte“, „Ein Kind“, „Der Atem“, „Die Ursache“ stellen das Zusammenwirken der realen und ausgedachten Lebensfakten dar. Der Stil des Autors, seine Art zu schreiben, rufen reges Interesse der Sprach- und Literaturwissenschaftler hervor. Im Artikel wird es um „die stilistische Tonalität“ [Perevyshina 2003: 165] des autobiographischen Werkes, um die Besonderheiten des autobiographischen Diskurses „Die Ursache. Eine Andeutung“ Thomas Bernhards gehen.

Autobiografisches Diskurs ist ein besonderes Diskurs, in dem es kaum möglich ist, die Wahrheit unverfälscht zu bewahren: der Stil des Autors und seine Sprache unterscheiden das literarische Werk vom Bericht und Dokument.

Ein Zitat von Bernhard Sorg wird uns den Zugang zu diesem Versuch erleichtern: „Das vorherrschende Ziel einer jeden Autobiographie ist vielmehr die Stilisierung, die Bestätigung oder Widerlegung des öffentlichen Bildes, die Verarbeitung realer Erfahrungen und Erlebnisse in künstlerischer Weise, wobei als idealtypische Autobiographie die zu gelten hatte, die die erlebte Welt als erschaffene und die erschaffene als erlebte durchsichtig zu machen verstünde. Nichts anderes meint der unübertreffliche Titel der Goetheschen «Dichtung und Wahrheit» — Dichtung als Wahrheit, Wahrheit als Dichtung“ [Sorg 1977: 18].

Der Titel des Bandes gibt in konzentrierter Form das Hauptthema des Werkes wieder. Der Leser wird sofort aufmerksam: Es gibt irgendeine Ursache, und jede Ursache muss etwas zur Folge haben. Zwei große Abschnitte, in welche der Band unterteilt ist, helfen uns, in das Hauptthema einzudringen. *Grünkranz* heißt der erste Abschnitt des Bandes nach dem Namen des Direktors eines nationalsozialistischen Internats, wo Thomas Bernhard als 13-jähriger Junge im Jahre 1943 lebte und Unterricht erhielt. *Grünkranz* ist für Thomas Bernhard der personifizierte Nationalsozialismus, der Inbegriff des Nationalsozialisten. *Onkel Franz* ist die Überschrift des zweiten Abschnitts nach dem Namen des Direktors

des katholischen Johanneums, der Inbegriff des Katholiken. Wenn man das Thema knapp formulieren will, so ist es die Schulzeit der Hauptfigur, die Existenz des Helden unter den schweren Bedingungen des Nationalsozialismus und des Krieges, seine Erlebnisse in dieser Zeit, die Rolle des Katholizismus und seine Auswirkungen auf das Bewusstsein des Jungen. Nationalismus und Katholizismus betrachtet Bernhard als zwei herrschende Systeme, denen alles untergeordnet ist. Nicht umsonst beschreibt er ein und dasselbe Internat auf der Schranngasse in Salzburg, wo er im Dritten Reich und später während der Republik Österreich im katholischen Johanneum studierte. Die Handlung spielt sich in der Stadt Salzburg ab, deren Wesen *in Jahrhunderten und in wenigen Jahrzehnten <...> ein unerträglich und schon als krankhaft zu bezeichnendes katholisch-nationalistisches geworden*“ sei: *in welchem nunmehr noch Katholisches und Nationalsozialistisches ist. Das Internat hat mir dieses katholisch-nationalsozialistische Wesen tagtäglich mit der Eindringlichkeit des Authentischen vorgeführt, geistig eingeklemmt zwischen Katholizismus und Nationalsozialismus sind wir aufgewachsen und schließlich zerquetscht worden zwischen Hitler und Jesus Christus* [Bernhard 1975: 113].

Der Autor beschreibt das Internat während verschiedener Zeitperioden von 1943 bis 1945. Es lässt sich unschwer zeigen, dass sich die Innenwelt des Internats nach dem Ende des Nationalsozialismus nicht verändert hatte: Die Atmosphäre, die Unterrichtsmethoden und schließlich die Angst der Zöglinge blieben dieselben: *Beinahe vollkommene Übereinstimmung der Züchtigungsmethoden des nationalsozialistischen Regimes im Internat und des katholischen hatte ich feststellen können. <...> Im Grunde hatte es gar keinen Unterschied zwischen dem nationalsozialistischen und dem katholischen System im Internat gegeben, es hatte alles nur einen anderen Anstrich und alles hatte nur andere Bezeichnungen, die Wirkungen und Auswirkungen waren die gleichen gewesen* [Ebd.: 105, 107].

Katholizismus und Nationalsozialismus bezeichnet Thomas Bernhard als einen einzigen *geistesstörenden und geistesverrottenden und geistestötenden katholisch-nationalistischen, menschenumbringenden Zustand* [Ebd.: 111]. Die dynamische Beschreibung betrifft vor allem die Innenwelt der Hauptfigur und die Außenwelt der Darstellung. Der Autor erläutert, was man mit dem Gebäude des Internats gemacht hatte, als es aus dem sogenannten nationalsozialistischen Schülerheim in das streng katholische Johanneum verwandelt worden war. Dynamik und Veränderung vollzieht sich dagegen im Helden, in seinem Zustand: *Jetzt hatte ich vor einem solchen Menschen wie dem Präfekten, der dem Grünkranz in nichts nachgestanden war, keine so große Angst mehr; meine Angst war auf einmal <...> nicht mehr so groß wie die der anderen, also im Johanneum hatte ich vor den Methoden des Präfekten, die im Grunde nichts anderes als die Methoden des Grünkranz gewesen waren, weniger Angst gehabt als vor den Methoden des Grünkranz selbst* [Ebd.: 104].

Das Buch ist in zwei große Abschnitte unterteilt, man könnte die thematische Gliederung des Werks jedoch fortsetzen und folgende Themen interpretieren:

1. Stadt Salzburg,
2. Erforschung der Herkunft,
3. Bildungswesen in Salzburg,
4. Individuum und Gesellschaft,
5. Einsamkeit, Verlassenheit, Alleinsein des Helden,
6. Leiden der Hauptfigur,
7. Problem des Todes und Selbstmordgedanken des Helden,
8. Rolle des Großvaters.

Eine der Aufgaben dieser Studie ist, die negativen und die positiven Ursachen im Leben des Jungen herauszustellen. Aus der thematischen Gliederung wird ersichtlich, und es soll im folgenden deutlicher herausgearbeitet werden, dass die negativen Ursachen, die Geist und Gemüt eines Menschen verletzen, die in einem Menschen *Aussichts- und Hoffnungslosigkeit* gebären und die einen Menschen zugrunde richten können, eine feste Kette bilden; der Autor spricht von einer *Vernichtung der Seele* [Bernhard 1975: 94], bei der ein Kettenglied das andere hervorruft. Der nationalsozialistische Totalitarismus, den die Stadt Salzburg fördert, hat *einen staatlich-faschistisch-sadistischen Erziehungsplan als staatsbeherrschendes Erziehungssystem* [Ebd.: 27]

Thomas Bernhard deckt eine Gesellschaft auf und verurteilt sie, in der Nationalsozialismus und Katholizismus wie *ansteckende Krankheiten* umgehen [Ebd.: 115]. Das Gymnasium betrachtet er als *Verstümmelungsmaschinerie meines Geistes* [Ebd.: 119], die Professoren darin sind Exponenten und Vollstrecker einer *korrupten und im Grunde immer nur geistesfeindlichen Gesellschaft*, die ihnen anvertrauten Schüler werden von ihnen angehalten, als Erwachsene *genauso korrupte und geistesfeindliche Menschen* zu werden [Ebd.: 118]. Den Unterrichtsstoff bezeichnet er als *Geisteskrankheit, in welchem das Denken jedes einzelnen Schülers ersticken muss* [Ebd.: 141]. Und schließlich werden auch die Eltern verurteilt, die *keine Erzieher, sondern lediglich Erzeuger* sind.

Der Ort, wo die Hauptfigur während seiner Lehr- und Studienjahre wegen der katholisch-nationalsozialistischen Atmosphäre leidet, ist die Stadt Salzburg, die Thomas Bernhard metaphorisch „eine Todeskrankheit“ und ein „offenes Todesmuseum“ nennt und mit weiteren Negativbildern überzieht: *fürchterlicher Friedhof der Phantasien und Wünsche, undurchdringbares Menschengestrüpp aus Gemeinheit und Niedertracht, später das tote und verlogene Schönheitsmuseum* [Ebd.: 11, 75].

Das Thema der Stadt kann auf zweierlei Arten interpretiert werden; die Rede kann sein von der konkreten Bedeutung der Stadt oder von einer generalisierenden Bedeutung der Stadt. Die erste Dimension meint die Architektur und die äußere, berühmte Schönheit der Stadt Salzburg. Unter der generalisierenden oder auch übertragenen, metonymischen Bedeutung verstehen wir die in der Stadt herrschende Ordnung, die Gesellschaft und die Bevölkerung, die dem ideologischen System untergeordnet sind.

Die Schönheit der Stadt und die in dieser Stadt herrschende Atmosphäre der Kleinbürgerlogik wirkten sich auf den Helden beschwerend, erdrückend und peinigend aus: *Diese Stadt hat alle, deren Verstand sie nicht mehr verstehen konnte, abgestoßen und niemals, unter keinen Umständen, mehr zurückgenommen. Die Schönheit dieses Ortes und dieser Landschaft, von welcher alle Welt spricht <...>, ist genau jenes tödliche Element auf diesem tödlichen Boden, hier werden die Menschen, die an diese Stadt und an diese Landschaft durch Geburt oder auf eine andere radikalere <...> Weise gebunden <...> sind, fortwährend von dieser weltberühmten Schönheit erdrückt* [Bernhard 1975: 62, 64].

Das Thema der Stadt durchdringt das Gewebe des ganzen Werkes. Viele Seiten in Prosatext von Thomas Bernhard könnte man als Zustandsbericht des Helden über seine Erlebnisse in Salzburg interpretieren. Der Autor neigt zum kreisförmigen Aufnehmen des schon Bekannten. Die Rede ist von einem *Erschöpfungszustand* und *Verletzungszustand* der Hauptfigur und immer wieder von der Einsamkeit des jungen Menschen in der nationalsozialistischen und katholischen Atmosphäre in Salzburg.

Eindringlich beschreibt Bernhard die Stadt während des Krieges. Aber hier ist zugleich auch von dem Zustand des Erzählers die Rede. Der Autor schreibt über zwei Angstzustände in dieser Zeit: *die Angst vor allem und jedem im Internat, vornehmlich die Angst vor dem <...> Grünkranz, der ein Musteroffizier und Muster-SA-Offizier gewesen war* [Ebd.: 27], der die Zöglinge sadistisch behandelte, und die Angst vor dem Krieg. An Lernen war in dieser Zeit nicht mehr zu denken, die meiste Zeit verbrachten die Zöglinge in den Luftschutzstollen. Es war nicht mehr feststellbar gewesen, *ob die, die nicht mehr aufwachten, an Erstickung oder aus Angst gestorben sind* [Ebd.: 31]. Vor dem Leser entsteht das Bild der Stadt am 17. Oktober 1943. Bis dahin war Salzburg vom Bombenkrieg verschont geblieben, von dieser Zeit an war der Geruch des totalen Krieges in der Stadt.

Die Brutalität des Krieges, die toten Menschen, die Zerstörung der bekannten Sehenswürdigkeiten rufen in dem Helden andere Gefühle hervor. Er beginnt diese Stadt zu lieben: *Indem Hässlichkeit und Verfall der Stadt rasch voranschritten, gaben sie ihr „auf einmal menschliche Züge“.* Aus dieser Verlebendigung der Stadt entsteht ein Gefühl der Identifikation und Liebe: *<...> und so habe ich diese meine Heimatstadt nur in dieser Zeit, weder vorher noch nachher, tatsächlich inständig lieben können und auch inständig geliebt. Jetzt, in der höchsten Not, war diese Stadt plötzlich das, was sie vorher niemals gewesen war; eine lebendige, wenn auch verzweifelte Natur als Stadtorganismus, das tote und verlogene Schönheitsmuseum, das sie bis zu diesem Zeitpunkt ihrer größten Verzweiflung immer gewesen war; hatte sich mit Menschlichkeit angefüllt* [Ebd.: 75].

Doch in der Beschreibung der Stadt nach dem Kriege wendet sich die Sicht wieder. Wiederum beginnt der Autor, die katholisch-nationalistische Atmosphäre zu verurteilen: *Jahrelang ist die Stadt nichts anderes als ein süßlich nach Verwesung stinkender Schutthaufen gewesen, in welchem, wie zum Hohn, alle Kirchtürme stehengeblieben waren. Und es hatte den Anschein, als*

richtete sich die Bevölkerung jetzt an diesen Kirchtürmen wieder langsam auf [Bernhard 1975: 98].

Verständnis, Wärme, Liebe, Unterstützung fand Thomas Bernhard nicht bei seiner Mutter. Zu ihr hatte er eine *zeitlebens schwierige Beziehung*. Bis in die Gegenwart, notiert der Erzähler im Werk „Die Ursache“, habe er nicht die *Fähigkeit, ihr Wesen zu beschreiben* [Ebd.: 128]. Halt im Leben gab Thomas Bernhard sein Großvater Johannes Freumbichler, der Schriftsteller war und für ihn zum Vorbild und Ideal wurde: *Meine schönsten Erinnerungen sind diese Spaziergänge mit meinem Großvater, stundenlange Wanderungen in der Natur und die auf diesen Wanderungen gemachten Beobachtungen, die er in mir nach und nach zur Beobachtungskunst hatte entwickeln können. Aufmerksam für alles, auf das ich von meinem Großvater verwiesen und hingewiesen war, darf ich diese Zeit mit meinem Großvater als die einzige nützliche und für mein ganzes Leben entscheidende Schule betrachten, denn er und niemand anderer war es, der mich das Leben gelehrt und mich mit dem Leben vertraut gemacht hat. Alle meine Kenntnisse sind zurückzuführen auf diesen für mich in allem lebens- und existenzentscheidenden Menschen, der selbst durch die Schule Montaignes gegangen war, wie ich durch seine Schule gegangen bin* [Ebd.: 129].

An vielen Stellen ist es schwer zu bestimmen, ob das Denken und Sprechen durch die Außensicht, d.h. durch die Erzählung über die Hauptfigur und deren Erlebnisse, oder durch die Innensicht, durch die volle Identifizierung des Autors mit dem Helden, dargeboten wird. Es ist auffällig, dass an den Stellen, an denen Thomas Bernhard über seine Mutter, seinen Vater, seinen Stiefvater, seinen Großvater, seine Großmutter schreibt, die Erzählung in der Ich-Form geführt wird. Der Autor schildert objektive Tatsachen seiner Biographie: *mein Vater, der Bauernsohn und Tischler, hatte sie verlassen und sich nicht mehr um sie und um mich gekümmert, er ist, unter welchen Umständen ist mir niemals (...) bekannt geworden, gegen Kriegsende in Frankfurt an der Oder umgebracht, (...) wie ich einmal von seinem Vater, (...) den ich auch nur ein einziges Mal in meinem Leben gesehen habe, zum Unterschied von meinem Vater, den ich niemals in meinem Leben gesehen habe, gehört habe.* (...) [Ebd.: 128]. (...) *meine Großmutter hatte mir ja oft und oft immer wieder von ihrer entsetzlichen Kindheit und Jugend in dieser für sie nichts als entsetzlichen Stadt und diesen wie die Stadt kalten Menschen als Verwandten berichtet* (...) [Ebd.: 133].

An den Stellen, wo der Erzähler reflektiert, philosophiert oder die Geschehnisse erläutert, wo die einzelnen Urteile zumeist aus der Position eines Beobachters erfolgen, gelangt Thomas Bernhard zu aphoristisch angelegten und auf kategorische Allgemeingültigkeit zielenden Sätzen in der Wir-Form oder in der Er-Form. Diese Stellen scheinen mehr fiktional zu sein: *Wir werden erzeugt, aber nicht erzogen, mit der ganzen Stumpfsinnigkeit gehen unsere Erzeuger, nachdem sie uns erzeugt haben, gegen uns vor, mit der ganzen menschenzerstörenden Hilflosigkeit, und ruinieren schon in den ersten drei Lebensjahren alles in einem neuen Menschen, von welchem sie nichts wissen, nur, wenn überhaupt, dass sie ihn kopflos und verantwortungslos gemacht, und*

sie wissen nicht, dass sie damit das große Verbrechen begangen haben [Bernhard 1975: 88].

Der Autor distanziert sich von der Hauptfigur. Im Werk weist Bernhard selbst auf die Distanz zwischen dargestellter Zeit und dem Augenblick der Darstellung hin: Er notiere, skizziere oder deute auch nur an, *wie ich damals empfunden habe, nicht wie ich heute denke, denn die Empfindung von damals ist eine andere gewesen als mein Denken heute, und die Schwierigkeit ist, in diesen Notizen und Andeutungen die Empfindung von damals und das Denken von heute zu Notizen und Andeutungen zu machen, die den Tatsachen von damals, meiner Erfahrung als Zögling damals entsprechen, wenn auch wahrscheinlich nicht gerecht werden, jedenfalls will ich den Versuch machen* [Ebd.: 106].

Manchmal fühlt der Leser deutlich, dass sich der Autor an die Leser wendet und deren Stellungnahme herausfordert: *die Interessen der Gesellschaft sind andere als die Aufklärung, und die Gesellschaft denkt gar nicht daran, aufzuklären und die Regierungen sind immer und in jedem Falle und in jedem Lande und Staatsgebilde daran interessiert, dass ihre Gesellschaft nicht aufgeklärt wird, denn klärten sie ihre Gesellschaft auf, wären sie schon in kurzer Zeit von dieser von ihnen aufgeklärten Gesellschaft vernichtet* [Ebd.: 89].

Die Distanzierung von sich selbst, auch die Tatsache, dass Kommentare, Urteile aus der Position eines überlegenen Beobachters und nicht aus der Sicht eines 13-jährigen Jungen erfolgen, zeugen von einem eher fiktionalen Werk.

Die Fakten aus dem Leben des Autors sind nicht fiktiv, von Fiktion im Werk „Die Ursache“ scheint keine Spur zu sein. Doch die Differenzierung des Autors zwischen dargestellter Zeit und dem Augenblick der Darstellung, der Stil, die Sprache des Werkes, der literarische Text selbst, der von „einer Welt, auf die sich ein Werk bezieht, handelt“ (Paul Ricœur) [Paul Ricœur 1996: 56–70], und in dem das Erzählen über das Erzählte dominiert, zeugen deutlich von der Fiktionalität im Werk. Wir stimmen Bernhard Sorg zu, wenn er behauptet, „dass es eine von der Form des Textes unabhängige Wahrheit im autobiographischen Schreiben nicht gibt“, sondern das diese Wahrheit selbst eine „der Fiktion“ sei, „d.h. eine der bewältigten Form“ [Sorg 1977: 30].

Das Phänomen der Sprache von Thomas Bernhard steht mit Recht im Mittelpunkt vieler Studien zu seinem Werk. Mit Recht hat Manfred Mittermayer darauf hingewiesen, dass Bernhard künstlerischen Einfluß auf andere Schriftsteller seiner Epoche vor allem durch seinen sprachlichen Stil genommen hat. Mittermayer hat in seiner Bernhard-Monographie in einem eigenen Kapitel über den „Bernhardschen Ton“ den Zusammenhang von Musik und Sprache bei ihm aufgezeigt und dabei Standpunkte vieler Kritiker und Autoren zusammengefaßt. Prägnant ist das von Claus Peymann, Bernhards bevorzugtem Regisseur für die Uraufführungen seiner Stücke, übernommene Zitat: „Wie Sie schon nach drei Takten Mozart erkennen, so erkennen Sie auch nach drei Sätzen, Gott sei Dank, Thomas Bernhard“ [Mittermayer 1995: 184].

Manfred Mittermayer resümiert, dass viele Beobachter und Kritiker Bernhards Sprache als musikalisch erkannt haben. Zum Beispiel verweist er auf die Befunde von Andrea Reiter, die sich auf die Untersuchung der späten Prosa Bernhards konzentriert und die Hypothese formuliert hat, dass das Werk „im musikwissenschaftlichen Sinn in Motive zerfällt, in kleinste sinntragende Glieder einer Komposition, die nach musikalischen Gesichtspunkten entwickelt, folgerichtig aneinandergereiht und später im Werk 'zitiert' werden“ [Mittermayer 1995: 185].

Die dramatische Sprache von Thomas Bernhard ist einer detaillierten Analyse unterworfen worden in der Arbeit von Christian Klug. Im Abschnitt „Musikalität als Stilprinzip, Motiv und Metapher immanenter Reflexion“ seiner Untersuchung weist er auf die Musikalität in Thomas Bernhards Theaterstücken hin: Mit dem Terminus „Musikalität“ bezeichnen Autor und Kritiker eine ganze Reihe verschiedener Stilistika. Der Begriff umfasst die (...) rhetorischen Figuren von Wortspiel und Wiederholung, denen als musikalische Termini Variation, Inversion sowie Modulation zugeordnet werden, (...) [Klug 1991: 189].

Meiner Ansicht nach ist Thomas Bernhards Sprache musikalisch in dem Sinne, dass alle Mittel des Sprachsystems in dem Werk „Die Ursache“ eine bestimmte stilistische Tonalität des Textes erzeugen, d. h. Wortbildung, Lexik und Grammatik sind im Komplex als Mittel des bildlichen emotionalen Ausdrucks zu betrachten. In der Kombination als geschlossenes Ganzes verleihen sie dem Werk eine stark ausgeprägte emotional-expressive Stilfärbung.

Wenn man die wortbildenden Mittel im Text analysiert, so lässt sich folgendes feststellen: Im Werk „Die Ursache“ fällt die Anhäufung von lexikalischen Einheiten mit den Präfixen -ver und -zer auf. Der häufige, fast regelmäßige Gebrauch der Partizipien, der Verben und Substantive mit diesen Präfixen schafft im Werk eine Atmosphäre der Erschöpfung, der Entkräftung, der Vernichtung, der Existenzentziehung eines Menschen, eine Atmosphäre des Untergangs, des Verfalls. Thomas Bernhard spricht über die *zerstörende* und *verstörende* Atmosphäre in Salzburg, über die Stadt, die für ihn *eine mehr den Geist und Gemüt misshandelnde, verletzende und verhetzende* und am Ende immer *vernichtende* gewesen war. *Salzburg ist eine perfide Fassade (...), hinter der das (oder der) Schöpferische verkümmern und verkommen und absterben muss.* Die Rede ist hier auch vom *Erschöpfungszustand*, *Verzweiflungs- und Angstzustand*, vom *Verletzungszustand* des Zöglings im nationalsozialistischen Internat [Bernhard 1975: 7—13].

Auch die von Thomas Bernhard geschaffenen Komposita tragen dazu bei, die Atmosphäre der Erniedrigung, der der 13-jährige Zögling des Internats ausgesetzt war, zu unterstreichen. Das Internat ist für die Hauptfigur ein *Erziehungskerker*, die Zöglinge leben dort als *Erziehungshäftlinge*, die Lehrer und Erzieher sind für ihn *Erziehungsberechtigte* [Ebd.: 27]. Es scheint, als ob der Autor danach strebt, mit Hilfe der Komposita das Wesen der Dinge zu treffen, ihre innere Seele herauszukehren. In dieser Hinsicht möchte ich noch auf eine ungewöhnliche Wortbildung hinwei-

sen, auf das okkasionelle Wort *Mutterstadt* in dem Teilsatz von der Stadt, *die mir durch meine Eltern gleichzeitig Mutter- und Vaterstadt ist* [Bernhard 1975: 10]. Für Urs Bugmann ist nicht nur die Wortbildung ungewöhnlich, wenn er argumentiert: „(...) dass diese Formulierung in der Verbindung mit dem üblichen Vaterstadt vorangestellt und damit betont wird. Eine weitere Betonung und Verdeutlichung stellt die variierte Wiederholung, Mutter- und Vaterlandschaft dar“ [Bugmann 1981: 135].

Auf Thomas Bernhards Tendenz zur Nominalsprache ist mehrmals hingewiesen worden. Besonders auffällig dabei „ist der häufige Gebrauch verblüffender, neologistischer Komposita“ [Klug 1991: 121]. Anne Betten erkennt in Bernhards Einsatz von Nominalkomposita nicht lediglich Aspekte eines Spiels mit unterschiedlichen Bedeutungen, sondern erläutert ihn als Konzept formaler Variations- und Kombinationsmöglichkeiten, die semantische „Kontrast- und Verblüffungseffekte“ bereithalten [zit. nach Mittermayer 1995: 189].

Auf den ersten zwanzig Seiten im Werk „Die Ursache“ wird das Wort *Selbstmord* mehrmals wiederholt. Thomas Bernhard schafft eine thematische Reihe von Komposita, in denen dieses Wort als Bestimmungswort auftritt und den inneren Zustand des Zöglings charakterisiert:

Selbstmordgedanken,
 Selbstmorddenken,
 Selbstmordmeditation,
 Selbstmordgefügigkeit,
 Selbstmordbegräbnis,
 Selbstmörderstraße.

Wir stimmen Christian Klug zu, wenn er über die Wiederholung bei Thomas Bernhard folgende Feststellungen trifft: „Die Wiederholungsphänomene sind bei Bernhard von keinem positiven Sinn erfüllt“, sie sind „Leitmotiv als sprachlicher Reflex auf die stupiden Rituale, die das Leben der Protagonisten bestimmen“ [Klug 1991: 170]. Bei Thomas Bernhard wird wiederholt, was semantisch und emotional besonders unterstrichen werden soll. Im Werk „Die Ursache“ gibt es verschiedene Arten von Wiederholungen:

1. die echte Wiederholung, bei der ein Wort, eine Wortgruppe oder ein Satz in vollständig gleicher Form wieder aufgenommen wird,
2. die variierte Wiederholung, bei der ein Wort, eine Wortgruppe oder ein Satz in veränderter Form auftauchen,
3. die synonymische Wiederholung, bei der ein sinn gleicher oder ein sinnähnlicher Ausdruck wiederkehrt.

Zum Werk Thomas Bernhards „wird festgestellt, dass die Sätze bei diesem Autor in immer neuen Variationen um ein einziges, scheinbar belangloses Wort rotieren und sich dann regelmäßig um neue «Stichwörter» gruppieren“ [Mittermayer 1995: 186]. Sorg beschreibt die Ausweitung der kreisförmigen Perioden zu Spiralen und macht damit den Entwicklungscharakter der Bernhardschen Sprache deutlich: Die langen Perioden, formal immer untadelig, neigen zur ständigen Wiederholung, zum

kreisförmigen Aufnahmen des schon Bekannten, das aber dadurch, dass es jetzt mit Neuem verknüpft wird, eine irritierende, verändernde Qualität bekommt und so den Kreis zur Spirale öffnet (...) [Sorg 1977: 141].

Im Werk „Die Ursache“ werden sehr häufig Partizipien in attributiver Funktion gebraucht. Darin zeigt sich auch die Tendenz zur Nominalsprache: Das Verb als Ausdrucksform des Prädikats verliert teilweise oder vollständig seine Semantik, und die Partizipien werden zum sinntragenden Element des ganzen Satzes. Die Partizipien erfüllen die Funktion der emotionalen, expressiven Epitheta und zeugen von der Erregtheit der Rede des Autors. Dazu eine letzte, etwas ausführlichere Belegstelle: *Die extremen, den in ihr lebenden Menschen fortwährend irritierenden und enervierenden und in jedem Falle immer krankmachenden Wetterverhältnisse einerseits und die in diesen Wetterverhältnissen sich immer verheerender auf die Verfassung dieser Menschen auswirkende Salzburger Architektur andererseits, das allen diesen Erbarmungswürdigen bewusst oder unbewusst, aber im medizinischen Sinn immer schädliche, folgerichtig auf Kopf und Körper und auf das ganze diesen Naturverhältnissen ja vollkommen ausgelieferte Wesen drückende, mit unglaublicher Rücksichtslosigkeit immer wieder solche irritierende und enervierende und krankmachende und erniedrigende und beleidigende und mit großer Gemeinheit und Niederträchtigkeit begabte Einwohner produzierende Voralpenklima erzeugen immer wieder solche geborene oder herangezogene Salzburger, die zwischen den, von dem Lernenden und Studierenden, der ich vor dreißig Jahren in dieser Stadt gewesen bin, aus Vorliebe geliebten, aber aus Erfahrung gehassten kalten und nassen Mauern ihren bornierten Eigensinnigkeiten, Unsinnigkeiten, Stumpsinnigkeiten, brutalen Geschäften und Melancholien nachgehen und eine unerschöpfliche Einnahmequelle für alle möglichen und unmöglichen Ärzte und Leichenbestattungsunternehmer sind* [Bernhard 1975: 7].

Eine „Endlos-Sinuskurve“ hat Elfriede Jelinek solche Texte Bernhards genannt [zit. nach Mittermayer 1995: 188]. Die Partizipien in attributiver Funktion, die erweiterten Attribute und die ganze Satzperiode des mehrfach zusammengesetzten Satzes scheinen kein Ende zu nehmen. Nicht nur die Wortwahl ist im Text Thomas Bernhards ein Mittel des bildlichen emotionalen Ausdrucks. Auch die Wahl bestimmter grammatischer Gebilde bringt bestimmte Ausdruckswerte. Die Erregtheit der Rede des Autors im oben angeführten Satz kommt in der Wahl der Satzform zum Vorschein, in der Art der Verbindung zwischen Wörtern, Wortgruppen und Sätzen. Der Leser wird sofort in die schwere, peinigende Atmosphäre der Stadt Salzburg versetzt. Absonderungen in diesem Satz, stilistisch gefärbte Wortfolge, individuelle Abweichungen von der üblichen grammatischen Norm können destruktiv wirken, einen Verstoß gegen die Sprache darstellen. Man kann aber diese Erscheinungen sämtlich als berechtigte Ausdrucksmittel betrachten.

Literatur

- Bernhard 1975 — *Bernhard Th.* Die Ursache. Eine Andeutung. Salzburg, 1975.
- Bugmann 1981 — *Bugmann U.* Bewältigungsversuch: Thomas Bernhards autobiografische Schriften. Bern, Frankfurt am Mein, Las Vegas, 1981.
- Klug 1991 — *Klug Ch.* Thomas Bernhards Theaterstücke. Stuttgart, 1991.
- Mittermayer 1995 — *Mittermayer M.* Thomas Bernhard. Stuttgart, Weimar, 1995.
- Perevyshina 2003 — *Perevyshina I.* Zu Struktur, Thematik und Sprache in Thomas Bernhards autobiographischem Werk Die Ursache. Eine Andeutung // Schriften zur Europa- und Deutschlandforschung. Bd. 9. Frankfurt/M., 2003. S. 153 — 170.
- Sorg 1977 — *Sorg B.* Thomas Bernhard. München, 1977.

Л. М. НЮБИНА

(Смоленский государственный университет)

МЕМУАРНЫЙ ТЕКСТ КАК «КУЛЬТУРОГЕННЫЙ» ФЕНОМЕН

Мемуарный дискурс насчитывает сегодня множество текстотипов, к которым можно отнести мемуары, мемуарные записки, литературный портрет, разные виды автобиографии, в том числе и литературную, письма, дневники, путевые заметки и др. В основе этих текстов лежит ретроспективная работа памяти вспоминающего человека, который объединяет в себе историческую личность автора, рассказывающего о событиях собственного прошлого. Форма «Я» объединяет в этих текстах три личности — автора, субъекта и объекта рассказа о самом себе — и является эгоцентром повествования, а сам текст становится «интерактивным событием, который объединяет индивидуальный опыт человека и концентрированные культурные смыслы общества» [Карасик 2009: 362—363].

Мемуарный текст является многомерным когнитивным феноменом, который отражает современную тенденцию сближения наук в познании. Описываемый жанр с его модификациями отражает неограниченность человеческого познания, в нем происходит сближение между теорией познания и психолингвистикой, литературоведением, лингвистикой текста, стилистикой и др. науками. Одной области знания сегодня недостаточно для рассмотрения особенностей данного жанра, его изучение не исчерпывается рамками только лингвистики. Этот жанр выходит в широкий междисциплинарный контекст с его богатством межпредметных знаний и в его сложном диалоге с искусством и обществом [Щирова, Гончарова 2007: 38 и след.].

Литература как вид искусства играет выдающуюся роль в сохранении культурной памяти. А. Ассманн считает, что со времен античности литературе принадлежит общественная функция организатора и хранителя культурной памяти [Assmann 1999: 34]. Мемуарные тексты также являются значимыми и ценностными объектами культуры, так как показывают широкий национально-исторический контекст эпохи. Как один из литературных жанров, мемуаристика играет большую роль не только при моделировании коллективных ценностей, идеалов и норм, но и в регулировании восприятия прошлого современниками и потомками.

Мемуарные тексты можно назвать «культуроогенными». Понимание культууроогенности связывается с классификацией текстов и других семиотических артефактов по их культурной значимости, ориентированной не только на неизменную передачу одного и того же текста из поколения в поколение (сакральные тексты), но и с пониманием стандарта, жанра, текстового типа [Карасик 2009:348].

Одной из модификаций мемуарного жанра является литературная автобиография, ее интенция состоит в отражении личного бытия. Как и другие мемуарные жанры, литературная автобиография основана на работе памяти, которая осуществляет ретроспективный взгляд в прошлое и собирает несвязные, фрагментарные отрывки в уникальную жизнь. Ретроспективу можно рассматривать как онтологическую метафору автобиографического жанра, именно при ее помощи происходит путешествие человека во времени, позволяющее соотнести прошлое и настоящее, внутреннее и внешнее и превратить «взгляд назад» в дискурсивную темпоральность. Память, как известно, явление сложное и обладает множеством видов. Существуют, например: произвольная и произвольная, кратковременная и долговременная, образная, эмоциональная, процедурная, декларативная память и мн. др. [Tulving 77]. Согласно Т. Циген, «духовное „Я“, осознающее и себя самого, и окружающий мир, составляет общее представление всех образов воспоминания, запечатленных в мозговой коре» [Циген 1998: 4, 66].

Человеческое сознание многомерно, так как оно отражает мир многовариативный и многопричинный. При воспоминании человеческая мысль осуществляет челночное движение от субъективных внутренних представлений о мире к внешней социальной жизни, что сопровождается постоянным изменением опыта, который хранится в коллективной и индивидуальной памяти людей [Карасик 2009: 9]. Память и воспоминание понимаются не как исключительно индивидуально-психический, а как коллективный и социальный феномен. По утверждению П. А. Сорокина, взаимодействие психических индивидов происходит на основе интерментальных процессов [Сорокин 2006: 12].

К особому виду памяти относится автобиографическая память (Я-схема) как «субъективное отражение пройденного человеком отрезка жизненного пути, состоящее в фиксации, сохранении, интерпретации и актуализации автобиографически значимых событий и состояний, определяющих идентичность личности как уникального, тождественного самому себе психологического субъекта» [Нуркова 2000: 19].

Описание собственной личности — весьма сложный процесс. С одной стороны, мы каким-то образом согласуем разнородные воспоминания, одни из них переходят в долговременную память, другие исчезают, одни яркие, а другие поверхностны. С другой стороны, воспоминания не носят произвольного характера, подбор событий

для языковой репрезентации зависит от индивидуальной направленности личности и личной судьбы. Мерцающими точками в памяти выступают важнейшие автобиографические концепты (отец, мать, детство, школа, книга, профессия, качество, пространство, время и др.), превращающиеся в неравномерную и фрагментарную композицию мемуарного текста.

Память имеет социально-культурный характер. Как утверждал Э. Дюркгейм, «коллективное сознание является синонимом рационального кода общества, поэтому мы можем говорить о социальном логосе, а социологический человек понимается как совокупность социальных ролей, сумма которых составляет содержание индивидуального социального логоса» [цит. по: Дугин 2010: 38, 39]. Культурная память позволяет представить коллективный дух, свой «дом бытия», так как сохранение прошлого приобретает целостность не из чего иного, как из общих, ее конституирующих воспоминаний [Pethes 2008: 37—38]. В центре воспоминаний находится индивид. Его воспоминания не являются автономными, они протекают по определенным линиям социальной зависимости, к которой относятся: принадлежность к своему поколению, окружающей среде и национальности. Все три компонента могут определять направления воспоминаний [Erlл, Nünning 2010: 176—177]. Память поколения проявляется, например, в наличии константных тем, оставивших яркий след в памяти авторов определенной возрастной группы. Например, в немецкой литературе это темы Первой и Второй мировых войн. Примеры можем найти у С. Цвейга в произведении „Die Welt von gestern. Erinnerungen eines Europäers“ и у Г. де Бройна в „Zwischenbilanz. Die Jugend in Berlin“:

Jener Sommer 1914 wäre auch ohne das Verhängnis, das er über die europäische Erde brachte, uns unvergänglich geblieben. Denn hatte ich selten einen erlebt, der üppiger, schöner, und fast möchte ich sagen sommerlicher gewesen... Immer mehr Menschen scharten sich um diesen Anschlag. Einer sagte denn anderen die unerwartete Nachricht weiter. Aber, um der Ehre Wahrheit zu geben: keine sonderliche Erschütterung oder Erbitterung war von den Gesichtern zu lesen. Denn der Thronfolger war keineswegs beliebt gewesen. ... Am nächsten Morgen in Österreich! In jeder Station klebten die Anschläge, welche die allgemeine Mobilisation angekündigt hatten. Die Züge füllten sich mit frisch eingerückten Rekruten, Fahnen wehten, Musik dröhnte, in Wien fand ich die ganze Stadt in einem Traume (S. Zweig, 231, 240).

Neben den Gerüchen über Goebbels, den Mephistopheles, der den Schmierenskomödianten Hitler an Intelligenz bei weitem überragte, gehörten die alten Tanten in München, bei denen sie lange gewohnt hatte, zu den Hauptthemen von Friedels Geschichten (G. de Bruyn, 74).

Вследствие культурно-исторического характера автобиографической памяти мемуарные тексты всегда взаимодействуют с эпохой. Концепция диалогичности М. М. Бахтина, проложившая мостик к термину «интертекстуальность» Ю. Кристевой, говорит о том,

что речевой опыт всякого человека формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими высказываниями, слово включает в себя многое, уже сказанное другими, «чужой голос», «чужое слово» означают форму диалога адресанта с предшествующей и современной культурой, он есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Французский семиолог Р. Барт утверждает, что «всякий текст есть междутекст по отношению к какому-либо другому тексту» [Барт 1989: 418].

По Ю. М. Лотману, вся культура, являясь семиотической системой, может быть рассмотрена как текст, составленный из большого множества «текстов в тексте», образующих внутри главного множественные переплетения. Интертекстуальность, по мнению Н. А. Фатеевой, включает в себя установление многомерных связей с другими текстами, так как является способом генезиса собственного текста и постулирования собственного поэтического «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификаций и маскировки с текстами других авторов [Фатеева 2007: 20].

Интертекстуальность является типологической чертой разного рода мемуарных текстов, в том числе и литературной автобиографии. Она обнаруживается здесь как в прецедентных феноменах, так и в интердискурсивном взаимодействии, представляющем в тексте фрагменты других речевых жанров и социолингвистических типов дискурса.

Для обозначения текстов с различного рода артефактной референцией Ю. Н. Карауловым было введено в лингвистику понятие прецедентности. К прецедентным текстам он относит тексты: 1) значимые для личности в познавательном и эмоциональном плане; 2) имеющие сверхличностный характер и хорошо известные широкому окружению; 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [Караулов 1987: 216]. Г. Г. Слышкин основывает свою классификацию прецедентных текстов не только на масштабе известности их в культуре, но и на аксиологическом признаке. Он понимает под прецедентным текстом «любую характеризующуюся цельностью знаковую единицу, обладающую ценностной значимостью для определенной группы» и выделяет следующие группы прецедентных текстов: микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие, относительность и проницаемость которых он вполне допускает [Слышкин 2000: 29]. В литературной автобиографии можно проследить наличие всех перечисленных групп прецедентных феноменов, так как эти тексты обязательно обращены к поколенной, национальной и интернациональной культуре, например:

- микрогрупповые — *Der erschossene Onkel, Franz Krause, hinterließ Frau und vier Kinder, die etwas älter, gleichen Alters, zwei oder drei Jahre jünger als ich waren (G. Grass, 17);*

- макрогрупповые — *Der Bürgermeister Hener, nicht gerade ein Gottloser, sei jetzt aus der Bayrischen Volkspart aus) — und in die nationalsozialistische eingetreten, auch wenn er das nicht an die große Glocke gehängt hatte (M. Walser, 90);*
- национальные — *Nicht allein die ›rassisch Komprimierten suchten das Weite; mit ihnen entfernten sich viele von den von einwandfrei nicht jüdischem Blut; Fritz von Unruh und Leonhardt Frank, Bertold Brecht und Oskar Maria Graf, René Schickele und Annette Kolb, Werner Hagemann und Georg Kaiser, Erich-Maria Remarque und Johannes R. Becher, Irmgard Keun und Gustav Regler. Hans-Henny Jahnn und Bodo Uhse, Heinrich und Thomas Mann: um nur diese zu nennen (K. Mann, 334—335);*
Verboten war auch, darüber zu reden, daß Gewerkschafter, Sozialdemokraten und Kommunisten aus Familienhäusern der Hufeisensiedlung vertrieben wurden, um Leuten von Partei und SS Platz zu machen — darunter, wie ich später erfuhr, einem der entsetzlichsten Männer des Dritten Reiches, Adolf Eichmann, der ab 1935 in der Onkel-Herse-Straße 34 wohnte, nur wenige Wohnblocks von uns entfernt (G. de Bruyn, 54);
- цивилизационные — *Die mir begehrenswerten Bilder gaben farbig die Meisterwerke der europäischen Malerei wieder. So lernte ich früh die Namen der Künstler Giorgione, Mantegna, Botticelli, Ghirlandaio und Caravaggio falsch aussprechen (G. Grass, 11);*
- общечеловеческие — *Im Schränkchen standen Dostojewskis „Dämonen“ neben Wilhelm Raabes „Chronik der Sperlingsgasse“, Schillers „Gesammelte Gedichte“ neben Selma Lagerlöfs „Gösta Berling“ (G. Grass, 54).*

Прецедентность как коммуникация со знаковой средой предшествующего и настоящего контекста выражается в тексте при помощи таких маркеров, как топонимы, антропонимы, даты, реалии, названия и т. д. Необходимый пример находим у М. Билера в книге о детстве «Still wie die Nacht» и «Zwischenbilanz» Г. де Бройна:

Wir sitzen stumm im Dunkeln. ... Das ist die Leinwand, flüstert mir Olaf zu. ... Klick, macht es, und plötzlich sehe ich einen Hund auf einem Esel, eine Katze auf einem Hund und einen Hahn auf die Katze springen. Das sind die Bremer Stadtmusikanten (M. Bieler, 181).

Ohne etwas von deutscher Romantik zu wissen, lebte ich geistig vom Heinrich von Ofterdingen oder vom Sternbald, vom Protest gegen das Industrie- und Massenzeitalter also, in das ich hineinwuchs (G. de Bruyn, 45).

Данный вид литературы является своего рода синергетическим феноменом, в котором автор как медиум между реальностью и текстом приводит в некоторую целостность хаотическую динамику всех сохраненных памятью эпизодов автобиографического знания, что предопределяет когнитивную и эмоциональную многомерность автобиографического текста. «Организм устанавливает корреляции между средой и своим существованием, но реагирует не на прямые сигналы от окружающей среды, а на модулируемый, созданный внутри себя образ мира» [Карасик 2009: 13]. Этот образ мира у М. Би-

лера коррелирует со сказочными образами немецкой национальной картины мира с ее универсалиями.

В литературной автобиографии следует выделить некоторые характерные формы интертекстуальности.

1. Наибольшую представленность имеют прецедентные имена. Они весьма разнообразны: названия книг и произведений, имена их авторов и героев, имена исторических и политических деятелей, представителей разных видов искусств, топонимы, антропонимы, реалии и др. Например:

Ein großes Foto der Marienkirche, einst vom Stadttheater, wo sie zu Weihnachten den Froschkönig, die Schneekönigin oder das tapfere Schneiderlein spielten und Nelly, die vor Aufregung Fieber hatte und nach der Vorstellung jedes Mal krank wurde, ihr weißes Fellkrägelchen um die Schulter legen und in einer der vorderen Reihen sitzen durfte (Ch. Wolf, 127).

Важным аспектом прецедентного имени является сфера источников, позволяющая определить информационную среду обитания и формирования языковой личности. Существуют разнообразные классификации источников прецедентных имен, например: античная мифология, религия, топонимы, литературные произведения, произведения других видов искусств, история и политика, язык (фразеологизмы, пословицы, поговорки) [Банникова 2004: 12—15]. Е. Нахимова классифицирует прецедентное имя в политической коммуникации по сферам-источникам: социальная сфера (политика, экономика, образование, техника, развлечения, медицина, война, криминал, спорт); искусство (литература, театр, изобразительное искусство, музыка, архитектура, мифология, фольклор); наука (физика, математика, биология, химия, история, география, филология) [Нахимова 2004: 48—50]. В разной мере перечисленные источники прецедентных имен представлены в литературной автобиографии. Приведем пример:

Ich liebte Novalis, weil er mir tiefer als alle anderen bewandert schien in den Mysterien der Nacht, der Wolllust, des Todes. Der Zauber der deutschen Romantiker hat früh auf mich gewirkt und niemals aufgehört, mich in seinem Bann zu halten. Tiecks Geschichten von den Elfen und vom blonden Eckbert, die wunderbaren Weisen und Märchen der Eichendorf, Arnim Brentano, die schaurig-holden Halluzinationen des E. T. A. Hoffmann; Chamissos Peter Schlemihl und de la Motte-Fouqués Undine als ewig rührende und ewig gültige Symbole der Heimatlosigkeit, des Heimwehs, der Entwurzelung — diese ganze Sphäre, in der höchste Geistigkeit und reinste Poesie, Ahnung und Raffinement, Magie und Witz sich zur schillernden komplexen Einheit finden, hat für mich immer eine Faszination gehabt, wie vielleicht keine zweite in sich geschlossenen Gruppe oder ‚Schule‘ der Weltliteratur (K. Mann, 122).

2. Важной формой интертекстуальности в литературных автобиографиях является цитация: пословицы, поговорки, крылатые слова, афоризмы, фразеологизмы, выдержки из речей публицистов, поли-

тических деятелей, появляющихся в форме точных и преобразованных цитат. Например:

Nelly war liederlich und ordentlich. Charlotte Jordan wusste manchmal nicht, wie sie es ihrer Tochter beibringen sollte, sich wie ein «normaler Mitteleuropäer» zu benehmen. ... Morgen, morgen, nur nicht heute sagen alle faulen Leute. Was du heute kann besorgen, das verschieb nicht auf morgen. Langes Fädchen, faules Mädchen. Was Hänschen nicht lernt, lernt Hans nimmermehr. Ich verlange wirklichen und wahrhaftigen Gottes nur das allermindeste (Ch. Wolf, 253).

Привлечение таких прецедентных текстов из своего рода культурного и исторического фона среды обитания состоит в подчеркивании идентичности «Я» своему национальному пространству и времени. Человек вспоминающий активизирует в своей памяти лингвокультурные концепты, содержанием которых является как индивидуальный опыт, так и культурный опыт нации.

Цитация может выполнять и другие функции в тексте, например переносить действие из одного времени в другое, создавая разновременные фрагменты:

Lenka verträgt diese Lieder nicht, auch nicht als Beweisstücke, vertrug sie nie. Stellte sich taub, als ihr auf der Rückfahrt aus L., das heute G. heißt, die Texte zusammensucht, die den Zug, den Ritt, den Marsch der Germanen, der Deutschen nach Osten verherrlichten oder forderten: >Gen Ostland geht unser Ritt. <—> Siehst du im Osten Morgenrot? <—> In den Ostwind hebt die Fahnen < (Ch. Wolf, 245).

Wir konnten nicht von einer sittlichen Norm abweichen: Es gab keine solche Norm. Die moralischen Clichés der bourgeoisen Ära, diese atavistischen Tabus einer zugleich selbstgefällig satten und neurotisch inhibierten Gesellschaft, hatten in den Kriegs- und Revolutionsjahren ihre Autorität und Überzeugungskraft verloren, endgültig, wie wir damals glauben wollten. So gründlich erledigt, so durchaus 'passé' erschien uns diese puritanisch-bürgerliche Sittlichkeit, daß es uns nicht einmal der Mühe wert erschien, uns polemisch mit ihr abzugeben (K. Mann, 137—138).

3. К интертекстуальности в литературной автобиографии следует отнести и интердискурсивность — взаимопроникновение и взаимодействие различных жанров литературы. Как отмечает Г. Г. Слышкин, «в дискурсах различных слоев общества налицо тенденция к но-стальгическому переживанию текстовых ценностей прежних эпох, к осмыслению и компиляции текстов других культур ... [Слышкин 2000: 5]. При межжанровом взаимодействии происходит включение моделей человеческого знания из других дискурсивных формаций в новый текст как результат коммуникации языка и культуры в синхронном или диахронном взаимодействии.. «Гибридность» [Чернявская 2009: 228] дискурса определяется также и взаимодействием с другими кодовыми знаками — фотографией, рисунком, музыкой, танцем, которые вызывают ассоциативные «скачки» памяти к другим формам артефактов, обращенных к разнообразным сферам материальной и нематериальной деятельности человека. Как отмечает

В. И. Карасик, «происходит быстрое изменение жанров дискурса», обусловленное экспансией других видов коммуникации в жизнь людей [Карасик 2004: 346; Карасик 2009: 349]. Интердискурсивность является признаком «культурной маркированности» мемуарных текстов, культурная память не только закрепляет здесь связи между текстами одного жанра, но и включает в себя переработку теоретико-эстетических позиций и художественных форм, включающих на настоящем этапе взаимодействие текстов разных кодовых систем семиозиса и мимезиса.

Область интердискурсивных фрагментов, включаемых в литературную автобиографию, весьма разнообразна:

— **статья из словаря** — *Meyers Neues Lexikon aus dem Jahre 1962 zu dem Stichwort „Idee“: „Die Idee ist keine selbständig existierende Wesenheit (wie der Idealismus lehrt), sondern sie existiert nur im Bewußtsein des Menschen als abstrakte Widerspiegelung“... (Ch. Wolf, 339);*

— **элементы литературного эссе** — *Die „Courage“- Aufführung in Berlin war dann kein starker Eindruck. Das hat sich aber sehr schnell verändert und es gab kein anderes Ziel mehr, als zum Berliner Ensemble zu gehören und da zu arbeiten. ... Oder die Anti-Hitler-Texte. Hitler war ja Brechts Traumfeind. Also eigentlich der gotische Brecht. Nicht der klassische Brecht, eher schon der chinesische. Dieses „Antigone“-Vorspiel ist in Knittelversen geschrieben. Und da ist Brecht am besten, wenn er deutsch wird. ... (H. Müller, 82, 87);*

— **документ об аукционной продаже** — *Anwesens-Versteigerung. Das Anwesen, Hs. Nr. 9a in Wasserburg a. B. (Brem) wird am Montag, dem 23. November 1932, nachmittags 3 Uhr im Nebenzimmer der Bahnhof-Restaurations in Wasserburg durch das Bürgermeisteramt Wasserburg freihändig öffentlich versteigert. ... (M. Walser, 66);*

— **спортивный репортаж** — *Inhaber von insgesamt 19 Weltrekorden, Leiter des tschechoslowakischen Militärsports seit 1958, zum Sportler des Jahres in seinem Land gewählt noch 1966, wohnhaft Prag, nahe Hauptbahnhof, am Leihhaus 8, die tschechische Lokomotive, der auch: Emil Zatopik (U. Johnson, Bde 3—4, 145).*

Кроме интердискурсивных фрагментов литературная автобиография активно включает в себя и внутридискурсивное взаимодействие. На страницах воспоминаний нередко появляются отрывки из дневников, семейной хроники, литературного портрета, а некоторые фрагменты можно отнести к путевым заметкам, например, в главе «Rundherum» из произведения «Der Wendepunkt» К. Манна. Приведем примеры:

— **семейная хроника** — *Über die ersten zwei Ehejahre ... berichten die Stammbuchnotizen von Vaters Hand: „15. Sept. 1912: endlich hat sich Papa mit unserer Hochzeit ausgesöhnt. — 20. November 1912: Heute trat Jenny zum katholischen Glauben über. Zeugen: Herr Kaplan Kresse, der Küster von St. Bonifatius und ich. ...“ (G. de Bruyn, 9);*

— **литературный портрет** — *Die nächste Lesung von Ingeborg Bachmann bei der «Gruppe 47» war im Oktober 1961 im Jagdschloß Göhrde in der*

Lüneburger Heide. Obwohl sie sich wieder einmal in einer Krise befand, die ihr die Arbeit nahezu unmöglich machte, war sie auf dem besten Wege, die Primadonna assoluta der deutschen Gegenwartsdichtung zu werden. So wollte Richter auf ihre Teilnahme nicht verzichten. Sie sollte am Sonntagvormittag zum Abschluß der Tagung lesen, nur sie und niemand sonst. Aber sie hatte bloß ein einziges und ziemlich kurzes Gedicht mitgebracht. ... (M. Reich-Ranicki, 414).

— **дневник** — *New-York. 14. Juni 1940. Die Nazis in Paris. Deutschland jubelt, auch das andere Deutschland. Hitler führt Freudentänze auf. Ein Alptraum ... Aber so phantastisch, so grauenvoll ist nur die Wirklichkeit (K. Mann, 454).*

Литературную автобиографию часто называют автобиографическим нарративом. Нарративность означает приближение к общим структурам повествовательных произведений любого жанра и любой функциональности [Шмид 2003: 9]. Автобиографический нарратив использует множество стилистических стратегий из других литературных жанров таким образом, что подобные фрагменты создают определенное интертекстуальное взаимодействие и стирают условности между «реальными и фидийными» (М. В. Никитин) мирами. Например:

Berlin war mehr als eine Messe wert. Diese Stadt fraß Talente und menschliche Energien mit beispiellosem Heißhunger; um sie so schnell zu verdauen. Kleinzumahlen und auszuspucken. Was immer in Deutschland nach oben strebte, saugte sie mit Tornado-Kräften in sich hinein, die Echten und die Falschen, die Nullen wie die Treffer, und zeigte ihnen erst mal die kalte Schulter. Man Sprach von Berlin, solange man es nicht besaß, wie von einer sehr begehrenswerten Frau, deren Kälte und Koketterie allgemein bekannt ist und auf die man um so mehr schimpft, je weniger Chancen man bei ihr hat (C. Zuckmayer, 367).

Метафоры выступают в этом фрагменте как определенные знаки нарративности. Творческое мышление автора представляет Берлин в образе дракона, жестоко пожирающего своих жертв. Одновременно столица — это и образ бушующей стихии, и образ недостижимой кокетки.

Литературная автобиография взаимодействует с романным жанром не только в использовании традиционных стилистических средств образности. Межжанровое «сотрудничество» проявляется и в других стратегиях. Например, в „Kindheitsmuster“ К. Вольф — произведении весьма сложной объектно-субъектной структуры — даже аутентичность приобретает черты парадоксальности, что проявляются здесь в постоянном отчуждении от себя: автор называет себя именем „Nelly Jordan“. Вспоминая саму себя в детстве, К. Вольф переходит к *du* или *sie*, в номинационный процесс включаются также местоимения „wir“ и „man“, противопоставляющие автобиографическую героиню другим:

Da widerfährt Nelly — nicht zum erstenmal, aber selten vorher so deutlich —, daß sie sich in zwei Personen spaltet; die eine der beiden spielt harmlos mit allen zusammen 'Der Jude hat ein Schwein geschlacht', was willst du davon haben!?', die andere aber beobachtet sie alle und sich selbst von der Zimmerdecke her und durch-

schaut alles. Die andere sieht: hier will man etwas von ihr. Man ist berechnend. Man hat sie eingeladen, um ihr etwas zu stehlen, was man auf keine andere Weise bekommen kann (Ch. Wolf, 171).

Смена местоимения в „Kindheitsmuster“ означает обращенность к собственному «Я» как некоторой сублимации разновременных личностей, состоящих друг с другом в отношениях диалога. Прием остранения К. Вольф использует как симбиоз внутренней и внешней точки зрения. Как говорит сама К. Вольф:

Das Vergangene ist nicht tot; es ist nicht einmal vergangen. Wir trennen es von uns ab und stellen uns fremd. ... Allmählich, über Monate hin, stellte sich das Dilemma heraus: sprachlos bleiben oder in der dritten Person leben, das scheint zur Wahl zu stehen. ... Im Kreuzverhör mit dir selbst zeigt sich der wirkliche Grund der Sprachstörung: Zwischen dem Selbstgespräch und der Anrede findet eine bestürzende Lautverschiebung statt, eine fatale Veränderung der grammatischen Bezüge. Ich, du, sie, in Gedanken ineinander schwimmend, sollen im ausgesprochenen Satz einander entfremdet werden (Ch. Wolf, 9).

В произведении У. Йонзона „Jahrestage“ сближение с романным жанром проявляется не только в смене имени, но и в смене пола говорящего. Произведение написано от лица женщины Гезины Гресспаль, хотя все факты соответствуют фактам жизни У. Йонзона. Кроме того, У. Йонзон использует технику современного коллажного романа, соединяющего художественное повествование с документальным изображением событий. В «Jahrestage» это отражается, например, в разнообразном изображении политической панорамы мегаполиса Нью-Йорка. Монтажная техника вписывает индивидуальную судьбу Гезины в события политической жизни современного общества, в нервный ритм мегаполиса. Устранение традиционной модели жизнеописания, временная и пространственная многоперспективность размывают традиционный автобиографический жанр и показывают его взаимодействие с другими дискурсами, что составляет, как отмечалось, отличительную черту современной мемуарной прозы.

Память Гезины ведет читателя по запутанному лабиринту этого сложного повествования, однако персона реального автора У. Йонзона появляется в кратком диалоге между героиней и У. Йонзоном:

Wer erzählt hier eigentlich, Gesine.

Wir beide. Das hörst du doch, Johnson (U. Johnson, 126).

Этой репликой У. Йонзон высвечивает свою истинную роль в произведении.

Расслоение *ich* на *du/er/sie/es* является основой самопознания и самоанализа и особенно свойственно человеку XX столетия, выстраивающего субъективную картину мира на основе чрезвычайно интенсивного процесса рефлексии с огромным информационным полем современности. Специфика развития личности состоит в том, что относящимся к «Я» человек признает не все, что отразилось в его психике, а только то, что было им пережито и вошло в историю его

личной жизни и памяти. Однако и это ограничение не всегда релевантно. Многообразие картины мира в словесном обозначении имеют события и факты, все материально ощутимое или приравняемое к таковому, а также феномены, относящиеся к нематериальному миру чувств и мыслей, ведь во внутреннем мире человека нет четких границ, разделяющих ментальную и эмоциональную сферы, волю и желания, перцепции и суждения, знание и веру [Арутюнова 1989: 7].

Литературная автобиография сама по себе является феноменом культурной памяти. Как один из видов мемуарной литературы, она обладает большим «культурогенным» потенциалом, рассказывая читателю об авторском профессиональном опыте, об известных деятелях истории, политики, культуры, о крупных событиях национальной и международной жизни, отражая культурную память поколения в целом. Интертекстуальность, которая проявляется во внутрижанровом и интердискурсивном взаимодействии, а также в широком использовании прецедентных феноменов, является при этом неотъемлемой чертой литературной автобиографии.

Литература

- Арутюнова 2010 — *Арутюнова Н. Д.* «Полагать» и «видеть» (проблема смешанных пропозициональных установок) // *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов: Сб. статей / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова.* М.: Наука, 1989.
- Банникова 2004 . — *Банникова С. В.* Прецедентность как лингвокультурный феномен (на материале русских и английских текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004.
- Барт 1989 — *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика, Поэтика / Пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступит. ст. Г. К. Косикова. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1989.
- Дугин 2010 — *Дугин А. Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический проект; Трикста, 2010.
- Карасик 2004 — *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- Карасик 2009 — *Карасик В. И.* Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.
- Караулов 1987 — *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
- Нахимова 2004 — *Нахимова Е. А.* Прецедентные имена как ментальное поле в политической коммуникации // *Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества.* Т. 14. Екатеринбург: УрГПУ, 2004.
- Нуркова 2000 — *Нуркова В. В.* Свершенное продолжается: Психология личности. М.: Изд-во УРАО, 2000.

- Слышкин 2000 — *Слышкин Г. Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.
- Сорокин 2006 — *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.
- Фатеева 2007 — *Фатеева Н. А.* Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. Изд. 3-е, стер. М.: КомКнига, 2007.
- Циген 1998 — *Циген Т.* Внимание — Произвольное мышление — Наше Я — Память // *Спенсер Т., Циген Т.* Основные направления психологии в классических трудах. Ассоциативная психология. М.: ООО ФФСТ-ЛТД, 1998.
- Чернявская 2009 — *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста: Подикодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
- Щирова, Гончарова 2007 — *Щирова И. А., Гончарова Е. А.* Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учеб. пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007.
- Шмид 2003 — *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.

- Assmann 1999 — *Assmann A.* Erinnerungsräume, Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. München, 1999.
- Erll, Nünning 2010 — *Erll A., Nünning A.* Literatur und Erinnerungskultur. Eine narratologische und funktionsgerechte Theorieskizze mit Fallbeispielen aus der britischen Literatur des 19. und 20. Jahrhunderts // *Formen der Erinnerung / Hrsg. G. Österle.* Bd 26. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2010.
- Pethes 2008 — *Pethes N.* Kulturwissenschaftliche Theorien des Gedächtnisses. Zur Einführung. Hamburg: Junius Verlag, 2008.
- Tulving 1983 — *Tulving E.* Elements of Episodic memory. Oxford, 1983.

Источники примеров

- Bieler M.* Still wie die Nacht. Memoiren eines Kindes. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1989.
- Bruyn G de.* Zwischenbilanz. Eine Jugend in Berlin. Frankfurt/M.: Fischer, 1994.
- Grass G.* Beim Häuten der Zwiebel. Göttingen: Steidl Verlag, 2006.
- Johnson U.* Jahrestage. Aus dem Leben von Gesine Gresspahl in 2 Bdn. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1996. Bd I—II.
- Mann K.* Der Wendepunkt. Ein Lebensbericht. München: Edition Spangenberg, 1989.
- Müller H.* Krieg ohne Schlacht. Eine Autobiographie. Erweiterte Neuausgabe mit einem Dossier von Dokumenten des Ministeriums für Staatssicherheit der ehemaligen DDR. Köln: Kiepenhauer u. Wietsch, 1996.

- Reich-Ranicki M.* Mein Leben. 3. Aufl. Stuttgart: Deutsches Verlag Anstalt, 1999.
- Walser M.* Ein springender Brunnen. Roman. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1998.
- Wolf Ch.* Kindheitsmuster. Roman. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1993.
- Zweig S.* Die Welt von gestern. Erinnerungen eines Europäers. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1985.
- Zuckmayer C.* Als wär's ein Stück von mir. Hören der Freundschaft. Frankfurt/M.: Fischer, 1996.

ZUSAMMENFASSUNG

Memoirentext als kulturförderndes Phänomen

Die Memoirenliteratur ist eines der Mittel der Aufbewahrung des kulturellen Gedächtnisses des Volkes. Die Autobiographie als eine Art der Memoirenliteratur besitzt ein großes kulturelles Potenzial, indem sie dem Leser neben dem Lebensweg des Autors von den wichtigen historischen Ereignissen des nationalen und internationalen Lebens, von den berühmten politischen Persönlichkeiten, denkwürdigen kulturellen Begebenheiten erzählt. Die Intertextualität ist ein wichtiges Zeichen dieses Texttyps, sie erweist sich in dem interdiskursiven Zusammenwirken, aber auch in der breiten Verwendung in diesem Text anderer Arten der Intertextualität z. B. der Präzedenzphänomene.

С. И. ДУБИНИН

(Самарский государственный университет)

НИЖНЕНЕМЕЦКИЙ КАК ЯЗЫК-ПОСРЕДНИК

Уникальное географическое положение в центре германского лингвоареала создало для нижненемецкого языка исторически особые условия для контактов и развития. Уже при гипотетическом выделении праязыковых ареалов диалектных группировок общегерманского (см. рис. 1) можно констатировать, что пересечение основных границ между племенными диалектными областями приходится на северно-немецкую зону, на будущий ингвеонский регион, т. е. на основную часть ареальной базы нижненемецкого. Тем самым уже на раннем этапе здесь существовала выгодная возможность контактов со многими диалектными ареалами (устья и междуречья Рейна, Везера и Эльбы, равнинная приморская зона).

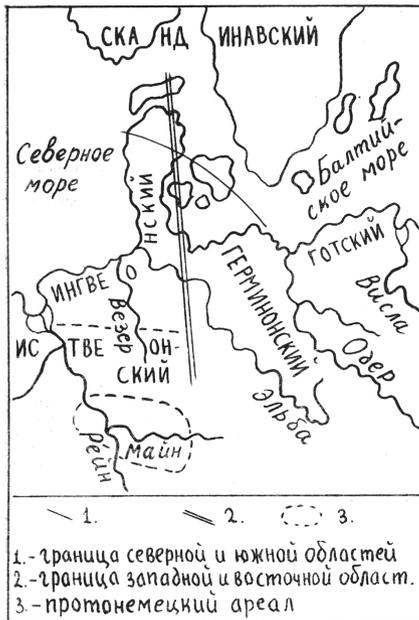

Рис. 1. Древнегерманские континентальные языковые ареалы в начале н. э. [Зеленецкий 1992: 118]

В дальнейшем развитие нижненемецкого на раннем и особенно на среднем этапе его истории в значительной степени связано с контактными процессами, которым благоприятствовали как центральное положение нижненемецкого, так и обширные политические и торгово-экономические, транзитные связи региона. При этом нижнемецкому языку суждено было сыграть определенную «экспандирующую роль» в формировании лексического фонда общенемецкого литературного языка [Дубинин, Теретевёнков 2011: 188—190].

Свидетельством обширных контактов нижненемецкого языка может служить заимствование, в свою очередь, им лексики из других языков. При этом заимствование лексики в нижненемецкий вовсе не обязательно происходило в условиях непосредственного пограничного контакта нижненемецкого с языками-источниками. Исторические данные свидетельствуют о распространении нижненемецкого, особенно как «языка Ганзы», на многочисленных территориях вне пределов его замкнутого континентального ареала на севере Германии. В ряде случаев очевидно, что та или иная лексема была заимствована в результате дистантных контактов в рамках обширной торговой деятельности многочисленных участников и сателлитов Ганзейского союза.

В свою очередь, часть заимствованной в нижненемецкий язык лексики, ассимилированная в его лексико-семантической системе, оказалась позднее включённой в лексический общенемецкий стандарт уже как нижненемецкие по происхождению лексемы. Можно утверждать, что в этом случае нижнемецкому отводится роль языка-посредника, аккумулировавшего довольно значительное количество заимствованной лексики, которая нашла затем применение при формировании общенемецкой лексической нормы.

При этом представляется целесообразным провести различие между поведением нижненемецкого в условиях языковых контактов и позднейшим верхненемецко-нижненемецким лексическим взаимодействием. Это обусловлено рядом весомых причин.

Во-первых, очевидна нетождественность временных характеристик, определяющих два рассматриваемых процесса. Период активных языковых контактов между нижненемецким и другими соседними языками является более ранним по времени и может, в основном, считаться завершённым ко времени упадка активной деятельности Ганзейского союза (т. е. к XV—XVI вв.), которая послужила как причиной большинства языковых контактов, так и одновременно основой престижности нижненемецкого. Однако нижненемецкий язык и позднее выполнял роль посредника на пути иноязычной лексики в лексическую систему литературного немецкого языка.

Во-вторых, различными представляются модели самого контактного взаимодействия. Нижненемецкий в качестве языка-посредника обогащал свою лексическую систему в первую очередь в процессе внешних контактов в результате торгово-экономической деятель-

ности. Внешние контакты не ведут к полному или даже к частичному вытеснению одного контактирующего языка другим из традиционных сфер общения, т. е. к смене языка, хотя перестройки в лексической системе в отдельных случаях могли оказаться весьма значительными.

Уже в Средневековье нижненемецкий язык активно включается также в процесс внутринемецких контактов. Так, в XII в. на колонизированные Германией восточные земли приглашаются нидерландские поселенцы, в первую очередь крестьяне. С восточной колонизацией связано длительное контактное взаимодействие со славянами (после 900 г.), приведшее к возникновению новых восточных колониальных диалектов, а также к практически полной языковой ассимиляции существовавших в этом регионе славянских этносов и их языков (дравено-полабского и, в значительной мере, кашубского и сорбского). Внутренние контакты привели в ситуации доминирования нижненемецкого к смене языка с включением реликтов субстрата в словарь победившего языка, например нидерландизмов из диалектов крестьян-переселенцев или славянизмов из языка исторически ранее заселявших восточно-немецкие земли этносов.

Взаимодействие нижненемецкого с немецким литературным языком (а до формирования и кодификации его норм в XVII—XVIII вв. с в различной мере обработанными формами литературного «предстандарта») всегда протекало в условиях внутренних контактов за счёт распространения языка верхненемецкого типа в ареале распространения нижненемецкого поначалу в письменной сфере. Процесс вытеснения нижненемецкого на Севере Германии начинается уже в XVI веке и ведёт здесь к возникновению ситуации диглоссии, когда один из контактирующих идиомов (верхненемецкий) приобретает за счёт другого (нижненемецкого) доминирующие позиции в ряде социально престижных коммуникативных сфер.

Данные современных исследований свидетельствуют о том, что в ареале распространения нижненемецких диалектов произошла консервация ситуации диглоссии. В итоге полное вытеснение нижненемецкого из всех коммуникативных сфер не было достигнуто, хотя движение в этом направлении вновь ускорилося в последнее время за счёт абсолютного доминирования общенемецкого языка, как в официальном, так и в обиходно-бытовом общении.

Лексический материал, лежащий в основе анализа в данном исследовании (это сплошная выборка из словаря Duden Universalwörterbuch (DUW), уточняемая по этимологическим, диалектным словарям и словарю иностранных слов), даёт, в частности, представление о направлениях и масштабе языковых контактов нижненемецкого с языками, с которыми он имел непосредственное и/или дистантное взаимодействие. Обращает на себя внимание тот факт, что из общего числа лексем, которые были выявлены в качестве заимствований в немецкий литературный язык из нижненемецкого и имеют

соответствующие пометы в DUW (см. *niederdt. Herkunft*), т. е. из 903 единиц, 123 лексемы являются, в свою очередь, заимствованиями в нижненемецкий из других языков. Это составляет 13,6% всего исследованного материала.

Однако вероятно, что было бы неверным только из этих количественных показателей делать вывод об исключительной контактной активности нижненемецкого. Следует также принимать во внимание семантику и структурные особенности такого рода лексики, «транслируемой» через нижненемецкий узус. В данном случае необходимо выяснить, заимствовались ли новые для лексико-семантической системы языка-реципиента денотаты, а вместе с ними соответствующие лексические единицы (принцип *Sach- und Wortentlehnung*), или заимствованные лексемы имели уже представленное в системе значение, что привело к перестройке существующей системы (принцип *Wortentlehnung*). Сохранили ли они затем в общенемецком узусе статус иноязычных единиц (*Fremdwort*)? Если речь идёт о заимствованиях первого типа, то в процессе их более поздней интеграции в лексическую систему общелитературного немецкого языка естественно могли заполняться аналогичные лакуны, т. е. они могли заимствоваться по тем же причинам, что и ранее в нижненемецкий язык.

Наиболее значительную часть заимствований, в которых нижненемецкий выступает как язык-посредник в отношении общенемецкого литературного языка, составляют заимствования из *нидерландского*. Они могут быть разделены на заимствования непосредственно из нидерландского и на заимствования, для которых нидерландский язык, в свою очередь, также выступал в качестве языка-посредника. Первая группа состоит из 36 лексем, что составляет 29,2% от всех иноязычных заимствований, представленных в исследованном материале, и 4% от общего объёма выборки. Вторая группа представлена 22 лексемами, т. е. составляет соответственно 17,9% и 2,4%. Всего из нидерландского в нижненемецкий было заимствовано 58 лексических единиц (47,1% и 6,4% соответственно).

Г. де Смет выделяет два канала проникновения нидерландизмов в нижненемецкий язык: устный и письменный [de Smet 1983: 731—753]. В рамках устного канала им рассматриваются три пути заимствования. Первый путь связан с участием нидерландских переселенцев вместе с немцами в колонизации восточных, занятых прежде славянами земель начиная с XII века. Точные места поселений именно выходцев из Нидерландов в наше время определить оказывается достаточно трудно из-за последующих процессов диалектного смешения. Однако данные исторических свидетельств, топонимы и значительное количество диалектной лексики нидерландского происхождения указывают на район стечения рек Эльба и Хафель, а также на возвышенность Флеминг, т. е. на земли к западу и юго-западу от Берлина как на основные области компактного поселения нидерландских аграрных колонистов.

Лексика, принесённая в основном переселенцами-крестьянами, охватывает такие тематические группы, как сельскохозяйственная деятельность, инструментарий, организация крестьянского подворья, некоторых животных и растения сельскохозяйственного назначения, а также, не в последнюю очередь, особенности местности и гидротехнические сооружения. В частности уже с начала XII в. жители Нидерландов привлекались к мелиорации обширных маршевых низменностей у рек Эльба и Везер¹. Однако этимологический словарь Фр. Клуге указывает лишь на лексему *Segge* *f* ‘осока’ как на слово, взятое из языка нидерландских переселенцев [Kluge 1975: 697]. Вероятно, что она явилось конкретизацией рода разнообразных многолетних трав, растущих по сырым местам (также камыш, сыть и др.).

В эту группу, вероятно, можно отнести и лексему *Pantine* *f* ‘тапочка, деревянный башмак’ (из фр. *patin* ‘обувь на толстой или на деревянной подошве’ через нидерл. *patijn*), что косвенно подтверждается её распространением в восточно-нижненемецком ареале и весьма ранним временем заимствования (уже к XV веку). Современные словари иностранных слов фиксируют данную лексему, преимущественно употребляемую в форме мн.ч. (*die Pantinen*), как иноязычную [Duden 1982: 559].

Семантика такой лексемы как *Miete* *f* ‘скирда, стог; покрытая сверху соломой яма с овощами, бурт’ (из лат. *mēta* ‘конусообразный стог’ [Дворецкий 1986: 483]) также позволяет предположить её заимствование в нижненемецкий по этому пути (нидерл. *mijt* ‘стог, скирда; куча, грудa (зерна); штабель, поленница’ [Миронов 1987: 436]).

Второй путь представляет собой дистантное заимствование в силу экономического и культурного превосходства Нидерландов в период их расцвета в XV—XVIII веках. Интенсивные нидерландско-нижненемецкие контакты в результате торговых связей возникают уже с началом ганзейского периода в истории нижненемецкого не позднее XIV века. Через этот канал в первую очередь заимствуется лексика, связанная с морским делом, а также торговыми связями. В выборе значительное число нидерландских заимствований представляет собой именно термины морского дела. Сюда относятся детали корабельного такелажа (нем. *Takelage* *f* < голл. *takel*, *takelage*), например: *Giek(baum)* *m* ‘(мор.) гик’, *Gording* *f* ‘(мор.) гордень’, *Kausch(e)* *f* ‘коуш (приспособление для укрепления стального подъёмного каната в виде кольца с пазом)’, *Talje* *f* ‘(мор.) таль, компактная подъёмная лебедка’ и причальные устройства типа *Duckdalbe* *f* ‘(мор.) швартовый пал; причальная свая, подпорная стена или эстакада’.

¹ Полосы плодородных болотистых низменностей, затопляемые в период высоководья (нем. *Marsch* (-en) *f*).

К средненидерландскому восходят также глаголы *labsalben* (срнидерл. *lapsalven*, букв. 'смазывать при помощи ветоши'), '(мор.) смолить; смазывать жиром (части такелажа)', *laviegen* (срнидерл. *lavegen*, *lovegen*, букв. 'поворачивать к ветру') 'лавировать; изворачиваться'. Последнее становится омонимичным термину итало-латинского происхождения, фиксируемому в современном узусе как заимствование, 'затушевывать нанесенные на рисунок краски, стирать их границы' [Duden 1982: 444]².

К этой группе, вероятно, можно также отнести глагол *gampronieren* (из фр. *gamproner* 'схватить с силой', через срнидерл. *gamproneren*) 'сильно повреждать, портить, приводить в негодность'. Глагол *gampronieren* был заимствован в немецкий язык во второй половине XVIII века как понятие, распространённое в языке моряков. В XIX веке он уже начинает употребляться в связи с товарами и лишь позднее в расширительном значении, независимо от предмета, также и в разговорном языке в значении 'подорвать (авторитет, здоровье)' [Девкин 1994: 574].

С развитием мореплавания связаны новые понятия и денотаты, обозначающие особенности рельефа береговой полосы, такие как *Кар n* 'мыс' (из нидерл. *kaar*, в свою очередь заимствованного из лат. *carut* через ит. *саро* и далее фр. *сар*), *Клирре f* 'утёс, риф, подводный камень'. С морскими традициями связано понятие *Кар(p)laken n* '(мор.) вознаграждение капитану за провоз груза' (ср. нидерл. композит *кар(ре)laken*, изначально 'материал на новую шапку').

К нидерландским названиям морепродуктов восходят *Granat m* '(зоол.) маленькая креветка' (из флам. *grenat*), омонимичное названию известного минерала темно-красного цвета латинского происхождения [Duden 1982: 286] и распространённая на нижней Эльбе в области Дитмаршен лексема *Краут m* '(собр.) крабы, креветки' (из срнидерл. *crevet*).

Третий путь представляло собой контактное заимствование в зоне пограничного взаимодействия, предпосылкой которого было, начиная с конца XVII века культурное и экономическое превосходство голландских провинций. Именно в «золотом» XVII веке Нидерландская республика стала одной из наиболее передовых европейских держав с высокоразвитыми торговлей и мореплаванием. Этот путь Г. де Смет называет *Negotie en Religie*, т. е. путь «торговли и религии», и подчёркивает его отличие от дистантных заимствований в результате торгово-экономической деятельности на морских путях в Северном и в Балтийском морях. Сюда включается, в частности, проникновение нидерландизмов в нижненемецкий в результате переселения подвергавшихся религиозным преследованиям ради-

² Примечательно, что не более 10% рассматриваемых лексических единиц отмечены современными словарями иностранных слов как иноязычные (*Fremdwörter*).

кальных сторонников реформированной церкви и сект в Восточную Фрисландию.

Сильные позиции нидерландского купечества и тесные экономические, политические, а в отдельных областях одновременно и религиозные связи с западными соседями обусловили трансляцию множества лексем в приграничные нижненемецкие диалекты. Однако показателен тот факт, что большинство заимствованных по этому пути слов не получают дальнейшего распространения на восток и закрепляются только в устных говорах на узкой полосе от Восточной Фрисландии на севере до области к западу от Мюнстера на юге. По этому пути, вероятно, произошло заимствование в XVIII веке и нидерл. *Polder m* 'обвалованная низина; низина, лежащая ниже уровня моря', получившего распространение на пограничных с Нидерландами восточно-фризских прибрежных низменностях.

Это же понятие обозначает и детализует лексема *Koog m* 'прибрежная полоса, отделённая от моря плотинами', также заимствованная из нидерландского (ср. нидерл. *sooch*, изначально означавшее 'возвышенность перед дамбой'; уже в XV—XVI вв. на нижней Эльбе — *koch*) и распространённая в основном на североморском побережье Шлезвига и Гольштинии. Корень *Koog-* прослеживается, в частности, в названии города Куксхафен (в 1570 г. зафиксировано в форме *Koogshaven*, т. е., по-видимому, 'гавань на отвоёванных у моря землях' либо 'гавань на возвышенности'). В литературный язык слово *Koog m* попадает благодаря литературной деятельности Теодора Шторма (1817—1888) в конце XIX века.

Кроме устного канала заимствования для средненижненемецкого периода оправдано выделение канала заимствования через письменные источники. Однако в отличие от первого канала, сохранявшего свою актуальность в течение нескольких столетий подряд, нидерландский мог оказывать влияние на письменно-литературную форму нижненемецкого лишь до времени угасания нижненемецкого территориального варианта письменно-литературного языка и смены его в официальных сферах языком верхненемецкого типа. Этот процесс в основном завершается к концу XVI века.

Влияние нидерландского языка на письменную форму нижненемецкого также осуществлялось различными путями. Наиболее раннее влияние отмечается в первых ганзейских текстах, в основном из Гамбурга, поскольку этот город довольно рано стал поддерживать с Фландрией торговые отношения и, в частности, заимствовал отсюда своё корабельное право. В дальнейшем существенную роль могла сыграть ганзейская контора в Брюгге, центре фламандской торговли, язык которой демонстрирует множество местных черт. Средневековое графство Фландрия — высокоразвитый регион, активно вовлечённый также в морскую торговлю в бассейне Атлантики и непосредственно граничащий с процветающей северофранцузской Пикардией, существовавший затем в составе Нидерландов и

впоследствии разделенный между Бельгией и Францией, — стало проводником романской лексики в нижненемецкий ареал.

С торговой деятельностью Ганзейского союза связано заимствование лексемы *Kontog n* ‘контора; торговое (зарубежное) представительство’. Французское существительное *comptoir* ‘касса, прилавок’ (от фр. *compter* ‘считать’) пришло в XIV веке через пикардийскую форму *comtog* в средненидерландский. Уже в XV веке эта лексема зарегистрирована в средненижненемецком сначала в значении ‘пульт, прилавок’, затем немного позже в значении ‘торговое представительство, (ганзейская) контора’. Из исторических источников ганзейские конторы известны именно как крупные заграничные многопрофильные торговые представительства, фактории и склады. Условно крайними точками, обозначающими пределы распространения торговой деятельности Ганзы, считаются ганзейские конторы в Лондоне (Стальной двор), в Великом Новгороде (Петрово подворье), в норвежском Бергене (*Tyskebygge*) и во фламандском Брюгге.

Глагол *liefern* ‘поставлять, доставлять’ также получает к 1400 г. распространение в качестве понятия ганзейской торговли. Он восходит к лат. *libero*, (-are) ‘освобождать’ [Дворецкий 1986: 450], приобретшему в средневековой латыни значение ‘отдавать, отсылать’, которое сохранилось во фр. *livrer* и было из французского заимствовано как срнидерл. *leveren*, затем срннем. *leveren*. Уже в XV—XVI вв. форма *li(e)bern* / *li(e)fern* встречается в верхненемецких текстах.

Существительное *Rosine f* ‘изюм, изюминка’ попадает в нижненемецкий язык благодаря сосредоточенной в Гамбурге посреднической торговле изюмом из Голландии. Срнидерл. *gosine* заимствуется в диалектной пикардийской форме *gosin* из старофранцузского языка и восходит к лат. *gasētus* ‘ягода, виноградаина, лоза’ [Дворецкий 1986: 648].

Примечательно, что латынь и восходящие к ней генетически романские языки (особенно французский) являются основными языками-источниками при заимствовании новой лексики в нидерландский, которая позднее проникает в нижненемецкий, а в процессе формирования лексической системы немецкого литературного языка находит в ней своё особое место.

В ряде случаев географический путь заимствования проходит через старую нижнефранкскую область на нижнем Рейне. Так, раннее романское заимствование стфр. *haste* (фр. *hâte*), германское по происхождению, приходит в нидерландский в форме *haast*, откуда через нижнефранкский попадает в нижненемецкий. В верхненемецком источнике слово *Hast f* ‘спешка, суета’ впервые употреблено поэтом Г. Ролленхагеном в 1595 г.

Лат. *sortina* ‘свод’ → ‘занавеска, полог’ (нем. *Gardine f* ‘гардина, (прозрачная) занавеска’) [Дворецкий 1986: 205], встречающееся в этом значении еще в латинском переводе Библии (*Vulgata*), даёт диалектную французскую форму *gordene*. К ней восходит среднени-

дерландская лексема *gordine*, которая в конце XV века зафиксирована в области Клеве и в Кёльне в форме *gardyn* со значением 'полог кровати'. В XVII веке впервые эта лексема приобретает статус литературной единицы, но фиксируется современными словарями по-прежнему как иноязычное слово [Duden 1982: 270].

Известная лексема *Uhr f* 'час, часы' восходит к лат. *hōra* 'время' и к греч. *ώρα* 'час, время' [Дворецкий 1986: 366]. Позднелатинская форма *ora* 'предел' через стфр. *(h)ore* приходит в средненидерландский, где она зафиксирована как *ure*. С XIV века это заимствование распространяется из нижнерейнской области как вверх по Рейну, так и далее в самой нижненемецкой области. Параллельно вплоть до XVI века существует форма *(h)ore*, фиксируемая у Мартина Лютера как *hog(a)*. Значение 'часы' является более поздним, а в нидерландском языке известно с XVI века.

В качестве термина нижнерейнской торговли в нижненемецкий около 1400 г. попадает лексема *Profit m* 'прибыль, барыш, (материальная) выгода'. Направление её распространения до этого момента следует уже рассмотренной выше трехступенчатой схеме от латинского прототипа *rgōbectus* 'прибавление, преимущество' [Дворецкий 1986: 622] через фр. *profit* 'прибыль' и срнидерл. *profijt*. В верхненемецком языке она появляется не раньше середины XVI века и продолжает фиксироваться современными словарями как иноязычное слово [Duden 1982: 625].

В трёх случаях романская лексика послужила не источником формального заимствования, а образцом собственно нижненемецких новообразований на романской семантической основе. Так, существительное *Gegner m* 'противник, оппонент; неприятель' (срннем. *gegenege*) представляет собой кальку с лат. *adversārius* 'противник' [Дворецкий 1986: 30] на основе срннем. глагола *gegene* 'идти навстречу, встречать', получившую в XIV веке распространение в языке права северной Германии. В верхненемецком эта лексема встречается лишь с XVII веке.

Глагол *swanen* 'казаться', употребляющийся в сочетании с дательным падежом логического субъекта, например *mīg swant / es swant mīg* 'я предчувствую, мне кажется', согласно этимологическим данным словаря Duden (DUW), является калькой с лат. *mihi olet* 'я чувую, чувствую', основанной на созвучии латинского глагола *oleo*, -ге 'чуять, нюхать' и существительного лат. *olug* 'лебедь' и омонимичного ему *olug* 'запах' (ннем. *swan*, отсюда срннем. *swanen* 'предчувствоваться, ощущаться') [Дворецкий 1986: 535—536].

Несколько другое толкование представлено в этимологическом словаре Фр. Клуге [Kluge 1975: 688]. В нём форма *swanen* возводится к перемещению границы слога/слова в конструкции типа: *es (Gen.) wanet mīg*. Предположение о том, что данное выражение основывается на мифологическом представлении о лебеде как птице, предсказывающей будущее, авторами современных этимологических

словарей не разделяется. В верхненемецком языке глагол *schwanken* представлен уже в первой половине XVI века.

Подобным же образом одно из значений лексемы *Sicht f* ‘предъявление (векселя)’, возникшее ещё в ганзейский период, восходит к итальянскому торговому термину *a vista* ‘по предъявлении’ и встречается в формулировках XV—XVI вв. типа *up sichtt* ‘по предъявлении’, *acht dage nae sichtte der handtt schryfft* ‘через восемь дней по прочтении письма’. Вслед за нижненемецким это значение в XVI веке приходит в верхненемецкий, например *nach Sicht des Wechselbrieffs* ‘по предъявлении векселя’. В XVII веке развивается новое значение ‘срок погашения векселя’ (ср. нем. *Wechsel auf lange / kurze Sicht* ‘(ком.) долгосрочный / краткосрочный вексель’), на основе которого возникает устойчивое сочетание *auf lange / kurze Sicht* ‘с расчётом на долгий / краткий срок’.

В рамках североморского языкового ареала нижненемецкий уже в дописьменную эпоху на стадии его формирования из племенных диалектов был включён в контакт с фризским языком. Однако древнефризский язык до XIII века представлен лишь небольшим количеством рунических надписей, топонимов и антропонимов. Поэтому для доказательства факта заимствования оказывается возможным привлечь лишь достаточно поздний материал. В то же время языковые контакты с фризскими диалектами должны были быть достаточно обширными, особенно учитывая их изначальное повсеместное распространение по всей прибрежной территории Северного моря от устья Рейна до нынешней датско-немецкой границы.

В исследованном материале представлены 7 лексем, заимствованных из *фризского языка*, что составляет 0,8% от общего объёма исследованного материала и 5,7% от количества лексем, для которых нижненемецкий стал промежуточным этапом в ходе их интеграции в лексическую систему общенемецкого языка. Но более точная географическая атрибуция фризских заимствований оказалась возможной только в двух случаях.

Так, в восточно-фризских диалектах в области между реками Эмс и Везер распространена лексема *Kügge f*, обозначающая особого рода обкидную сеть, предназначенную в основном для придонного лова ракообразных. Вдоль североморского побережья Шлезвига находятся затопляемые во время штормового прилива острова Халлиген (топоним *Halligen*), название которых происходит от севернофризского слова *halig* ‘затопляемый остров’ (от сев.-фриз. *hall* ‘сухой, высохший’). Лексема *Hallig f* ‘не защищённый от волн островок’, вошедшая в литературный стандарт к XVIII веку, в немецком языке обозначает исключительно природный феномен особых островов такого рода в прибрежной части Северного моря.

Прилагательное *deftig* ‘увесистый; грубый; сильный; дельный’ появляется во фризско-голландских диалектах в XVII веке в первоначальном значении ‘статный’, затем — ‘важный, весомый’ и быстро

распространяется на восток вдоль побережья и вверх по течению Рейна. Значение 'сильный', по мнению издателей-редакторов этимологического словаря Фр. Клуге [Kluge 1975: 124—125], могло возникнуть под воздействием созвучного немецкого прилагательного *kräftig*.

Из фризского в нижненемецкий и нидерландский языки приходит лексема дрфриз. *eilant* > нем. *Eiland* *n* '(поэт.) небольшой остров'. Фризское слово-компонит состоит из элемента *ei* 'остров', представленного в нем. *o[ge]*, *och*, *oie* (ср. названия Восточно-фризских островов *Norderney*, *Langeoog*, *Spiekeroog*; дрисл. *ey*, дат. *ø*), и уточняющего элемента *-lant* 'земля'. Свн. *ouwe*, сочетающее значения 'вода', 'земля у воды, влажный пойменный луг', имеет, таким образом, срнем. соответствие с вариантами *eilant*, *elant*, *olant*, *einlant* и *siglant*, вошедшее в 17 веке в литературный язык.

Лексемы *Bake f* 'бакен, буй' (из фриз. *baken*, *beken*), *Schlot m* 'небольшой отводной канал за внутренней дамбой' (дрфриз. *slat*, срнем. *slot*) и *Siel m, n* 'водоспуск, (канализационный) коллектор' свидетельствуют о знакомстве жителей северной Германии именно благодаря фризам с некоторыми навыками каботажного (внутреннего) мореходства и с особенностями строительства гидротехнических сооружений на морском побережье.

В отличие от ряда этимологических словарей, словари серии Duden и Фр. Клуге помечают как фризскую также лексему *Fracht f* 'груз, грузоперевозка', вошедшую в литературный язык в XVI—XVII вв. [Kluge 1975: 214].

Исторически племена германцев-ингвеонов находились с древнейших времен в ближайшем соседстве и в наиболее непосредственном общении на побережье Северного моря, на островах и в Ютландии с германцами-скандинавами. Контакты нижненемецкого со скандинавскими языками представлены девятью лексемами, что составляет 1% всего объема выборки или 7,3% лексического фонда, вошедшего в немецкий литературный язык при посредничестве нижненемецкого. Большинство из них отражает специфику связей северной Германии со Скандинавией, основывавшихся на морской торговле и технологиях.

Так, кораблестроительный термин *Kielschwein n*, представленный в русском языке в англоязычной форме *кильсон*, заимствован из шведского *kölsvin* (более ранняя форма композита *kölsvill* из сканд. *kjöl* 'киль' и *syll/svill* 'несущая балка, порог') в форме *kolswinn/kolsem*. В XVIII веке он встречается в верхненемецком языке в ещё не дифтонгизированной форме *Kielschwin*.

Лексемы *Förde f* 'узкий, мелководный залив, фиорд' (в литературном языке из нижненемецкого лишь в XIX веке) и *Riff n* 'риф, подводный камень' (от сканд. *gíf* 'ребро', заимствование XVII в.) характеризуют черты типичного для Скандинавии прибрежного ландшафта, мелководья и гидрологии, осложняющие судоходство.

Последняя лексема становится в языке новейшего времени частично омонимичной англо-американскому Riff *m* ‘интенсивный повтор мелодической фразы’, маркируемому уже как иноязычное [Duden 1982: 673].

Лексема Daune *f* ‘пух’ (от сканд. dúnn) представлена как сама по себе, так и в более частотном композите Eiderdaune *f* ‘гагачий пух’ (исл. æðardúnn из сканд. æðg ‘гага’). Дифтонгизированная форма Daune *f* появляется впервые в 18 веке, но до этого в словарях отмечено ещё как Dunen.

С рыболовным и китобойным промыслом в Северном и в Норвежском морях и с рыбной торговлей связано заимствование лексем Dorsch *m* ‘навага; треска’ (из исл. þorskr, вероятно родственного русск. ‘треска’) и Wall *m* ‘восемьдесят штук’ (дат. или дршв. val ‘палка, шест’), т. е. количество рыбы, которую можно подвесить для вяления на одну палку (ср. zwei Wall(e) Heringe). Последняя образует омонимические отношения с древним латинизмом Wall *m*, мн. ч. Wälle ‘вал, (укрепленная) насыпь’ и с Wall *m* ‘кипение (жидкости)’, а также омофонична архаичному Wal *f* ‘(поэт.) поле брани, битвы’ и наименованию кита Wal *m*.

Интересна лексема Walrat *m, n* ‘спермацет (добываемое из головы кита воскоподобное вещество, применяемое в фармацевтической и косметической промышленности)’. Вторая часть лексемы-компози-та –rat, восходящая к дрсканд. raf ‘(желтый) янтарь’ (из дат.-норв. hvalrav < сканд. -raf ‘амбра’), под влиянием срннем. rat ‘помощь, совет’ в нижненемецком была переосмыслена и трансформировалось в walrat, поскольку данное вещество считалось также целительным средством³.

Наконец, шесть лексем представляют собой заимствования из *славянских* языков, пришедшие через посредство нижненемецкого. Все они представляют собой заимствование иноязычного слова вместе с соответствующим денотатом. Так, важную историческую реалию средневекового права представляет собой архаизм Staure / Stäure *f* ‘публичное телесное наказание, порка у позорного столпа, бичевание’; Staup *m* ‘розга’. Данная лексема, очевидно, восходит к слав. *стъльпъ ‘(позорный) столп’, что косвенно подтверждается срннем. sture ‘колонна или столб, к которой привязывается преступник для публичного бичевания’⁴. На раннее проникновение в нижненемецкий указывает фиксация лексемы в древнефризском, например в местном правовом уложении отмечается: Frisa skilun wesa uter stok and uter stupa ‘Фризы не должны подвергаться битью палками и публичному бичеванию’.

³ Амбра (от араб.) — воскоподобное вещество, образующееся в пищеварительном тракте кашалота и используется в парфюмерии (как закрепитель аромата духов).

⁴ Возможно, что это применялось как наказание в отношении нечестных иноземных купцов-иноверцев.

Отражением славяно-германских контактов в практике речного судоходства на Эльбе является заимствование лексемы *Prahm m* 'паром, баржа' (из дрчеш. *prám*, ср. русск. паром в полногласной форме) для обозначения особого типа плоскодонного судна для перевозки грузов по реке. Современные словари отмечают ее как иноязычную лексему (чешск.) [Duden 1982: 616]. Но этимологический словарь В. Пфайффера указывает на использование этого типа судов и в ганзейской торговле, с чем связывается более раннее распространение лексемы на побережье Северного и Балтийского морей и в нижненемецком языке [Pfeiffer 1989: 1309].

Развитие ганзейской торговли на Руси, с которым связано и существование принадлежавшего сообществу немецких купцов Петрова подворья в Великом Новгороде, обусловило возможность взаимодействия нижненемецкого напрямую с древнерусским. В результате торговой деятельности нижненемецкий обогатился целым рядом русских слов [Сквайрс, Фердинанд 2002]. Тем не менее основная масса этих заимствований уже ко времени формирования лексической нормы немецкого языка обозначала понятия, более не соответствовавшие уровню развития материальной культуры. Вероятно, поэтому в исследованном лексическом материале представлены только две лексемы, для которых географически определённым языком-источником является *древнерусский*.

Так, название ценной промысловой рыбы срннем. *serte*, *czerte* заимствуется в общенемецкий в XVIII веке в форме *Zärte f* '(зоол.) сырьё, рыбец (семейство карповых)'. К торговле продуктами кожевенного производства восходит срннем. *juften*, позднее *juchten* 'юфть (специально выделанная кожа крупного домашнего скота)'. В немецком языке лексема *Juchten m, n* приобретает значение 'берёзовый дёготь, его запах', т. е. вещество, схожее по запаху со свежей юфтью, обрабатываемой комбинированным дублением. В русском языке слово *юфть*, в свою очередь, появилось из тюркско-татарского, куда оно пришло из персидского языка — *ğift* 'пара', поскольку кожи дубились попарно.

Вероятно, что из *сорбского* языка было в XV веке заимствовано название *Zander m* 'судак'. Эта ценная порода рыбы отряда окунеобразных, которая широко распространена в реках между Эльбой и Вислой, в нижнесорбском называется *zanar*, *zandor*, а в верхнесорбском — *sandak*. Словари указывают для средненижненемецкого форму *sandat*. В конце XVIII века в произведениях Иоганна Генриха Фосса (1751—1826) употребляется форма *Sandart*, что может объяснить последующее отпадение конечного *-t* как пример апокопы.

П. фон Поленц высказал мнение, что нижненемецкий благодаря типологической близости к англо-саксонскому также «подготовил базу» для проникновения начиная с XVII века заимствований из *английского* в общенемецкий литературный язык. В частности, в ситуации влияния на немецком севере английской революции

1640—1649 гг., через посредничество Гамбурга, где рано возникла британская торговая колония, и Ганновера, состоявшего в сепаратной унии с Великобританией⁵ [von Polenz 1978: 139]. Данная гипотеза заслуживает, однако, отдельного рассмотрения.

Достаточно заметный пласт иноязычной лексики, вошедшей в немецкий язык через посредничество нижненемецкого, свидетельствует о значительной контактной и посреднической активности последнего. Семантика «транслированных» заимствований показывает, что немецкий язык в основном ассимилирует в свою лексико-семантическую систему единицы, необходимые для описания до того времени недоступных и потому новых объектов действительности. Доля среди этих единиц, маркированных словарями в современном языке как иноязычные, незначительна. За счёт одновременного заимствования денотата и обозначающего его эти слова заполняли определенные лакуны в системе и имели определенную словообразовательную активность (композицы). При этом не происходит значительной реорганизации уже существующей лексической системы, поскольку заимствованное понятие не было представлено в исходной системе и многие из данных лексем не являются единицами общеупотребительного фонда.

Абсолютное доминирование нидерландской и «транслируемой» через нидерландский язык иноязычной лексики не находит достаточного объяснения исключительно в его структурной близости с нижненемецким. Очевидным представляется факт культурного доминирования, что подтверждается ролью нидерландского при распространении романской лексики и культурно-экономического влияния, начинающегося с ганзейского периода. Освоение новых реалий в процессе торгово-экономической деятельности отражается в специфике семантической структуры заимствованной лексики. Определённое значение, очевидно, имеют и временные границы контакта. Так, активное взаимодействие нижненемецкого языка с фризским и со славянскими языками по причинам экстралингвистического характера можно считать уже законченным к концу средне-нижненемецкого периода.

Интенсивные языковые контакты нижненемецкого с языками и лингвокультурами граничащих с ним регионов в результате торгово-экономической деятельности и колониальной активности Ганзы с XVI века обусловили его посредническую роль при трансляции определенной группы иноязычной лексики в общенемецкий язык. Особую интенсивность при этом имели контакты с особенно сходным в типологическом отношении нидерландским языком.

⁵ В 1741—1901 гг. представители т. н. ганноверской династии английских королей были с 1698 г. также курфюрстами Ганновера.

Литература

- Девкин 1994 — *Девкин В. Д.* Немецко-русский словарь разговорной лексики. М., 1994.
- Дворецкий 1986 — *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 1986.
- Дубинин, Тетеревёнков 2011 — *Дубинин С. И., Тетеревёнков А. Е.* Лексика нижненемецкого происхождения в современном немецком литературном языке. Самара, 2011.
- Зеленецкий 1992 — *Зеленецкий А. Л.* Истоки немецкого языка. Калуга, 1992. Ч. 2.
- Миронов 1987 — Нидерландско-русский словарь / Под. рук. С. А. Миронова. М., 1987.
- Сквайрс, Фердинанд 2002 — *Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н.* Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002.
- Duden 1982 — *Duden Fremdwörterbuch* / Hrsg. und bearb. vom wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1982.
- Duden 1996 — *Duden Deutsches Universalwörterbuch* / Hrsg. und bearb. vom wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1996.
- Kluge 1975 — *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21. Aufl. Berlin, 1989.
- von Polenz 1978 — *von Polenz P.* Geschichte der deutschen Sprache. Berlin; New York, 1978.
- Pfeiffer 1989 — *Pfeiffer W.* Etymologisches Wörterbuch des Deutschen, in 3 Bänden. Berlin, 1989.
- de Smet 1983 — *de Smet G.* Niederländische Einflüsse im Niederdeutschen // *Handbuch zur niederdeutschen Sprach- und Literaturwissenschaft* / Hrsg. von G. Cordes und D. Möhn. Berlin, 1983. S. 721—761.

ZUSAMMENFASSUNG

Niederdeutsch als Mittlersprache

Im Aufsatz wird die historische Mittler-Rolle des Niederdeutschen beim aktiven Transfer der Entlehnungen aus dem Niederländischen, Friesischen und anderen Nachbarsprachen in die deutsche Literatursprache bestimmt. Es werden dabei ca. 120 fremdsprachige Lexeme analysiert, die durch den niederdeutschen Gebrauch ins moderne Hochdeutsch gekommen sind.

Б. А. ДЮБО

(С.-Петербургский академический университет РАН)

РОЛЬ ДИХОТОМИЙ В ФИЛИППО-РАМИСТСКОМ ГИБРИДЕ НЕМЕЦКОЙ ГРАММАТИКОГРАФИИ

Дихотомия — деление объема понятия на две взаимоисключающие части. Деление проводится по одному основанию — наличие или отсутствие некоторого признака. Это понятие используется при решении проблем в языкознании — дихотомия: язык и речь — и в элементарной грамматике для большей простоты, например полнозначные (знаменательные) и служебные слова, артикль определенный / неопределенный, имена собственные и нарицательные.

Мнемотехнические приемы, в том числе дихотомическая организация сложных реальных взаимосвязей, встречаются в сочинениях многих авторов как в гуманитарных, так и естественных науках. Это явление, конечно, не новое. О приемах мнемонического характера писал еще римский ритор Марк Фабий Квинтилиан (35 — ок. 96), советовавший мысленно представлять страницу или дощечку, на которой записана речь [см. Йейтс 1997: 297 и сл.; Gadebusch-Bondio 2005: 189—190].

В исследовательской литературе, посвященной немецкой грамматикографии XVI—XVII вв., отмечается влияние, оказываемое на нее со стороны латинской и французской грамматик П. Рамуса (1515—1572), видного представителя протестантского гуманизма, гугенотского философа. Исследователи обращают внимание прежде всего на влияние рамусовского метода дихотомий в изложении материала [Jellinek 1913: 123; 1914: 3]; [Moltmann 1957: 301; Gardt 1998: 342; Jaumann 2004: 542], он обнаруживается, как правило, в композиции грамматик и при описании примет частей речи и получает в литературе название рамизм. С конца XVI в. рамизм означает большей частью стремление упростить из педагогических и дидактических соображений все области знаний путем составления диаграмм, прежде всего типичных для них дихотомий понятий [см.: Jaumann 2004: 542].

Задачей данной статьи является показать на материале немецких грамматик XVI—XVII вв., в какой мере, с какой целью, в каких типах грамматик, для объяснения каких именно явлений, каким образом использовался гибридный подход к описанию немецкого языка с превалированием рамистского метода дихотомий.

Наличие дихотомических оппозиций ассоциируется с именем Рамуса, но первые его работы, однако, их не содержали, в то время как, например, составленный Георгием Мейером (Georg Major) конспект учебника по риторике Меланхтона, издававшегося десятки раз в период с 1526 по 1561 г., включал в себя именно дихотомические таблицы [Freedman 2001: 83—84]. Были у Рамуса в Германии и другие предшественники, например Авентин (1477—1534), который в своей грамматике [Aventinus 1517], говоря о способе расположения материала, отмечает, что еще до него изобретением немцев, в том числе и при написании грамматик, является т. н. метод таблиц [Müller 1882: 263—264]. Впервые педагогически привлекательные заключенные в скобки таблицы дихотомий появляются в работе Рамуса «Обучение диалектике» (*Dialecticae institutiones*, 1543) [Ong 1958b: 199—200].

Что способствовало распространению рамусовской дидактики, его дихотомий?

Влияние П. Рамуса в Германии особенно усилилось после того, как в 1561 г. он оставил католическую церковь и стал кальвинистом, что сразу ввело его в круг представителей немецкой Реформации. В 1572 г. Рамус пал жертвой религиозного фанатизма в знаменитую Варфоломеевскую ночь. Религиозно-философское направление рамизм нашло распространение прежде всего в гуманистических протестантских кругах кальвинистского толка, в основном в реформатских (кальвинистских) учебных заведениях северо-запада Германии [см. Moltmann 1957: 296].

В реформаторской среде между лютеранами и кальвинистами существовали определенные религиозные противоречия. Кальвин пошел значительно дальше немецкого реформатора Лютера, частично сохранившего не противоречившие Библии традиции и церемонии, и еще больше упростил пышный католический культ и богослужение. Он убрал из церкви все, что напоминало о католичестве: иконы, кресты, церковные украшения. Кальвинизм, как крайне радикальное реформационное движение, явился религиозной основой прагматизма, характеризуется склонностью к рационализму и часто недоверием к мистике.

Несомненно то, что искусство памяти, основанное на лишенном образов диалектическом порядке как подлинно естественном порядке мышления, хорошо согласуется с кальвинистской теологией» [Йейтс 1997: 303]. Рамисты переносят на печатную страницу мысленно упорядоченные и схематизированные планы рукописей. В качестве «естественного» стимула памяти функционируют уже не броские эмоциональные образы, а абстрактный порядок диалектического анализа [Йейтс 1997: 299]. Успех рамизма объясняется «тем, что в нем содержится особый способ внутреннего иконоборства, имеющего много общего с иконоборством внешним. Со старухой Грамматикой, изображавшейся на порталах некоторых церквей в окру-

жении свободных искусств, в стране с сильными протестантскими корнями следовало обойтись так же, как обошелся с нею рамизм. Ее следовало разнести вдребезги» [Йейтс 1997: 300].

Изменения учебных планов в образовательных учреждениях с учетом грамматик Рамуса или его последователей встречало в Германии сильное противодействие со стороны сторонников лютеранина Филиппа Меланхтона (1497—1560). Великий немецкий богослов, философ, педагог Меланхтон, ставший после смерти Лютера в 1546 г. главой протестантов в Германии, пытался приспособить свои гуманистические идеи к лютеровской теологии. Его влияние в вопросах теологии и образования было огромным. Не случайно он получил почетное звание «Учитель Германии» (*Praeceptor Germaniae*). Его латинская грамматика стала главным учебником латинского языка в Германии. Поэтому когда ректор школы в Шмалькадене (сегодня это Тюрингия) Лазарь Шенер (*Lazarus Schöner*) пытался ввести в 1569 г. в учебный процесс грамматику Рамуса, то такие изменения вызвали недовольство деятелей церковной и школьной реформы земли Гессен, и 12 июня 1570 г. он был уволен из школы. [Friedrich 2000: 721—722].

Тем не менее идеи Рамуса получили широкое распространение, и не столько благодаря своим достоинствам, сколько в силу своей простоты. Период конца XVI — начала XVII вв. — это время, когда в центральной Европе методические взгляды в педагогике и вообще в науке определялись эклектической филиппо-рамистской традицией. В изданиях по грамматике, риторике и логике как кальвинистские, так и лютеранские авторы считали полезным использовать произведения Меланхтона и Рамуса совместно друг с другом [Freedman 2001: 86]; [Bauer, Mahlmann, Seifert 2000: 87]. В протестантской Германии из полурамистов, стремившихся сочетать и примирить логику Рамуса с логикой Меланхтона, можно упомянуть марбургского профессора Рудольфа Гокления (*Rudolph Göckel (Goclenius)*) [Маковский 2004: 290].

В грамматикографии эклектический подход проявляется уже в названии гибрида «*Grammatica Latina Philippo-Ramea*» [1591]. «Латинская грамматика похожа на филиппо-рамистские диалектики. Очевидны ее отличительные свойства: рамусовское разделение на две книги, она не следует четырем книгам Меланхтона, а восемь частей речи Меланхтона заменяют рамусовские четыре. Воспроизведен в значительной степени текст Рамуса» [Ong 1958a: 319—320]. Комментатор и издатель многих трудов Рамуса Иоганн Фрегиус, ограничиваясь, подобно Рамусу, в основном морфологией, вводил в свои грамматики [Freig 1580] рамистские дихотомические схемы [Mährle 2000: 237—238].

Таким образом, во второй половине XVI в. было подорвано преимущественное положение Меланхтона в Германии. Что касается педагогических взглядов Меланхтона, то наряду с ними

прочное место занимают и педагогические воззрения Рамуса [Friedrich 2000: 717].

Метод дихотомий используется не только в латинских грамматиках, но и в грамматиках на немецком языке, появившихся в I-й половине XVII в., например в универсальной грамматике „Allgemeine Sprachlehr“ великого немецкого дидактика XVII в В. Ратке [Ratke 1619a], который, кстати, и ввел впервые в научный оборот термин «дидактика»¹. Ратке был убежденным лютеранином, выступавшим против всех других утвердившихся в Германии религиозных конфессий. Естественно, что Ратке отрицал влияние на него кальвиниста Рамуса, но все же придавал большое значение дихотомическим подразделениям в учебных целях [Vogt 1894: 194].

В сравнении со своими, в частности немецкими, последователями, Рамус довольно органично вставляет дихотомии в текст грамматик. Они помогают, а не препятствуют восприятию материала, например: „Combien a elle de parties? Deulx, Etymologie & Syntaxe“ [Ramus 1587: 15]; „Le mot est avec nombre ou sans nombreavec-sans nombre“ [Ramus 1587: 69].

Механическое подражание дихотомическому методу доводилось иногда до абсурда, например в немецкой грамматике Гвейнца [Gueintz 1641] разветвленность проходила на уровне от 6 до 15 [см. Hundt 2000: 149], что делало текст необозримым и затрудняло понимание

Дихотомическое разветвление имеет в научной литературе синоним «рамификация». Несмотря на ложные этимологические ассоциации (фамилия Ramus и лат. ramus 'ветвь', к которому восходит термин «рамификация») он вполне мог бы характеризовать, на наш взгляд, дихотомическую схему расположения грамматического материала. Таким образом удалось бы избежать употребления слова «рамизм», который, как мы отмечали, встречается в таком случае в лингвистической литературе.

Дело в том, что рамизм — это религиозно-философское учение Рамуса, критически относящееся к логике, диалектике и философии Аристотеля. А последовательное деление целого на части — лишь одна, а именно дидактическая, составляющая рамизма, ее задачей было улучшение образования, предоставление нового и более качественного способа запоминания. Именно богатые возможности визуального представления материала заимствовали немецкие учебники из грамматик Рамуса, в которых он расположил материал согласно логическому методу дихотомий, соответствующему его философской системе. Но дихотомия — лишь инструмент познания, позволяю-

¹ Именно в написанном сотрудниками Ратке теологом Хр. Хельвигом и философом И. Юнгом сочинении «Краткий отчет из дидактики, или Искусство обучения Ратихия» впервые был введен в научный оборот термин «дидактика», который восходит к греческому didaktikos 'поучающий' [Helwig, Jungius 1613].

щий увидеть и описать грамматические феномены в дискретных величинах, а не их суть.

Рамизм как философское учение проявляется прежде всего в грамматической теории Рамуса, поскольку в рассматриваемый период, как и в средневековье, сохраняется связь представлений о языковой системе, в том числе и о грамматике, с философией, логикой и риторикой. Как писал А. Мейе, грамматика в каждом веке соответствует философии этого столетия („chaque siècle a la grammaire de sa philosophie” [Meillet 1982: VIII].

В грамматике следует различать, с одной стороны, концепцию грамматической теории, отражающей грамматическое описание отдельного языка, благодаря которой по возможности устанавливаются границы между языковыми явлениями и сам факт их существования в соответствующем языке, и, с другой стороны, порядок представления грамматических феноменов. Композиция учебника по грамматике еще не дает представления о заложенной в него грамматической концепции.

Две главные позиции в теории познания отмечаются и находят свое развитие в истории языкознания с очень давних времен.

Одна позиция — это взгляды Боэция (ок. 480—524), который перевел некоторые произведения Аристотеля на латинский язык, и благодаря этому получило распространение аристотелевское разделение слов на логической и семантической основе (логико-ономазилогическое направление) [Albrecht 1999: 192—194].

Соотношение звукового языка и ментальной структуры есть наиболее общая предпосылка аристотелевского рассуждения о языке. Аристотель признает за словами как знаками в первую очередь семиотическую функцию. При этом вещи и представления, которые у нас о них возникают, категориально одинаковы для всех, и все языки содержат те же самые категории и структуры. Языки соответствуют структурно реальности и мышлению. В появившихся в XVII в. французских общих грамматиках в одних подчеркивается сильнее отношение к реальности, а в других — к мышлению [Weiß 1992: 19]. Рассуждения Аристотеля представлены в известном фрагменте работы «Об истолковании» (De Interpretatione)²:

Меланхтон приспособливает логику Аристотеля к задачам лютеранской педагогики. Научным методом для Меланхтона становится диалектика — «искусство из искусств, наука наук, она прокладывает путь к основам всех методов (...) диалектика есть искусство или

² Итак, то, что в звукосочетаниях, — это знаки представлений в душе, а письмена — знаки того, что в звукосочетаниях. Подобно тому, как письмена не одни и те же у всех [людей], так и звукосочетания не одни и те же. Однако представления в душе, непосредственные знаки которых суть то, что в звукосочетаниях, у всех [людей] одни и те же, точно так же одни и те же и предметы, подобия которых суть представления [Аристотель 1978: 93].

путь, чтобы учить по-настоящему, упорядоченно и понятно»³. В своей грамматике Меланхтон во многом опирался на логику Аристотеля как на метод изложения грамматических категорий и нередко использовал грамматические категории, восходящие к Аристотелю. Меланхтон выводит языковые элементы дедуктивным путем сообразно с онтологическими данными, стремится к изоморфии онтологической и грамматической системы при определении частей речи. В основе определения частей речи у Меланхтона лежат семантические признаки, которые превалируют в сравнении с формальными признаками. Например, определяя имя, он отказывается от формальных признаков и не включает в определение такие акциденции, т. е. словоизменительные грамматические категории, присущие частям речи, как склонение, род, число и т. п.: «Имя есть часть речи, обозначающая предмет, но не действие»⁴.

Не будет преувеличением сказать, что его категориальные правила по сути своей — прообраз принципов грамматического описания в общих (универсальных) грамматиках, наиболее известной из которых была грамматика Пор-Рояля, созданная в 1660 г. — более чем через столетие после смерти Меланхтона. Кстати, сам термин «универсальная грамматика» в латинском варианте *Grammatica Universalis* появился впервые в Германии у В. Ратке [Ratke 1619b] и К. Хельвига [Helwig 1619] в 1619 г. Во Франции он находит употребление значительно позже у Антуана Кур де Жебелена [Gébelin 1774] в 1774 г., в Англии с 1751 г. у Джеймса Харриса в сочинении «Гермес, или Философские исследования универсальной грамматики» [Harris 1751] [см. Augoux 1983: 2; Weiß 1992: 74]. Справедливы слова Ю. С. Степанова: «Своеобразие грамматических учений Пор-Рояля в настоящее время кажется сильно преувеличенным. Скорее, мы должны рассматривать их как блестящий этап в долгой предшествующей традиции» [Степанов 1985: 108].

Другая позиция в теории познания, отмечаемая в истории языкознания начиная с Дионисия Фракийца (II в. до н. э.) и Аполлония Дискола (II в. н. э.), — это формально-семасиологическое направление [Albrecht 1999: 192—194]. Наука о языке в Германии XVI—XVII вв. все больше обращается к новым эмпирическим данным и отходит от традиционного канона логики, грамматики и риторики, ориентированных на греческий, а в еще большей степени на латинский язык [Neumann 1991: 265.]. Эмпирический характер имеет, например, грамматика Риттера [Ritter 1616], учитывающая прежде всего формальные признаки (подробнее см. [Djubo 2008/2009: 102 и. ф.]). Однако все же в немецких грамматиках на тот момент по-прежнему

³ *Dialectica est ars artium, scientia scientiarum, ad omnium methodorum principia viam habens. (...) Dialectica est ars seu via, recte, ordine, et perspicue docendi* [Melanchthon 1547: 515, 513].

⁴ *Nomen est pars orationis, quae rem significat, non actionem (...) ut Homo, Equus, Animal* [Melanchthon 1561: 13].

превалирует предпочтение семантико-онтологическим принципам, методу грамматического исследования, ориентированному на освоение языка как идеальной логической и грамматической системы, предполагавшей тождественность грамматического устройства разных языков.

Рамус при изложении грамматики исследовал и систематизировал исключительно формальные средства языка. Он не хуже Меланхтона понимал необходимость коренного обновления всей школьной системы, изгнания из нее схоластики и введения новых методов обучения, основанных на сознательном усвоении знаний. В сочинениях 1543 г. «Подразделение диалектики» (*Dialecticae partitiones*) и «Порицание Аристотеля» (*Aristotelicae animadversiones*) Рамус обвинил перипатетиков в том, что логика «непрактична», запутана и не соответствует естественному ходу мышления, что материал у Аристотеля был недостаточно организован «методически» [см. Матвиевская 1981: 89; Мак-Люэн 2003: 258].

Основным принципом в развитии философских и религиозных воззрений Рамуса было освобождение от авторитета схоластических традиций и переход к объективному эмпиризму. Рамизм означал с точки зрения философии и методики наступление эмпирии на схоластицированного *Аристотеля*. Практическая направленность и то, что Рамус придавал большое значение опыту, были в последующее время залогом успеха его диалектики [Bauer, Mahlmann 2000: 833, 836].

Рамусу принадлежит заслуга написания одной из первых грамматик французского языка [Gramere 1562], которую он в отличие от своей латинской грамматики [Ramus 1564], ориентирующейся в своем узусе на классических авторов [Padley 1985: 26, 30], выстраивал от узуса к правилам, являющимся результатом систематизации конкретных речевых фактов и размышлений грамматиста. Во французской грамматике Рамуса провозглашается, что хорошее употребление языка определяется не учеными, а самим населением, двором, судом и народом.

Отличие основного лингвистического метода интерпретации языкового материала у Рамуса заключалось в том, что принцип подачи материала, когда сначала формулируется общее, а затем частное, Рамус использовал, основываясь не на семантике слов, что было характерно для рационалистических общих грамматик, а на их формальных свойствах. К семантическим критериям он прибегает только в случае, если формальные исчерпаны (об эмпирии в грамматиках Рамуса см. [Дюбо 2001: 70—72, 189; 235—236]).

Анализ первых грамматик 1-й половины XVII в., написанных на немецком языке, показывает, что многие авторы, например В. Ратке [Ratke 1619a], пытались следовать рационалистическому направлению, использующему семантико-онтологические критерии, хотя в этих грамматиках и нет четко сформулированных и систематиче-

ски изложенных грамматических теорий, которые позволяли бы относить эти грамматики к тому или иному направлению. В рационалистических грамматиках не исключалось использование ряда частных методических приемов, например ставшее под влиянием Рамуса распространенным у многих грамматистов начала XVII в. увлечение классификациями, которые с логической точки зрения основываются на дихотомических оппозициях. Но это не всегда влекло за собой характерное для Рамуса увеличение эмпирического материала. В универсальной грамматике Ратке [Ratke 1619b] примеры в тексте вообще отсутствуют.

Подобная картина наблюдается в грамматиках латинского языка, написанных в Германии, это прежде всего отмеченная выше Philipprogamea, а также в грамматике еврейского языка [Buxtorfius 1609; Burnett 1996: 108—112].

В какой-то степени об интегративной грамматической концепции можно говорить при рассмотрении немецкой грамматики Гвейнца [Gueintz 1641], в которой автор использует последовательно не только прием дихотомий, но наряду с онтологическим (семантическим) подходом в его грамматике отчетливо видна тенденция следования эмпирическому направлению. Оно проявилось в подчеркивании узуса немецкого языка, в большом количестве иллюстративного материала и замечаний, учитывающих специфику немецкого языка.

Выводы.

Элементы гетерогенности в методе описания языка в немецких грамматиках традиционно проявляются в использовании рационалистического подхода, предполагающего опору на семантику, идентификацию грамматики и логики, и эмпирического с его вниманием к формальной организации языка. В конце XVI — начале XVII вв. в Германии находит распространение особый вид эклектики в грамматикографии, а именно филиппо-рамистский. Это было вызвано различными обстоятельствами, прежде всего религиозно-философскими факторами. Визуальное представление материала в виде дихотомий начиная с XVII в. используется при рассмотрении частей речи на семантической основе. С точки зрения немецких грамматистов, гибридный подход к описанию немецкого языка с превалированием рамистских методов должен был способствовать более высокому качеству решения задач, а именно дидактических. В меньшей степени это затрагивало лингвистическую сторону, не вело непременно к изменению или обновлению грамматической концепции, как ее представлял сам Рамус. В противоположность последователям Меланхтона, опиравшимся на семантические критерии, у Рамуса была собственная концепция, согласно которой грамматические явления следует изучать прежде всего с учетом их формы (морфологических особенностей).

Литература

- Аристотель 1978 — *Аристотель*. Об истолковании. Глава первая. [Язык и письменна. Истинная и ложная речь] // *Аристотель*. Сочинения в 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 93.
- Дюбо 2001 — *Дюбо Б. А.* Рационализм и эмпиризм в немецких грамматических трудах XVI—XVIII вв. СПб., 2001.
- Йейтс 1997 — *Йейтс Ф. А.* Искусство памяти. СПб., 1997.
- Мак-Люэн 2003 — *Мак-Люэн М.* Галактика Гуттенберга. Сотворение человека печатной культуры. М., 2003.
- Маковельский 2004 — *Маковельский А. О.* История логики. М., 2004.
- Матвиевская 1981 — *Матвиевская Г. П.* Рамус. М., 1981.
- Степанов 1985 — *Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
- Albrecht 1999 — *Albrecht J.* Kasus, Satzfunktion, „semantische Rolle“ in der Grammatikographie des 18. Jahrhunderts // H. Gipper, G. Hassler u. P. Schmitter (Hrsg.). Sprachdiskussion und Beschreibung von Sprachen im 17. und 18. Jahrhundert. Münster, 1999. S. 191—206.
- Auroux 1982 — *Auroux S.* General grammar and universal grammar in Enlightenment France // *General Linguistics*. 23/1. 1982. P. 1—18.
- Aventinus 1517 — *Aventinus J.* Rudimenta gramaticae: De octo partibus oratoria & constructione. Auguste, 1517.
- Bauer, Mahlmann, Seifert 2000 — *Bauer B., Mahlmann Th., Seifert J.* Dialektik // B. Bauer. (Hrsg.). Melanchthon und die Marburger Professoren (1527—1627). Marburg, 2000. Bd 1. S. 77—122.
- Bauer, Mahlmann 2000 — *Bauer B., Mahlmann Th.* Philipp Melancthon's Brief an Cunradus Embecanus vom 11. Juni 1543 // B. Bauer (Hrsg.). Melanchthon und die Marburger Professoren (1527—1627). Marburg, 2000. Bd 2. S. 823—840.
- Burnett 1996 — *Burnett St. G.* From Christian Hebraism to Jewish studies: Johannes Buxtorf (1564—1629) and Hebrew learning in the seventeenth century. Leiden; New York; Köln, 1996.
- Buxtorfius 1609 — *Buxtorfius J.* Thesaurus grammaticus linguae sanctae Hebraeae. Basilea, 1609.
- Djubo 2008/2009 — *Djubo B.* Tradition und Wandlungsprozesse in der Grammatikographie der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts: zu Christian Gueintz' Grammatik // *Wolfenbütteler Barock-Nachrichten*. Bd 35. H. 2. 2008. Wiesbaden, 2009. S. 93—114.
- Freedman 2001 — *Freedman J. S.* Melanchthon's Opinion of Ramus and the Utilization of Their Writings in Central Europe // M. Feingold, J. S. Freedman, W. Rother (ed.). The Influence of Petrus Ramus. Studies in Sixteenth and Seventeenth Century. Philosophy and Sciences. Basel, 2001. P. 68—91.

- Freig 1508 — *Freig J. Th.* Latina grammatica pro schola Altorfiana Noribergenium / cum pefatione Joh. Thomae Freigii. Norimbergae, 1580.
- Friedrich 2000 — *Friedrich A.* Das Pädagogium der Universität Marburg zwischen Melanchthonianismus und Ramismus // B. Bauer (Hrsg.). Melanchthon und die Marburger Professoren (1527—1627). Marburg, 2000. Bd 2. S. 707—736.
- Gadebusch-Bondio 2005 — *Gadebusch-Bondio M.* Medizinische Ästhetik: Kosmetik und plastische Chirurgie zwischen Antike und früher Neuzeit. München, 2005.
- Gardt 1998 — *Gardt A.* Die Sprachgesellschaften des 17. und 18. Jahrhunderts // W. Besch, A. Betten, O. Reichmann u. St. Sonderegger (Hrsg.). Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin, 1998. Bd 2. Teilbd. 1. S. 332—348.
- Gébelin 1774 — *Gébelin de A. C.* Monde primitif, analysé et comparé avec le monde moderne; considéré [T. 2]: Grammaire universelle et comparative. Paris, 1774.
- Grammatica Latina Philippo-Ramea 1591 — *Grammatica Latina Philippo-Ramea*: Ad Faciliorem Puerorum Captum conformata, & duobus libris distincta. Herbornae, 1591.
- Gueintz 1641 — *Gueintz Ch.* Deutscher Sprachlehre Entwurf. Cöthen, 1641.
- Harris 1751 — *Harris J.* Hermes: or, a Philosophical Inquiry concerning language and universal grammar. London, 1751.
- Helwig, Jungius 1613 — *Helwig Ch., Jungius J.* Kurtzer Bericht Von der Didactica, oder LehrKunst Wolfgangi Raticiii. Frankfurt/M., 1613.
- Helwig 1619 — *Helwig Ch.* Libri Didactici, grammaticae Universalis. Gies-sae, 1619.
- Hundt 2000 — *Hundt M.* Spracharbeit im 17. Jahrhundert: Studien zu Georg Philipp Harsdörffer, Justus Georg Schottelius und Christian Gueintz. Berlin [u.a.], 2000.
- Jaumann 2004 — *Jaumann H.* Handbuch Gelehrtenkultur der frühen Neuzeit. Bd 1: Bio-bibliographisches Repertorium. Berlin [u.a.], 2004.
- Jellinek 1913/1914 — *Jellinek M. H.* Geschichte der neuhochdeutschen Grammatik bis auf Adelung. Heidelberg, 1913. Bd I.; 1914. Bd II.
- Mährle 2000 — *Mährle W.* Academia Norica: Wissenschaft und Bildung an der Nürnberger Hohen Schule in Altdorf (1575—1623). Stuttgart, 2000.
- Meillet 1982 — *Meillet A.* Linguistique historique et linguistique générale. Genève, 1982.
- Melanchthon 1547 — *Melanchthon Ph.* Erotemata Dialectices (1547) // K. G. Bretschneider, H. E. Bindseil (Hrsg.). Corpus Reformatorum. Halle, 1846. Vol. 13. Col. 507—752.
- Melanchthon 1561 — *Melanchthon Ph.* Grammatica Latina. Lipsiae, 1561.

- Moltmann 1957 — *Moltmann J.* Zur Bedeutung des Petrus Ramus für Philosophie und Theologie im Calvinismus // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Vierte Folge VI. Bd LXVIII / H. Frhr. von Campenhausen, K. A. Fink, W. Schneemelcher, E. Wolf. (Hrsg.). Stuttgart, 1957. S. 295 — 318.
- Müller 1882 — *Müller J.* Quellenschriften und Geschichte des deutschsprachlichen Unterrichtes bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts. Gotha, 1882.
- Neumann 1991 — *Neumann W.* Einige Gesichtspunkte für Arbeiten zur Geschichte der germanistischen Sprachwissenschaft im 19. Jahrhundert // B. Schlieben-Lange et al. (Hrsg.). Europäische Sprachwissenschaft um 1800: methodologische und historiographische Beiträge zum Umkreis der „idéologie“: eine Vortragsreihe im Rahmen des DFG-Projekts „Ideologenrezeption“. Münster, 1991. S. 257—267.
- Ong 1958a — *Ong W. J.* Ramus and Talon Inventory. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. 1958.
- Ong 1958b — *Ong W. J.* Ramus: Method and the Decay of Dialogue. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. 1958.
- Padley 1985 — *Padley G. A.* Grammatical theory in Western Europe, 1500—1700: Trends in Vernacular grammar. Cambridge [u.a.], 1985. Vol. 1.
- Ramus 1564 — *Ramus P.* Grammatica. Paris, 1564.
- Ramus 1587 — *Ramus P.* Grammaire. Paris, 1587.
- Gramere 1562 — [*Ramus Peter*] *Gramere.* Paris, 1562.
- Ratke 1619a — *Ratke W.* Allgemeine Sprachlehr: Nach der Lehrart Raticii. Cöthen, 1619.
- Ratke 1619b — *Ratke W.* Grammatica Universalis : Pro Didactica Raticii. Cothenis, 1619.
- Ritter 1616 — *Ritter St.* Grammatica germanica nova. Marpurgi, 1616.
- Vogt 1894 — *Vogt G.* Wolfgang Ratichius, der Vorgänger des Amos Comenius. Langensalza, 1894.
- Weiß 1992 — *Weiß H.* Universalgrammatiken aus der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts in Deutschland: eine historisch-systematische Untersuchung. Münster, 1992.

ZUSAMMENFASSUNG

Die Rolle der Dichotomien im philippo-ramistischen Hybrid der deutschen Grammatikographie

Ende des 16. und Anfang des 17. Jahrhunderts verbreitete sich in Deutschland der philippo-ramistische Typ der Eklektik in der Grammatikographie. Das wurde durch verschiedene Umstände verursacht, vor allem durch religiös-philosophische Faktoren. Vom Standpunkt der deutschen Grammatiker sollte das hybride Verfahren in der Beschreibung der deutschen Sprache, wo die ramistische Methode dominierte, die höhere Qualität der Lösung didaktischer Aufgaben fördern. Im geringeren Maße betraf es aber die linguistische Seite und brachte keine Erneuerung der grammatischen Theorie mit sich, wie es sich P. Ramus vorstellte.

М. Б. ЧИКОВ

(Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова)

ВАЛЕНТНОСТЬ И ДИСТРИБУЦИЯ НЕМЕЦКОГО ГЛАГОЛА В ЯЗЫКЕ И В РЕЧИ

Для речевой реализации индоевропейского, в том числе немецкого, глагола одной из самых важных составляющих является его отношение к переходности / непереходности, т. е. осмысление глагольного действия либо как самопроизвольно возникающего действия всего субъекта в целом, либо как воздействия субъекта, очевидно, при помощи одной из своих частей (это предположение требует проверки) на объект, отличный от субъекта в целом.

Как известно, в каждой из своих реализаций глагол может быть или переходным, или непереходным; третьего не дано, если не считать возвратности, которая, как правило, является реализацией переходности на самом субъекте: объект воздействия идентичен субъекту воздействия. Возвратный глагол является формально непереходным, но в его основании — переходный глагол. Противоречивыми являются возвратные глаголы, не имеющие переходных в своей основе, например часто употребляемый возвратно *schleichen* — *sich schleichen*. Понять семантическую разницу между возвратным и невозвратным лексико-семантическим вариантом бывает трудно и не всегда возможно; тем не менее факты возвратного и невозвратного употребления одной и той же словоформы имеют место у некоторого количества глаголов, причём словоформа *schleichen* (учитывая все префиксальные образования) является рекордсменом по равноправию невозвратных и возвратных форм. Семантическая разница между ними заключается, видимо, в более осторожном, более контролируемом действии по возвратному глаголу; возвратность зачастую предполагает именно намеренное, контролируемое, исходящее от человека или близкое, выгодное человеку действие (процесс), сравн. *Der Efeu ist um Baumstämme gerankt* — *Der Efeu hat sich um die Mauern gerankt*: непроизвольное, неконтролируемое, неартефактное действие (процесс) требует вспомогательного *sein*, а действие, более близкое к человеку, — *haben* + *sich* (пример на основе словаря Duden [Duden 2006]).

Не имея целью до конца разобраться в особенностях употребления возвратных и невозвратных словоформ в семантически трудно-объяснимых случаях, отметим лишь, что переходность — непереходность лежит в основе многообразных языковых отношений: она, как правило, определяет возможность существования возвратного/невозвратного ЛСВ, необходимость вспомогательного глагола *haben* или *sein*, наличие в рамках одной словоформы пары непереходный глагол / переходный глагол, соответственно, с противопоставлением действие / каузация действия (типа *die Äpfel reifen im Garten — er reift die Äpfel im Garten*). Едва ли стоит упоминать, что переходность глагола также изначально определяет структуру предложения и все падежные отношения между членами, иными словами, переходность/непереходность глагола во многом определяет его валентность и дистрибуцию. Изучение такой важнейшей проблемы, как закономерности образования глагольных коллокаций, что в наибольшей мере обеспечивает совершенное владение языком, не имеет смысла без предварительного разделения глаголов на переходные и непереходные, возвратные и невозвратные.

Все ошибки, неверное построение предложения, вообще отсутствие стратегии построения речи во многом связаны с непониманием такого явления, как переходность / непереходность.

Вопрос, который мы ставим в качестве главного, звучит так: при каких условиях словоформа становится переходным или непереходным глаголом? При каких условиях непереходные глаголы требуют вспомогательного *sein*, при каких — *haben*? При каких условиях глаголы становятся возвратными? И, наконец, при каких условиях и чем может становиться одна и та же словоформа: переходным глаголом и непереходным невозвратным глаголом, возвратным глаголом, непереходным глаголом с *haben* или с *sein*?

Конечно, далеко не все глаголы обнаруживают такое разнообразие значений. Одним из немногих обладателей всех этих возможностей является глагол *kehren*. В переходном значении это «поворачивать, отворачивать (какой-либо предмет, какую-либо часть)», в возвратном — «поворачиваться» (как правило, как часть чего-либо, например: *Das Segel hat sich zum Wind gekehrt, Sein Kragen hat sich gekehrt*), в непереходном с *sein* — глагол движения «возвращаться» (редко, сравн.: *Wir sind mit leeren Händen nach Hause gekehrt*), в непереходном с *haben* — «разворачиваться, менять направление» (*Der Zug hat in Frankfurt gekehrt*). Мы видим, что такая богатая грамматическая палитра вызвана разнообразием семантических отношений словоформы. Так, возможность появления непереходного значения с *sein* связана с семантикой движения из одной точки пространства в другую: это значение наиболее далеко отстоит от всех остальных и к тому же является менее характерным (более привычен в этом значении снимающий двусмысленность префиксальный глагол *zurückkehren*). Отличие возвратного значения и непереходного значения с *haben* состоит

в том, что во втором случае речь идёт о движении всего тела (но вокруг одной точки, поэтому глаголом движения этот глагол не является), а в первом — о движении части.

В центре нашего внимания будет именно непереходность как маркированный член оппозиции: ведь именно непереходный глагол бывает либо возвратным, либо невозвратным с *sein*, либо невозвратным с *haben*. В первую очередь непереходность связывается, конечно, с *sein* и с семантикой движения, причём не всякого движения, а именно, как отмечено выше, перемещения всего тела из одной точки пространства в другую. Движение вокруг одной точки (*drehen*, *schwingen*) также обозначается непереходными глаголами, но не с *sein*, а с *haben*; это как бы не совсем движение. Однако при изменении условий движения, при появлении намёка на направление (то есть при присоединении приставки к глаголу), согласно сведениям словаря Duden, возникает и возможность употребления либо вспомогательного *haben*, либо *sein*.

Здесь же оговоримся относительно изучения системы языка и речи на самом доступном материале — словаре и корпусе соответственно. Конечно, живая речь должна в идеальном случае изучаться «в жизни», но по понятным причинам это не может стать всеобъемлющим и исключительным правилом, поэтому речевые исследования во многом будут оставаться корпусными. Корпус, однако, также имеет понятные ограничения валидности предоставляемых данных из-за невозможности включить в его состав речь во всех её проявлениях. Наиболее оптимальным методом изучения языкового и речевого материала представляется проверка словарных данных корпусом и, далее, проверка корпуса жизнью, реальной разговорной речью — так, по крайней мере, всегда будут в наличии ощутимые результаты каждого предыдущего этапа, которые лишь нуждаются в верификации, но уже могут ложиться в основу учебных пособий, курсов, собственного речевого поведения и т. п.

Далее, верификация словаря корпусом не всегда возможна и нужна. К исследуемой нами проблеме это имеет самое прямое отношение — нас не в последнюю очередь интересует употребление в перфекте (для различения случаев с вспомогательными глаголами *haben* и *sein*), в то время как в корпусе такие употребления встречаются не так часто. И это отнюдь не говорит о неупотребительности данных глаголов в перфекте — это говорит в первую очередь о неупотребительности перфекта в жанре, преимущественно представленном в корпусах, — публицистическом. Если даже данные глаголы редко употребляются в разговорной речи, это не снимает необходимости знать системные правила их употребления с *haben* или *sein*: во-первых, это нужно для составления полной объективной картины системы, во-вторых, случаи употребления этих глаголов в речи, в перфекте, могут в любой момент возникнуть (корпус — не показатель), а для уверенности работы в любой речевой ситуации необхо-

димо опять же хорошее знание системы. Отметим также, что и словарь не всегда приводит примеры употребления в перфекте, однако он всегда указывает тот или иной вспомогательный глагол. Наши примеры для простоты восприятия все приводятся в перфекте (хотя это может не полностью соответствовать форме данного примера в словаре).

Duden даёт следующие примеры употребления глаголов *drehen* и *schwingen*, а также ряда их производных, с вспомогательными *haben* и *sein* соответственно:

Das Schiff hat gedreht.
Die Schaukel hat geschwungen.
Das Schiff hat/ist abgedreht.
Das Boot, der Wagen hat/ist umgedreht.
Die Schaukel ist hinübergeschwungen.
Die Skiläufer sind zu Tal geschwungen.

Системные закономерности понятны и, возможно, не всегда нуждаются в проверке, хотя она особенно необходима именно в случаях двойного употребления (с *haben* или с *sein*). Мы пользовались данными корпуса *Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache [DWDS]*.

Как было сказано выше, мы сталкиваемся с отсутствием употребления данных глаголов в перфекте. Тем не менее едва ли стоит оспаривать возможность такого употребления, например, для глагола *drehen*, равно как и обязательность его употребления только с *haben* (но не с *sein*). Последний факт даже не нуждается в корпусной проверке. Что же касается префиксальных вариантов, то глагол *abdrehen* действительно встречается в корпусе несколько раз и с *haben*, и с *sein*, что подтверждает правильность словарных данных (статистический анализ на малом количестве материала смысла не имеет); глагол *umdrehen* встречается в перфекте лишь один раз, с *sein*, что опять же не говорит об исключительности этого употребления.

Упомянутые употребления глаголов *abdrehen* и *umdrehen* относятся к сфере движения водных и воздушных средств. Но *umdrehen* имеет и значение «поворачиваться (к кому-либо, к чему-либо)», относящееся к человеку. Человек поворачивается какой-либо своей частью, а не меняет направление; к тому же намеренность действия, его отношение к человеку — характерные условия для появления возвратного глагола (*Sie hat sich nach ihm umgedreht*). Факт настолько очевиден, что также едва ли нуждается в корпусной проверке.

Сам глагол *drehen*, который, как и *kehren*, в одном из значений называет изменение направления движения (*Der Fahrer hat gedreht und ist nach Süden gefahren*), в этом значении часто относится к ветру. Для данного случая корпус даёт факты, не отражённые словарём: глагол часто употребляется с *sich* (*Der Wind hat sich gedreht*). Это вызывает удивление, так как *sich drehen* — одно из самых частотных значе-

ний «вращаться, крутиться» (*Das Rad dreht sich*); как было сказано чуть выше, непереходному значению с *haben* отводится семантика смены направления. Однако корпус даёт и возможность предположить, отчего происходит такое смещение. Возвратное употребление часто является переносным (типа *Der politische Wind hat sich gedreht*), но благодаря своей узуальности это сочетание переходит и в сферу прямого употребления — прогнозов погоды. Надо отметить, что последние допускают и невозвратное употребление, и, хотя его перфект встретился нам в корпусе лишь в немногочисленных случаях (чаще встречается презенс), можно с уверенностью утверждать, что перфект требует *haben* (*drehen*, как отмечалось выше, никогда не употребляется с *sein*). Итак, возвратность появляется в значении, отличном от основного возвратного (и, таким образом, противоречия между двумя разными значениями, формально выражаемыми одинаково, не возникает), чтобы различить в рамках другого значения переносное и прямое.

Несколько иная картина в случае глагола *schwingen*. В отличие от *drehen*, его основное непереходное значение не является возвратным и целиком отдано словоформе с вспомогательным *haben*. Также в отличие от *drehen* у глагола *schwingen* нет значения физического изменения направления, которое «резервировало» бы для себя вспомогательный *haben*. Поэтому формы *Das Pendel, die Schaukel hat geschwungen; Die Brücke, das Membran hat geschwungen* (несколько иное значение) вполне понятны. Словоформе с *sein* естественным образом отводится место обозначения собственно движения: *Der Artist ist am Trapez durch die Kuppel geschwungen, Die Skiläufer sind zu Tal geschwungen*. Возвратное значение относится к человеку, и, хотя и означает движение всего тела (сравн. *sich umdrehen*, означающий скорее движение части), это не собственно движение в пространстве, а превращение в часть чего-либо: *sich aufs Fahrrad, in den Sattel schwingen!*

В корпусе мы редко находим прямое значение глагола и совсем не находим перфектов — таково отношение этого глагола к публицистическим текстам. Зато он часто встречается в переносном значении: метафора маятника не уступает метафоре меняющегося ветра. Такое переносное значение также не отражено словарём. Какого же вспомогательного глагола требует переносное значение, возвратно ли оно? То, что это не может быть невозвратный глагол с *haben*, само собой разумеется. Затем, у глагола *schwingen* перед *drehen* есть преимущество: он может употребляться с *sein*. И это самый естественный способ выражения некоего общественного изменения: ведь речь идёт о метафоре резкого движения в какую-то сторону. Если у глагола *drehen* просто «не остаётся другой возможности», кроме как использовать для переносного значения возвратную форму, то у *schwingen* этого нет. Итак, например, *Jetzt ist das Pendel drastisch zum Biologismus zurückgeschwungen* [DWDS]. Заметим, что приставка *zurück-* не явля-

ется обязательной: она может превращаться в наречие или вообще опускаться.

Нечто подобное наблюдаем с глаголами звучания, которые в значении собственно звучания всегда требуют *haben*, а в иных могут требовать *sein* (чаще всего это значение движения с соответствующим звуком, сравн.: *Der Zug ist an uns vorbei gedonnert*). Сравним, однако, такой случай (пример из словаря Duden): *Die Glocken haben ausgeklungen* (т. е. перестали звучать, их звон затих) — *Das letzte Lied ist ausgeklungen* (т. е. песни кончились, компания разошлась). Здесь присутствует разница между прямым значением звука с его (постепенным!) затиханием и переносным значением конца (как мы увидим, не обязательно связанным со звучанием). В корпусе находятся несколько примеров с переносным значением (перфект, *sein*), относящиеся к событиям как музыкального, так и политического или иного характера, которые по тем или иным причинам закончились, ушли. Ходовое обозначение для завершения некоего значительного масштабного события (фестиваля, конгресса и т. п.) — *Ausklang* — и есть производное от глагола *ausklingen* — *ist ausgeklungen*.

Конечно, в ряде случаев только корпус, но не словарь, даёт возможность понять разницу между формами тех или иных непереходных значений. Например (Duden):

Die Schwellung hat sich abgeflacht;

Der Zuwachs der Produktion hat sich abgeflacht (то есть снизился);

Die Unterhaltung ist abgeflacht (то есть стала менее живой, интересной).

Казалось бы, и второе, и третье употребление являются переносными. Конечно, какие-то предположения можно сделать предварительно, но корпус даёт точный и окончательный ответ:

*Die meisten wissen auch, dass unser Globus keine Kugel ist, sondern durch die Rotation zu einem Ellipsoid **abgeflacht ist**.*

*Das Ganze wirkt freundlich, die Hierarchien zwischen Professoren und Studenten **sind abgeflacht**, die Kleidung ist locker.*

*Das soziale Gefälle **ist stark abgeflacht**, jeder hat Zugang zu Information, Bildung und Unterhaltung.*

*Der Oktober, traditionell der Krisenmonat an der Börse, ist vorbei, und schon **haben sich** die Schwankungen auf dem Aktienmarkt **abgeflacht**.*

*In den ersten sechs Monaten dieses Jahres hat **sich** die Wachstumskurve bei den Übernachtungen schon auf 16 Prozent **abgeflacht**.*

*Da sich in den anderen westlichen Industrieländern aber bereits seit 1990 die Konjunktur abkühlte und **sich** der Kostenanstieg in diesen Ländern 1992 schon **abgeflacht** hatte, nahmen die Lohnstückkosten in Deutschland (...) 1992 stärker zu als in den wichtigsten Konkurrenzländern.*

Употребление с *sein* относится к необратимым изменениям, а возвратное — к постоянно сменяющим друг друга. Таким образом, это различие является акциональным, чего словарь, конечно, отразить не может.

Подведём некоторые итоги. Мы рассмотрели некоторые характерные случаи глаголов, которые в первом значении являются переходными, а в других — непереходными с самым большим разнообразием форм. Значение движения в пространстве требует вспомогательного *sein*, того же требует и движение в переносном смысле, как правило, к концу. Возвратность во многом связана с представлением о какой-либо части. Однако в целом словоформа «выбирает» имеющиеся в наличии способы выражения непереходности, наиболее подходящие для различения её возможных разнообразных значений.

Литература

- Duden 2006 — Duden: Das Universalwörterbuch [CD-ROM]. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2006.
 DWDS — Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache. <http://www.dwds.de/>

ZUSAMMENFASSUNG

Valenz und Distribution des deutschen Verbs in Sprache und Rede

für die Forschungen an Distribution und Valenz des Verbs ist die Kategorie der Transitivität / Intransitivität nicht zu unterschätzen. Sie bestimmt das Hilfsverb *haben* oder *sein* im Perfekt, Reflexivität bzw. Irreflexivität des Verbs, geschweige denn alle seine kasusbezogenen und syntaktischen Voraussetzungen. Der Intransitivität als markiertem Glied gilt vor allem das Forschungsinteresse, weil sie mit beiden Hilfsverben sowie mit Reflexivität / Irreflexivität zu tun hat. Um die semantischen Bedingungen fürs Aufkommen von jeweiligen grammatischen Varianten zu erschließen, sind sowohl Wörterbuch- als auch Korpusstudien unerlässlich, da sie von alleine die Sachverhalte nur teilweise erfassen und eine gegenseitige Verifikation bedürfen. Die Intransitivität verbindet sich v. a. mit Bewegung im Raum; bei der Bewegung um einen Punkt geht es um die Verbformen mit Hilfsverb *haben*; bei reflexiven Verben geht es oft um Menschenbezogenheit und Teilhaftigkeit. Grundsätzlich geht es bei jedem polysemen intransitiven Verb aber darum, alle seine Bedeutungen sinngemäß unter die Formen im *sein-haben-reflexiv*-Kontinuum zu verteilen.

Д. О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Е. Б. КРОВОТА,
И. С. ПАРИНА

КОРПУСНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ ¹

(материалы мастер-класса)

Цель данной работы — попытаться ответить на вопрос, насколько текстовые корпуса (в том числе и корпуса параллельных текстов) могут оказаться полезным инструментом как в исследовании немецкого языка, так и в решении задач контрастивной лингвистики, то есть в описании особенностей функционирования форм немецкого языка в сопоставлении с русским. В центре нашего внимания стоят лексические явления сопоставляемых языков и способы их представления в двуязычных словарях. Материал параллельных корпусов провоцирует вопросы лексикографического представления² межъязыковых лексических коррелятов, особенно если подобные соответствия не являются эквивалентами в точном смысле.

Значительное внимание в данной работе уделяется также описанию состава релевантных корпусов и способам работы с ними.

1. Корпус немецко-русских и русско-немецких параллельных текстов в Национальном корпусе русского языка

Создание корпуса параллельных текстов в качестве одного из модулей Национального корпуса русского языка (НКРЯ) — актуальная лингвистическая задача, над решением которой вот уже больше десяти лет работает целый коллектив исследователей. Такой корпус необходим в первую очередь потому, что надежные, подкрепленные эмпирическими данными ответы на большинство вопросов сопоставительной лингвистики, в том числе лексикологии и лексикографии, могут быть получены только при наличии значительных по объему и общедоступных параллельных корпусов. Ср. подробнее [Добровольский, Кретов, Шаров 2005; Добровольский 2009].

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант 12-04-12041), РФФИ (грант 13-06-00403) и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика». Авторы благодарят Д. В. Сичинаву, ознакомившегося с рукописью статьи, за полезные замечания и советы.

² Вопросы использования корпусных данных в — прежде всего, одноязычной — лексикографии обсуждаются в [Atkins, Fillmore, Johnson 2003]. Ср. также спецвыпуск журнала «Sprachtypologie und Universalienforschung», посвященный использованию параллельных корпусов в языковом сравнении и типологии [Cysouw, Wälchli 2007].

Корпус параллельных текстов НКРЯ состоит в основном из множества художественных произведений с их переводами. В относительно небольшом объеме в корпус включены тексты СМИ. Корпус включает в себя, с одной стороны, оригинальные русские тексты с их переводом на другие языки, а с другой — иноязычные тексты с их переводом на русский. В дальнейшем мы будем говорить исключительно о русско-немецких и немецко-русских частях корпуса.

1.1. Зачем нужен параллельный корпус?

Создание и использование параллельных корпусов представляется целесообразным как с практической точки зрения, так и с точки зрения развития корпусной лингвистики — одного из наиболее перспективных лингвистических направлений. Корпус параллельных текстов может быть эффективно использован в различных лингвистических исследованиях (в первую очередь, в области контрастивной лексикологии и двуязычной лексикографии), а также в исследованиях по теории перевода, сравнительному литературоведению, культурологии, автоматической обработке текста и др. В разделе 1 нас будут в первую очередь интересовать собственно лингвистические — и прежде всего лексикографические — аспекты использования русско-немецких и немецко-русских параллельных корпусов.

Обращаясь к корпусу, создатели двуязычных словарей получают весьма простой и эффективный инструмент сбора материала и эмпирической проверки своих гипотез, касающихся межъязыковой эквивалентности. Ценность этого инструмента определяется тем, что в лингвистике этап сбора материала является наиболее трудоемким и наименее творческим, а подобные корпуса параллельных текстов позволяют значительно сэкономить время и силы для творческого этапа работы.

Современное состояние сравнительной лексикологии и двуязычной лексикографии характеризуется ориентацией на сопоставление более или менее изолированных языковых структур. Отрицательным последствием подобной ориентации является недостаточный учет узуса, то есть тех особенностей синтаксического и сочетаемостного поведения единиц языка, которые нельзя объяснить их системными признаками. Так, в принципе известно, что та или иная структура одного языка не может быть во всех контекстах переведена на другой с помощью своего стандартного эквивалента. В определенных контекстах язык L2 традиционно прибегает к другим способам описания соответствующей ситуации. Известно также, что не существует продуктивных правил, по которым можно было бы вывести подобные отклонения от «стандартной эквивалентности» из неких более общих принципов. Единственный способ описания подобных отклонений — это их тщательная фиксация на аутентичном материале. Только так можно построить исчерпывающие сопоставитель-

ные описания и создать словари, удовлетворяющие современным требованиям.

Корпус параллельных текстов представляет собой наиболее адекватный инструмент для выполнения этих задач. Та или иная языковая структура, интересующая исследователя, может быть найдена во всех представленных в корпусе контекстах с их переводами на соответствующий язык. Таким образом, исследователь получает в свое распоряжение набор аутентичных контекстов, представляющих интересующую его структуру в ее естественном окружении, а также самые разнообразные эквиваленты этой структуры в языке-цели. Поскольку эти эквиваленты также оказываются встроенными в естественные контексты, на основе полученных с помощью параллельного корпуса материалов могут быть сделаны выводы о зависимости выбора эквивалента от типа контекста. Подобные результаты практически всегда расходятся с теми сведениями, которые мы можем почерпнуть из традиционных, созданных в «докорпусную эру» словарей, являясь тем самым нетривиальными.

Важным параметром, по которому языки могут различаться между собой, является степень употребительности определенных выражений. Так, некоторое выражение *A* языка *L1* может стандартным образом переводиться на язык *L2* с помощью выражения *B* — вполне корректного с точки зрения норм этого языка. Таким образом, выражения *A* и *B* оказываются эквивалентными в рамках системы соответствующих языков. Тем не менее их функциональная эквивалентность часто представляется неполной. В частности, это имеет место в случае, когда одно из выражений оказывается в своем языке существенно более употребительным, чем его переводной эквивалент — в своем. Такие случаи хорошо прослеживаются при сопоставлении оригинальных текстов с их переводами на другие языки. О. Б. Йокояма [2012: 152] замечает по этому поводу: «Со становлением корпусной лингвистики в середине 90-х гг. появились (ранее недоступные) материалы и новые подходы к исследованию, например сравнение статистических показателей определенных языковых признаков в исходных текстах с частотностью тех же признаков в переводных текстах».

Исследование некоторого языкового явления на основе корпуса параллельных текстов может быть по ряду параметров противопоставлено исследованию этого явления на основе большого корпуса оригинальных текстов. Отличие оригинальных текстов от переводов заключается и в объеме (миллионы слов оригинальных текстов, производимых ежедневно, против относительно небольшого количества текстов, переводимых с иностранных языков), и в природе авторства (то есть в степени оригинальности и творческой свободы при порождении текста), а также в культурном контексте (переводные тексты обычно погружены в культуру исходного языка).

Все эти факторы обеспечивают различия между исходными и переводными текстами по целому ряду параметров. Между конкретными словами с близкими значениями в разных языках (которые принято считать эквивалентными) нет взаимно однозначных соответствий. В принципе это касается многих семантических классов слов. Каждое конкретное слово обладает своим уникальным набором сочетаемостных ограничений и предпочтений. Эта идея относится к числу традиционных теоретических положений лингвистики. То новое, что вносит обращение к корпусам параллельных текстов в решение подобных задач, — это возможность эмпирической проверки соответствующих гипотез на представительном материале.

1.2. Состав немецко-русского и русско-немецкого корпуса в НКРЯ

На данный момент в состав доступного online немецко-русского корпуса (наряду с небольшим массивом публицистических текстов, любезно предоставленных компанией АВВУУ) входят следующие произведения³:

- Heinrich Böll (Г. Бёльль):
 Ansichten eines Clowns — Глазами клоуна;
- Gottfried August Bürger (Г. А. Бюргер):
 Die Abenteuer des Freiherrn von Münchhausen —
 Приключения барона Мюнхгаузена;
- Friedrich Dürrenmatt (Ф. Дюрренматт):
 Justiz — Правосудие;
 Der Verdacht — Подозрение;
- Josef von Eichendorff (И. фон Эйхендорф):
 Aus dem Leben eines Taugenichts — Из жизни одного
 бездельника;
- Michael Andreas Hellmuth Ende (М. А. Х. Энде):
 Momo oder Die Geschichte von den Zeit-Dieben — Момо, или
 История об украденном времени;
- Johann Wolfgang Goethe (И. В. Гёте):
 Die Leiden des jungen Werther — Страдания юного Вертера;
- Hermann Hesse (Г. Гессе):
 Siddhartha — Сиддхартха;
 Peter Camenzind — Петер Каменцинд;
- Ernst Theodor Amadeus Hoffmann (Э. Т. А. Гофман):
 Der goldne Topf — Золотой горшок;
 Klein Zaches, genannt Zinnober — Крошка Цахес по прозвищу
 Циннобер;

³ Здесь и в дальнейшем сохраняется орфография оригинального издания, вошедшего в корпус.

- Nußknacker und Mausekönig — Щелкунчик и Мышиный
Король;
- Franz Kafka (Ф. Кафка):
Der Prozess — Процесс;
Die Verwandlung — Превращение;
- Erich Kästner (Э. Кестнер):
Pünktchen und Anton — Кнопка и Антон;
Emil und die Detektive — Эмиль и детективы;
- Heinrich von Kleist (Г. фон Клейст):
Michael Kohlhaas — Михаэль Кольхаас;
- Thomas Mann (Т. Манн):
Der Zauberberg — Волшебная гора;
Buddenbrooks — Будденброки
- Gustav Meyrink (Г. Майринк):
Der Golem — Голем;
- Novalis (Новалис):
Heinrich von Ofterdingen — Гейнрих фон Офтердинген;
- Erich Maria Remarque (Э.-М. Ремарк):
Der schwarze Obelisk — Черный обелиск;
- Arthur Schnitzler (А. Шницлер):
Casanovas Heimfahrt — Возвращение Казановы;
Die Frau des Weisen — Жена мудреца;
- Patrick Süskind (П. Зюскинд):
Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders — Парфюмер.

В стадии подготовки находится роман Теодора Фонтане «Эффи Брист» (Theodor Fontane — Effi Briest), а также статья Вальтера Бен-ьямина «О понятии истории» (Walter Benjamin — Über den Begriff der Geschichte).

Работа над русско-немецким корпусом была начата относительно недавно. Пока он существенно уступает по объему немецко-русскому. Сейчас в открытом доступе находятся лишь пять публицистических текстов, повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» с сайта Gutenberg-DE, предположительно, в переводе Ф. Фриш (Fega Frisch)⁴, и роман Н. А. Островского «Как закалялась сталь». В ближайшее время корпус будет дополнен следующими произведениями русской классической литературы:

- Н. В. Гоголь:
Шинель — Der Mantel;
Мертвые души — Die Toten Seelen;
Вечера на хуторе близ Диканьки — Abende auf dem Vorwerke
bei Dikanjka und andere Erzählungen;

⁴ Этот параллельный текст, а также перечисленные здесь произведения Кестнера, Шницлера, «Превращение» Кафки и «Как закалялась сталь» Островского были любезно предоставлены проекту НКРЯ А. Барентсеном.

- Портрет — Das Porträt;
 Записки сумасшедшего — Aufzeichnungen eines Irren;
 Нос — Die Nase;
 Невский проспект — Der Newskij-Prospekt;
 Вий — Der Wij;
 — Ф. М. Достоевский:
 Идиот — Der Idiot;
 Преступление и наказание — Verbrechen und Strafe;
 Братья Карамазовы — Die Brüder Karamasow;
 Бедные люди — Arme Leute;
 — М. Ю. Лермонтов:
 Герой нашего времени — Ein Held unserer Zeit;
 — А. С. Пушкин:
 Повести покойного Ивана Петровича Белкина —
 Die Erzählungen des verstorbenen Iwan Petrowitsch Belkin;
 Пиковая Дама — Pique Dame;
 Дубровский — Dubrowskij;
 Капитанская дочка — Die Hauptmannstochter (в переводе
 Фреда Отто — Fred Ottow);
 — Л. Н. Толстой:
 Война и мир — Krieg und Frieden;
 Анна Каренина — Anna Karenina;
 Крейцерова соната — Die Kreuzersonate;
 Семейное счастье — Glück der Ehe;
 Хозяин и работник — Herr und Knecht;
 — И. С. Тургенев:
 Отцы и дети — Väter und Söhne;
 Фауст — Faust;
 — А. П. Чехов:
 Дуэль — Ein Zweikampf;
 — Н. С. Лесков:
 Леди Макбет Мценского уезда — Die Lady Makbeth
 des Mzensker Landkreises;
 Запечатленный ангел — Der versiegelte Engel
 — И. А. Гончаров:
 Обломов — Oblomow;
 — Максим Горький:
 Трое — Drei Menschen.

В следующем разделе мы на конкретных примерах попробуем показать возможности использования корпуса для описания лексических единиц немецкого языка в сопоставлении с русским.

1.3. Параллельные тексты НКРЯ в сопоставительном описании лексики: немецкие показатели пространственного дейксиса: элементы *her* и *hin* и их русские соответствия

В данном разделе будет показано, как работа с параллельным корпусом может помочь в выявлении русских соответствий определенного немецкого слова, обладающего нетривиальными особенностями. Когда у некоторого слова в специфических употреблениях нет стандартных аналогов в других языках, может создаться впечатление, что подобные смыслы непереводимы в принципе. Корпус показывает, что способы передачи таких смыслов все-таки существуют, и позволяет эти способы описать. В качестве материала мы берем такие лексические единицы немецкого языка, про которые принято считать, что они не имеют русских аналогов, и пытаемся с помощью контекстов из параллельного корпуса выявить возможные способы передачи соответствующих смыслов.

В немецком языке есть огромное количество слов с пространственно-дейктическими элементами *her* (≈ 'сюда') и *hin* (≈ 'туда'), выражающими идею направления движения⁵. Слова *hin* и *her* употребляются также и самостоятельно в различных комбинациях с глаголами и адвербиальными конструкциями для выражения пространственных отношений между участниками ситуации. В русском языке нет таких системно организованных (то есть почти грамматических) средств для выражения соответствующих дейктических смыслов. Так, и глагол *hereinführen*, и глагол *hineinführen* переводятся на русский язык с помощью глаголов *вводить/ввозить*, так что идея 'вводить/ввозить сюда, то есть по направлению к говорящему' vs. 'вводить/ввозить туда, то есть по направлению от говорящего'⁶ в русском языке часто вообще не выражается.

В работе [Добровольский, Падучева 2008] было показано, что проблема состоит не только в отсутствии у этих немецких слов стандартных русских аналогов, но и в том, что комментарии к немецким *her* и *hin*, апеллирующие к говорящему, искажают реальную картину. Так, человек, желающий войти в некоторое помещение, (в стандартной ситуации) спросит, постучав: *Darf ich herein?* (то есть *Можно мне войти?*), сокращенная форма от *Darf ich hereinkommen?* ('Можно мне сюда войти?'), а не *Darf ich hinein?* (букв. ≈ «Можно мне туда войти?»). Понятно, что предполагаемое перемещение в пространстве должно совершаться не по направлению к говорящему, а от его исходного местонахождения по направлению к адресату. Дело в том, что в та-

⁵ С типологической точки зрения *her* и *hin* — это показатели глагольной ориентации; ср. [Плунгян 2011].

⁶ Точнее 'по направлению к говорящему или к лицу, точку зрения которого принимает говорящий' vs. 'по направлению от говорящего или от лица, точку зрения которого принимает говорящий'. Ср. [Добровольский, Падучева 2008].

ких случаях говорящий принимает точку зрения адресата, как бы ставя себя на его место.

Еще более сложно ведут себя такие дейктические элементы в гипотаксисе и нарративе. Ср. функционирование вопросительных местоименных наречий, в состав которых входят *her* или *hin*. Значение данных дейктических элементов (и, соответственно, их перевод на русский язык) меняется в зависимости от того, употребляется ли это наречие в прямом вопросе или в качестве относительного наречия в гипотаксисе. В гипотаксисе субъектом дейксиса является не говорящий, а подлежащее главного предложения. В [Добровольский, Падучева 2008] приводится такой пример: *Alle schauten entsetzt auf den Felsen, woherunter der Bergsteiger gestürzt war* — Все в ужасе посмотрели на скалу, откуда <с которой> сорвался альпинист. Выбор наречия *woherunter* (в отличие от *wohinunter*) мотивирован в этом случае местонахождением людей, смотрящих на скалу (*alle*). Контекст ясно показывает, что они стоят внизу и смотрят на скалу снизу вверх. Иными словами, *hin-* и *her-*слова показывают, где находится наблюдатель, а не говорящий. *Woherunter* — это как бы «где-сюда-низ», а *wohinunter* — «где-туда-низ». Соответственно, если наблюдатель наверху, он скажет «где-туда-низ», то есть *wohinunter*, по-русски что-то вроде *куда* (*вниз*), а если он внизу — *woherunter* — «где-сюда-низ», то есть *откуда* (*вниз*).

В качестве примера интерпретации дейктических слов в нарративном режиме мы использовали контексты (1) и (2) из НКРЯ.

- (1) Prosper Alpanus senkte sich *herab* zu dem Jüngling, an dessen Seite er Platz nahm, während die Libelle aufflog in ein Gebüsch und in den Gesang einstimmte, der durch den ganzen Wald tönte. (Е. Т. А. Hoffmann. Klein Zaches genannt Zinnober)

Проспер Альпанус спустился к юноше и сел подле него, стрекоза упорхнула в кусты, вторя пению, наполнявшему весь лес.

Здесь в принципе возможно и *hinab*. Но в этом случае субъектом дейксиса был бы Проспер Альпанус. А в перспективе повествования, выбранной автором, субъект дейксиса — юноша. Как видно из перевода, русский язык не располагает стандартными средствами, позволяющими выразить эти различия: ‘спустился сюда’ vs. ‘спустился туда’. Более точный перевод был бы *Проспер Альпанус спустился сюда к юноше*.

- (2) Er schaute *hinauf* und erblickte staunend Prosper Alpanus, der auf einem wunderbaren Insekt, das einer in den herrlichsten Farben prunkenden Libelle nicht unähnlich, daherschwebte. (Е. Т. А. Hoffmann. Klein Zaches genannt Zinnober)

Он поднял глаза и с изумлением увидел Проспера Альпануса, летевшего к нему на каком-то диковинном насекомом, нелишенном сходства с великолепной, сверкающей всеми красками стрекозой.

Hinauf в предложении (2), которое в тексте предшествует предложению (1), развертывает событие в противоположной перспективе. Субъект восприятия здесь — тот же юноша. Но в одном случае движение направлено к нему, потому что Проспер Альпанус спустился к нему вниз, а в другом — от него. В последнем случае решающим фактором для выбора дейктического элемента является направление взгляда юноши снизу вверх. Итак, субъект дейксиса в нарративном режиме — это один из персонажей, глазами которого описываются события в конкретном контексте. Подобные сдвиги в осмыслении пространственных отношений еще более усложняют поиск адекватных русских соответствий.

Как параллельный корпус может использоваться для исследования особенностей значения и употребления дейктических слов с элементами *hin* и *her*, а также для выявления их контекстно-зависимых русских соответствий? Попробуем ответить на этот вопрос на материале адвербиальных выражений *herein* и *hinein*, которые употребляются и как самостоятельные наречия, и в составе сложных глаголов.

Обратимся к примерам из НКРЯ. В первую очередь, примеры показывают, что, помимо самых простых и однозначных выражений с элементами *tуда* для *hin* и *сюда* для *her*, существует целый ряд способов передать направление движения относительно точки отсчета — говорящего или наблюдателя, которые используются далеко не во всех контекстах, а только там, где это коммуникативно необходимо. Для *herein* это, например, такие предложные группы, как *на нас* (3). А для *hinein* это могут быть, среди прочего, глаголы, более или менее четко указывающие на направление движения от наблюдателя (4). В примере (5) глагол *войти* дейктически нейтрален: войти можно как куда-то, где находится наблюдатель (именно эта ситуация имеет место в данном контексте), так и в какое-то помещение прочь от наблюдателя.

- (3) Sie weht *herein* mit dem Geruch der Erde, der Blumen und dem Fun-
keln der Sterne. (E. M. Remarque. Der schwarze Obelisk)
Она дышит *на нас* запахом земли, цветов и мерцанием звезд.
- (4) Die gigantische Maschine *hob sich* mit Dr.h.c. Isaak Kohler in den
Nachthimmel *hinein*, heulend, brüllend, ab nach Australien, als ich aus
meinem Volkswagen sprang, den Revolver entschert. (F. Dürrenmatt.
Justiz)
Когда я выскочил из своего «фольксвагена», сняв револьвер с
предохранителя, гигантская машина, уносящая доктора *honoris
causa* Исаака Колера, с ревом и воем *взмыла* в ночное небо и взяла
курс на Австралию.

- (5) Dann ging die Tür auf, und Antons Mutter *kam herein*. (E. Kästner. Pünktchen und Anton)
Вдруг дверь открылась и в детскую *вошла* мать Антона.

Примеры (6—10) показывают, как выбор дейктического элемента в нарративе позволяет установить, кто из персонажей является в данный момент субъектом перспективы повествования, а также в каком месте располагается в каждом конкретном эпизоде точка наблюдения. В русских переводах это чаще всего видно только из контекста.

- (6) <...> da gab ihm der Vater von hinten einen jetzt wahrhaftig erlösenden starken Stoß, und er *flog*, heftig blutend, weit in sein Zimmer *hinein*. (F. Kafka. Die Verwandlung)
И тогда отец с силой дал ему сзади поистине спасительного теперь пинка, и Грегор, обливаясь кровью, *влетел* в свою комнату.
- (7) „Was denn?“ fragte Pünktchen harmlos. Gottfried Klepperbein vertraf ihr drohend den Weg. „Das weißt du schon ganz gut, stell dich nicht so dumm, mein Herzblatt!“ Pünktchen wollte gern ins Haus, aber er *ließ* sie nicht *hinein*. (E. Kästner. Pünktchen und Anton)
— Это что же? — простодушно осведомилась Кнопка. Готфрид Клеппербейн грозно загородил ей дорогу. — Сама знаешь, не строй из себя дурочку, дорогуша! Кнопка хотела войти в дом, но он не *пускал* ее.
- (8) Aber es *fiel* so viel Russ *herein*, dass das Mädchen die Luke gleich wieder zuziehen und mit ihrem Taschentuch die Hände K.s vom Ruß reinigen mußte, denn K. war zu müde, um das selbst zu besorgen. (F. Kafka. Der Prozess)
Но *посыпалось* столько сажки, что девушке пришлось тут же закрыть люк и смахнуть сажу с рук К. своим носовым платком, потому что сам он слишком ослабел.
- (9) Wir wohnten in der Nähe des Ehrenfelder Bahnhofs, blickten vom Fenster unseres Zimmers aus auf die rote Backsteinmauer des Bahndamms, Braunkohlenzüge *fuhren* voll in die Stadt *herein*, leer aus ihr *hinaus*, ein trostreicher Anblick, ein herzbewegendes Geräusch, ich mußte immer an die ausgeglichene Vermögenslage zu Hause denken. (H. Böll. Ansichten eines Clowns)
Пансион находился неподалеку от Эренфельдской товарной станции; из окон нашей комнаты была видна красная кирпичная стена и товарные составы, в город *шли* платформы с бурым углем, из города *отправлялся* порожняк — отрадная картина, приятный перестук колес: как тут не подумать, что имущественное положение семьи Шниров вполне надежно.

- (10) Aber was weiß er schon? Beweisen kann er nichts. Trotzdem kann er mit mir spielen, wie er will. Der Arzt *kommt herein*. Es ist nicht der Direktor; es ist der behandelnde Arzt. „Essen Sie mit uns?“ fragt Bodendiek. (E.M. Remarque. Der schwarze Obelisk)
 Но какая цена этому знанию? Доказать он ничего не может. И все-таки он играет со мною, как ему вздумается. *Входит* врач. Это не директор — это лечащий врач. — Вы ужинаете с нами? — осведомляется Бодендик.

Так, в примере (6) субъект дейксиса — Грегор, в (7) — Кнопка. Причем важно, что не Кнопка, а другой персонаж является в данном случае субъектом действия и, соответственно, подлежащим в предложении. Аналогично и в (10): субъект действия и подлежащее — врач. Но не он является субъектом дейксиса. Иначе было бы не *kommt herein*, а *kommt hinein*. Выбор дейктического элемента ясно показывает, что наблюдатель находится внутри — в той комнате, в которую входит врач. А значит, субъект наблюдения и дейксиса (как и в примере (9)) — диегетический повествователь, то есть персонаж, ведущий повествование от 1-го лица. В примере (9) комбинация дейктических адвербиалов *herein* и *hinaus* однозначно демонстрирует, что наблюдатель — он же диегетический повествователь — находится в городе, а не за его пределами, что коррелирует с указанием места расположения пансиона, в котором живут герои.

Ориентация немецкого пространственного дейксиса в нарративе на наблюдателя подтверждается выбором в русских переводах таких глаголов, как *появиться, показаться, явиться, доноситься*. Известно, что смысл ‘наблюдатель’ входит в значение этих глаголов, а указание на фигуру наблюдателя является неотъемлемой частью их толкования.

- (11) ⟨...⟩ und es kam immer ein Punkt, wo er mich wie ein heulender Hund ansah, und meistens *kam* gerade dann Sabine *herein*, schaute ihn verbittert an, weil sie wieder schwanger war. (H. Böll. Ansichten eines Clowns)
 ⟨...⟩ а потом вдруг наступала минута, когда он смотрел на меня глазами затравленного зверя; тут в комнате обычно *появлялась* Сабина и смотрела на Карла с видом жертвы: она опять ходила беременная.
- (12) Wieder *kam* der junge Mann mit dem Schnurrbart *herein*, senkte einmal das Kinn auf die Brust und setzte sich mit sorgenvoll-verschlossener Miene. (Th. Mann. Der Zauberberg)
 Снова *явился* молодой человек с усами, опустил подбородок на грудь и уселся с озабоченным и замкнутым видом.

- (13) Nach Osten und Süden standen die Fenster des Turmgemachs offen, aus Garten und Feld drangen linde, süße Gerüche aller Art, aus der Landschaft unbestimmte Geräusche zu ihm *herein*, wie die kommende Frühe sie aus der Weite und Nähe zu bringen pflegt. (A. Schnitzler. Casanovas Heimfahrt)
Окна комнаты, выходившие на восток и на юг, были раскрыты. Из сада и с полей *доносились* нежные и сладкие ароматы, повсюду, вдалеке и вблизи, слышались неясные шорохи, которые обычно приносит с собой наступающее утро.
- (14) Hie und da *spähten* ein paar Schutzleute mit grünlich schillernden Federbüschen *herein* und gingen in langsamem, schwerem Schritt wieder weiter. (G. Meyrink. Der Golem)
Время от времени *показывались* городские с зеленоватыми и блестящими перьями на шляпах и медленными тяжелыми шагами шли дальше.

В основе семантики слова *hinein* (в его пространственном значении⁷), наряду с указанием на направление прочь от говорящего или от лица, точку зрения которого принимает говорящий, лежит идея перемещения из более открытого в более замкнутое пространство. Интересны контексты типа (15) и (16), в которых речь идет о ментальной (духовной или интеллектуальной) сфере. Употребление *hinein* в таких контекстах показывает, что в модели мира, зафиксированной в немецком языке, эта сфера мыслится как замкнутое пространство, причем отдельное от субъекта. Иными словами, даже если это внутренний мир человека, он описывается в языке как пространство, существующее отдельно от этого человека.

- (15) In dies Priestertum, in diesen Hochmut, in diese Geistigkeit *hinein* hatte sein Ich sich verkrochen, dort saß es fest und wuchs, während er es mit Fasten und Buße zu töten meinte. (H. Hesse. Siddhartha)
В это-то священничество, в это-то высокомерие и духовность и заползло его Я, там оно засело крепко и росло, в то время как он воображал, что умерщвляет его постом и покаянием.
- (16) Mit beginnendem Schlaf versenkte er sich tiefer und tiefer in sich *hinein* und hielt triumphalen Einzug in seiner inneren Festung, auf der er sich ein geruchliches Siegesfest erträumte, eine gigantische Orgie mit Weihrauchqualm und Myrrhendampf, zu Ehren seiner selbst. (P. Süskind. Das Parfum)
Засыпая, он все глубже погружался в самого себя и совершал триумфальный въезд в свою внутреннюю крепость, где он

⁷ У этого слова есть еще и временное значение; ср. словарную статью из НБНС, приведенную ниже.

праздновал в мечтах некую победу обоняния, гигантскую оргию с густым дымом ладана и парами мирры в свою честь.

Рассмотренные здесь особенности немецких лексических единиц с дейктическим значением должны учитываться в их лексикографическом представлении. В первую очередь это касается необходимости переориентации субъекта дейксиса с говорящего (как это традиционно делалось в словарях) на наблюдателя и сходных с ним участников ситуации, которым говорящий как бы делегирует свои дейктические полномочия. В «Новом большом немецко-русском словаре» мы попытались учесть эти особенности следующим образом:

herein *adv det* сюда; внутрь (*при обозначении перемещения из более открытого в более замкнутое пространство по направлению к говорящему или лицу, точку зрения которого принимает говорящий*); ~! **входи(те)!**; (nug) immer ~! **входи(те) быстрее [смелей]!**; hier ~! **вход здесь!** ◇ ~, **wenns kein Schneider ist!** *шутл. разг.* ≈ **входи(те), коль не шутите!**

herein = *отд. первый частотный элемент гл., указывает на движение внутрь по направлению к говорящему или лицу, точку зрения которого принимает говорящий (тж. перен.)*: hereinkommen **входить**; hereinlassen **впустить**; hereinfliegen **попасть впросак**

hinein *adv det* **1.** в, внутрь; вглубь; вплоть до (*при обозначении перемещения из более открытого в более замкнутое пространство по направлению от говорящего или лица, точку зрения которого принимает говорящий*); ins Zimmer ~ **в комнату**; ins Leere ~ **в пустоту**; nun aber ~ ins Bett (mit euch)! **а ну, в кровать!** **2.** *при обозначении времени до, вплоть до*; bis in die Gegenwart ~ **вплоть до наших дней**; bis (tief) in die Nacht ~ **до поздней ночи** ◇ **ins Blaue** ~ *разг.* **наобум, без четкой цели**; **bis ins Herz [Mark, Innerste]** ~ **высок. до глубины души**

hinein = *отд. первый частотный элемент гл., указывает на движение внутрь по направлению от говорящего или лица, точку зрения которого принимает говорящий (тж. перен.)*: hineingehen **входить**; hineinblicken **заглядывать (напр. в помещение)**; sich hineindenken **вдумываться**; hineinlegen **привносить (личное отношение в какое-л. дело, напр. чувство в исполнение музыкального произведения)**

1.4. Составление поисковых запросов в параллельных корпусах НКРЯ

Для того, чтобы открыть параллельные корпуса НКРЯ, необходимо зайти на сайт Национального корпуса русского языка по адресу <<http://ruscorpora.ru/index.html>> и нажать ссылку «Поиск в корпусе»:

Рис. 1

В появившемся списке корпусов необходимо выбрать «Параллельный» и указать интересующий язык, например немецкий:

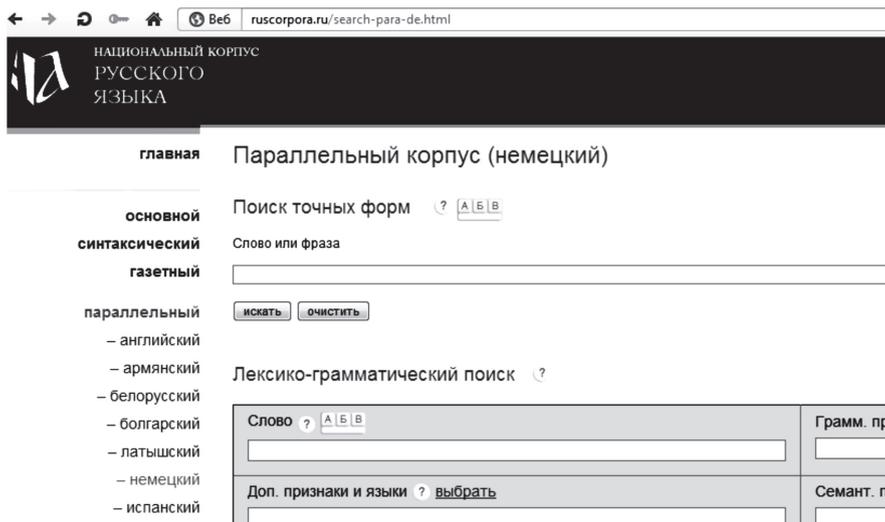

Рис. 2

Далее следует задать подкорпус. Данный шаг можно опустить, если для исследователя не принципиально, будет ли осуществляться поиск по оригинальным текстам или переводным. В ином случае необходимо в правом верхнем углу экрана пройти по ссылке «задать подкорпус». В появившемся списке можно выбрать ряд параметров текста, таких как название текста, автор, год его рождения, год создания, переводчик. Там же можно выбрать язык оригинала, например немецкий, и язык перевода — русский. Кроме того, можно указать сферу функционирования текста, выбрав между художественной, обиходно-бытовой, официально-деловой, производственно-технической, учебно-научной, церковно-богословской сферами, публицистикой, рекламой и электронной коммуникацией:

главная	Параллельный корпус: выбор подкорпуса
основной	Вы можете задать подмножество корпуса, по которому в дальнейшем будет вести
синтаксический	Корпус: ☒ двуязычный ☐ мультязычный
газетный	Название <input type="text"/> *
параллельный	Автор текста <input type="text"/>
обучающий	Год рождения: от <input type="text"/> до <input type="text"/> ☐ Точное вхождение
диалектный	Год создания: от <input type="text"/> до <input type="text"/> ☐ Точное вхождение
позтический	
устный	Переводчик <input type="text"/>
акцентологический	
мультимедийный	Язык оригинала: <input type="text" value="любой"/>
исторический	Язык перевода: <input type="text" value="любой"/>
использование корпуса	Дата перевода: от <input type="text"/> до <input type="text"/>
	Сфера функционирования: выбрать

Рис. 3

Выбор подтверждается кнопкой «Далее», после чего пользователь видит, какие тексты удовлетворяют его параметрам:

Результаты поиска в параллельном корпусе

[перейти на страницу поиска](#)

Объем всего корпуса: 1 506 документов, 4 142 533 предложения, 54 028 815 слов.

Найдено 32 документа общим объемом 154 087 предложений, 2 426 750 слов.

[Сохранить подкорпус и перейти к странице поиска](#)

Страницы: 1

1. [Mitsubishi Europe. Speicherprogrammierbare Steuerungen Bedienungsanleitung \[ABBYY LingvoPRO\] \(2012\)](#) [омонимия]
2. [Michael Ashelm. Wer kauft den Sport? Im Reich der Milliardäre \[ABBYY LingvoPRO\] \(2010\)](#) [омонимия не снята]
3. [berlin.de. Die unterschätzte Gefahr: Frauenkrankheit Herzinfarkt \[ABBYY LingvoPRO\] \(2005-2010\)](#) [омонимия не снята]
4. [Diana Engel. Kinder leiden mit: Rat und Hilfe bei häuslicher Gewalt \[ABBYY LingvoPRO\] \(2009\)](#) [омонимия не снята]
5. [nrw.de. Hygiene im Alltag. Influenza im Keim ersticken \[ABBYY LingvoPRO\] \(2009\)](#) [омонимия не снята]
6. [Sondervorlage der Moskauer deutschen Zeitung: Landwirtschaft \[ABBYY LingvoPRO\] \(2009\)](#) [омонимия не снята]
7. [Bundeszentrale für gesundheitliche Aufklärung \(BZgA\). Merkblatt für junge Eltern \[ABBYY LingvoPRO\] \(2004\)](#) [омонимия не снята]
8. [Friedrich Dürrenmatt. Justiz \(1985\)](#) [омонимия не снята]
9. [Patrick Süskind. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders \(1985\)](#) [омонимия не снята]

Рис. 4

Если результаты удовлетворяют пользователя, ему необходимо выбрать «Сохранить подкорпус и перейти к странице поиска». Поиск может осуществляться по словоформам, леммам и по определенным грамматическим и семантическим характеристикам слова. Для словоформ используется «Поиск точных форм», где также можно вводить фразы, как показано в примере:

<p>главная</p> <hr/> <p>основной</p> <hr/> <p>синтаксический</p> <hr/> <p>газетный</p> <hr/> <p>параллельный</p> <ul style="list-style-type: none"> – английский – армянский – белорусский – болгарский – латышский – немецкий – польский 	<p>Параллельный корпус</p> <p>Поиск точных форм ? <input type="text" value="A B V"/></p> <p>Слово или фраза</p> <input style="width: 100%;" type="text" value="den Gästen"/> <p><input type="button" value="ИСКАТЬ"/> <input type="button" value="ОЧИСТИТЬ"/></p> <p>Лексико-грамматический поиск ?</p> <div style="border: 1px solid gray; padding: 5px;"> <p>Слово ? <input type="text" value="A B V"/></p> <input style="width: 100%;" type="text"/> <p>Доп. признаки и языки ? <input type="button" value="выбрать"/></p> </div>
---	---

Рис. 5

По такому запросу программа выдаст все тексты подкорпуса, в которых за поисковым объектом **den** следует **Gästen**⁸. Если нажать на

⁸ В данной статье поисковые запросы для удобства читателя выделены полужирным шрифтом.

знак вопроса, можно получить справку о том, что подразумевается под «поиском точных форм». Нажав на знак «АВВ», можно вызвать виртуальную клавиатуру. По результатам данного запроса было найдено 7 контекстов⁹:

Найдено 3 документа, 7 вхождений.

Поискать в других корпусах: основном, акцентологическом, газетном, диалектном, мультимедийном, обуч

Страницы: 1

1. Thomas Mann. Der Zauberberg (1924) [омонимия не снята] **Все примеры (3)**

de	Übrigens sprang er, bei aller Wichtigkeit, die er der Elbregulierung beimaß, gleich wieder ab von diesen Gästen erzähle, was auch bereitwillig geschah, da Joachim froh war, sich erleichtern und mitteilen zu kt
ru	Впрочем, несмотря на всю важность, которую Ганс Касторп придавал вопросу об Эльбе, о подробнее относительно жизни "здесь наверху", а также о пациентах санатория, за что тот впечатлениями. [Томас Манн. Волшебная гора (В. Станевич, 1959)] [омонимия не снята] ←...→

Рис. 6

Если пользователь желает расширить контекст, ему необходимо нажать на знак $\leftarrow \dots \rightarrow$, находящийся после контекста. Указание [омонимия не снята] означает, что найденный контекст может содержать форму, омонимичную искомой. Поиск по текстам со снятой грамматической омонимией возможен только в основном корпусе и отсутствует в параллельных корпусах.

Помимо поиска по словоформам имеется лексико-грамматический поиск, в котором можно задавать определенные грамматические и/или семантические характеристики слова и/или словоформы, а также указывать их последовательность и интервал между ними. В графу для первого слова вводится первый поисковый объект, в данном случае лексема **der**, во вторую графу вводится второй поисковый объект, лексема **Gast**, и указывается максимальное расстояние между ними, от 1 до 2, то есть между лексемами может быть максимум одно слово:

⁹ Под термином «контекст» здесь подразумевается отрывок текста, содержащий искомый объект, в том размере, в котором его можно экспортировать из электронного корпуса. Немецким эквивалентом термина «контекст» в этом значении является слово *Beleg*.

Лексико-грамматический поиск ?

Слово ? А Б В

der

Доп. признаки и языки ? Выбрать

Расстояние: от до ?

Слово ? А Б В

Gast

Доп. признаки и языки ? Выбрать

Рис. 7

По такому запросу было найдено 87 контекстов, в числе которых есть и следующий:

- (17) de *Die Gäste*, erst wie gebannt, waren aufgesprungen. [Friedrich Dürrenmatt. Justiz (1985)] [омонимия не снята] ←...→
 ru Гости, поначалу окаменевшие, вскочили со своих мест. [Фридрих Дюрренматт. Правосудие (С. Фридлянд, 1988)] [омонимия не снята] ←...→

Для лексем можно также выбирать определенные грамматические признаки и дополнительные параметры. Для выбора грамматических признаков необходимо пройти по соответствующей ссылке и в открывшемся меню выбрать интересующие параметры:

Лексико-грамматический поиск ?

Слово ? А Б В	Грамм. признаки ? <u>Выбрать</u>
<input type="text"/>	NUM <input type="text"/>
Доп. признаки и языки ? <u>Выбрать</u>	Семант. признаки ? <u>Выбрать</u>
<input type="text"/>	<input type="text"/>

Рис. 8

По результатам выбора признаков формируется соответствующий поисковый код. Так, для числительных этот код будет «NUM».

В дополнительных признаках можно выбрать язык, к которому принадлежит искомый объект, его положение относительно знаков

препинания, позицию в начале или конце предложения, а также написание с заглавных букв.

Поиск может осуществляться не только по конкретным лексемам и их грамматическим признакам, но и исключительно по грамматическим признакам. Так, в первом поле для поиска можно указать только грамматические признаки, например числительное, во втором поле поиска — конкретную лексему, например **Gast**. По этому запросу получаем в том числе следующий контекст:

- (18) de Im Guckfenster der Tür erschienen zwei große, schwarze Augen, sahen ein Weilchen die *zwei Gäste* an und verschwanden; die Tür öffnete sich aber nicht. [Franz Kafka. Der Prozess (1914)]
[омонимия не снята] ←...→
ru В дверном окошечке показались два больших темных глаза, взглянули на посетителей и снова исчезли, но дверь так и не отворилась. [Франц Кафка. Процесс (Р. Райт-Ковалева, 1965)]
[омонимия не снята] ←...→

По умолчанию в лексико-грамматическом поиске имеются поля для двух поисковых объектов. Если требуются дополнительные поля, необходимо нажать на стрелку справа от граф с грамматическими и семантическими признаками (см. рис. 8).

Важно иметь в виду, что поисковые объекты будут располагаться в тексте в том порядке, в котором располагаются их поисковые поля. Так, за поисковым объектом из первого поля следует поисковый объект из второго поля и т. д.

Помимо прочего, в корпусах есть возможность использовать оператор *, который заменяет неограниченное число символов. Если в лексико-грамматическом поиске задать запрос **Gast***, можно получить контексты с такими словоформами как *Gastfreundschaft*, *Gastgeber*, *Gaststätten*, *Gasthof* и т. д.

Кроме того, корпуса снабжены возможностью исключать из результатов поиска те или иные словоформы или грамматические характеристики. Для этого в поле поиска перед ними ставится знак минус. Так, если в первое поисковое поле ввести запрос **-Ding**, во второе **an**, а в третье **sich**, то из результатов поиска (всех контекстов с сочетанием *an sich*) будут исключены контексты с сочетанием *Ding an sich*.

Более подробную инструкцию по использованию параллельных корпусов можно найти, пройдя по ссылке «инструкция», которая расположена в окне поиска в верхней правой части экрана.

* * *

Завершая раздел, посвященный немецко-русским и русско-немецким текстам в Национальном корпусе русского языка, отметим,

что обращение к параллельным корпусам помогает выявить нетривиальные семантические и дискурсивные особенности как немецких слов, так и их русских функциональных соответствий.

2. Мангеймский корпус немецкого языка

2.1. Состав корпуса

Следующий корпус, о котором пойдет речь, с 2004 года носит официальное название Deutsches Referenzkorpus (DeReKo). Он поддерживается Институтом немецкого языка (IDS) в Мангейме, и поэтому известен также как Мангеймский корпус. Мангеймский корпус — это самое крупное в мире собрание немецкоязычных текстов, предназначенных для лингвистических исследований. Его полный объем составляет приблизительно 8,9 миллиардов словоформ (это соответствует 22,2 миллиону книжных страниц). Однако некоторые архивы в составе корпуса защищены авторским правом и доступны только с компьютеров Института немецкого языка. Объем части корпуса, находящейся в свободном доступе, — чуть более 6,5 миллиардов словоформ.

Работа с Мангеймским корпусом осуществляется с помощью системы COSMAS II (Corpus Search, Management and Analysis System). Портал COSMAS II <<http://www.ids-mannheim.de/cosmas2>> включает в себя несколько элементов:

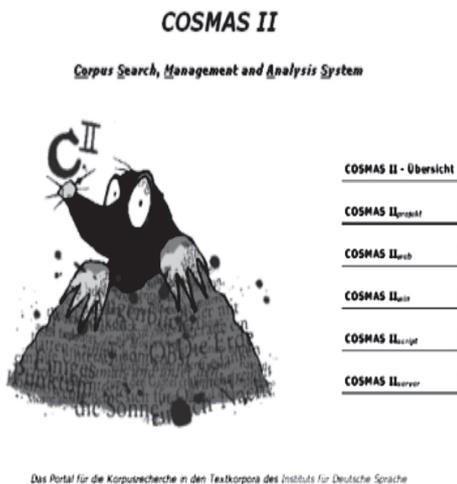

Рис. 9

COSMAS II_{web} — приложение для работы с корпусом через портал COSMAS II, то есть прямо в окошке браузера (без предварительной установки каких-либо программ на своем компьютере);

COSMAS II_{win} — программа, которую пользователь может скачать и установить на своем компьютере, чтобы впоследствии обращаться к корпусу с ее помощью (а не через браузер). Это приложение предназначено только для операционной системы Windows, и для работы с ним необходимо подключение к сети Интернет, поскольку сами тексты корпуса не сохраняются на компьютере пользователя (допускается лишь экспортирование результатов поиска в корпусе, о котором речь пойдет ниже). Приложения COSMAS II_{web} и COSMAS II_{win} обладают сходными функциональными возможностями и различаются в основном по графическому оформлению;

COSMAS II_{script} — приложение, предназначенное для работы с операционной системой SOLARIS и доступное только для сотрудников Института немецкого языка;

COSMAS II_{projekt} и COSMAS II_{server} — страницы, содержащие информацию о корпусе, его составе и технических возможностях.

Доступ к корпусу предоставляется бесплатно, но требует регистрации на странице <<http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/projekt/registrierung>>. После заполнения регистрационных данных на адрес электронной почты пользователя приходит уведомление с паролем, который затем необходимо указывать при входе в корпус (через приложение COSMAS II_{win} или через страницу <<https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/menu.registration.login.do>>).

После ввода логина и пароля для осуществления поиска в корпусе при использовании COSMAS II_{web} необходимо выбрать в верхней строке меню пункт Recherche. В приложении COSMAS II_{win} переход к поиску происходит автоматически.

Recherche

Das normale Vorgehensmodell bei einer Recherche ähnelt einem Wasserfallmodell. Die einzelnen Schritte sind unten dargestellt. Selbstverständlich können sie im Modell zurückspringen. Änderungen in voran gestellten Aktionen wirken sich aber auf nachstehende aus. So löscht die Auswahl eines neuen Archivs beispielsweise die frühere Auswahl eines Korpus, sodass sie ein neues Korpus wählen müssen.

1. Archiv wählen

↳ 2. Korpus wählen

↳ 3. Anfrage formulieren

Рис. 10

Работа с корпусом начинается с выбора того массива текстов, в котором будет осуществляться поиск. Корпус включает в себя различные типы письменных текстов. Институт немецкого языка в Мангейме занимается также разработкой корпуса устной речи (Archiv für

Gesprochenes Deutsch), однако в состав DeReKo он не входит и доступен на отдельной странице — <<http://agd.ids-mannheim.de/index.shtml>>.

Большинство текстов, входящих в корпус DeReKo, представляют период с середины XX века до настоящего времени. В отличие, например, от Британского Национального корпуса, DeReKo не сбалансирован по типам включенных в него текстов и времени их создания, а ориентирован на охват максимально возможного объема материала. Основную часть корпуса составляют тексты газет и журналов Германии (Berliner Morgenpost, Hamburger Morgenpost, Mannheimer Morgen, Nürnberger Nachrichten и др.), Швейцарии (например, St. Galler Tagblatt, Zürcher Tagesanzeiger) и Австрии (Kleine Zeitung, Neue Kronen-Zeitung). В нем также представлены сказки братьев Гримм, сочинения Гете, статьи из интернет-энциклопедии Википедия и беллетристика XX и XXI веков.

Тексты корпуса объединены в архивы, которые делятся на подкорпусы. Так, перед началом поиска пользователю предлагается выбрать основной архив (W — Archiv der geschriebenen Sprache), включающий в себя в свободном доступе чуть более 4 миллиардов словоформ, архив исторических подкорпусов HIST, картотеку Общества немецкого языка или один из архивов, снабженных морфосинтаксической разметкой.

Aktuelles Archiv -	<input type="text"/>	Aktuelles Korpus -	<input type="text"/>
Suchanfrage	<input type="text"/>		
Archivauswahl			Ergebnisse:

Öffnen Sie bitte eines der folgenden Archive:

W - Archiv der geschriebenen Sprache
Alte Version von "W - Archiv der geschriebenen Sprache" (verfügbar bis 20.12.2013)
W-ÜBRIG - Archiv der aussortierten geschriebenen Korpora
TAGGED-C - Archiv morphosyntakt. annotierter Korpora (CONNEXOR)
TAGGED-T - Archiv morphosyntakt. annotierter Korpora (TreeTagger)
TAGGED-M - Archiv morphosyntakt. annotierter Korpora (MECOLB; ehem. TAGGED)

Рис. 11

В пределах каждого архива необходимо выбрать подкорпус (см. рис. 12): либо все тексты, входящие в тот или иной архив, либо тексты из одного источника (например, подкорпус одной газеты или произведений одного автора).

Aktuelles Archiv	W - Archiv der geschriebenen Sprache	Aktuelles Korpus	-
Suchanfrage	-		
Korpusauswahl	Release: Deutsches Referenzkorpus (DeReKo-2013-II)		Ergebnisse:

Laden Sie bitte eines der folgenden virtuellen Korpora:

Vordefinierte Korpora
W-öffentlich - alle öffentlichen Korpora des Archivs W (mit Neuaquisitionen)
N-öffentlich - alle öffentlichen Neuaquisitionen
W-ohneN-öffentlich - alle öffentlichen Korpora des Archivs W (ohne Neuaquisitionen)
PP - Plenarprotokolle
bio - Biografische Literatur (öffentlich)
bmp - Berliner Morgenpost, Oktober 1997, Mai - Dezember 1998, Januar - Dezember 1999
lsp - Lexikalische Strukturen, Januar 2007 - Juli 2010

Рис. 12

Выбрав подкорпус, пользователь получает возможность задать в появившемся окне поисковый запрос. В корпусе DeReKo используется специальный синтаксис поисковых запросов, позволяющий, например, искать слово или словосочетание во всех его грамматических формах. Подробнее он будет рассмотрен в следующем разделе.

2.2. Синтаксис поисковых запросов

Объектом поиска в DeReKo может выступать слово в лексической и/или грамматической форме, знак препинания, служебный знак или число.

Так, при запросе **, dass ich** будет получен следующий результат¹⁰:

- (19) Eine der großen Herausforderungen dabei für mich ist, **dass ich** bleibe — Kamera, Regie und das Team wechseln, ich nicht. (Braunschweiger Zeitung, 03.01.2013)

Результат по запросу **1979**:

- (20) Dabei habe er **1979** den jungen Beck davon überzeugt, in die Politik zu gehen. (Mannheimer Morgen, 05.02.2013)

¹⁰ В данной статье поисковые запросы для удобства читателя выделены полужирным шрифтом.

Поиск в DeReKo может осуществляться по определенным поисковым шаблонам с помощью операторов. К группе операторов словоформ (Wortformoperatoren) относятся три подгруппы: операторы, заменяющие некоторое количество символов (Platzhalteroperatoren); оператор леммы (Grundformoperator) и оператор игнорирования (Ignorierungsoperator).

К первой подгруппе операторов, заменяющих некоторое количество символов, относятся оператор *****, оператор **?** и оператор **+**, которые могут комбинироваться как со словом, так и с его сегментом. Оператор ***** заменяет неограниченное число символов, оператор **?** заменяет ровно один символ, а оператор **+** заменяет либо 0, либо один символ. Так, по запросу **Mond*** в DeReKo число найденных словоформ превышает 6500; по запросу **Mond?** результаты намного скромнее: 32 словоформы, среди которых *Monda*, *Mondi*, *Mondo*, *Monds*; по запросу **Mond+** получено 38 словоформ, к которым добавились еще *Mond* и *Mönd* (редкая словоформа, употребленная в швейцарской газете); по запросу **Mond??** — 105 словоформ, среди которых *mondän*, *Mondes* и т. д.

Так выглядит диалоговое окно с поисковым запросом¹¹:

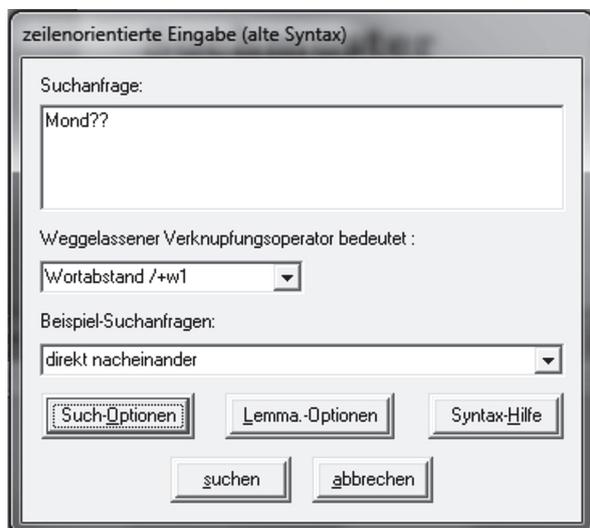

Рис. 13

¹¹ В разделе 2.2 представлены снимки экрана программы COSMAS Pwin, а не COSMAS Pweb, как в разделе 2.1, по соображениям удобства читателя. Синтаксис поисковых запросов и набор разбираемых функций в данных программах совпадают. Отличия в наборе функций между данными программами имеются, но они не релевантны для данной статьи.

Если при поиске необходимо учесть написание слова со строчной или прописной буквы, то в опциях поиска (Such-Optionen на рис. 13) необходимо выбрать опцию «Учесть написание со строчной или прописной буквы», как показано на рис. 14:

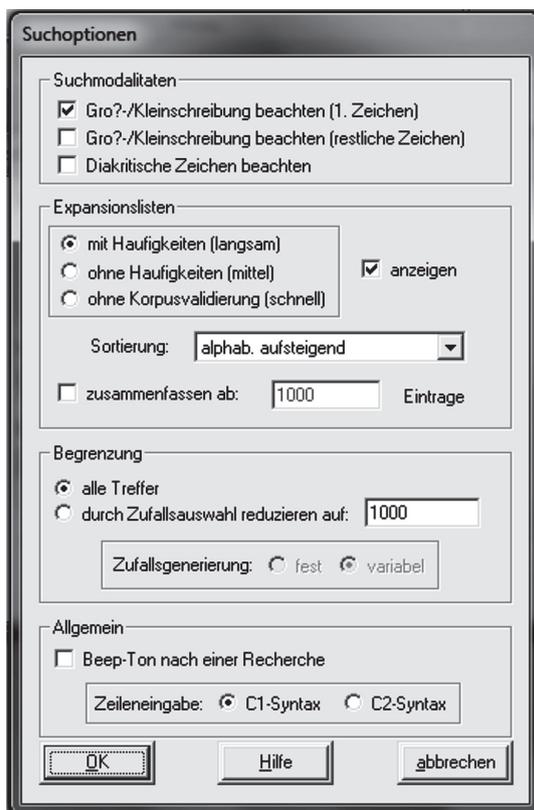

Рис. 14

Помимо операторов, заменяющих некоторое количество символов, к группе операторов словоформ (Wortformoperatoren) относятся оператор леммы (Grundformoperator) и оператор игнорирования (Ignorierungsoperator).

Оператор леммы & позволяет найти все словоформы искомого слова. Например, по запросу **&Mond** можно получить Mond, Mondes, Monds, Monde.

Оператор игнорирования \$ используется при включенной опции «Учесть написание со строчной или прописной буквы» и позволяет не учитывать написание со строчной или прописной буквы для словоформы, перед которой он стоит. Так, по запросу **Tag der \$offenen Tür** будут найдены *Tag der offenen Tür* и *Tag der Offenen Tür*.

Если поиск осуществляется по неаннотированному корпусу¹², то невозможно указать искомую часть речи. Так, если ищется глагол *sein* в разных словоформах (поисковый запрос **&sein**), то одновременно будут найдены и все словоформы для соответствующего притяжательного местоимения. Убрать явно неподходящие словоформы из области поиска (например, *seiner*, *seinem*, *seines* и т. п.) можно, поставив минус рядом с соответствующими словоформами в появляющемся после отсылки запроса списке:

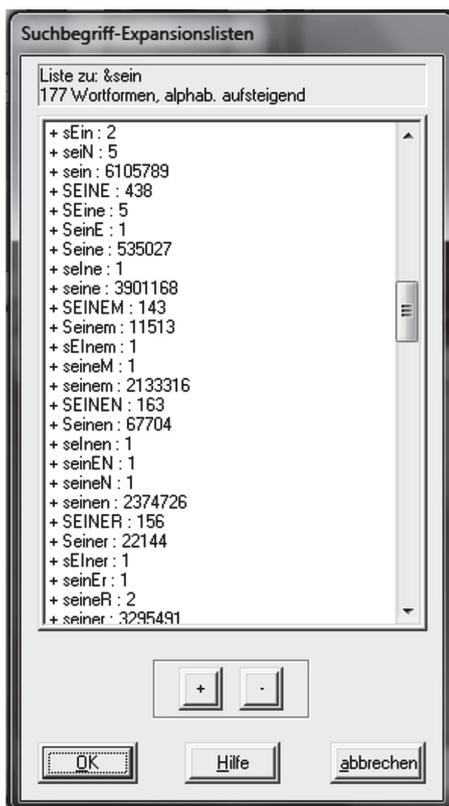

Рис. 15

Помимо этого, оператор леммы позволяет осуществлять поиск не только по всем словоформам, но и по сложным словам и дериватам. Так, при запросе **&laufen** и выбранной опции «сложные слова» (Komposita) можно найти такие слова, как *Abendlaufzeit*, *Eiskunstlaufen*; при опции «дериваты» (Ableitungen) — *abgelaufen*, *auseinanderlaufen* и т. д.

¹² С типологической точки зрения *her* и *hin* — это показатели глагольной ориентации; ср. [Плунгян 2011].

Подключить данные опции можно, нажав на Lemma-Optionen в диалоговом окне составления запроса и выбрав в открывшемся окне *Komposita* для сложных слов и *Sonstige Wortbildungsformen* для дериватов (рис. 16 и 17):

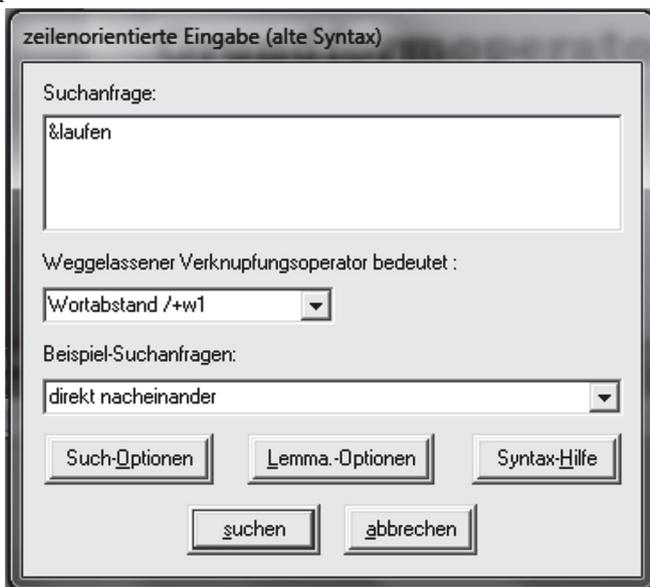

Рис. 16

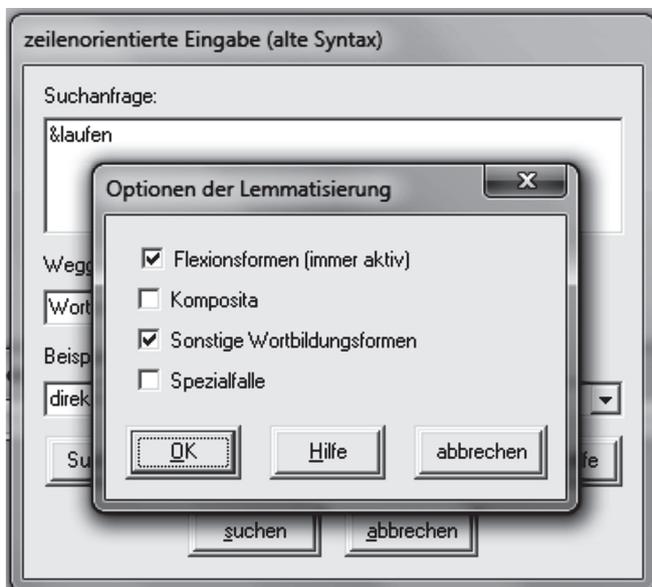

Рис. 17

Таким образом, мы рассмотрели первую группу операторов: операторы словоформ, к которым относятся операторы, заменяющие некоторое количество символов; оператор леммы и оператор игнорирования.

Помимо них, имеются логические операторы *UND*, *ODER*, *NICHT*, операторы дистанции и операторы аннотации.

Оператор *UND* позволяет искать тексты, в которых одновременно присутствуют два искомого объекта. Так, при запросе **anscheinend und scheinbar** можно получить следующий контекст:

- (21) Dabei geht es weniger um Phobien, von denen es bekanntlich unzählige gibt; von der Arachnophobie (Angst von Spinnen) bis zur Zelophobie (Angst vor Eifersucht). So rätselhaft, so herausfordernd wie die Angst ist *anscheinend* kein menschliches Gefühl. Angst vor Armut plagt den Millionär vielleicht noch mehr als den Habenicht. (Nürnberger Zeitung, 22.02.2013)

Как можно видеть, в данном отрывке присутствует только слово *anscheinend*. Слово *scheinbar* находится в этом же тексте, но не в отрывке, отображаемом в полученном контексте.

Подобным образом действуют операторы *ODER* и *NICHT*. При запросе **anscheinend oder scheinbar** ищутся все тексты, в которых присутствует либо *anscheinend*, либо *scheinbar*. При запросе **anscheinend nicht scheinbar** ищутся все тексты, где встречается словоформа *anscheinend*, но нет словоформы *scheinbar*.

Если логические операторы *und*, *oder*, *nicht*, *and*, *or*, *not* (можно использовать обозначения операторов как на немецком языке, так и на английском) становятся частью поискового запроса, то необходимо ставить их в кавычки. Например:

**Kind „und“ Kegel
groß „oder“ klein
„nicht“ ein wenig**

Обратим внимание, что если вместо **Kind „und“ Kegel** написать **Kind und Kegel**, то программа воспримет **und** как логический оператор и будет искать тексты, в которых одновременно присутствуют словоформы **Kind** и **Kegel**. Причем искомые объекты могут находиться в разных абзацах одного текста. Следует также обратить внимание на логический оператор *not*, который совпадает по написанию (если отключена опция «Учесть написание со строчной или прописной буквы») с немецким существительным *Not*. Чтобы программа не восприняла немецкое *Not* как логический оператор, необходимо поставить его в кавычки, как это сделано в следующем поисковом запросе:

mit Mühe „und“ „Not“

Третья группа операторов — операторы дистанции. К ним относятся оператор дистанции между словами *w* (Wortabstandsoperator), оператор дистанции между предложениями *s* (Satzabstandsoperator) и оператор дистанции между абзацами *p* (Absatzabstandsoperator). С помощью операторов дистанции указывается, каким должно быть расстояние от одного объекта поиска до другого.

Операторы дистанции вводятся косой чертой. Сразу после оператора (без пробела) указывается максимальное расстояние до искомого объекта. Так, при запросе **Sonne /w2 &scheinen** будут искаться контексты, в которых словоформа *Sonne* и *scheinen* в любой из возможных для последнего словоформ разделены не более чем одним словом, например:

- (22) Während über der katalonischen Mittelmeer-Küste die *Sonne scheint* und die Luft frühlingshaft erwärmt, war die deutsche Handball-Delegation nicht erbaut über die Gefrierschrank-Atmosphäre in der Halle. (Braunschweiger Zeitung, 12.01.2013)
- (23) Endlich *scheint* die *Sonne* wieder, und dann minus 4 Grad — genau das ideale Wetter für unsere Winterwanderung. (Braunschweiger Zeitung, 30.01.2013)

Также можно учитывать, в какой последовательности искомые объекты должны появиться в контексте. Знак + после косой линии указывает, что искомый объект находится после объекта, указанного до косой линии, знак — указывает на обратное. Так, по запросу **Sonne /+w2 &scheinen** мы получим контекст (22). В то время как по запросу **Sonne /-w2 &scheinen** возможен только контекст (23).

Возможным является также одновременно указывать минимальный и максимальный интервалы между искомыми объектами. Для этого после соответствующего оператора (*w*, *s* или *p*) через двоеточие указываются минимальный и максимальный интервалы, например запрос **Sonne /+w2:3 &scheinen** дает следующие результаты:

- (24) Die *Sonne* soll immer *scheinen*. (Braunschweiger Zeitung, 24.01.2013)
- (25) Ich wünsche mir zudem, dass die *Sonne* immer *scheint*. (Braunschweiger Zeitung, 24.01.2013)

Интервал может быть также равен нулю. Подобный интервал необходим при поиске знаков препинания, не разделенных пробелом с первым искомым объектом. Запрос **Sonne /w0** , дает следующий контекст:

- (26) Ab und zu schoben sich dicke Wolken vor die *Sonne*, doch das war den Besuchern egal: Mega-Ansturm beim Hafengeburtstag! (Hamburger Morgenpost, 12.05.2013)

Аналогично работают оператор дистанции между предложениями *s* и оператор дистанции между абзацами *p*.

Так, по запросу **Gegenwart /s1:2 Zukunft** будут найдены контексты, в которых в одном предложении имеется слово *Gegenwart*, а в соседнем предложении (до или после) или через предложение слово *Zukunft*, например:

- (27) Was viele Leute für die *Zukunft* halten, ist bereits *Gegenwart*. Und was sie für die *Gegenwart* halten, ist längst Vergangenheit. (Nürnberger Nachrichten, 16.07.2013)

Если необходимо, чтобы оба слова находились в одном предложении, интервал после оператора должен быть равен нулю. Результат по запросу **Gegenwart /s0 Zukunft**:

- (28) Thomas Bach blickt nicht gern zurück. Seine *Gegenwart* ist die *Zukunft*, und die ist seit langer Zeit systematisch geplant. (Mannheimer Morgen, 10.05.2013)

Поиск может производиться и по параграфам. Так, по запросу **Gegenwart /p1:2 Zukunft** будут получены контексты, в которых в одном параграфе имеется слово *Gegenwart*, а в соседнем или через один параграф есть слово *Zukunft*.

- (29) Prof. Georg Nagler, Rektor der DHBW Mannheim: ⟨...⟩ Ich freue mich auf Begegnungen mit der Geschichte und der *Gegenwart* — aber noch mehr auf viele Begegnungen mit den Menschen dieser Region. Prof. Udo Dahmen, Rektor der Popakademie Mannheim: Das Jahr 2013 wird für uns ein besonderes. Wir feiern das zehnjährige Jubiläum der Popakademie Baden-Württemberg. Höhepunkt wird unser Jubiläumskonzert am 19. Juli. In einer Jubiläumspublikation werden wir zeigen, was wir bisher bewegt haben und was wir in *Zukunft* bewegen wollen.

Операторы дистанции *w*, *s* и *p* можно использовать не только для включения искомого объекта в область поиска, но и для его исключения. Для этого косая линия заменяется на знак *%*. Так, если нас интересуют предложения, в которых есть слово *klipp*, но нет слова *klar*, необходимо составить следующий запрос: **klipp %s0 klar**. Если знак *%* заменить на косую линию, будут найдены все предложения, в которых одновременно встречаются *klipp* и *klar*. Результат по запросу **klipp %s0 klar**:

- (30) Was wurde sie einst romantisch besungen, die schöne Müllerin oder gar der Müller selbst, der bei Tag und Nacht stets wach war, weil die Mühle am rauschenden Bach „*klipp klapp*“ machte! (Nürnberger Nachrichten, 17.05.2013)

Если поисковый запрос содержит более одного оператора дистанции, необходимо использовать круглые скобки. Предположим, нас интересует идиома (*etw. A*) *im Auge behalten*. Тогда составляется следующий запрос: **(im /+w1 Auge) /s0 &behalten**, то есть между *im* и *Auge* дистанция равна нулю, словоформа *Auge* идет сразу за *im*. В этом же предложении должен присутствовать глагол *behalten* в любой из своих словоформ.

В поисковом запросе для данной идиомы можно учесть и возможность варьирования глагольного компонента. Тогда запрос будет выглядеть следующим образом: **(im /+w1 Auge) /s0 (&behalten OR &haben)**. В отличие от предыдущего запроса, он содержит указание на то, что в одном предложении с предложной группой *im Auge* должен присутствовать либо глагол *behalten*, либо глагол *haben* в любой из своих словоформ.

Данный поисковый запрос можно несколько упростить. Так, не обязательно указывать, что слова идут друг за другом, с помощью оператора **+/w1**, если настройки по умолчанию не менялись (см. рис. 13). В диалоговом окне, в котором составляется поисковый запрос, по умолчанию искомые объекты следуют друг за другом. Таким образом, поисковый запрос для идиомы (*etw. A*) *im Auge behalten* будет выглядеть следующим образом: **(im Auge) /s0 (&behalten OR &haben)**.

К четвертой группе операторов относится оператор аннотации MORPH, который применяется только в корпусах, снабженных морфосинтаксической разметкой. Для этого необходимо в самом начале работы выбрать архив аннотированных корпусов TAGGED-M, как показано на рис. 18:

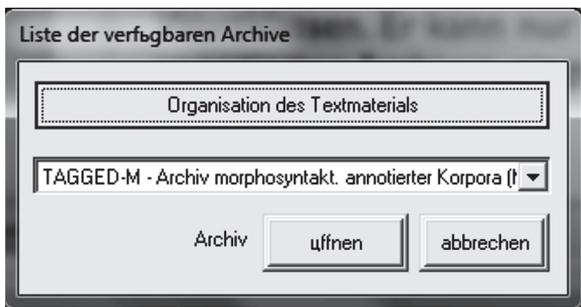

Рис. 18

В таком корпусе искомому объекту можно приписать определенные грамматические характеристики. Для этого сначала указывается

ся искомая словоформа, затем ставится /w0 и в диалоговом окне выбирается оператор MORPH, как показано на рис. 19:

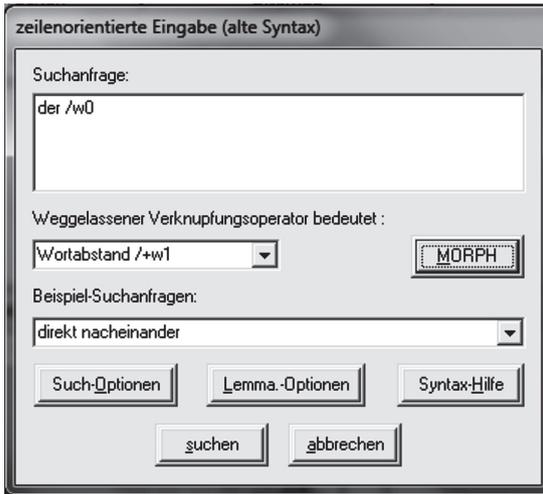

Рис. 19

Далее из списков выбираются грамматические характеристики искомого объекта. Например, можно указать, что искомый объект *der* должен быть относительным местоимением женского рода, стоящим в дательном падеже:

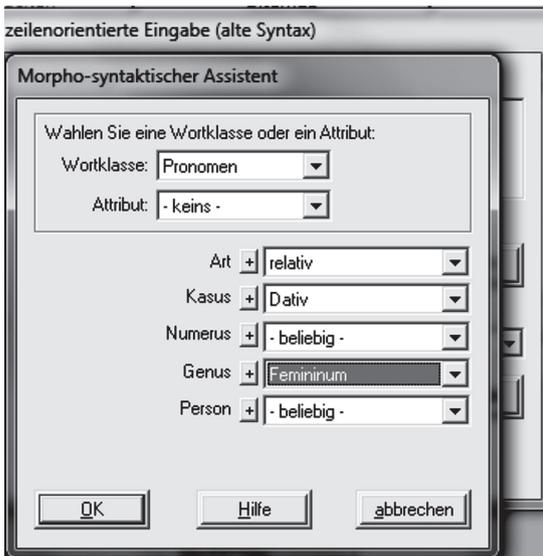

Рис. 20

Программа формирует соответствующий поисковый код, и мы получаем следующий поисковый запрос: **der /w0 MORPH(PRN rel dat)**. Пример из DeReKo по данному запросу:

- (31) Eine solche Koalition, mit *der* einige Vertreter von CDU wie Grünen durchaus liebäugeln, könnte zum Sprengsatz an der alternativen Basis werden. (Mannheimer Morgen, 07.04.1991)

Однако следует отметить, что морфосинтаксическая разметка корпусов DeReKo не свободна от ошибок, поэтому возможен информационный шум.

Поиск может осуществляться также по частям речи. Предположим, что нас интересует предложение, в котором за существительным среднего рода в единственном числе и дательном падеже следует глагол в действительном залоге, претерите или перфекте изъявительного наклонения. После выбора соответствующих характеристик (см. рис. 21, 22) программа формирует следующий запрос: **MORPH(NOU dat sg) /w1 MORPH(VRB npas past indic)**, по которому можно найти такой контекст:

- (32) An jedem *Hof war* es Aufgabe des Herolds, die Identität eines Schildträgers sofort bei seiner Ankunft aus seiner Kenntnis der „Wappen“ auf dem Schild zu verkünden. (Mannheimer Morgen, 07.01.1991)

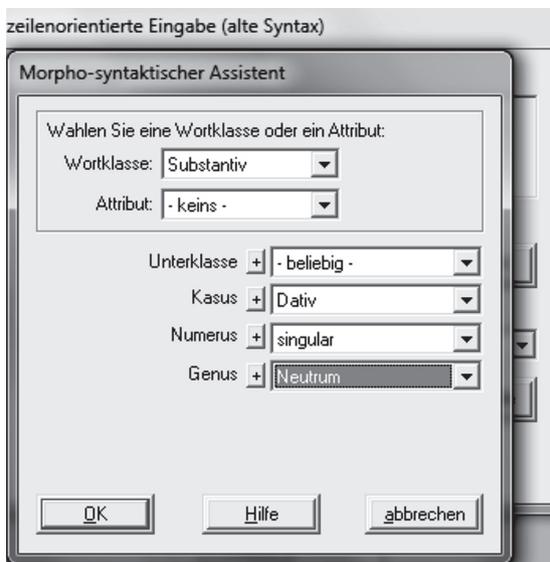

Рис. 22

Почитать подробнее о синтаксисе поисковых запросов можно также на сайте Института немецкого языка в Мангейме; см. [Syntax der zeilenorientierten Suchanfragesprache].

2.3. Особенности синтаксиса поисковых запросов DeReKo в сравнении с DWDS

Как было указано выше, корпуса DeReKo не являются сбалансированными, и в большинстве из них отсутствует морфосинтаксическая разметка. В то же время, на сайте Электронного словаря немецкого языка DWDS представлен сбалансированный и аннотированный корпус немецкого языка XX и XXI веков (Kernkorpus des 20./21. Jahrhunderts), который содержит около ста миллионов словоформ и по объему значительно уступает DeReKo. Данный корпус не единственный, имеющийся на сайте DWDS. Помимо него имеется ряд других корпусов, сбалансированных и несбалансированных, полный список которых представлен по ссылке <<http://www.dwds.de/ressourcen/korpora/>>.

Для работы со сбалансированными корпусами необходимо на выше указанной странице выбрать справа от строки поиска в меню «DWDS-Standardsicht» строку «Referenzkorpora»:

Anmelden | Registrierung beim DWDS

Search bar with a magnifying glass icon and a dropdown menu.

- DWDS Referenzkorpora ▾
- DWDS Standardsicht
- DWDS Wörterbuchsicht
- DWDS Referenzkorpora
- DWDS Zeitungskorpora
- DWDS Statistiken
- Retrodigit. Wörterbücher
- DWDS Wortprofil
- WDG-Vergleich

Ressourcen - K

- 0. Vorbemerkung
- 1. Referenzkorpora
- 2. Zeitungskorpora
- 3. Spezialkorpora
- 4. Einige Zahlen zu den

0. Vorbemerkung

Gefördert von der Deutschen Forschungsgemeinschaft mit dem Projekt Textbasis erstellt. Hierbei entstand das DWDS-Kernkorpus, das erst

Рис. 23

При поисковом запросе **zu Gast** программа выдаст все контексты, содержащие данную последовательность поисковых объектов в сбалансированных корпусах DWDS. Наибольшее количество контекстов предоставляет, как правило, сбалансированный и аннотированный корпус немецкого языка XX и XXI веков:

Search interface showing results for "zu Gast".

Search bar: "zu Gast" | Search icon | DWDS Referenzkorpora | +Ressourcen | ↵

Kernkorpus 20 (eingeschränkte Version)

Treffer: 293, davon anzeigbar: 251 (nach Anmeldung: 251)
Im Kernkorpus wird zwischen Groß- und Kleinschreibung unterschieden.

- 1 ...den dann bei einem Herzog zu Gast, der zum Schein mi...
- 2 ...Garden vor. Regelmäßig zu Gast ist sie in Wien un...
- 3 ...seien im Zirkus La Paloma zu Gast, aber nicht nur Cu...
- 4 ...in waren Oasis bei Blairs zu Gast. Das Gipfeltref...
- 5 ...nd Dichte, in der man nur zu Gast ist. Er freute ...
- 6 ...irtschaftsbossen häufiger zu Gast als der von der ch...
- 7 ...en Sportartikelmesse Isipo zu Gast hat," hat einen ho...
- 8 ...bische Dichter Bora Cosic zu Gast in Deutschland: 45...
- 9 ... Am 26. Mai war SIMEON zu Gast bei Präsident Sche...
- 10 ...llem de Kooning an, waren zu Gast bei den Kunstkriti...

Darstellung | Suchfilter

Kernkorpus 21

Treffer: 1

- 1 ...den Husumer Theodor Storm zu Gast hatte und beide na...

Darstellung | Suchfilter

Regionenkorpus (C4)

Dieses Panel steht nur angemeldeten Nutzern zur Verfügung.
Sie können sich hier anmelden.

Sie haben noch keinen Zugang?
Hier können Sie sich kostenlos registrieren.

DDR-Texte

Dieses Panel steht nur angemeldeten Nutzern zur Verfügung.
Sie können sich hier anmelden.

Рис. 24

Языки поисковых запросов в DeReKo и DWDS, к сожалению, не совпадают. Основные отличия при поиске по словоформам представлены в следующей таблице:

DeReKo	DWDS
&Arzt	Arzt
Arzt	@Arzt
Arzt*	Arzt*
*arzt	*arzt
&gut Arzt	“guter Arzt”
das &gut &Beispiel	“das gute Beispiel”

Рис. 25

Далее представлены основные различия при поиске с операторами дистанции и логическими операторами:

DeReKo	DWDS
Kanzler /w2 Schröder	“Kanzler #1 Schröder”
Kanzler OR Schröder	Kanzler Schröder
Kanzler NOT Schröder	Kanzler && !Schröder

Рис. 26

В аннотированных корпусах DWDS также возможен поиск по грамматическим характеристикам слова. Для этого используется оператор **with \$p=**. Так, если необходимо найти существительное Kohl как имя нарицательное в данной конкретной словоформе, составляется поисковый запрос: @Kohl with \$p=NN. Где NN — сокращение, принятое для нарицательных существительных (от normales Nomen). Неудобство по сравнению с поиском в DeReKo состоит в том, что требуемые сокращения необходимо вносить самому. Посмотреть их можно в таблице тэгов STTS [STTS Tag Table]. По вышеуказанному поисковому запросу получаем, к примеру, следующий результат:

- (33) Dass er dies alles freilich nicht sah, nicht mit Augen sah, sondern mit seiner immer schärfer und präziser riechenden Nase erwitterte: die Raupe im *Kohl*, das Geld hinterm Balken (...). (Süskind, Patrick, Das Parfum, Zürich: Diogenes 1985)

Описание языка поисковых запросов с примерами на сайте DWDS представлено в соответствующем кратком обзоре: [Kurzübersicht zur Suche mit der Suchmaschine DDC].

2.4. Результаты поиска в корпусе (на примере DeReKo)

Результаты поиска в корпусе DeReKo отображаются в двух форматах — «ключевое слово в контексте» (KWIC, Key Word in Context) и полнотекстовые примеры (Gesamt-Volltext).

KWIC — это фрагмент контекста длиной в одну строку, в середине которого находится выделенное цветом искомое слово или сочетание слов.

Auswahl aktiv.	Alle aktiv.	Alle deaktiv.	Volltext
☐	M13/MAL.03218	aufkündigen, sollten die Verbeeinnahmen pro Suchanfrage weniger als 40 Prozent des Google-Du	
☐	M13/MAL.03218	stets verfehlt worden. Yahoo nehme jetzt pro Suchanfrage sogar weniger ein als vorher bei den	
☐	M13/JUL.06357	ibt ein einfaches Beispiel: „Bei einer Suchanfrage etwa über Google wird nacheinander j	
☐	NON13/APR.07356	itätsfeststellung zur Polizeieinspektion. Die Suchanfrage ergab, dass der 15-Jährige in der SI	
☐	NUN13/APR.00317	Die Antwort ist die Sportstättenbörse. Eine Suchanfrage hört sich dann so an: „Gesucht: Spor	
☐	A08/FEB.01854	armen. Laut Experten verbraucht eine einzige Suchanfrage bei Google so viel Strom wie eine 10	
☐	A08/SEP.07645	seiten abrutt. So verursacht bei Google eine Suchanfrage über mobile. google.ch lediglich 15	

Рис. 27

Длина KWIC (количество слов до и после искомого) может регулироваться в разделе «Опции». Программа снабжена также функцией сортировки KWIC по алфавиту или по хронологическому принципу. Даже беглый просмотр KWIC позволяет сделать некоторые полезные выводы, например о (не)употребительности устойчивых сочетаний слов, существовании незарегистрированных в словаре вариантов или новых фразем.

Так, просмотр KWIC к лексеме *Affenzahn* позволяет установить, что зарегистрированная в [БНС] идиома *einen Affenzahn drauf haben* = *нестись с бешеной скоростью* встречается достаточно редко — всего в 10 из 478 случаев употребления в корпусе лексемы *Affenzahn*. В то же время в большинстве найденных контекстов искомое слово является компонентом другого устойчивого выражения, не зареги-

стрированного ни в [БНС], ни в [Duden 11 2002] — *mit einem Affenzahn (etw. machen) = с дикой скоростью (делать что-л.)*¹³.

На основе KWIC к сочетанию слов *Bart* и *murmeln* (во всех грамматических формах) можно убедиться в том, что указанная в [Duden 11 2002] фраза *sich in den Bart murmeln (etw. A)* устарела: в корпусе она встречается всего в 9 контекстах, четыре из которых представляют собой фрагменты сказок братьев Grimm.

Наконец, при просмотре KWIC к *an den Mann bringen (etw. A)* выясняется, что помимо этой, зарегистрированной в [Duden 11 2002] формы в 1600 из 7000 контекстов с данной фраземой встречается вариант *an die Frau und an den Mann bringen (etw. A)*.

Кроме того, при просмотре KWIC могут быть сделаны выводы о синтаксическом поведении фразем: возможности их употребления в пассивном залоге, сочетаемости с адverbiallyми или атрибутивными модификаторами.

Следующая опция, *Gesamt-Volltext*, позволяет просмотреть полные предложения с искомой языковой единицей.

The screenshot shows a web interface for KWIC search. On the left is a sidebar with navigation options: Wortformliste, Ergebnisse, Kookkurrenzanalyse, Gesamt-KWIC, Gesamt-Volltext (with sub-options: unsortiert, alphabetisch, chronologisch, zufällige Sort., nach Kook.), and Export. The main area has tabs for 'Auswahl aktiv.', 'Alle aktiv.', and 'Alle dektiv.'. Below the tabs is a search bar with 'KWIC' and a page indicator 'Seite 1 von 3'. The search results are displayed in a table with three rows:

	Auswahl aktiv.	Alle aktiv.	Alle dektiv.	
1	☐			MUM98/NOV.01090 NN, 13.11.1998, S. 17 Geplant ist außerdem, schon in naher Zukunft die Technik des sogenannten "Keyword-Advertising" einzusetzen. Durch diese neuartige Methode bekommen die Nutzer der Suchmaschine nur solche Anzeigen zu sehen, die thematisch mit Ihrer Suchanfrage zu tun haben.
2	☐			HM07/OKT.03041 MDPO, 30.10.2007, Beilage, S. 2 Das Portal führt eine komplett neu gestaltete Suchmaschine ein. Der User kann mit der neuen Funktion seine Anfrage in eigenen Worten formulieren, vergleichbar mit einer Kleinanzeige. Zum Beispiel: "BMW blau mit Sportsitzen". Als Ergebnis erhält er eine Liste aller BMWs, die seiner Suchanfrage entsprechen.
3	☐			Titel unbekannt (interner Fehler) Ich bin sehr verwundert darüber, warum der Film eigentlich unter dem Artikel "Das zauberhafte Land" gelistet ist und selbst eine Suchanfrage bei Wikipedia nach "Der Zauberer von Oz" diesen Eintrag nicht anzeigt, sondern ausschließlich zum Kinderbuch führt! Ich persönlich kannte den Film z.B. nur unter dem Namen "Der

Рис. 28

Полнотекстовым этот режим можно назвать лишь условно, поскольку материалы, которые входят в корпус, например газетные статьи, защищены законом об авторском праве и не отображаются целиком. Однако в разделе «Опции» можно установить длину выдаваемых контекстов, достаточную для многих лингвистических выводов, — до нескольких абзацев. Отображаемые контексты снабжаются информацией об источнике и времени его создания и могут быть отсортированы по различным принципам.

¹³ Приводимые здесь и далее данные получены в ходе работы над немецко-русским корпусным словарем «Современная немецкая фразеология», составлением которого занимается инициативная группа лингвистов под руководством Д. О. Добровольского. Примеры словарных статей представлены на сайте Института немецкого языка в рамках проекта Usuelle Wortverbindungen в рубрике Deutsch-russische Idiome online <http://wvonline.ids-mannheim.de/idiome_russ/index.htm>.

Система COSMAS II также снабжена функцией экспорта, позволяющей сохранять на свой компьютер данные, полученные в ходе корпусного анализа (как KWIC, так и полнотекстовые примеры) в виде файла в формате rtf.

Подробное изучение контекстов способствует уточнению данных о семантике фразем, например выявлению не зарегистрированных в существующих словарях значений.

Так, для идиомы *um die Ohren hauen* (*jmdm. etw. A*) и ее вариантов в [Duden 11 2002] указано значение ‘упрекать кого-л. в чем-л.’. Однако в корпусе идиома встречается и в другом значении — ‘ошарашивать кого-л. чем-л., потрясать кого-л. чем-л.’:

- (34) Rasch, bevor sich Hollywood der Sache annimmt und bevor uns Wolfgang Petersen, Oliver Stone oder noch Schlimmere ihre Spezialeffekte *um die Ohren hauen* wollen wir noch mal daran erinnern, dass die „Odyssee“ ein Text ist. (Nach: Mannheimer Morgen, 25.01.2005)

Скорее, пока Голливуд не взялся за дело и пока Вольфганг Петерсен, Оливер Стоун или еще кто похуже не *ошарашили* нас своими спецэффектами, хотелось бы напомнить, что «Одиссея» — это все-таки текст.

При составлении двуязычного словаря анализ контекстов также позволяет более точно подобрать соответствия для фразем исходного языка (или убедиться в различиях между традиционными словарными эквивалентами в двух языках). Так, для *sein [das eigene] Licht unter den Scheffel stellen* в [БНС] предлагается в качестве эквивалента *закрыть талант в землю*. Но примеры из корпуса свидетельствуют о том, что значение немецкой идиомы связано не с неумением найти применение своим способностям, а с преуменьшением собственных достижений:

- (35) Vogelschutzgruppe Marienberg ist hocheifrig über die Tatsache, dass das ehemalige Basaltabbaugebiet offiziell unter Schutz gestellt wurde. Vorsitzender Hans Müller wertete diese Entscheidung als gemeinsamen Erfolg, ohne *das eigene Licht unter den Scheffel zu stellen*. (Nach: Rhein-Zeitung, 26.03.1997)

Группа защитников птиц Мариенберга очень обрадована тем фактом, что территория бывшего базальтового карьера официально взята под защиту. Руководитель группы Ганс Мюллер назвал это решение общим успехом, *не преуменьшая и собственных заслуг*.

Следующая функция, доступная в корпусе DeReKo — это *Koorkurrenzanalyse*, то есть анализ совместной встречаемости слов. С помощью программного обеспечения, разработанного сотру-

Института немецкого языка, исходя из общего объема - корпуса подчитывается, насколько часто в нем могут встретиться два слова, причем учитывается степень статистической ожидаемости данных сочетаний. Затем показываются все существенные отклонения от этого вероятного результата — слова, которые встречаются в окружении искомого слова существенно чаще, чем должно бы было быть в среднем, или существенно реже. Результат анализа выводится в виде таблицы с указанием логарифмического отношения правдоподобия (LLR).

Suchanfrage		Ergebnisse der Kookkurrenzanalyse						Release: Deutsches Referenzkorpus (DeReKo-2013-II)		Ergebnisse: 545	
Wortformliste		☐ Gesamt-KWIC		☐ Gesamt-Volltext		☐ Export		☐ Kookkurrenzanalyse			
Ergebnisse											
Kookkurrenzanalyse											
Erstellungen											
→ Kookkurrenzen											
Gesamt-KWIC											
Gesamt-Volltext											
Export											
#	LLR	kwml.	Häufig	links	rechts	Kookkurrenzen	syntagmatische Muster				
1	86	12	12	-2	-2	Musikindustrie erforderlich	100% Musikindustrie - Suchanfrage erforderlich In				
2	65	28	4	1	2	Everyhit	50% Charts auf Everyhit				
3	40	31	3	1	2	Theoria	100% mit Ihrer Suchanfrage - Theoria				
4	38	54	23	1	2	Google	78% eine ... Suchanfrage bei in Google				
5	38	74	20	1	1	erforderlich	100% Musikindustrie - Suchanfrage erforderlich				
6	29	77	3	1	2	kanal	100% der Suchanfrage schwarzer kanal				
7	24	80	3	1	2	Query	100% Suchanfrage [...] Query				
8	15	83	3	1	2	eingibt	100% Suchanfrage [...] eingibt				
9	14	87	4	-2	-2	Suchmaschinen	75% Suchmaschinen eine Suchanfrage				
10	10	91	4	1	2	bzw	100% Suchanfrage [...] bzw				
11	0	569	478	0	0	statistisch unspezifisch					

Рис. 29

С помощью анализа совместной встречаемости слов могут быть выявлены, например, устойчивые сочетания слов, до сих пор не зафиксированные в словарях. На использовании этой функции основан целый ряд проектов, представленных на странице Wortverbindungen online <<http://wvonline.ids-mannheim.de/>>.

При составлении фразеологического словаря эта функция также может быть полезной — например, для определения точной формы идиомы и точной формы леммы для словарной статьи. Например, в словаре [Duden 11 2002] представлен фразеологизм *Gott und die Welt*, имеющий значение ‘всё, что угодно, все, кто угодно’. Однако корпусный анализ позволяет убедиться в том, что *Gott und die Welt* встречается в основном с глаголами и существительными, обозначающими речевую деятельность, преимущественно с глаголом *reden*, так что в качестве леммы в соответствующей словарной статье должна фиксироваться скорее форма *über Gott und die Welt reden*.

Литература

Добровольский 2009 — Добровольский Д. О. Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики // Нац-

- ональный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 383—401.
- Добровольский, Кретов, Шаров 2005 — *Добровольский Д. О., Кретов А. А., Шаров С.* Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003—2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005. С. 263—296.
- Добровольский, Падучева 2008 — *Добровольский Д. О., Падучева Е. В.* Дейксис в отсутствие говорящего: о семантике немецких дейктических элементов *hin* и *her* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конференции «Диалог 2008». М., 2008. С. 140—146.
- Йокояма 2012 — *Йокояма О. Б.* К метатеории перевода: перевод как дискурс // Человек о языке — язык о человеке. Сб. статей памяти Н. Ю. Шведовой. М., 2012. С. 152—159.
- Плунгян 2011 — *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011.

- Atkins, Fillmore, Johnson 2003 — *Atkins S., Fillmore C. J., Johnson C. R.* Lexicographic relevance: Selecting information from corpus evidence // *International Journal of Lexicography*. Vol. 16. 2003. No. 3. P. 251—280.
- Cysouw, Wälchli 2007 — *Cysouw M. Wälchli B.* (eds.). Parallel texts. Using translational equivalents in linguistic typology. *Sprachtypologie & Universalienforschung* 60.2. (Special Issue). 2007.

Словари

- БНС — Большой немецко-русский словарь по общей лексике / Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева и др. Под общ. рук. О. И. Москальской. М.: Русский Язык-Медиа, 2004.
- НБНС — Новый большой немецко-русский словарь: В 3 т. / Под рук. Д. О. Добровольского. М.: Астрель, 2008—2010.
- Duden 11 2002 — Duden 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten / Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Hrsg. und bearbeitet von G. Drosdowski / Stolze-Stubenrecht, W. Mannheim u.a., 2002. (=Duden, Bd 11)

Текстовые источники и электронные ресурсы

- НКРЯ. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
- DWDS. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de/>

Kurzübersicht zur Suche mit der Suchmaschine DDC. URL: <http://www.dwds.de/hilfe/suche/>

STTS Tag Table (1995/1999). URL: <http://www.ims.uni-stuttgart.de/forschung/ressourcen/lexika/TagSets/stts-table.html>

Syntax der zeilenorientierten Suchanfragesprache. URL: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/web-app/hilfe/suchanfrage/eingabe-zeile/syntax/>

The Mannheim German Reference Corpus (DeReKo). URL: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>

Т. В. ГРЕЧУШНИКОВА

(Тверской государственной университет)

**ОПЫТ ОБЩЕФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА:
«ЧЕРНАЯ КОШКА» Р. М. РИЛЬКЕ
(материалы круглого стола)**

В числе важнейших тенденций развития современного гуманитарного знания явно прослеживается стремление к комплексности и междисциплинарности в анализе явлений и текстов. Предметная сегрегация, еще недавно строго определявшая объект и методологию любого исследования, перемещается в область научного ретро. Подобная тенденция, на наш взгляд, не замедлит благотворно сказаться на анализе художественного текста, где сочетание ответов на вопросы «Что?» (художественная реальность, традиционно лежащая в центре литературоведческого анализа) и «Как?» (языковые механизмы, столь же традиционно изучаемые лингвистикой) позволит наиболее полно раскрыть и осмыслить художественный эффект произведения.

Наследие Р. М. Рильке, одного из самых известных и интригующих немецкоязычных поэтов XX столетия [Cappellin 2004 и др.], представляется нам в этом случае не только благодатной почвой для исследования, но и серьезным вызовом: его тексты-символы (Dinggedichte), как ничто иное, полны и филигранными языковыми находками, и символами, создающими глубокий философский подтекст. «Черная кошка» [цит. по: Rilke 1980] в данном случае не исключение.

Schwarze Katze

Ein Gespenst ist noch wie eine Stelle,
dran dein Blick mit einem Klange stößt;
aber da, an diesem schwarzen Felle
wird dein stärkstes Schauen aufgelöst:

wie ein Tobender, wenn er in vollster
Raserei ins Schwarze stampft,
jählings am benehmenden Gepolster
einer Zelle aufhört und verdampft.

Alle Blicke, die sie jemals trafen,
 scheint sie also an sich zu verhehlen,
 um darüber drohend und verdrossen
 zuzuschauern und damit zu schlafen.
 Doch auf einmal kehrt sie, wie geweckt,
 ihr Gesicht und mitten in das deine:
 und da triffst du deinen Blick im geelen
 Amber ihrer runden Augensteine
 unerwartet wieder: eingeschlossen
 wie ein ausgestorbenes Insekt.

Собственно, уже название теста провокационно: ассоциации, связанные с образом черной кошки простираются от бытовых суеверий до исторического архетипа, от символа несчастья и агрессивных потусторонних сил до предмета поклонения и олицетворения природных достоинств (например, в древнеегипетской мифологии). Исторический возраст этого символа априори порождает мистические ассоциации с древним и до сих пор непостижимым, недоступным пониманию человека знанием, призрачным (акцентуированное сравнение в первой строке) и непреодолимым (синестезия во второй) одновременно. Попытка постичь его вопреки явному напряжению и даже парадоксально выраженному в звуке отторжению потустороннего оканчивается ничем, пусть даже и совершается она с энергией и безудержностью сумасшедшего (развернутое сравнение во второй строфе). Показательно, что по сравнению с неуловимой сущностью кошки даже призрак оказывается более телесным и вещественным: „An dem vom lyrischen Ich apostrophierten Gespenst kann zumindest der Blick des Rezipienten hängen bleiben, wenn auch nur durch einen „Klang“. Rilke nutzt hier das Mittel der Synästhesie. Dadurch wird der visuelle Reiz durch einen akustischen verstärkt. Verblüffend ist die Tatsache, dass das Gespenst dinglicher dargestellt zu sein scheint als die Katze“ [Petrovic-Wriedt 2010].

Достаточным препятствием восприятию оказывается уже просто мех животного (синекдоха в третьей строке): „Das schwarze und weiche Fell bietet dem Blick also weder Halt noch Details, an denen er sich festhalten könnte, sodass durch das Sehen eine Wahrnehmung erfolgen könnte. Durch den Vergleich wird aber weiter die Spannung gehalten oder sogar verstärkt, da diese einerseits durch die Heftigkeit des Tobens, andererseits von der Verlagerung des Blickes von der Felloberfläche in die geschlossene Zelle ausgedrückt wird“ [Lengyel 2010]. Визуальная же дуэль (третья строфа) кошки и лирического «я» завершается отражением его собственного взгляда, но никак не взгляда кошки и скрываемых в нем тайн, по сути, пленением лирического «я»: „Wie am Anfang des Gedichtes, als von dem Gespenst die Rede war, könnten die Augen der Katze als eine Stelle betrachtet werden, an der der Blick des Betrachters Halt findet und an der im Wahrnehmungsakt eine Er-

kenntnisleistung erfolgt. Die Behauptung» und da triffst du deinen Blick (...) unerwartet wieder«unterstützen dies. Dieser Lesart widerspricht aber die Tatsache, dass der Betrachter in den Augen der Katze den eigenen Blick wiederfindet, also höchstens sich selbst erkennen könnte und nicht die Katze oder die Außenwelt, für die die Katze stehen könnte“ [Lengyel 2010].

Рассмотреть последнее уместнее с учетом понятия пространственно-временного континуума, «значимого для филологического анализа художественного текста, так как и время, и пространство служат конструктивными принципами организации литературного произведения. (...) В художественном тексте соответственно различаются пространство повествователя (рассказчика) и пространство персонажей. Их взаимодействие делает художественное пространство всего произведения многомерным, объемным и лишенным однородности, в то же время доминирующим в плане создания целостности текста и его внутреннего единства остается пространство повествователя, подвижность точки зрения которого позволяет объединить разные ракурсы описания и изображения» [Николина 2013]. Именно пространственные взаимоотношения определяют интригу «Черной кошки». Столь любимый Р. М. Рильке прием — смена перспективы описания, примененный автором, например, в знаменитой «Пантере», в «Черной кошке» развивается и усиливается, уподобляясь ленте Мёбиуса. Направление движения определяется взглядом и многократно меняется, сначала направляясь на животное извне (1 строфа), затем оказываясь поглощенным мягким мехом (2 строфа) и сохраняясь изнутри. Здесь авторской игрой слов создается своего рода триллер-эффект: глагол *zuzuschauern* (строка 12) создается из *zuschauen* («разглядывать, всматриваться») и *schauern* («содрогаться от ужаса») и становится эмоционально окрашенным, приобретая значение «приглядывать, сохранять, отпугивать», будучи постоянно начеку, даже во время предполагаемого сна. В третьей строфе взгляды животного и человека сталкиваются и последний оказывается заключенным в «янтаре кошачьих глаз», наблюдая — вновь извне — свое отражение.

Максимальному усилению эффекта этого «заточения» способствует использование автором метафорического сходства с янтарем, цветовая гамма которого действительно перекликается с цветом кошачьих глаз и становится *tertium comparationis*. Но немаловажна и другая способность этого природного реликта, а именно его способность на века замуровывать биологические формы жизни, оставляя их доступными взгляду, но в то же время абсолютно изолированными от наблюдателя, недостижимыми для него. И прочность этой изоляции во взгляде кошки сродни камню: отражаясь в живом взгляде животного, взгляд лирического «я» оказывается заключенным *im geelen Amber ihrer gunden Augensteine*, в застывшей неживой субстанции.

Последнее относит нас к извечному противопоставлению «живого» и «неживого». Взгляд как преходящее, подвижное (пусть даже безумное, ср.: „das anfangs negativ angedeutete Toben erscheint nun positiver, denn das Toben oder das keinen Halt findende „stärkste Schauen“ erhalten rückblickend die Konnotationen der Lebendigkeit“ [Petrovic-Wriedt 2010]) активное начало в итоге застывает, подобно инклюзам в янтарной вечности, в безвременьи (интересно, что в переводе Е. Соколовой *Insekt* Рильке, некое абстрактное насекомое, фигурирует как «увязший некогда термит» — весьма активное, если не сказать агрессивное создание). Если угодно, время оказывается заключенным в пространстве, а весь текст — блестящим иносказанием, символом извечного конфликта познания и неизвестности, неразрывности активности и созерцания.

Литература

- Николина 2013 — *Николина Н. А.* Филологический анализ текста: Учеб. пособие // http://www.xliby.ru/literaturovedenie/filologischeskii_analiz_teksta_uchebnoe_posobie/index.php (20.04.2013)
- Cappellin 2004 — *Cappellin J.* Die Dinge singen hör ich so gern. Rilke im Deutschunterricht // http://www.erika-mitterer.org/dokumente/ZK2004-3/cappellin_3-2004.pdf (14.04.2013)
- Lengyel 2010 — *Lengyel V.* Spuren der Rilke-Rezeption im Gedicht *Dennoch schauen* von Ágnes Nemes Nagy // https://www.slawistik.hu-berlin.de/fachgebiete/ungarlit/publ/BBH/bbh15_lengyel (3.03.2013)
- Petrovic-Wriedt 2010 — *Petrovic-Wriedt A.* Gedichtsinterpretation zu Rainer Maria Rilkes Gedicht „Schwarze Katze“ // <http://www.grin.com/de/e-book/150145/gedichtsinterpretation-zu-rainer-maria-rilkes-gedicht-schwarze-katze> (15.04.2013)
- Rilke 1980 — *Rilke R. M.* *Schwarze Katze* // Werke: In 6 Bdn. Frankfurt/M., 1980. Bd. 1—2. S. 351.

Е. В. СОКОЛОВА

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД
И «МЕТОД ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ ПРИБЛИЖЕНИЙ»:
«ЧЕРНАЯ КОШКА» Р. М. РИЛЬКЕ**

(материалы круглого стола)

В отличие от других видов письменного перевода художественный занят в первую очередь «переводом» образов — объектов скорее энергетической природы, ауратических¹, иррациональных. Художественные образы обладают «целостностью», «непрерывностью» и оказывают определенное «энергетическое» воздействие на читателя. Переводить их так же, как переводят информацию («при помощи словаря») бессмысленно и невозможно. Можно разве что попытаться понять, какие элементы (содержания, формы, языка и контекста) в синергетическом взаимодействии рождают образ в исходной языковой среде и попробовать воссоздать нечто подобное (но никогда не тождественное) в другой языковой среде, ее средствами.

Результат, как известно, не гарантирован, сколько бы усилий ни прилагалось: образ может вовсе «не сложиться» или получиться совсем иным и, соответственно, оказывать другое воздействие. «Переводческий оптимизм» классицизма (все мысли разложимы на составные части, общие для всего человечества, и потому их можно «собирать из кирпичиков» на любом языке: И. Г. Готшед²), пройдя через стадию гностического «пессимизма» (в конечном счете всякий вообще текст есть перевод с «ангельского» на «человеческий», а «ангельский текст» не поддается воссозданию ни на одном человеческом языке: Г. Д. Гаман³), ныне тяготеет порой уже к «оптимизму функциональному» (всякий перевод — факт литературы уже потому, что он есть: К. Райс, Х.-Й. Вермеер⁴).

Деятельность переводчика естественным образом распадается на две основные фазы — 1) восприятие художественного образа и

¹ См., напр.: Художественная аура: истоки, восприятие, мифология. Москва: Индрик, 2011. С. 9—13.

² См., напр.: *Apel F., Kopetzki A.* Literarische Übersetzung. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2003. S. 73—74.

³ См., напр.: *Apel F., Kopetzki A.* Literarische Übersetzung. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2003. S. 79.

⁴ *Reiss K., Vermeer H. J.* Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen, 1991.

2) воссоздание его средствами другого языка. При этом восприятие (1) само по себе «двуедино» и «двунаправлено»: оно включает в себя как вневременное иррациональное интуитивное восприятие образа в качестве «ауратического» целого и переживание его воздействия (1а), так и последовательное рассудочное его «понимание» в результате анализа текста, «расщепление» на составляющие (1б). Первое движение (1а) направлено от целого к частностям, второе (1б), наоборот, — от частного к целому; происходят они параллельно, уточняя и обогащая друг друга.

Восприятие образа и анализ текста (1а и 1б) позволяют переводчику определить приоритеты: какие особенности текста следует непременно сохранить, чтобы воссоздание образа было адекватным, и чем ради этого допустимо пожертвовать (все это вопросы индивидуального выбора переводчика). Иными словами, осознанным параметрам текста (как содержательным, так и формальным) присваиваются своего рода «коэффициенты приоритетности», отражающие представления переводчика о том, насколько важно их сохранить для адекватного воссоздания образа.

Результатом первой фазы в идеале становится «постановка задачи» (как ее формулирует для себя переводчик), и эта задача по своей структуре очень похожа на хорошо известную в математике «задачу многопараметрической оптимизации». По сути, стремясь к адекватному воспроизведению оригинального текста на другом языке, переводчик хочет максимизировать «функционал адекватности» (понимаемый как сумма всех важных параметров с учетом их «коэффициентов приоритетности») и минимизировать «функционал потерь» (сумма всех вынужденных отклонений от оригинала опять-таки с учетом их значимости). Так что, пока сам переводчик работает с текстом, его подсознание, вполне вероятно, решает математическую задачу...

Опыт показывает, что результат первой попытки воспроизведения (фаза 2) редко бывает удачен. Если в процессе анализа текста переводчик присвоил особенностям формы в целом более высокие «коэффициенты приоритетности», чем составляющим содержательным, перевод будет чересчур «вольным». Если наоборот — слишком «буквальным»... В первом случае в жертву рифме нередко приносится адекватность интерпретации. Во втором — полностью исчезает или сильно искажается «ауратическое» воздействие.

Как ни парадоксально, для перевода весьма опасны и «поэтические удачи»: яркая поэтическая строка «гипнотизирует» переводчика, и если есть хоть малейший шанс истолковать оригинал так, чтобы «удача» получила право на существование, у «адекватной интерпретации» шансов остается немного... Вообще, «неточность» поэтического перевода — порой результат такого переводческого самогипноза. И, значит, необходима третья фаза, до сих пор не названная: критическая оценка результата (3). Отчасти она аналогична первой: полученный переводной текст анализируется в сравнении с текстом

оригинала. Учитываются потери, оценивается их масштаб. И все начинается заново: «переоценка ценностей», пересмотр приоритетов (с учетом уже испробованных возможностей языка), уточненная «задача оптимизации» (фаза 1')... И очередной результат (фаза 2'), который может существенно отличаться от первого. Оценка результата (фаза 3') вновь запускает описанную процедуру... И так далее. Пока не кончатся ресурсы (время, силы, здоровье, деньги, слова и т. д.) или не будет достигнут удовлетворяющий переводчика (редактора) результат.

Ясно, что перед нами «итерационный процесс», и описанный алгоритм следует «методу последовательных приближений». Кстати, в математике необходимость в итерационных процессах возникает именно при столкновении с иррациональностью: пока все операции выполнимы в целых или рациональных (простые дроби) числах, в нем нет необходимости. Но вот есть квадрат, целое, и площадь его известна (например, 2), надо найти сторону (иначе как воспроизвести такой же квадрат в другом месте?): появляется корень из двух. И оказывается, что точно воспроизвести сторону такой длины невозможно, к ней можно только приблизиться (методом последовательных приближений), правда, на любое сколь угодно близкое расстояние.

Художественный образ — такое же целое, и при попытке разделить его на составляющие (разобрать на части и перенести в другую языковую среду) оказывается, что точность недостижима. Но, может быть, при достаточном количестве итераций, воссоздание может быть сколь угодно близким?

К сожалению, по разным (вполне уважительным) причинам, переводчики часто останавливаются после первых шагов, когда потери еще велики. В жертву приносится точность (вольный перевод: приоритет формы над содержанием) или форма (буквальный перевод: приоритет содержания над формой). Уже вторая «итерация» часто существенно уменьшает потери. Правда, третья может вновь их увеличить, и только четвертая, очередным сдвигом в «пораженную в правах» сторону, существенно сократит. И так далее... Цикл продолжается, пока не будет выполнено одно из заранее заданных условий его завершения: 1) кончилось время, 2) кончились силы, 3) переводчик удовлетворен результатом, 4) «несовпадение» между оригиналом и переводом (по заранее заданным критериям) стало меньше «заданной величины»...

В поддержку приведенных аналогий укажем на статью М. Л. Гаспарова «Брюсов и буквализм»⁵, в которой анализируются разные редакции перевода В. Я. Брюсовым «Энеиды» (всего их известно семь) именно как «итерации», с разных сторон «подбирающиеся»

⁵ Гаспаров М. Л. Брюсов и Буквализм // Поэтика перевода. М., 1988. С. 29—62.

к оригиналу. Автор статьи пристально следит за изменениями «приоритетов» переводчика от одной редакции к другой, отмечает, как эти изменения сказываются на результатах.

В случае прозы, особенно объемной, движение процесса перевода от частных к общему (26) теряет непосредственную связь с целым как художественным единством. Она поддерживается лишь через определенные каналы (язык, исторический и художественный контекст, личность автора, стиль, жанр, выделенные художественные особенности и т. д.), иными словами, через контекст в самом широком смысле. «Итерационный процесс» запускается и в этом случае: каждый раз, когда возникает очередная «трудность перевода», т. е. нарушается непрерывность связи с «контекстом». Но каждый такой частный процесс происходит и завершается как бы сам по себе, ибо и задача у него частная: восстановить связь с контекстом. Впрочем, в практике художественного перевода известны примеры второй, и даже третьей «итерации» для художественной прозы большого объема, например С. К. Апт, как известно, переписал свой перевод первых двух книг «Иосифа и его братьев» Т. Манна целиком, поскольку счел недопустимой степень несовпадения исходного художественного целого и воссозданного.

Увидеть в процессе художественного перевода в принципе бесконечный итерационный процесс помогает перевод поэтический, перевод небольшого по объему стихотворения-образа: в этом случае художественное целое постоянно удерживается в поле зрения переводчика и его воздействие осознается на протяжении всего процесса перевода. Приоритеты в этом случае расставлены более четко и «несовпадения» очевиднее.

Рассмотрим, как работает описанный выше «метод последовательных приближений» в художественном переводе.

Стихотворение «Черная кошка» Р. М. Рильке могло бы служить идеальным примером. Это небольшое стихотворение-вещь, Ding-Gedicht⁶, сгущение мира до одного образа: живая и зримая черная кошка как граница двух реальностей, «потусторонней» и «здешней», «абсолютно черное тело», во взаимодействии с человеческим взглядом (1a).

Schwarze Katze

Ein Gespenst ist noch wie eine Stelle,
 dran dein Blick mit einem Klange stößt;
 aber da, an diesem schwarzen Felle
 wird dein stärkstes Schauen aufgelöst:

⁶ См., напр.: *Ахтырская В. Н.* Вербальное и визуальное в «Новых стихотворениях» Р. М. Рильке: проблемы репрезентации телесности / Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. IX. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 85—92.

wie ein Tobender, wenn er in vollster
Raserei ins Schwarze stampt,
jählings am benehmenden Gepolster
einer Zelle aufhört und verdampft.

Alle Blicke, die sie jemals trafen,
scheint sie also an sich zu verhehlen,
um darüber drohend und verdrossen
zuzuschauern und damit zu schlafen.
Doch auf einmal kehrt sie, wie geweckt,
ihr Gesicht und mitten in das deine:
und da triffst du deinen Blick im geelen
Amber ihrer runden Augensteine
unerwartet wieder: eingeschlossen
wie ein ausgestorbenes Insekt.

Восприятие образа (1а) формирует в подсознании «энергетический отпечаток», «ауратический идеал», к воспроизведению которого стремится переводчик. Анализ формы и содержания (1б) позволяет составить (приблизительный) перечень параметров, сохранить которые в переводе кажется важным.

Для наглядности начнем с формы. Русская традиция поэтического перевода требует эквилинеарности, эквиритмии, сохранения строфики и рифмы в переводе (если только необходимые «жертвы» не слишком велики). Принимая требования традиции, получаем список параметров с высокими «коэффициентами приоритетности»:

В переводе должно быть три строфы (4+4+10) (!!!)⁷, написанных пятистопным хореем (!!!) (за исключением второй строки второй строфы — 4-хстопный хорей (!), и четвертой в той же строфе — с лишним слогом (!)), с рифмой abab cdcd (!!!) и чередованием женских и мужских окончаний в первых двух строфах (!!), с рифмой efgehifigh (!!) (жжжжмжжжжм) (!) в третьей строфе. Стихотворение написано простым и понятным языком (!!!) (с одним исключением, о котором будет сказано ниже (!)), без нарушения грамматических норм (!!!). Значимы также смысловое деление на строки (!!), анжабманы (!!!), емкость и отсутствие «лишних» слов (!!), «устройство» двух последних резюмирующих строк (!!!). Дальнейшие уточнения оставим на потом и перейдем к содержанию образа.

«Я хочу собрать себя из всех рассеяний, я хочу из всех слишком поспешных применений вернуть и сберечь мое»⁸, — писал Рильке Лу Андреас-Саломе 8.08.1903, когда в нем уже созрел замы-

⁷ Количество восклицательных знаков в скобках показывает относительную приоритетность, присвоенную каждому из названных параметров в данном случае.

⁸ Рильке Р. М. Вопрежде. Огюст Роден. Письма. Стихи. М.: Искусство, 1994. С. 169.

сел «Новых стихотворений», первая книга которых вышла в 1907 г., «Черная кошка» — из второй книги (1908). И еще: «Первоначальная вещь определена; вещь, созданная искусством, должна быть еще определенной; отстраненная от всех случайностей, избавленная от любой неясности, изъятая из времени и данная пространству, такая вещь становится непреходящей, способной к вечности. Предмет, служащий моделью, *кажется*, — вещь, созданная искусством, *есть*»⁹.

Первая строфа «предъявляет» кошку как нечто «потустороннее» (Gespenst) и, однако, подобное пространственному, «здешнему» (wie eine Stelle). Взгляд бьется об нее со звоном (mit einem Klange)... и, столкнувшись с чернотой ее шерсти, перестает существовать... Непостижимое и страх перед ним.

Вторая строфа — разъясняющая метафора. Взгляд уподоблен безумцу, кошачья шерсть — мягкой обивке стен в палатах психиатрических лечебниц (чтобы, буйствуя, больной не поранился). Рождается и много других ассоциаций, причем как в немецком контексте, так и в русском (поэтому переводчик имеет основания надеяться, что множественность интерпретаций сохранится в переводе без специальных усилий). Эта строфа — отражение, в каком-то смысле перевод «потустороннего» образа первой строфы на язык мрачной «поюсторонней» реальности.

Третья десятистрочная строфа — более динамичная (по сравнению с первыми двумя): обращает на себя внимание относительно большое число глаголов, причастий, наречий. Она сама по себе состоит из трех частей — 4+4+2 — и вскрывает взаимодействие двух реальностей. Кошка «потусторонняя», собрав все взгляды, стережет их, представляя потенциальную угрозу для всего, остающегося «наружу» (строки 1—4). Вдруг она просыпается и оказывается «здешней». И в этом качестве встречается с «тобой» взглядом (строки 5—8). Эффект неожиданности, подчеркнутый неоднократным употреблением слов со значениями внезапности — *auf einmal*, *unerwartet*. И эффект странности, усиленный единственным «странным» словом во всем стихотворении — *geel* (малоупотребительный вариант написания *gehl* 'желтый').

В последних полутора строках — краткое резюме: носитель взгляда, «ты», на самом деле тоже не вполне «здесь», ибо «твой» взгляд замурован в янтаре кошачьих глаз, как какое-нибудь древнее насекомое. Иными словами, «кошка» как нечто принадлежащее одновременно двум реальностям самим фактом существования («ты» на нее смотришь) превращает «тебя» в не вполне «здешнее» существо. Часть «тебя» — это «вымершее древнее насекомое»...

Таким образом, последнее слово стихотворения (Insekt 'насекомое') воспринимается как одна из ключевых составляющих образа, и

⁹ Рильке Р. М. Вопрсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М.: Искусство, 1994. С. 166—167.

с этим связана первая очевидная «трудность»: дело в том, что «форма слова»¹⁰ Insekt в немецком языке очень сильно отличается от формы слова «насекомое» в русском. При этом образ требует, чтобы позиция слова в стихотворении (последнее слово), которая подразумевает целый набор «формальных» ограничений, была, по возможности, сохранена (!!!).

Итак, приоритеты. «Потусторонность» и «пространственность» кошки (!!!) (напр., слово Stelle именно как ‘место’); отношение между первой и второй строфами (!!) (уподобление в явном виде — через wie ‘как’); «неожиданность» и «странность» в третьей строфе (!!); смысловое деление на строки (!!) (по возможности во всем стихотворении, но особенно в третьей строфе); емкость резюмирующих строк (!!!) и, в частности, последнего слова (!!). Ну и хорошо бы, конечно, сохранить полное построчное соответствие с оригиналом...

Последнюю установку будем рассматривать как методологическую: нужно просто как можно точнее построчно переводить исходный текст рифмованным пятистопным хореем (держа в голове выделенные параметры) и смотреть, что получается. В какой-то момент остановиться, оценить результат, пересмотреть приоритеты и скорректировать задачу, исходя из реальных возможностей (своих собственных и своего языка).

В качестве иллюстрации рассмотрим переход от предпоследнего шага к последнему.

Первая строфа:

*Привиденье, но пока при месте,
об него со звоном бьется взгляд;
там, на этой гладкой черной шерсти
будет твой хозяйский взгляд изъят:*

Все выделенные параметры сохранены. Но:

«Привиденье». По-русски правильно «привидение», что не вписывается в размер. К тому же «потусторонность» привидения какая-то обыденная и нестрашная, никакого мистического ужаса... Заменить.

«Звон» — абсолютно точный перевод немецкого Klang, но в ображении переводчика он почему-то никак не согласуется с «поглощающей» поверхностью кошачьей шерсти и нарушает цельность образа в переводе (цельность образа — это важно!). Просится глухой звук: «Стук».

«При месте» — надо бы «как место», но тогда слишком сильно падает качество рифмы, и так уже принесенное в жертву точности и отказу от лишних слов. Не найдя замены, (вынужденно) оставляем.

¹⁰ В данном случае под «формой слова» понимается не грамматическая форма и даже не «внутренняя форма» слова в смысле Гумбольдта и Потебни. Речь идет скорее о комбинации того и другого с учетом звучания слова и порождаемых им ассоциативных рядов.

«Гладкая» — лишнее слово (его нет в оригинале), и можно без него обойтись (например, «именно на это черной шерсти»), но тогда утрачивается пространственное «там», которое кажется более существенным.

«Хозяйский взгляд» — довольно яркий образ, притягивающий внимание. Возникает вопрос: чей это образ — Р. М. Рильке или переводчика? Опираясь на высказывания самого Рильке (см. выше первую цитату из письма к Лу Саломе) и на суждения исследователей о его творчестве¹¹, убеждаем себя, что это все-таки Рильке, и оставляем.

«Изъят» — слово вписывается в приведенную выше интерпретацию кошки как «абсолютно черного тела», но немецкому *ausgeloescht* соответствует хуже, чем, например, «разъят». Так как по формальным критериям второй вариант «годится», отдаем предпочтение ему.

Вторая строфа:

*так на пике ярости безумец
в черноту отчаянно шагнет,
мягкость стен в палате образумит
вдруг его, и гнев на нет сойдет.*

Бросается в глаза низкое качество рифмы в строфе (одна глагольная, другая — между словами с исторически общим корнем). А ведь от своеобразия ритмики мы все равно уже отказались: четырехстопный хорей во второй строке стал пятистопным, исчез также лишний слог в четвертой строке. Жертва принесена, непонятно только — чему? К тому же утрачена причинно-следственная связь: в оригинале «прекращает» и «исходит паром» «безумец» (метафора взгляда), а не «гнев». Надо менять всю строфу. Уходим от «безумца», и возвращаем потерянную «обивку». «Стук», заменивший в первой строфе «звон», подсказывает «удар» и осмысленную рифму к нему — «пар»:

*как в припадке гнева бесноватый,
в черноту ступающий: удар,
мягкая обивка стен палаты
глушит ярость, обращая в пар.*

Теперь можно было бы вернуться к четырехстопному хорее во второй строке (достаточно просто заменить «ступающий» на «ступит»), но перебои ритма, по-видимому, воспринимаются «русским

¹¹ *Ахтырская В. Н.* Сапфический дискурс в «Новых стихотворениях» Р. М. Рильке // *Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. IX. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 151:* «Их (“Новых стихотворений” — *Е. С.*) лирический субъект, созерцатель объектов... вольно или неволью в процессе их визуального постижения вступал с ними в отношения власти, а нередко и сталкивался с их сопротивлением».

ухом» острее, чем немецким: наш читатель спотыкается, а немецкий — нет. Оставляем как есть.

Третья строфа:

*Каждый взгляд, что на нее бросали,
кошка, не вернув, в себе упрячет,
чтоб над ним потом, в дремоте словно,
щуриться с угрозой и досадой.
Вскинется, застань ее врасплох,
и глаза в глаза, никак иначе:
ты свой взгляд неожиданно встретишь в зрячем
янтаре округлых глаз кошачьих
и поймешь внезапно: замурован
в них он, как одна из древних блох¹².*

Пример попадания в распространенную ловушку. Яркий (но не авторский) поэтический образ «зрячий янтарь» привел к неоправданным жертвам: рифмовка efghehifgh фактически превратилась в efgheffffh, «круглые» кошачьи глаза стали претенциозно «округлыми». Кроме того, совершенно непонятно, что делает кошка в первых четырех строках: как она «в себе упрячивает» взгляд извне и как «над ним щурится»? А ведь образ вполне прозрачен: кошка, свернувшись клубком, будто подбирает взгляды лапами под себя, как котят, и стережет, излучая угрозу, — чтобы никто не подумал отнять. Взаимодействие взглядов человека и кошки в следующих четырех строках также требует уточнений.

Ну и «блоха» (пусть и в родительном падеже множественного числа) на финал, по большому счету, «не тянет»: слово должно быть нейтральным, не вызывать никаких эмоций (Insekt) и иметь отношение к янтарию. Поиск в Интернете по вкраплениям в янтаре подсказывает «термита»: термиты — очень древние насекомые, и именно они чаще других встречаются в янтаре... Отказавшись от «зрячего янтаря», обретя «термита» и «увидев», наконец, что делает кошка в первых четырех строках, переписываем строфу целиком (уточняя все, что уточняется, и стараясь не потерять найденное ранее):

Черная кошка

Просто призрак, но пока при месте,
об него со стуком бьется взгляд;
там, на этой гладкой черной шерсти
будет твой хозяйский взгляд разъят:

¹² См.: Маленькая кошачья антология // Литературоведческий журнал. № 33. М.: ИНИОН, 2013. С. 352.

как в припадке гнева бесноватый,
в черноту ступающий: удар,
мягкая обивка стен палаты
глушит ярость, обращая в пар.

На нее наткнувшиеся взгляды
кошка собирает, стережет их,
в полусне, о них тревожась словно,
щурится с угрозой и досадой.
Вдруг как не бывало сна, глядит,
взор ее в твоём как будто вкраплен:
и вот тут-то, взгляд свой встретив в желтых
круглых глаз ее янтарных каплях,
сразу понимаешь: замурован,
как увязший некогда термит.

РЕЦЕНЗИИ

Н. Н. ТРОШИНА

(Институт научной информации
по общественным наукам РАН)

Субъект познания и коммуникации: Языковые и межкультурные аспекты = Subject of cognition and communication: Linguistic and crosscultural perspectives: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Л. В. Цурикова, Л. Ю. Щипицина. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. — 619 с.

29 мая 2014 года российские и зарубежные германисты поздравляли с юбилеем профессора Воронежского государственного университета Людмилу Ивановну Гришаеву — исследовательницу, с именем которой у специалистов ассоциируются интереснейшие публикации и выступления. Коллеги Людмилы Ивановны подготовили к этому дню сборник статей, которому и посвящена нижеследующая рецензия.

Тематика статей определяется взаимосвязанными научными интересами юбиляра, что придает сборнику черты коллективной монографии, написанной авторами-единомышленниками. Отметим, что в круг единомышленников входят как российские, так и зарубежные германисты.

Для читателей сборника очень важно компактное и последовательное изложение концепции юбиляра в редакционной статье «Научная деятельность Людмилы Ивановны Гришаевой», что создаст теоретический контекст, на фоне которого содержание статей воспринимается особенно убедительно.

Л. И. Гришаева обращается к глобальной проблеме современного языкознания — к проблеме «человек в языке», что с неизбежностью выводит исследовательницу на целый ряд остро дискуссионных вопросов. К ним относится, например, вопрос о культурных кодах, который она предлагает рассматривать с позиции, разделяемой не всеми представителями гуманитарного знания: «...потенциально возможные способы решения когнитивных и коммуникативных задач средствами разнообразных культурных кодов, существующие в соответствующем лингвокультурном сообществе, входят в ядерную часть когнитивной структуры коллективной идентичности и коллективного, и единичного субъекта как носителя культуры. Не язык яв-

ляется частью идентичности (как утверждается в многочисленных работах по социологии и философии), а особенности его использования в качестве средства решения конкретных коммуникативных и когнитивных задач» (с. 31—32). Именно ориентация на специфику языкового кода объясняет обращение юбиляра к проблемам теоретической грамматики: «...грамматика позволяет сконцентрироваться на закономерностях, общих и обязательных для всех членов лингвокультурного сообщества» (с. 32).

В условиях современной коммуникации интенсивно общаются люди различных языковых культур, поэтому отнюдь не случаен интерес Людмилы Ивановны к особенностям межкультурной коммуникации, в частности, к факторам риска межкультурного общения. И здесь большое теоретическое и практическое значение имеет выдвинутый юбиляром тезис о системном подходе к факторам риска, имеющим сложную (когнитивную, психологическую, социальную, коммуникативную и др.) природу. Системный подход позволяет установить элиминируемые и не элиминируемые факторы и таким образом «заложить основы функциональной типологии факторов риска как важной категории межкультурной коммуникации» (с. 43).

Коллеги, неоднократно слушавшие доклады Людмилы Ивановны на научных конференциях и на съездах Российского союза германистов, знают, насколько содержательны ее выступления по проблемам дискурс-анализа, лингвистики текста, перевода и лингводидактики. Подчеркнем, что все эти проблемы исследуются юбиляром во взаимосвязи — в аспекте их направленности на *homo loquens*. Именно эта взаимосвязанность и многогранность отражена в структуре рецензируемого сборника, который состоит из шести разделов: 1) «Субъект коммуникации в грамматике и дискурсе»; 2) «Теория текста и дискурса»; 3) «Языковая специфика когнитивной деятельности субъекта»; 4) «Лексикографические аспекты межкультурной коммуникации»; 5) «Языковая культура и межкультурная коммуникация»; 6) «Актуальные вопросы перевода и обучения иностранному языку».

Завершается сборник списком диссертаций, защищенных под научным руководством профессора Л. И. Гришаевой (14 позиций!) и сведениями об авторах.

Прекрасно изданный сборник объемом в 619 страниц получился исключительно содержательным и красивым: с чудесной цветной фотографией юбиляра Людмилы Ивановны Гришаевой, цветными вставками, рисунками и таблицами. За радость держать в руках такой сборник читатели будут благодарны редакционной коллегии, в которую вошли О. В. Бокова, В. В. Корнева, Л. В. Цурикова и Л. Ю. Щипицина, т. е. воспитанницы и научные последовательницы любимого всеми юбиляра — Людмилы Ивановны Гришаевой.

С прекрасным юбилеем Вас,
наша дорогая, уважаемая и любимая Людмила Ивановна!

Н. С. БАБЕНКО

(Институт языкознания РАН)

Д. О. Добровольский. Беседы о немецком слове. Studien zur deutschen Lexik. М.: Языки славянской культуры, 2013. — 743 с. — (Studia Philologica).

Рецензируемая книга представляет собой исключительно масштабный и в высшей степени неординарный труд о принципах изучения слова, прежде всего немецкого слова, как единицы смысла, как элемента языка и речи, словаря и текста и, наконец, как единицы перевода. В основу книги легли наблюдения автора над явлениями немецкого языка, его научные изыскания и результаты многолетней исследовательской работы в области лексической семантики, двуязычной лексикографии, общей и частной фразеологии, фразеологии, корпусной лингвистики, переводоведения как лингвистической дисциплины.

Своим неординарным названием книга отсылает к жанру «бесед» (по аналогии с названием монографии В. Г. Гака 1966 г, посвященной французскому слову) и тем самым предупреждает читателя о некоторой фрагментарности в выборе материала для анализа, не претендующего на системность и исчерпанность; в то же время в названии книги делается акцент на доступности и простоте изложения, что обеспечивается в том числе благодаря привлечению ярких, запоминающихся примеров, которые привлекают внимание читателя нетривиальностью предлагаемой автором трактовки языкового материала. Действительно, довольно плотный научный текст отличается дружественным характером изложения с обсуждением примеров из живой ткани немецкого языка. Доминирующим исследовательским приемом является постоянное обращение к сравнению явлений немецкого языка с русским, из чего рождается новое знание о различиях лексических систем двух языков. В каждой «беседе» автору удается совершить лингвистическое микрооткрытие, обратить внимание на скрытые, нетривиальные явления в немецком языке и продемонстрировать неисчерпаемость такого рода явлений в области лексической семантики.

Главный герой книги — немецкий язык, изучение которого в современной лингвистике происходит частично через преодоление сложившихся традиций, частично в результате применения новых

методов и подходов к исследованию явлений немецкого лексикона. Уникальные знания немецкого языка и бесценный опыт Д. О. Добровольского как германиста составляют одну из важнейших характеристик рецензируемого труда.

Для отечественной германистики книга может служить сводом энциклопедических знаний по разным аспектам устройства лексической системы языка, надежным источником сведений о современных представлениях в области лексической семантики и методах ее изучения, в том числе через межъязыковые сопоставления, через лингвистический анализ переводов и сравнительное изучение текстов в русле корпусной лингвистики.

Основные материалы книги составляют идеи самого автора книги, которые были воплощены в разные годы в его статьях и монографиях. В общем корпусе рецензируемого труда эти работы органично подчинены избранной автором проблематике, и в целостной концепции книги их материалы получают дальнейшее развитие и теоретическое осмысление.

Отличительной особенностью рецензируемой книги является сочетание в ней глав, выполненных на русском языке и немецком. При этом немецкоязычные тексты не являются прямыми переводами русскоязычных глав: каждый раз при переходе с одного языка на другой происходит органичное развитие обсуждаемой темы, а изысканное двуязычие передает особенности стилистики русской научной речи и немецкоязычных научных текстов, которые взаимодействуют друг с другом и придают книге оригинальное двуязычное измерение.

Опыт перехода от одной языковой формы к другой вполне удался. Он представляется очень полезным как для русскоязычных, так и для немецкоязычных специалистов.

Книга состоит из двух частей («Слово как единица лексической системы» и «Лексические структуры больше слова») и восьми глав.

Глава 1 «Немного истории» содержит краткий обзор теории и понятий, выработанных в недрах неогумбольдтианства под влиянием наследия Вильгельма фон Гумбольдта. Рассматривая основные положения неогумбольдтианства и комментируя наиболее оригинальные идеи этой теории, автор особое внимание уделяет анализу тех идей, которые повлияли на формирование современных представлений об устройстве лексикона. В неогумбольдтианстве автор выделяет два направления: европейское (содержательно ориентированное изучение языка) и американское (этнолингвистика) и обсуждает их актуальность для современной лингвистики. «Соприкосновение когнитивной лингвистики и неогумбольдтианства видится... в осмыслении сущности концептов, не возводимых к непосредственно наблюдаемым феноменам» (с. 20). В главе обсуждается теория семантического поля как главное достижение неогумбольдтианства с точки зрения лексической семантики и понятие семантического

признака, которое используется в современных процедурах семантической декомпозиции.

Глава 2 «Слово в словаре (лексикографическое описание и системные связи)» освещает современные тенденции развития двуязычной лексикографии, которые, по мнению автора, заключаются в сближении принципов словарного и собственно научного описания лексических единиц. Некоторые из этих тенденций обсуждаются на материале вышедшего в 2008—2010 гг. «Нового большого немецко-русского словаря», который представляет собой новый лингвистический продукт с точки зрения заложенных в нем принципов научного описания лексических единиц — ввод в описание новых категорий и субкатегорий, отражение нетривиальных особенностей лексической системы немецкого языка, обеспечение системности лексикографического описания и т. д. Как особая проблема лексикографии рассматривается многозначность, которая присуща любым языковым знакам, при этом определяются границы данной категории. Критерии, позволяющие принимать решение о целесообразности выделения разных значений, подразделяются на парадигматические, синтагматические и концептуальные; автор особо подчеркивает проблематичность каждой из этих групп критериев и их зависимость от теории, в рамках которой работает лингвист. Автор склоняется к гибкой концепции полисемии, позволяющей варьировать описание макросемантической структуры многозначного слова в зависимости от типа словаря, устройства метаязыка и целей описания. Так, в словарной статье глагола *haben* отдельные значения предлагается выделять на основе чисто конструктивных параметров. В написанных на немецком языке разделах проблема полисемии рассматривается в контрастивном ключе на примере немецко-русского словаря с целью получения некоторых теоретических результатов из анализа регулярных типов многозначности.

Под углом зрения квазисинонимии и квазиэквивалентности рассматриваются полифункциональные фокусирующие частицы, прежде всего *eben*, *gerade*, *ausgerechnet* ('именно', 'как раз', 'как нарочно'). Из анализа эмпирических данных следует, что все три немецкие частицы не имеют «хорошего» русского эквивалента и выбор перевода зависит в первую очередь от функциональной параллельности, а не от семантической эквивалентности.

Целью главы 3 «Слово в корпусе (корпусы параллельных текстов как инструмент исследования лексической семантики)» является попытка ответить на вопрос, насколько корпусы параллельных текстов могут оказаться полезным инструментом в исследовании лексической семантики сопоставляемых языков и способствовать усовершенствованию двуязычных словарей, а также помогать в преподавании иностранных языков и содействовать расширению эмпирической базы теории перевода. Корпусную лингвистику автор книги считает одним из наиболее перспективных лингвистических направле-

ний, так как «опора на принципиально сопоставимые аутентичные тексты разных языков позволяет выявить часто неожиданные (...) особенности функционирования языковой системы» (с. 162). В главе рассматриваются собственно лингвистические аспекты использования русско-немецких и немецко-русских параллельных корпусов. Автор приводит перечень основных вопросов, при решении которых обращение к корпусам параллельных текстов представляется разумным. В главе дается описание корпуса параллельных текстов в Национальном корпусе русского языка и состава немецко-русского и русско-немецкого корпуса в нем. Возможности использования корпусов параллельных текстов автор демонстрирует на примере немецкого *nein* и русского *нет*, а также немецких *her* и *hin* и их русских соответствий. На примере анализа корпуса текстов романа Ф. Достоевского «Идиот» предлагаются методы решения некоторых лексикологических и лексикографических задач. Анализируются слова *чрезвычайно* и *замечательно* и их немецкие аналоги, представленные в контекстах из параллельного корпуса. Помимо сопоставительной проблематики автор затрагивает вопросы динамики узуса. Наиболее подвижным элементом языковой структуры оказывается сочетаемость, которая не подвержена регулированию жесткими правилами. Сочетаемость имеет дело с семантическими и прагматическими закономерностями.

Параллельные корпуса позволяют сравнивать не только отдельные слова, но и поля и фреймы. Кроме того, данная методика пригодна для наблюдений над лингвоспецифичной лексикой. Автор демонстрирует эти возможности на примере семантики русского слова *усмешка*, не имеющего эквивалента в немецком языке. Возможности корпуса параллельных текстов в исследовании культурно-специфической лексики рассматриваются на примере лексики с вокативным потенциалом — обращений, типа *брат*, *браток*, *матушка*, *мамаша*, *папаша*, *отец*, *мать*, *бабуся* и т. п., т. е. обращений, во внутренней форме которых содержится идея родственных отношений и которые используются по отношению к «неродственникам». Эти обращения обладают культурной спецификой и нетривиальны с сопоставительной точки зрения. Автор выделяет современные, социально маркированные и устаревшие формы обращения и рассматривает вопрос, почему при полной смене парадигмы обращений тем не менее сохранилась лежащая в их основе языковая и концептуальная модель: использование терминов родства в функции обращения к людям, не находящимся с говорящим в родственных отношениях. В силу своей культурной специфики обращения представляют серьезные проблемы для перевода и лексикографического описания. Автор различает два подхода к изучению культурной специфики лексических единиц — сопоставительный и интроспективный — и считает, что обращения специфичны и в том и в другом смысле. С сопоставительной точки зрения эти обращения специфичны в силу отсут-

ствия европейских языках коррелирующих форм (ср. в немецком: только *Tante* и *Onkel* при обращении маленьких детей к незнакомым взрослым). «Родственные вокативы» *матушка, бабушка, отец мой, мать моя* анализируются далее на материале немецко-русского параллельного корпуса, охватывающего произведения классической литературы XIX века. Автор делает вывод, что способы перевода обращений зависят от семантических и прагматических особенностей их использования в конкретных контекстах. Обращает на себя внимание разнообразие предлагаемых вокативных аналогов и приемов перевода, например для *матушки* — *Mütterchen, meine Beste, meine Güte*. Исследование обращений позволяет, по мнению автора, продвинуться сразу в нескольких направлениях: обогатить представления о динамике кодов русской культуры, выявить едва осознаваемые межкультурные различия и способы их языковой манифестации, описать приемы перевода на языки «иных культур» и ввести их в теорию перевода, а также дополнить лексикографическое описание слов новой информацией о культурно-специфичном режиме их употребления.

В Главе 4 «Слово в переводе (к вопросу о межъязыковой эквивалентности)» излагаются задачи и общие положения теории перевода, и прежде всего лингвистические аспекты перевода. Характерные черты теории перевода, которые вытекают из ее практических установок, автор книги сводит к следующим признакам: а) контрастивность, т. е. ориентированность на несовпадения; б) преимущественно речевой (а не системно-языковой) характер изучаемых явлений; в) высокий уровень прагматики, вытекающий из речевой ориентации. Нетривиальные различия в способах организации текста на L1 и L2 объясняются различиями в категоризации мира; различиями в структуре языка (в организации грамматических категорий, сочетаемостных особенностей определенных семантических классов слов и т. п.); различиями в прагматических конвенциях и дискурсивных практиках. Суть этих явлений далее рассматривается на конкретных примерах. Обсуждается также проблема перевода реалий и в связи с этим случаи из разряда «ложные друзья переводчика» и случаи неполной эквивалентности. Например, русское *поставить на карту что-л.* и немецкое *etw.aufs Spiel setzen*, близкие по внутренней форме и компонентному составу, неидентичны по своему актуальному значению: русская идиома может употребляться только в контекстах, в которых речь идет о риске с надеждой на определенный успех; значение немецкой идиомы не содержит этого признака. Поэтому данные идиомы эквивалентны лишь в контекстах нейтрализации. Говоря о типах и модусах перевода, автор рассматривает «словный» перевод, буквальный, филологический и адаптивный и др. Автор обрисовывает теорию перевода как область приложения результатов сопоставительного анализа языков (в первую очередь лексических систем).

Проблема непереводаемого в переводе рассматривается при опоре на положения В. Г. Гака относительно принципов перевода художественных текстов прошлых эпох. Д. О. Добровольский уточняет типологию переводов, обсуждает границы переводаемого, а также высказывается по поводу трудностей художественного перевода, связанных с динамикой узуса. Анализ «непереводаемого» проводится в книге на материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот», который изобилует трудными для перевода языковыми выражениями, и его трех переводов на немецкий язык.

Проблема «непереводаемого» рассматривается также на примере прозы Пушкина, которая анализируется с точки зрения того, как передаются в переводе на немецкий язык отклонения от современного узуса, и ставится вопрос, как вообще возможно переводить случаи, когда заданный смысл выражается необычным с точки зрения современных норм способом. Например, семантические сдвиги обнаруживаются в употреблении глагола *препровождать к кому-л.* в значении 'посылать кому-л.', *запомнить* значениями 'вспомнить' и др. Если в переводе подобные особенности игнорируются, то, как считает автор, «с точки зрения стратегии смысла ничего страшного не происходит, однако с точки зрения стратегии формы в таких случаях теряется один из доминантных признаков переводаемого текста» (с. 321). Растущее значение стратегии формы в литературном переводе автор связывает с тенденцией к максимально бережному отношению к средствам оформления эстетической информации оригинала, что достигается лингвистической адекватностью перевода. Вопросы, связанные с функционированием фразеологизмов в художественных произведениях и с их переводом, обсуждаются в разделе, написанном на немецком языке; материалом служит проза Пушкина и Достоевского (идиомы типа *возлагать надежды, составить счастье, царствовать, впасть в бесчувственность* и т. п.). Трудности перевода автор связывает с образной составляющей идиом и с прагматической нагрузкой в контексте.

Часть 2 книги «Лексические структуры больше слова» включает четыре главы. В главе 5 «Конструкции немецкого языка» обсуждаются конструкции, которые представляют собой более или менее устойчивые словосочетания, характеризующиеся различной степенью лексикализованности. Среди них сочетания слов, максимально близкие к фразеологизмам, а также словосочетания, которые относятся к области «малого синтаксиса», т. е. явления, находящиеся на границе между лексикой и грамматикой. «Такие единицы образованы по определенным правилам, но эти правила действуют в ограниченных пределах» (с. 365). Наиболее подходящей теоретической основой для рассмотрения этих разнородных феноменов автор считает грамматику конструкций, которая «отказывается от статичного взгляда на язык и подчеркивает динамические аспекты порождения высказывания: неэлементарные составляющие строятся из элемен-

тов, с одной стороны, чувствительных к своему окружению, а с другой — влияющих на сам способ построения синтаксических групп. При таком взгляде на вещи основными единицами языка оказываются не лексемы и не правила, а конструкции разной величины, степени сложности и уровня абстракции» (с. 366).

В книге рассматриваются некоторые нестандартные немецкие конструкции с глаголами движения *laufen*, *fahren*, *fliegen*, *schwimmen* и способы их перевода на немецкий язык. Автор отмечает, что данные глаголы движения (кроме *laufen*) обнаруживают переходные и квазипереходные употребления, не свойственные их русским аналогам: *er hat sie ins Krankenhaus gefahren* 'он отвез ее в больницу' (с. 374), а регулярность способа означивания переходности глаголами движения в немецком языке имеет семантические причины. Однако совмещение в одном глаголе переходности и непереходности не является для немецкого языка «сквозным» принципом организации взаимодействия лексической семантики и синтаксиса.

В разделах, написанных на немецком языке, обсуждаются темпоральные конструкции, которые с точки зрения русского языка обладают определенными особенностями: они указывают на количественную неопределенность, типа *vor Wochen* 'несколько недель тому назад' (с. 383), а также некоторые области фразеологии, которые имеют точки пересечения с грамматикой конструкций и могут быть эффективно описаны в ее рамках, например идиомы (*den Bock zum Gärtner machen*), коллокации (*zum Ausdruck bringen*), ситуативные клише (*guten Tag*), грамматические фраземы (*geschweige denn*) и т. п.

Отдельный раздел посвящен устойчивому и нестандартному с точки зрения соотношения формы и значения словосочетанию немецкого языка — адвербиальной конструкции *vor sich hin*, которая обладает богатой и подвижной семантикой. Автор анализирует контексты, полученные из текстовых корпусов, и систематизирует типы глаголов, которые могут сочетаться с этой конструкцией и образовывать семь типов матричных конструкций. Помимо традиционных лексикографических признаков «обращенности на себя» и «монотонной продолжительности», автор выделяет ряд неучтенных в словарях признаков, например «слабая интенсивность», «неконтролируемость извне», «пассивность», «отрицательная оценка».

В главе 6 «Фразеология: структура и семантика» рассматриваются различные аспекты внутренней организации и функционирования фразеологии, которая представляет собой сложную и мало предсказуемую область лексикона. Языковой материал представлен в главе фрагментарно и отражает стремление автора наметить наиболее важные точки для лексикографического представления фразеологии, соответствующего современному уровню лингвистических знаний. Материалом служат идиомы типа *сыграть в ящик*, *намылить шею*, *удар ниже пояса*. Автор обсуждает гипотезу, согласно которой в ряде случаев идиомы обладают семантической членимостью и проявляют

способность образовывать варианты определенных типов. В таком случае, «чем большей семантической самостоятельностью обладают отдельные компоненты идиомы, тем больше потенциал варьирования ее структуры» (с. 445) и наоборот. Эту гипотезу автор проверяет на материале, опираясь на понятие семантической членности идиомы и явления варьирования в области идиоматики. В главе намечаются типы модификации структуры идиом в дополнение к традиционному противопоставлению «узуальных» вариантов и вариантов «окказиональных»: на основе формальных признаков, семантических и прагматических эффектов, на основе противопоставления регулярных и нерегулярных модификаций. В разделах, написанных на немецком языке, представлен материал, демонстрирующий случаи варьирования немецких идиом и типы модификации их структуры. Особое внимание автор уделяет синтаксическим трансформациям идиоматических структур и условиям их пассивизации — семантическим и грамматическим, обсуждаются также условия образования безличных форм и влияние прагматических факторов на семантические и грамматические модификации. Одним из общих выводов является утверждение автора, что синтаксическое поведение идиом обусловлено не узусом, а представляет собой в высшей степени регулярный феномен, базирующийся на семантике и по большей части предсказуемый.

В главе 7 «Немецкая фразеология в сопоставлении с русской» рассматриваются проблемы сопоставительной фразеологии как с общих позиций, так и в плане практической значимости сравнения фразеологических систем, что находит применение в преподавании иностранных языков, в двуязычной лексикографии, а также в теории и практике перевода. Обсуждая тему межъязыковой эквивалентности, автор отмечает смещение интереса (частично под влиянием развития корпусной лингвистики) от классификации и описания ее типов в сторону выявления индивидуальных особенностей функционирования сопоставляемых идиом в речи, что существенно для совершенствования их лексикографического представления в двуязычных словарях. По мнению автора, материал различных языков показывает, что «подлинной эквивалентности во фразеологии практически не существует» (с. 536). Далее фразеологизмы рассматриваются с точки зрения межъязыковой эквивалентности в переводе и в системе языка. Эквивалентность в переводе идиом — это эквивалентность особого рода, и перевод идиомы, употребленной в тексте оригинала, не обязательно осуществляется с помощью идиомы языка-цели: это может быть отдельное слово, окказиональное образное выражение или перифраза. Поэтому изучение эквивалентности в переводе расширяет представления о возможностях межъязыкового перефразирования, а также о роли контекстных условий для подбора адекватного соответствия и способствует развитию как теории перевода, так и сопоставительной фразеологии. Идеальной

эмпирической базой автор считает корпусы параллельных текстов и привлекает для анализа текст романа Достоевского «Идиот» и три его различных перевода на немецкий язык. В частности, обсуждается идиома *знать всю подноготную*, которая переводится на немецкий язык различными способами — *bis zum Schwarzen unter dem Nagel unterrichtet sind, in allen Einzelheiten ergründen, alle diese Einzelheiten wissen* (с. 538). Автор считает, что «фразеологизмы (даже в художественном тексте) не имеют самостоятельной ценности» (с. 539). Переводятся смысловые фрагменты текста, а не отдельные лексические единицы. При этом особенности индивидуального стиля автора текста, которые хороший переводчик должен сохранять, не привязаны к фразеологизмам. Исследование эквивалентности в системе языка также расширяет рамки традиционных классификаций и осуществляется по трем основным семиотическим осям: семантике, синтактике и прагматике. На примере такой пары идиом, как русск. *черным по белому* и нем. *schwarz auf weiß*, демонстрируются тонкие семантические различия, которые проявляются в том, что немецкая идиома фокусирует официальный характер документа, «написанного черным по белому», в то время как русское выражение подчеркивает, что речь идет о чем-то абсолютно ясном и понятном. Общий вывод автор книги формулирует следующим образом: между принципиально схожими идиомами сопоставляемых языков L1 и L2 практически всегда обнаруживаются определенные семантические, прагматические и сочетаемостные различия, которые должны быть выявлены и описаны.

Глава 8 «Фразеология в словаре» посвящена проблемам словарного представления фразеологии в двуязычных словарях и принципам создания нового немецко-русского фразеологического словаря, в основе которого лежат данные корпусов текстов. Необходимость создания такого словаря, в котором содержались бы наиболее употребительные современные немецкие идиомы с тщательно подобранными русскими соответствиями с объяснением, позволяющим правильно употреблять эти идиомы в речи, с хорошими аутентичными примерами, снабженными переводом на русский язык, не вызывает сомнения. Возможности корпусной фразеологии, по мнению Д. О. Добровольского, велики: она позволяет выявить степень употребительности выражения, решить вопрос, относится ли данное конкретное выражение к сфере фразеологии или нет, уточнить форму леммы и модели управления, обнаружить новые, не зафиксированные в традиционных словарях варианты, расширить возможности выявления особенностей семантической структуры идиом. Богатый опыт Д. О. Добровольского в лексикографии убеждает в истинности его утверждения, что «корпусные данные в ряде случаев предоставляют в распоряжение лексикографа сведения о структуре и семантике идиом, которыми он не располагал до обращения к корпусу даже на уровне гипотезы» (с. 593).

Рецензия на книгу «Беседы о немецком слове» не может отразить грандиозности и масштабности осуществленного Д. О. Добровольским научного труда, в котором органично сочетаются традиция и новаторство, догадка и эксперимент, широта охвата разнообразной проблематики и тонкость анализа языковых явлений разной степени сложности. Появление данного издания, без сомнения, является знаменательным событием в отечественном гуманитарном знании и ценнейший источник энциклопедических сведений о феномене «немецкое слово» в современной теоретической и прикладной германистике.

С. И. ДУБИНИН

Viktor M. Schirmunski. Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten / Hrsg. und kommentiert von L. Naiditsch. Unter Mitarbeit von P. Wiesinger. Aus dem Russischen übersetzt von W. Fleischer. Frankfurt/M.; Berlin: Peter Lang, 2010. — 832 s.

В истории отечественного языкознания и германистики в частности не так много отмеченных многолетним международным признанием трудов, зарубежные переиздания, переводы и рецепция которых заслуживают отдельного рассмотрения. Благодаря качеству перевода, актуальным комментариям зарубежных коллег эти научные монографии перестают быть только респектируемыми «памятниками научной мысли», перманентно участвуя в международном научном поиске и в трансферте, переживая с годами смены или исчезновение исследовательских, государственно-идеологических парадигм и барьеров.

Новое комментированное переиздание классического труда академика Виктора Максимовича Жирмунского (1891—1971) «Немецкая диалектология» [Жирмунский 1956] в переводе на немецкий язык Вольфганга Фляйшера [Žirmunskij 1962], вышедшее в известном международном научном издательском объединении *Peter Lang*, является в этом отношении, несомненно, знаковым¹.

Первое немецкое издание этой объемной книги, как и оригинал, появившись полвека назад, давно уже стали библиографической редкостью. Монография В. М. Жирмунского (его фамилия на титуле имела непривычную транскрипцию — Žirmunskij) вышла в серии публикаций (том 25) института немецкого языка и литературы Берлинской (Германской) академии наук — головного и самого значительного исследовательского учреждения ГДР (существовала в 1946—1991 гг.). Ее переводчик и редактор В. Фляйшер (1922—1999), в дальнейшем германист с мировым именем, после защиты в 1958 году кандидатской диссертации по ономастике тогда только приступил к работе как старший ассистент в институте немецкой

¹ Интерес к научному наследию В. М. Жирмунского и его продвижение к международной аудитории не иссякает и в контексте литературоведения. Об этом свидетельствует, например, издание коллективного перевода на немецкий язык его первой монографии «Немецкий романтизм и современная мистика» (1914 г.) с комментариями [Žirmunskij 1995].

и германской филологии в университете им. Карла Маркса в Лейпциге, где до этого преподавал русский язык.

Издание 1962 года имело уточняющий подзаголовок «Сравнительная фонетика и морфология немецких диалектов». В. Фляйшер также дополнил, выступив как кропотливый научный редактор, некоторые наличные примечаниями автора (они стали постраничными) и библиографию, перевел названия русскоязычных источников, снабдил монографию алфавитным предметным указателем, что улучшило возможности справочно-поисковой работы с текстом. Все это сам В. М. Жирмунский, хотя объем книги немного увеличился, с удовлетворением отметил в предисловии как согласованные «некоторые исправления и дополнения» [Žirmunskij 1962: XI]. Среди примечаний, иногда подчеркивавших «марксистские позиции» автора (Введение, § 1), было немало ссылок на новые публикации В. М. Жирмунского, обращено внимание и на работы других, неизвестных немецкому читателю советских языковедов, отмеченные новыми деидеологизированными подходами, показательными для постсталинской науки (А. П. Якубинский, И. М. Тронский, Б. А. Серебренников, М. И. Стеблин-Каменский, С. А. Миронов, Т. И. Строева и др.).

Появление фундаментальной монографии В. М. Жирмунского предварила напечатанная в ГДР статья о сравнительной морфологии немецких диалектов [Schirmunski 1961], которую от серии его последних публикаций в довоенной Германии о переселенческих диалектах отделяли около 30 лет². Книга В. М. Жирмунского, став во многом знаковой и для языкознания ГДР, получила высокую оценку в ФРГ³ и на Западе, прочно вошла в университетское преподавание и в научный обиход. Примечательно, что и в наши дни председатель международного общества диалектологов профессор Дитер Штельмахер сделал ее предметом своих публичных лекций в университетах разных стран, которые озаглавил как: «Движение “Немецкой диалектологии” Виктора Жирмунского до нашего времени» [Stellmacher].

Показательно мнение о труде В. М. Жирмунского самих немецких диалектологов, например профессора Альмут Кёниг, научного сотрудника института диалектологии Нижней Франконии университета г. Вюрцбурга (<http://www.udl.germanistik.uni-wuerzburg.de/>),

² Впрочем, в начале 1990-х гг. известный венгерский диалектолог-германист Ганс Юрген Хуттерер опубликовал в небольшом издательстве оригинальный сборник работ В. М. Жирмунского — своего научного руководителя по кандидатской диссертации, снабдив его предисловием. Он включает монографию «Немецкие колонии на Украине» (1928 г.) и 13 немецкоязычных статей 1926—1931 гг. по проблемам изучения диалектов и этнографии российских немцев (некоторые в соавторстве с его учениками) [Schirmunski 1992].

³ В 1956 г. он был принят членом-корреспондентом в Академию наук ГДР, а в 1970 г. стал членом-корреспондентом Баварской Академии наук (Мюнхен, ФРГ).

присланное нам в связи с подготовкой данной рецензии (перевод наш. — С. Д.). Она отмечает: «“Немецкая диалектология“ Жирмунского и сегодня, более чем 50 лет после публикации, остается непревзойденным справочным изданием. Так, все шесть томов нашего атласа Нижней Франконии (Sprachatlas von Unterfranken: SUF)⁴ приводят это произведение в рубрике “цитируемая литература”. “Немецкая диалектология“ — это первопроходческий труд. В то время как диалектологи, для которых немецкий является родным языком, исследовали отдельные диалекты и ареалы или определенные лингвистические разделы, Жирмунский решился — вероятно, он обладал как не носитель языка необходимой дистанцией — обратиться к фонетико-морфологическому изучению всего немецкоязычного пространства в комплексе. Для меня “Немецкая диалектология“ незаменима прежде всего в аспекте фонетики, если я хочу получить информацию о развитии определенного звука в каком-то конкретном диалекте, а также во всем немецкоязычном пространстве».

Новая книга вышла под редакцией Ларисы Эриковны Найдич, известного филолога-германиста, кандидата филологических наук, специалиста по диалектологии и истории немецкого языка, ученицы по Ленинградскому университету соратников В. М. Жирмунского — Татьяны Викторовны Строевой (Сокольской) (1907—1981) и Льва Рафаиловича Зиндера (1903—1995). Она работала научным сотрудником Отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований ИЛИ РАН, где В. М. Жирмунский был долгие годы заведующим сектором индоевропейских языков и где возникла идея переиздания его труда. Группа сотрудников ИЛИ РАН также приняла участие в кропотливой технической корректуре издания 2010 года. С 1993 года Л. Э. Найдич — доцент кафедры лингвистики гуманитарного факультета Иерусалимского университета (<http://ling.huji.ac.il/>). Примечательно, что ее научные интересы — исследование немецких диалектов в России — перекликаются с ранними изысканиями В. М. Жирмунского по островной диалектологии в СССР, во многом заложившими фундамент его германистических штудий.

В трехчастном обширном (с. 3—36) предисловии (*Биография ученого. Жирмунский как исследователь островных диалектов. Монография Жирмунского «Немецкая диалектология»*), детально рассказывающем о жизненном пути и научном творчестве В. М. Жирмунского как языковеда-энциклопедиста⁵, Л. Э. Найдич не только дает комплексную

⁴ Издание являлось частью мега-проекта «Баварского атласа»: Sprachatlas von Unterfranken / Hrsg. von Norbert Richard Wolf und Sabine Krämer-Neubert. Heidelberg: Winter, 2003—2008. Bd 1—6.

⁵ Интерес к формированию в контексте эпохи личности и взглядов будущего германиста и филолога широкого профиля отражает недавняя публикация документов из личного архива В. М. Жирмунского [Жирмунский 2013].

оценку его трудов в истории лингвистики. Отмечается особое теоретическое предвидение ученого и методологическая глубина его теорий. Высоко оценивается место «Немецкой диалектологии» в общих диалектологических европейских штудиях, отмечается широкий и своеобразный контекст зарождения и развития диалектологических изысканий В. М. Жирмунского и порождаемых ими идей и гипотез. С одной стороны, это глубокая критическая рецепция работ зарубежных диалектологов и научных школ⁶, ставшая возможной в ситуации начавшейся в СССР «оттепели», с другой — умелое и вынужденное для советского ученого «оперирование» постулатами и источниками марксизма («Франкский диалект» Ф. Энгельса), например в исследовательском поле социолингвистики, что оказывается в итоге вполне продуктивным для диалектологии. Научная лаборатория В. М. Жирмунского как уникальный феномен отечественной филологии показана в ее развитии, импульсы которого поддерживаются поколениями учеников и последователей.

Дополнением к предисловию является небольшой очерк о переводчике монографии В. М. Жирмунского — профессоре Вольфганге Фляйшере, человеке с поразительной биографией, связанной, в частности, с Россией. После участия в войне и освобождения из трехлетнего советского плена, где он освоил русский язык, Фляйшер в 1952—1956 гг. изучал германистику в Лейпцигском университете, с которым в дальнейшем связана вся его научная деятельность. В. Фляйшер был активным проводником сотрудничества германистов ГДР и СССР, руководил подготовкой диссертаций советских аспирантов, был лично знаком с В. М. Жирмунским.

В переиздании немецкой версии «Немецкой диалектологии» 2010 года появились дополненный и модифицированный по сравнению с публикацией 1962 года предметный и новый именной указатели. Модернизация коснулась и терминов, некоторые из которых снабжены современными эквивалентами. В результате монография приобрела функциональные черты современного научного гипертекста.

Отдельно следует отметить объемный и глубокий комментарий (№ 1—130) к переизданию перевода монографии В. М. Жирмунского. Здесь ко многим идеям и понятиям Л. Э. Найдич дает их современную трактовку, указывается на широкий спектр новых работ (также на электронные корпуса, интернет-ресурсы и дигитализированные проекты) по той или иной теме, на то, что было уточнено и развито учеными разных стран, в частности учениками В. М. Жирмунского (см. № 26). Например, в первых сносках делается попыт-

⁶ В этом отношении своеобразным предшественником «Немецкой диалектологии» стал отредактированный В. М. Жирмунским сборник переводных работ (автором их являлась супруга ученого — Н. А. Сигал) ведущих представителей немецкой диалектографии [Немецкая диалектография 1955].

ка объяснить некоторые постулаты В. М. Жирмунского, обусловленные временем написания его книги — 1950-е гг. (о Ф. Энгельсе, о Н. Я. Марре и др.). Автор постаралась сделать это так, чтобы читатель мог уловить логику исследовательской мысли В. М. Жирмунского, направление дальнейшего чтения его труда, указав на новые и на традиционные теории, на то, что его гипотезы действительно получили проверку временем.

Отдельные сноски посвящены ключевым вопросам диалектологии и смежных аспектов языкознания. Так, в сносках № 13, 30 и 50 представлены факты и краткий обзор работ о немецких языковых островах. Эта информация, затрагивавшая также трагические судьбы немцев СССР, практически не вошла по идеологическим соображениям в текст 1956 г. В сносках № 19, 35 кратко дается необходимый обзор традиций и новых направлений развития диалектологии, идей отечественных и зарубежных ученых, их пересечений. В сносках № 20—21 сказано об акцентуации и признаках долготы и краткости гласных, а в сноске № 47 представлен краткий обзор трактовки второго перебора согласных. Следует также отметить чрезвычайно фундированные сноски № 72 (о формах множественного числа в диалектах) и № 93 (об артикле). В этом аналитическом контексте В. М. Жирмунский позиционируется уже и как зачинатель многих новых направлений языковедения: контактной лингвистики, вариантологии, коллоквиалистики.

Обширный список литературы к изданию 2010 года (с. 783—832) рубрицирован и очень информативен, включая, помимо научных публикаций, диалектологические библиографии, перечень важнейших опубликованных и электронных атласов, веб-ресурсов и словарей немецких говоров. Широко представлены здесь и работы отечественных исследователей.

Наконец следует отметить участие как соавтора и консультанта в переиздании книги В. М. Жирмунского крупнейшего диалектолога — профессора Венского университета Петера Визингера.

Новая публикация книги В. М. Жирмунского как важное научное событие вызовет несомненный интерес у широкого круга лингвистов и филологов.

Литература

- Жирмунский 1956 — *Жирмунский В. М.* Немецкая диалектология. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- Жирмунский 2013 — *Жирмунский В. М.* Начальная пора: Дневники. Переписка / Публ., вступит. ст., коммент. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Немецкая диалектография 1955 — *Немецкая диалектография*. Сборник статей / Ред. В. М. Жирмунский; пер. с нем. Н. А. Сигал. М.; Л.: Изд-во иностранной литературы, 1955.

- Schirmunski 1961 — *Schirmunski V. M.* Zur vergleichenden Formenlehre der deutschen Mundarten (Gesetzmäßigkeiten und Formenentwicklung) // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle (Saale), 1961. Bd 82 (Sonderband). S. 297—311.
- Schirmunski 1992 — *Schirmunsk V.* Linguistische und ethnographische Studien über die alten deutschen Siedlungen in der Ukraine, Rußland und Transkaukasien / Hrsg. von Claus-Jürgen Hutterer. München: Verlag Südostdeutsches Kulturwerk, 1992.
- Stellmacher — *Stellmacher D.* Der Gang der „Deutschen Dialektologie“ von Viktor Schirmunski bis heute. URL: http://deu.kspu.ru/get-file/der_gang.pdf/dieter_stellmacher_gttingen_-_der_gang_der_deutschen_dialektologie_von_viktor_schirmunski_bis_heute.pdf
- Žirmunskij 1962 — *Žirmunskij Viktor M.* Deutsche Mundartkunde: Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten. Aus dem Russischen übersetzt und wissenschaftlich bearbeitet von W. Fleischer. Berlin: Akademie-Verlag, 1962.
- Žirmunskij 1995 — *Žirmunskij Viktor M.* Deutsche Romantik und moderne Mystik. Aus dem Russischen von I. S. Alexejeva, A. W. Belobratow und A. I. Žerebin. St. Ingbert: Röhrig, 1995.

А. В. КУЗНЕЦОВ

**Основные понятия немецкоязычного
переводоведения: терминологический словарь
справочник / РАН ИНИОН.**

Центр гуманитар. науч.-информ. исслед.

Отд. языкознания; отв. ред. и сост. М. Б. Раренко.

М., 2013. — 258 с.

Рецензируемый словарь-справочник содержит основные термины и понятия современного переводоведения, активно используемые в немецкоязычных работах по теории перевода. Он предназначен для специалистов в области теории и практики межкультурной коммуникации и перевода, а также для специалистов смежных лингвистических дисциплин и других направлений гуманитарного знания. Словарь также может быть рекомендован в качестве универсального справочного пособия для студентов переводческих и лингвистических специальностей, поскольку позволяет достаточно быстро освоить основные переводческие термины.

Публикация данного словаря является чрезвычайно своевременной и ожидаемой. В предисловии к словарю авторы справедливо отмечают, что в середине XX в. осмысление переводческой деятельности привело к созданию отдельной научной дисциплины, которая получила название «теория перевода». Специалистами в данной области на протяжении 50 лет был выработан особый терминологический аппарат. Многие термины при этом постоянно уточнялись или приобретали новое значение, что со временем вызвало определенное «расшатывание» терминологического аппарата: многие теоретики перевода используют одни и те же термины в разных ситуациях и наполняют их разным содержанием. Задача данного словаря-справочника, по задумке авторов, заключается в том, чтобы представить современное состояние немецкоязычного переводоведения, отразить реальную ситуацию терминопотребления, осознать существующие в переводческой терминологии противоречия и выработать пути их преодоления.

Уникальность данного словаря-справочника заключается в том, что он не рассчитан исключительно на специалистов, работающих с немецким языком. Напротив, изложенные в нем достижения немецкой переводоведческой мысли могут быть полезны каждому теоретику или практику перевода. Научная мысль немецких теорети-

ков перевода является одной из самых авторитетных в мире и берет свое начало еще в опубликованном Мартином Лютером «Письме переводчикам». Уже в XV—XVI веках немецкие практики перевода осознавали, какую роль при переводе играет соотношение структур и функциональных стилей двух языков, участвующих в процессе перевода, и активно применяли языковые преобразования, которые сегодня называют переводческими трансформациями: изменяли порядок слов, применяли описательный перевод отдельных слов оригинала, вводили дополнительные союзы и другие связки, выработали методы компенсации утраты метафоричности и т. д. В настоящее время существует целый ряд школ перевода, широко известных за пределами Германии и других немецкоязычных стран: лейпцигская школа перевода во главе с Каде, австрийская школа и другие. Таким образом, знакомство с немецкой переводоведческой традицией представляется необходимым для любого специалиста, профессионально занимающегося вопросами теории и практики перевода. В данном отношении рецензируемый словарь можно считать незаменимым, поскольку он в компактной, удобной для восприятия форме знакомит читателя с основными достижениями немецких теоретиков перевода.

Авторы не ставили перед собой задачу отразить все понятия и термины современного немецкого переводоведения, а опирались на принцип частотности использования терминов и понятий в работах по теории перевода, написанных на немецком языке. Благодаря такому подходу авторскому коллективу удалось избежать перегрузки словаря избыточной информацией. Объем словарных статей определяется значимостью термина или понятия, а также его разработанностью в немецкоязычной теории перевода.

Особую ценность в рамках данного справочника представляет статья **Geschichte der Übersetzungstheorie**. В ней в сжатом, компактном виде представлен весь процесс становления и развития переводческой мысли в Германии и национальных переводческих традиций на основе анализа множества источников. Авторы начинают изложение истории немецкого переводоведения с одного из «стихийных» теоретиков перевода, Ноткера Немецкого, подробно излагают зарождение немецкоязычной теории перевода в Средние века и Новое время и заканчивают статью обзором всех важнейших школ перевода, существующих в современной Германии. Данная статья может быть рекомендована к прочтению всем студентам, изучающим основы переводоведения на материале немецкого языка.

Разнообразный иллюстративный материал, приведенный в качестве примеров к различным словарным статьям, отражает обширный опыт авторов как в практике перевода, так и в преподавании теоретических основ переводоведения. Так, в статье о ложных друзьях переводчика приводятся почти все наиболее распространенные единицы, которые могут вызвать у переводчика трудности из-

за сходного или аналогичного звучания в разных языках (*Magazin, bekommen, Sturm, Galanterie, Kostüm* и др.). В статье о коллокациях авторы не только приводят примеры повторяющихся комбинаций лексических единиц немецкого языка (*starker Raucher, den Tisch decken, eingefleischter Junggeselle*), но и отдельно указывают на то, что ни один словарь в настоящее время не содержит исчерпывающего перечня всех коллокаций определенного языка. При возникновении трудностей авторы предлагают переводчикам обращаться к корпусам текстов или поисковым системам.

Очевиден также потенциал использования рецензируемого словаря-справочника в учебных целях. Например, в статье о переводческих приемах авторы описывают все приемы перевода, наиболее часто упоминаемые в специальной немецкоязычной литературе, посвященной проблемам перевода: адаптацию, описательный перевод, калькирование, смысловое развитие, подстановку, транскрибирование, транспозицию, пословный перевод и т. д. Каждый переводческий прием снабжен подробным комментарием и несколькими примерами, наглядно демонстрирующими сущность данного приема. В статье о видах перевода приводится полная типология различных форм и методов перевода. Статьи о лексических лакунах и безэквивалентной лексике содержат информацию о способах элиминирования данных явлений, которые в немецком переводе считаются отдельной, специфической группой переводческих приемов.

Наконец, одним из важнейших компонентов словаря-справочника является завершающий его список немецкоязычной литературы по проблемам перевода. В его состав входит 398 наименований, что свидетельствует о фундаментальности проделанной авторским коллективом работы.

В целом рецензируемый словарь-справочник представляется несомненной удачей авторского коллектива: он написан простым, доступным языком, отличается от похожих изданий большим охватом качественного иллюстративного материала и тщательным анализом значительного количества источников.

Данное издание, без сомнения, вызовет интерес специалистов в области теории, практики и истории перевода, равно как и лингвистов самого широкого профиля, а также будет востребован в вузовской практике.

О. И. ТАЮПОВА

Л. И. Гришаева. Теоретическая грамматика немецкого языка, изложенная в форме тезисов и ключевых слов: Учебные материалы к курсу лекций (на немецком языке). Theoretische Grammatik des Deutschen in Stichworten. 2-е изд., испр. и доп. Воронеж, 2013. — 400 с.

Рецензируемое учебное пособие представляет собой издание, существенно отличающееся от всех имеющихся учебников и учебных пособий вообще и учебников и учебных пособий по теоретической грамматике немецкого языка в частности. Главные его отличия заключаются в следующем:

— в его основе лежит компетентностный принцип, зафиксированный в качестве ведущего в новейших федеральных образовательных стандартах;

— пособие ориентировано на различные уровни подготовки обучающихся в высшем учебном заведении, что маркируется специальными значками и позволяет и преподавателям, читающим данный курс, и обучающимся разных ступеней (бакалаврам, магистрам, аспирантам) реализовывать индивидуальные стратегии при освоении соответствующего проблемного поля;

— пособие нацелено на осмысление проблематики, а не на воспроизведение некоторого комплекса сведений. Поэтому в нем нет обычного для учебников сложного научного текста, а представлена содержательная структура проблемного поля, имеются алгоритмы анализа определенных вопросов и даются матрицы сравнения разных подходов к их изучению, объясняются корреляции между константными и вариативными для определенного явления факторами, раскрываются принципы формулирования обобщений из наблюдений над эмпирическим материалом;

— оно содержит образцы описания практического материала, благодаря чему развиваются аналитические навыки и умения;

— в нем имеются тесты обучающего и контролирующего характера;

— этим пособием обучающие могут пользоваться самостоятельно при освоении тех или иных тем с разной степенью глубины.

Такая форма организации сложного теоретического материала весьма интересна и способствует развитию навыков самостоятельно-го мышления, что в информационном обществе чрезвычайно важно, поскольку, во-первых, эти навыки можно переносить на другие виды интеллектуальной и практической деятельности, и, во-вторых, они позволяют студенту оставаться успешным в разных учебных пространствах, что в условиях академической мобильности очень значимо.

Хотелось бы назвать еще одну особенность пособия, которая выгодно отличает его от уже имеющихся. Многие академические аспекты, которые в подавляющем большинстве случаев остаются за скобками и теоретического курса, и тем более учебников, здесь тщательно разработаны в интересах обучающихся, которые должны уметь анализировать, выбирать для анализа теоретического и эмпирического материала определенный исследовательский прием, анализировать теоретическую проблему, видеть связи между отдельными теоретическими положениями, уметь формулировать выводы и определять следствия из разных подходов к одному и тому же явлению. Обучающиеся учатся компримировать информацию, формулировать закономерность, иллюстрировать ее разноуровневым материалом, определять объяснительную силу той или иной концепции.

Кроме того, учебный материал четко структурируется, причем внимание уделяется константным для некоторой теории положениям и факторам, обуславливающим разные подходы к явлению. Поэтому данное пособие могут использовать ученые, имеющие свое видение курса теоретической грамматики, — их индивидуальная позиция будет вполне вписываться в предложенную логику изложения теоретических проблем.

Следует также подчеркнуть, что автор рецензируемой работы, Л. И. Гришаева, весьма уважительно относится к классическим пособиям по теоретической грамматике немецкого языка, изданным не только в России (Советском Союзе), но и в Германии. Благодаря этому в пособии устанавливается в качестве закономерной связь между классическими интерпретациями обсуждаемых явлений и новейшими данными в области теоретической грамматики. Привлекательной является также форма презентации информации — тезисы, что позволяет обучающимся самостоятельно формулировать мысль и тем самым лучше усваивать необходимые научные сведения.

Таким образом, рецензируемое пособие является современным и фундаментальным по своему содержанию и принципам изложения сведений, являющихся обязательными и/или факультативными для обучающихся той или иной ступени, и достаточно легким для восприятия и обеспечения прочного запоминания самостоятельно познанных закономерностей. Моя уверенность основывается на том, что данное пособие, точнее его первое издание, было апробировано в течение нескольких лет в разных российских университетах.

Не могу не назвать и недостатки пособия, какими я их вижу после внимательного изучения работы. Это, в первую очередь, разная степень проработанности отдельных тем. Так, тема «Существительное» получила очень тщательно и многосторонне разработанные теоретические тезисы, снабженные анализом эмпирического материала, однако другие темы так и остались представленными предельно лаконично, например тема «Парадигматика в синтаксисе».

Не совсем понятно, почему анализируются только некоторые системы моделей предложений, хотя следует признать, что основные подходы к моделированию описаны обоснованно.

Думается, что ряд грамматических теорий стоило бы изложить более детально, поскольку многие и многие публикации, на которые ссылается автор, в отечественных вузах явно недоступны.

Хотелось бы также, чтобы автор более активно и явно излагал свою точку зрения, которая в подавляющем большинстве случаев, конечно же, угадывается в логике отбора и структурировании учебного материала, в способах организации матриц сравнения, в эксплицировании содержательной структуры каждой проблемы и пр.

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА
Ежегодник Российского союза германистов

Том XI

Корректор Е. Сметанникова

Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой

Художественное оформление переплета О. Максимовой

Подписано в печать 27.09.2014. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. печ. л. 20. Тираж 450. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».

№ госрегистрации 1037739118449.

Издательство «Знак». № госрегистрации 1027701010435

Phone: **8-495-959-52-60**. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4

